С. МЕЛЬГУНОВЪ.

Церковь и государство въ Россіи.

Въ переходное время.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
(1907—1908 гг.).

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА —1909.

Библиотека ОФХ
Академии Наук СССР
756
39

ОТЪ АВТОРА.

Сочувственное отношеніе, съ которымъ въ общемъ былъ встрѣченъ печатью первый сборникъ статей автора, даютъ ему нѣкоторое право выпустить и второй сборникъ.

Если въ первомъ сборникѣ выпускъ въ свѣтъ газетныхъ статей мотивировался тѣмъ, что въ моментъ, когда вопросъ о регламентаціи взаимныхъ отношеній церкви и государства въ Россіи стоялъ на очереди, не безполезно было оглянуться на прошлое и хоть въ общихъ чертахъ набросать картину господствовавшихъ порядковъ, то и теперь тѣ же въ сущности мотивы руководятъ авторомъ.

Правда, коренную реформу взаимныхъ отношеній церкви и государства приходится, очевидно, отложить въ дальній ящикъ. При существующей политической коньюнктурѣ нечего говорить, конечно, объ осуществленіи въ жизни въ полномъ объемѣ принципа религіозной свободы. Старый порядокъ все еще торжествуетъ, слѣдовательно, видимо, нѣтъ и основаній спѣшить съ выпускомъ сборника газетныхъ статей въ необработанномъ видѣ. Но отнюдь не надѣясь на проведеніе коренной реформы, мы можемъ, тѣмъ не менѣе, ожидать въ ближайшемъ будущемъ осуществленія нѣкоторыхъ паллативовъ, предложенныхъ въ министерскихъ законопроектахъ о свободѣ совѣсти. Эти законопроекты будутъ подвергнуты фильтраціи въ нашемъ законодательномъ учрежденіи. Но какъ показалъ опытъ, фильтрація эта въ третьей Государственной Думѣ слишкомъ скромна: въ ней затрогивается преимущественно техническая сторона дѣла, а не основные принципы. Между тѣмъ нѣтъ ни одной журнальной статьи, которая подвергала бы критикѣ министерскіе законопро-

екты. Вотъ соображенія, нѣсколько оправдывающія, быть-можетъ, появленіе нашихъ статей въ настоящее время въ отдѣльномъ изданіи

Кто беретъ эту книгу, тотъ долженъ помнить, что она представляетъ собой собраніе только газетныхъ статей. Цензурныя условія часто не позволяли своевременно откликнуться на многія злободневные вопросы — отсюда и неизбѣжные въ сборникѣ пропуски.

Но мы все же думаемъ, что читатель и при такихъ условіяхъ найдетъ въ нашемъ сборникѣ нѣкоторыя, быть-можетъ, и не безполезныя указанія. Эту только цѣль и преслѣдуетъ авторъ, выпуская отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ своихъ газетныхъ статей, печатавшихся преимущественно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, отчасти въ *Кіевскихъ Вѣстяхъ*, *Товарищѣ* и др. органахъ и приведенныхъ въ отдѣльномъ изданіи въ нѣкоторую систему.

Въ увѣренности, что русская жизнь вскорѣ вновь вернется въ то русло, по которому было потекла въ послѣдніе годы, мы озаглавили свой сборникъ «Въ переходное время».

1 февраля 1909 г.

ВЪ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

Свободная Церковь въ свободномъ государствѣ.

(Вмѣсто предисловія).

Культурнымъ завоеваніемъ нашего времени является идея равноправія религій. Полное невмѣшательство государственной власти въ область религіознаго самосознанія народной массы — таковъ идеалъ правового государства. Государству, какъ таковому, нѣтъ дѣла до отношенія человѣка къ божеству, пока эти отношенія не переходятъ въ сферу общегосударственныхъ правоотношеній. Обезпечивая каждому гражданину неприкосновенность основныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, государство путемъ закона, конечно, гарантируетъ и неприкосновенность религіозной свободы. Лишь посягательства на религіозную свободу, сопряженныя съ общимъ нарушеніемъ гражданской свободы, должны являться объектомъ государственнаго воздѣйствія.

Карательныя функціи государства, ограниченныя рамками совершеннаго дѣянія безотносительно къ вѣроисповѣданіямъ, не затрогиваютъ, такимъ образомъ, сферы религіознаго мышленія.

Ни одна церковь не пользуется никакими прерогативами и особой поддержкой со стороны государственной власти. Равно охраняя религіозную свободу представителей всѣхъ безъ исключенія вѣроисповѣдныхъ группъ, признавая и атеизмъ, государство совершенно отдѣляетъ себя отъ вѣроисповѣдныхъ интересовъ и окончательно сбрасываетъ съ себя старую оболочку теократической опеки.

Идея отдѣленія церкви отъ государства, начерченная на знамени всѣхъ прогрессивныхъ политическихъ партій, выливается въ жизнь въ форму организаціи

«свободной церкви въ свободномъ государствѣ». Этотъ лозунгъ, представляя широкій просторъ для самодѣятельности автономныхъ церквей, для развитія живительныхъ началъ, заложенныхъ въ той или другой церковной организаціи, избавляетъ государство отъ опаснаго вліянія реакціоннаго клерикализма и господства другихъ нежелательныхъ сектантскихъ доктринъ. Такое опредѣленіе взаимныхъ отношеній церкви и государства является лучшей охраной государственныхъ интересовъ и гарантіей дѣйствительнаго осуществленія свободы совѣсти.

Идея господствующей церкви въ правовомъ государствѣ является пережиткомъ стараго времени, когда религія и политика были связаны неразрывными узами, когда религія служила орудіемъ властвованія. Полицейское государство въ своемъ необъятномъ поползновеніи подвергнуть возможно тщательной регламентаціи всѣ жизненныя отношенія общественнаго организма подвергало опекѣ и церковь, убивая въ ней всякую самостоятельность и самодѣятельность. Первенствующая церковь, признанная государственной, при старомъ режимѣ превращалась въ мертвенное учрежденіе.

Церковь сдѣлалась одной изъ отраслей бюрократическаго управленія, однимъ изъ многочисленныхъ департаментовъ сложнаго государственнаго механизма. Она впитала въ себя идеи стараго режима и сдѣлалась консервативной силой, охраняющей своимъ духовнымъ авторитетомъ одряхлѣвшіе устои общественной жизни. Она явилась врагомъ свободы и защитницей безправія. Умаляя авторитетъ церкви, унижая ее, какъ носительницу «божественной истины», развращая ея представителей, государственная власть путемъ полицейской опеки стремилась обезпечить неприкосновенность первенствующей церкви, въ господствѣ которой она видѣла до времени твердый оплотъ для своихъ реакціонныхъ выступленій. Отсюда проистекали всѣ мѣры репрессіи противъ инако мыслящихъ. Свободы совѣсти въ полицейскомъ государствѣ не могло быть.

При такомъ режимѣ жила Россія до послѣдняго времени. Нынѣ она готовится[1]) перейти къ новому

[1]) Это было писано, когда реакціонныя тучи сгущались, но все же, когда мы были очень далеки отъ той эпохи всеобщей ликвидаціи освободительнаго движенія, которую переживаемъ нынѣ.

строю, къ торжеству права и свободы. Осуществленіе великаго принципа религіозной свободы является одной изъ самыхъ неотложныхъ задачъ народнаго представительства. Реформируя существующія церковно-государственныя правоотношенія, отечественное законодательство должно итти по пути достиженія идеала отдѣленія церкви отъ государства.

Врядъ ли, однако, представляется достижимой въ наши дни коренная реформа установившихся отношеній между государствомъ и господствующей церковью. Сплетеніе въ русской жизни отношеній церковныхъ и государственныхъ, многолѣтняя опека государства надъ церковью, историческая традиція, неподготовленность значительнаго большинства русскаго общества къ воспріятію идеи полнаго отдѣленія церкви отъ государства, — все это не даетъ возможности добиться осуществленія въ ближайшемъ будущемъ принципа раздѣльности церкви и государства.

Пусть наши законодатели признаютъ временное сохраненіе за первенствующей церковью ассигнованій на ея нужды изъ государственнаго бюджета [1]) Но этой матеріальной поддержкой и должны ограничиваться взаимныя отношенія между первенствующей церковью и государствомъ. Нынѣ господствующая церковь должна быть немедленно освобождена отъ прежней государственной опеки; она должна быть церковью автономной, самоопредѣляющейся и самоуправляющейся. На ряду съ уничтоженіемъ государственной опеки уничтожаются и монополіи господствующей церкви,—монополіи пропаганды и уголовной охраны. Организованная на такихъ началахъ, господствующая церковь въ правовомъ государствѣ не будетъ воплощать въ себѣ идеи насилія надъ религіозной совѣстью, какъ это было за все истекшее время. По отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ будетъ признана идея равноправія, и истина будетъ торжествовать внутреннею своею силой.

Такова въ общихъ чертахъ компромиссная программа, которую можно предложить на ближайшее будущее отечественному законодателю. Ее и предлагаетъ партія «народной свободы», какъ можно было су-

---

[1]) Этому вопросу ниже посвящены спеціальныя статьи.

дить изъ опубликованныхъ въ свое время въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* тезисовъ, выработанныхъ церковной комиссіей при московскомъ отдѣленіи центральнаго комитета партіи.

Интересно сопоставить съ этой программой программу реформы отношенія государственной власти къ господствующей церкви, выработанную въ правительственныхъ сферахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, представители отжившаго режима остались, по выраженію Герцена, на «старомъ берегу». Опубликованныя одновременно съ указаннымъ проектомъ предположенія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, внесенныя на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, стоятъ всецѣло на почвѣ принципіальнаго пріоритета господствующей церкви. «Неуклонно проводя въ жизнь дѣйствіе Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, правительство, — гласитъ первый пунктъ предположеній оберъ-прокурора,—обязано силой Основныхъ Законовъ неизмѣнно стоять на-стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ». Это—точка зрѣнія стараго полицейскаго государства, которое, не преслѣдуя по буквѣ закона за мнѣнія о вѣрѣ, въ жизни устанавливало средневѣковую религіозную нетерпимость, стоя «на-стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви».

Правительственныя предположенія не опредѣляютъ намъ содержанія «правъ и преимуществъ православной церкви». Неужели, укрѣпляя «начала вѣротерпимости и свободы совѣсти», правительство почитаетъ по-старому своей священной обязанностью охранять неприкосновенность господствующей церкви путемъ полицейскаго воздѣйствія на религіозныя убѣжденія гражданъ, путемъ предоставленія исключительно лишь первенствующей церкви монополіи религіозной пропаганды, путемъ оставленія существующаго нынѣ и послѣ объявленія свободы совѣсти цикла карательныхъ мѣръ за совращеніе и тому подобныя «преступныя дѣянія» съ точки зрѣнія стоящихъ на-стражѣ «правъ и преимуществъ православной церкви»? Неужели уголовная охрана и право обращаться къ содѣйствію полицейскихъ властей по-старому входитъ въ кругъ «преимуществъ» господствующей церкви?

Такое пониманіе «правъ и преимуществъ православной церкви» нарушаетъ элементарное представленіе о свободѣ совѣсти; оно убиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и идею свободной церкви. Правительственная программа, обѣщая ограждать «интересы православія въ соотвѣтственной области церковно-государственныхъ правоотношеній», говоритъ одновременно и о полной свободѣ (п. 2) «внутренняго управленія и самоустроенія . Но вѣдь эта автономія является фикціей при той спаянности государственной власти съ господствующей церковью, о которой говорятъ наши Основные Законы. Государственная власть, объявленная блюстительницей и устроительницей не только церковно-общественныхъ отношеній, но и догматики, согласно теоріямъ еще московскихъ книжниковъ, воспринятыхъ изъ Византіи, сохраняетъ эти функціи и въ XX вѣкѣ. По правительственной программѣ государственная власть должна содѣйствовать проведенію въ жизнь постановленій предстоящаго помѣстнаго всероссійскаго собора *по мѣрѣ государственной въ томъ необходимости*

Что значитъ содѣйствіе осуществленію церковныхъ предначертаній? Это равносильно вмѣшательству государственной власти въ дѣла церковной организаціи и наложенію прежней опеки на религіозную жизнь гражданъ.

Но идеи стараго порядка неосуществимы въ новомъ строѣ. Выработанная правительствомъ программа непригодна для истинно-конституціоннаго государства.

2 февраля 1907 г.

Правительственный законопроектъ о свободѣ совѣсти.

(Въ періодъ второй Государственной Думы).

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* приведены основныя положенія разработаннаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и внесеннаго на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроекта «объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ». Это — удивительный документъ канцелярскаго творчества, весь сотканный изъ противорѣчій.

Исходя изъ признанія началъ свободы совѣсти, проектъ устанавливаетъ что право проповѣди должно быть предоставлено всѣмъ признаннымъ въ имперіи вѣроисповѣданіямъ, а посему подлежатъ отмѣнѣ статьи нынѣ дѣйствующаго закона, которымъ право проповѣди предоставляется лишь господствующей церкви. Такова уступка теоріи. Но вѣдь «право свободной проповѣди», предоставленное инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, можетъ обратиться «въ орудіе борьбы этихъ исповѣданій съ православной церковью»? Правительство не можетъ допустить такихъ дѣйствій, нарушающихъ «интересы» государства. Въ виду послѣднихъ соображеній проектъ признаетъ необходимымъ сохранить и впредь дѣйствіе ст. 90 Угол. Улож., «устанавливающей уголовную отвѣтственность лицъ, виновныхъ въ произнесеніи или чтеніи публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или публичномъ выставленіи сочиненія, или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или ученіе, или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ».

Интересно было бы знать, какимъ путемъ министерство предполагаетъ опредѣлить, когда публично произнесенная проповѣдь является дѣйствіемъ уголовно-наказуемымъ, т.-е. направленнымъ на совращеніе православныхъ, и когда не составляетъ преступнаго дѣянія? Очевидно, лишь тогда, когда эта проповѣдь произнесена въ молитвенномъ собраніи лицъ, не принадлежащихъ къ господствующей церкви, во всѣхъ другихъ случаяхъ всегда можетъ быть усмотрѣна «цѣль совращенія».

Ясно, что отрицаніе при такихъ условіяхъ монополіи религіозной пропаганды за государственной церковью въ сущности равносильно по-старому отрицанію свободы проповѣди и сохраненію безъ измѣненія прежней нетерпимости. Поэтому совершенно непонятнымъ является въ дальнѣйшемъ разрѣшеніе въ министерскомъ законопроектѣ другого вопроса, связаннаго съ религіозной пропагандой,—о совращеніи. Министерство полагаетъ, что совращеніе должно быть исключено изъ числа самостоятельныхъ преступленій. По мнѣнію законопроекта, «съ допущеніемъ въ государствѣ свободнаго культа не только господствующей религіи, но и другихъ вѣроисповѣданій, а также свободнаго перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, послѣдователь каждаго изъ нихъ невольно можетъ обратиться въ совратителя, не учиняя притомъ никакого преступнаго дѣянія». Такое положеніе для насъ совершенно непонятно при сохраненіи въ силѣ ст. 90 Угол. Улож. Здѣсь явное противорѣчіе, которое пытаются затушевать «словами» о свободѣ совѣсти.

Практическіе выводы, дѣлаемые министерскимъ законопроектомъ, вполнѣ, однако, отвѣчаютъ тѣмъ теоретическимъ предпосылкамъ, которыя вводятся имъ на ряду съ признаніемъ принциповъ свободы совѣсти. Конечно, эти предпосылки — аргументы стараго порядка: государство обязано «неизмѣнно стоять на-стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви». Многовѣковая связь русскаго государства съ православной церковью, — гласитъ проектъ, — не можетъ быть поколеблена съ проведеніемъ въ жизнь новыхъ положеній; съ признаніемъ у насъ свободы совѣсти за православной церковью должно сохраниться первенствующее и господствующее положеніе.

Съ извѣстными ограниченіями мы готовы были бы согласиться съ ссылкой министерства на «историческую связь»; являясь горячими защитниками идеи полнаго отдѣленія церкви отъ государства,—двухъ самодовлѣющихъ факторовъ,—мы готовы были бы, пожалуй, склониться къ признанію неосуществимости въ данное время коренной реформы установившихся взаимныхъ отношеній между господствующей церковью и государствомъ. Въ силу, такъ сказать, реальныхъ, существующихъ условій, какъ мы уже указывали, приходится прибѣгать къ компромиссной программѣ и сохранить временно, по крайней мѣрѣ, имущественную связь между господствующей церковью и государствомъ. Но и при сохраненіи первенствующаго положенія господствующей церкви, конечно, можетъ быть проведена полная свобода совѣсти.

Министерскій законопроектъ нѣсколько по иному понимаетъ отношеніе государства къ господствующей церкви. Въ силу указанныхъ вѣковыхъ связей, государство должно опекать церковь; употребляя выраженіе законопроекта, государство должно «оберегать полную свободу ея внутренняго управленія и устройства и итти навстрѣчу всѣмъ ея начинаніямъ». Какъ показалъ опытъ, эта опека сводится къ полицейскому воздѣйствію, убивающему идею автономной церкви.

И министерство, стоя на старомъ берегу, желаетъ оставить религію въ прежней зависимости отъ государственной власти.

31 марта 1907 г.

Правительственная декларація о свободѣ совѣсти.

(Прочитанная въ третьей Государственной Думѣ).

Въ правительственной декларации, прочитанной въ Думѣ, усиленно подчеркивалось, что правительство считаетъ своимъ долгомъ «содѣйствовать всѣмъ мѣропріятіямъ на пользу господствующей церкви и духовнаго сословія». Другими словами, идея союза свѣтской власти съ православной церковью должна остаться по-прежнему руководящимъ стимуломъ въ сферѣ взаимныхъ отношеній правительственной власти и первенствующей церкви. Такая точка зрѣнія достаточно ярко проявилась и во всѣхъ министерскихъ законопроектахъ, представленныхъ на разсмотрѣніе третьей Государственной Думы. Она привела, какъ и слѣдовало ожидать, къ установленію весьма существенныхъ ограниченій въ области свободы совѣсти.

Противорѣчія въ министерскихъ законопроектахъ, конечно, будутъ вскрыты въ Государственной Думѣ, и нетрудно будетъ показать, что эти противорѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вытекающія изъ нихъ ограниченія свободы совѣсти, явились прежде всего результатомъ недостаточно ясно опредѣленныхъ отношеній отечественнаго законодательства къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя должны съ признаніемъ принципа свободы совѣсти занять совершенно иное положеніе въ государственной жизни. Правительство въ декларации ясно опредѣлило свое отношеніе въ господствующей церкви; столь же ясно оно должно было бы формулировать и другія правоотношенія, вытекающія изъ признанія свободы совѣсти. Иначе мы всегда будемъ вращаться въ кругу противорѣчій, неясностей

и неопредѣленностей, наглядный образецъ чего и даютъ внесенные на разсмотрѣніе Государственной Думы министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти.

Государственная Дума перваго созыва отлично понимала необходимость установленія такихъ основныхъ положеній законопроекта о свободѣ совѣсти. Соотвѣтствующее заявленіе и было внесено въ Думу. Вотъ оно:

Основныя положенія законопроекта о свободѣ совѣсти

1. Каждому гражданину Россійской имперіи обезпечивается свобода совѣсти. Посему пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія, и никто не можетъ быть преслѣдуемъ и ограничиваемъ въ какихъ бы то ни было правахъ за убѣжденія въ дѣлахъ вѣры.

Примѣчаніе. Всѣ узаконенія, ограничивающія гражданскія и политическія права лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ или инымъ вѣроисповѣданіямъ, отмѣняются.

2. Всѣ существующія и вновь образующіяся въ Россійской имперіи вѣроисповѣданія пользуются въ одинаковой мѣрѣ свободой богослуженія и отправленія религіозныхъ обрядовъ, а также проповѣдыванія и распространенія своихъ ученій, поскольку при осуществленіи этой свободы не совершается дѣяній, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами.

3 Никто не можетъ быть силой государственной власти принужденъ принадлежать къ какому-либо исповѣданію или исполнять обязанности, вытекающія изъ принадлежности къ какому-нибудь вѣроисповѣдному обществу или совершать религіозныя дѣйствія или участвовать въ обрядахъ какого-нибудь вѣроисповѣданія

4. Никто не можетъ отказываться въ силу своихъ религіозныхъ убѣжденій отъ исполненія гражданскихъ или политическихъ обязанностей, кромѣ случаевъ, точно въ законѣ указанныхъ.

5. Всякій, достигшій 17-лѣтняго возраста, можетъ выйти изъ состава вѣроисповѣднаго общества, къ которому онъ принадлежитъ; несовершеннолѣтній, не достигшій сего возраста, воспитывается въ томъ вѣроисповѣданіи, въ коемъ пожелаютъ его воспитывать родители.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если родители принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, отъ ихъ соглашенія зависитъ выборъ вѣроисповѣданія, въ коемъ воспитываются ихъ дѣти. Если такового соглашенія достигнуто не будетъ, то дѣти мужескаго пола воспитываются въ исповѣдании отца, дѣти женскаго пола—матери.

6. Особый законъ опредѣляетъ порядокъ веденія актовъ гражданскаго состоянія.

7. Особыя узаконенія опредѣляютъ преподаваніе вѣроученія. Эти узаконенія не должны противорѣчить началамъ свободы и равенства вѣроисповѣданій.

Министерство Внутреннихъ дѣлъ нѣсколько иначе смотритъ на вопросъ; оно полагаетъ излишнимъ «составленіе одного общаго законопроекта о свободѣ совѣсти». «Область свободы совѣсти, — говорится въ запискѣ министерства, сопровождавшей внесеніе во вторую Думу министерскихъ законопроектовъ, — затрогиваетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ правоотношеній, а потому изложеніе ея основныхъ началъ въ семи положеніяхъ, какъ сіе было проектировано Государственной Думой перваго созыва, не могло бы почитаться достигающимъ цѣли». Процитированныя слова, по всей видимости, явились плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія. Надо ли говорить, что первая Государственная Дума, устанавливая семь основныхъ положеній законопроекта о свободѣ совѣсти, не предполагала ограничиваться этими общими положеніями. Они должны были получить дальнѣйшее развитіе и детализацію въ рядѣ отдѣльныхъ законопроектовъ, приуроченныхъ къ различнымъ областямъ законодательства. Но установленіе общихъ положеній важно было именно въ томъ смыслѣ, что этимъ самымъ точно опредѣлялись отношенія государства къ различнымъ вѣроисповѣднымъ группамъ. Здѣсь не было бы неясностей, не было бы противорѣчій.

Министерство предпочло изложить свои предположенія въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законопроектахъ, не касаясь общихъ положеній. Результатъ налицо. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить одну деталь, показывающую, что министерство само недостаточно еще выяснило ситуацію, которую должно занимать современное правительство, проводя въ жизнь мѣры къ обезпеченію свободы совѣсти. Когда по поводу закона о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, изданнаго въ порядкѣ 87 ст., мы указывали на неясности и умолчанія въ этомъ законѣ[1]), министерскій органъ высказывалъ удивленіе, какъ-де мы не понимаемъ, что эти умолчанія явились потому, что всѣ они найдутъ разъясненіе въ общемъ законѣ о свободѣ совѣсти. Нельзя устанавливать въ специальномъ законѣ общихъ положеній. Непонятно въ такомъ случаѣ, почему мини-

1) См. статью „Старообрядческія и сектантскія общины“ (законъ 17 октября 1906 г.) въ первомъ нашемъ сборникѣ.

ство въ своей объяснительной запискѣ не считаетъ нынѣ нужнымъ устанавливать общія положенія.

И мы думаемъ, что Государственная Дума должна ихъ установить. Принявъ семь отдѣльныхъ законопроектовъ, какъ проектируетъ министерство, она не избѣжитъ кривотолковъ, умолчаній и противорѣчій. Послѣднія же приведутъ къ тому, что объемъ свободы совѣсти всецѣло будетъ зависѣть отъ направленія правительственной политики въ тотъ или иной моментъ.

28 ноября 1907 г

Западная Европа и министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти.

Большинство западно-европейскихъ конституцій въ той или иной формѣ достаточно гарантируютъ гражданамъ религіозную свободу, т.-е. право религіознаго самоопредѣленія. Основные элементы этой свободы находятъ выраженіе или въ одномъ параграфѣ, какъ, напримѣръ, въ бельгійской конституціи 1831 г. § 14, который гласитъ: «Религіозная свобода, свобода публичнаго богослуженія, равно какъ свобода открыто выражать свои мнѣнія по любому поводу гарантированы, исключая случаевъ принятія мѣръ противъ злоупотребленія этой свободой», или въ нѣсколькихъ пунктахъ при большей детализаціи, какъ, напримѣръ, въ австрійскомъ конституціонномъ законѣ 1867 года, швейцарской федеральной конституціи—1874 г., прусской конституціонной хартіи—1850 г.

Какъ уже мы отмѣчали, составители министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти, внесенныхъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, ознакомившись съ пониманіемъ «свободы совѣсти въ наукѣ и въ западныхъ законодательствахъ», не сочли нужнымъ устанавливать какихъ-либо общихъ положеній, мотивируя свое рѣшеніе нѣсколько непонятными соображеніями, а именно тѣмъ, что «область свободы совѣсти затрогиваетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ правоотношеній». Не отличаясь, такимъ образомъ, особенной глубиной въ теоретическихъ предпосылкахъ, министерскіе законопроекты, съ другой стороны, черпаютъ аналогіи въ законодательствахъ тѣхъ «иностранныхъ государствъ», въ которыхъ на ряду съ признаніемъ принципа свободы совѣсти еще живы пережитки стараго времени.

Классифицируя эти законодательства, современные изслѣдователи устанавливаютъ два основныхъ типа: одни изъ нихъ построены на средневѣковомъ принципѣ полицейской опеки государства надъ религіозной жизнью гражданъ, т.-е. принципѣ покровительства извѣстному религіозному ученію; другіе—на началѣ раздѣльности вѣдомствъ церкви и государства. Всѣ новѣйшія западно-европейскія законодательства, конечно, идутъ по второму пути: французскій законъ 1905 г., норвежское Уложеніе—1902 г., нидерландское, итальянское и др., т.-е. они идутъ по пути ограниченія функцій государства въ области вѣроисповѣдныхъ правоотношеній.

Правда, не всѣ еще они порвали связи съ прошлымъ; далеко не во всѣхъ мы видимъ полное раскрытіе принципа религіозной свободы. Освобождаясь отъ теократическихъ началъ, откидывая средневѣковую доктрину, относящую религіозныя преступленія къ категоріи государственныхъ, современныя западно-европейскія законодательства расходятся въ вопросѣ о границахъ свободы совѣсти; нѣкоторыя изъ нихъ все еще стоятъ на почвѣ пріоритета извѣстныхъ религіозныхъ ученій: «признанныя религіи», по венгерскому кодексу, получаютъ преимущество передъ другими; «исторически сложившіяся христіанскія вѣроисповѣданія» получаютъ право, по германскому Уложенію, на особую охрану со стороны государственной власти. Однимъ словомъ, государство еще считаетъ нужнымъ накладывать казенную печать на религіозныя ученія, производить разграниченія между дозволенными и недозволенными закономъ религіями, между покровительствуемыми и непокровительствуемыми. Конечно, подобная аппробація религіи со стороны государственной власти не влечетъ за собой какихъ-либо ограниченій въ области политическихъ и гражданскихъ правъ.

Тѣ западно-европейскія законодательства, которыя еще всецѣло принадлежатъ къ первому изъ указанныхъ типовъ, какъ, напримѣръ, любимое нашими министерскими законопроектами австрійское Уложеніе 1852 г. или португальское, которое, стоя на почвѣ особаго покровительства римско-католической религіи, и понынѣ запрещаетъ публичное отпаденіе или отре-

ченіе португальца отъ католической церкви, публичное совершеніе некатолическаго богослуженія и т. д. не требуетъ особой критики по очевидной своей архаичности. Но и въ этихъ странахъ, именно благодаря такому яркому несоотвѣтствію устарѣлаго религіознаго законодательства требованіямъ жизни, дѣйствующая практика даетъ, конечно, сравнительно достаточное обезпеченіе религіозной свободѣ. Всѣ подобныя запрещенія не выливаются въ тѣ аггрессивныя формы, въ которыхъ выливались они до послѣднихъ дней у насъ, гдѣ существовали въ прямомъ смыслѣ религіозныя гоненія, давно уже исчезнувшія въ Западной Европѣ. Для послѣдняго все это—историческіе пережитки, почти не имѣющіе за собой въ жизни реальнаго основанія Въ Англіи, какъ извѣстно, до сихъ поръ формально считается преступленіемъ отрицаніе истинности христіанской вѣры или авторитета св. писанія письменно, печатно, посредствомъ поученій или разговоровъ». И, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, Ренанъ болѣе извѣстенъ въ Англіи, нежели у насъ. Гарантію гражданинъ находитъ въ судѣ присяжныхъ, т.-е. въ судѣ общественнаго мнѣнія.

На фонѣ этой практики ярко выдѣляется принципъ, которымъ долженъ руководиться законодатель,—принципъ, устанавливаемый исторіей и наукой: паритетность культовъ въ сферѣ уголовно правовой охраны, предоставляемой государствомъ представителямъ различныхъ вѣроисповѣданій. Государство обезпечиваетъ гражданамъ, на ряду съ другими неотъемлемыми правами личности, религіозную свободу. Религіозныя преступленія превращаются въ посягательства на религіозную свободу И, какъ логическое дальнѣйшее развитіе указаннаго принципа, въ религіозныхъ деликтахъ устраняется ихъ специфическій характеръ.

Казалось бы, что мы въ двадцатомъ столѣтіи могли бы создать у себя законодательство, отвѣчающее духу времени и представляющее собой послѣдовательное развитіе понятія свободы совѣсти. Въ дѣйствительности мы создаемъ свое законодательство по образцу тѣхъ старыхъ западно-европейскихъ кодексовъ, въ которыхъ уголовная охрана религіи основывается на средневѣковомъ идеалѣ полицейской опеки государства надъ религіозной жизнью гражданъ. На этой именно

точкѣ зрѣнія и стоятъ министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти. Подобно тому, какъ новое Уголовное Уложеніе, по мѣткому замѣчанію одного изслѣдователя, «балансируетъ между двумя полюсами, — выводами юриспруденціи, съ одной стороны, а съ другой—данными дѣйствующаго Уложенія», точно такъ же въ состояніи неустойчиваго равновѣсія оказываются и министерскіе законопроекты.

Для тѣхъ, кто желаетъ обезпечить хотя бы элементарную свободу совѣсти въ нашемъ отечествѣ, министерскіе законопроекты абсолютно непріемлемы. Даже тѣ старые западно-европейскіе кодексы, которые берутся ими, какъ бы въ основаніе, они далеко оставляютъ за собою по своей архаичности

Противорѣчія министерскихъ проектовъ уже были нами отмѣчены. Возьмемъ еще одно: это—система наказаній, налагаемыхъ за «религіозныя преступленія». Въ то время, какъ въ западно-европейскихъ законодательствахъ религіозныя преступленія не влекутъ за собой уже тяжелыхъ наказаній, а нѣкоторыя изъ нихъ караются денежнымъ штрафомъ или краткосрочнымъ арестомъ, нашъ законъ со всей строгостью прежняго приказнаго порядка считаетъ своимъ долгомъ охранять «принципы нравственности и религіозныя чувства вѣрующихъ». Во всѣхъ новѣйшихъ западныхъ кодексахъ богохуленіе, какъ таковое, не существуетъ въ числѣ религіозныхъ деликтовъ; въ нашемъ Уголовномъ Уложеніе это преступленіе карается до каторги включительно. Такимъ средствомъ государство считаетъ нужнымъ охранять неприкосновенность «извѣстныхъ общихъ религіозныхъ началъ», признанныхъ главными устоями, въ которыхъ покоится современная государственная и общественная жизнь.

Въ министерскихъ законопроектахъ старыя статьи сохраняютъ силу. Провозглашеніе свободы совѣсти не вводитъ въ нихъ почти никакихъ измѣненій. Всѣ преимущества, конечно, даются первенствующей церкви соотвѣтственно воззрѣніямъ составителей министерскихъ законопроектовъ.

13 декабря 1907 г.

Кругъ противорѣчій.

Министерство Внутреннихъ дѣлъ внесло въ Государственную Думу рядъ законопроектовъ, направленныхъ къ осуществленію свободы совѣсти.

Нельзя, конечно, сравнивать министерскіе законопроекты съ законодательной практикой, дѣйствовавшей въ доконституціонный періодъ, т.-е. въ эпоху, когда свободы совѣсти не было Вопросъ въ томъ, насколько министерскіе законопроекты удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ.

Министерство для «всесторонняго освѣщенія» вопроса сочло необходимымъ «выяснить, какъ понимается свобода совѣсти въ наукѣ и въ западныхъ законодательствахъ». Спора нѣтъ, подобное выясненіе въ высшей степени важно. Но департаменты министерства примѣнили къ этой работѣ нѣсколько своеобразные пріемы. Оставимъ уже въ сторонѣ науку государственнаго права, которая, по справедливости, не совсѣмъ умѣстно привлечена къ министерскимъ законопроектамъ, здѣсь ничего общаго нельзя найти; возьмемъ лишь практику западныхъ законодательствъ, на которую министерскіе законопроекты ссылаются довольно часто. Эти ссылки на западно-европейскіе кодексы касаются исключительно лишь тѣхъ кодексовъ, которые наука признаетъ устарѣвшими. Министерство любитъ заимствовать цитаты изъ прусскаго законодательства; ссылается оно на Уголовное Уложеніе Германской имперіи 1871 г., на австрійское Уложеніе 1852 г.; оставалось бы сослаться еще на португальское Уложеніе, все сотканное изъ историческихъ пережитковъ и потому близкое по духу къ министерскимъ законопроектамъ. Въ послѣднихъ, понятно, мы не встрѣчаемъ ссылокъ на новѣйшіе кодексы,—на Уложеніе норвежское, французское, нидерландское, бельгійское, итальянское, болѣе

соотвѣтствующія современнымъ представленіямъ о свободѣ совѣсти.

Въ дѣйствительности министерскіе законопроекты остаются позади даже тѣхъ устарѣвшихъ кодексовъ, которые взяты ими за образцы. При этомъ вводимыя примѣнительно къ объявленной свободѣ совѣсти новшества сопровождаются обычными оговорками, почти лишающими эти новшества реальнаго содержанія. Свои ограниченія министерство пытается аргументировать теоретическими соображеніями,— конечно, извѣстными соображеніями людей стараго порядка.

«Хотя необходимость полной свободы религіозныхъ убѣжденій считается обыкновенно положеніемъ, не требующимъ доказательствъ, — говорится въ соображеніяхъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, — но разъ вопросъ этотъ переходитъ съ чисто отвлеченной на практическую почву, положеніе его совершенно мѣняется, и рѣшеніе его нерѣдко сводится къ признанію невозможности или, по крайней мѣрѣ, несвоевременности осуществленія въ нашей жизни логически-общепринятаго начала». Итакъ, съ одной стороны, министерство устанавливаетъ основные элементы, входящіе въ понятіе свободы совѣсти, согласно указаніямъ государственнаго права; съ другой стороны, признаетъ, что полная религіозная свобода въ томъ объемѣ, въ какомъ она выступаетъ въ теоретическихъ требованіяхъ ея защитниковъ, мыслима только при полнѣйшемъ индифферентизмѣ государства къ религіи. Такое безразличное отношеніе государства къ религіи недопустимо, ибо «нравственныя правила, преподаваемыя религіей, служатъ фундаментомъ правового порядка». Религія для министерства цѣнна не сама по себѣ, а исключительно лишь какъ опора и гарантія государственнаго порядка.

Изъ этой предпосылки вытекаетъ цѣлый рядъ ограниченій.

Свобода совѣсти требуетъ, чтобы государство обезпечило гражданамъ *свободу религіознаго самоопредѣленія*. Признаніе общественно-государственнаго значенія религіи не допускаетъ, однако, признанія началъ паритетности. Чтобы выйти изъ такого заколдованнаго круга противорѣчій, министерство прибѣгаетъ къ довольно казуистическому пріему, который всегда является спасательнымъ снарядомъ въ критическій мо-

менѣ. Официальное признаніе юридической силы за отпаденіемъ въ нехристіанство, по мнѣнію министерства, недопустимо. «Свобода перехода изъ одной вѣры въ другую должна быть понимаема лишь въ смыслѣ отсутствія въ законѣ запрещенія какой-либо перемѣны вѣры». Неясность или умолчаніе въ законѣ обычно порождаетъ разнообразныя толкованія, а эластичная практика быстро приспособляется къ духу времени. Признаніе «молчаливаго ухода изъ христіанства» по этому равносильно въ сущности категорическому его запрещенію. Уходъ этотъ не долженъ вызывать какихъ-либо «репрессивныхъ мѣръ» противъ отпавшаго, но по отношенію къ нему сохраняютъ силу, какъ установлено было еще Комитетомъ Министровъ при толкованіи указа 12 декабря 1904 г., всѣ невыгодныя послѣдствія, связанныя съ актами гражданскаго состоянія. Государство не будетъ признавать подобнаго перехода состоявшимся, т.-е. не будетъ признавать за нимъ юридическаго значенія Въ какомъ положеніи будутъ находиться эти изгои, показываетъ еще недавнее прошлое.

Такъ обстоитъ дѣло съ переходомъ въ нехристіанское вѣроисповѣданіе. Какъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о допускаемомъ закономъ переходѣ изъ одного христіанскаго ученія въ другое, въ томъ числѣ и выходъ изъ православія,—это изъ министерскаго законопроекта не ясно. Въ видѣ общаго правила проектъ устанавливаетъ, что «переходъ изъ одного вѣроученія въ другое предоставляется свободному усмотрѣнію каждаго обладающаго достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ лица и не требуетъ для своего осуществленія особаго разрѣшенія». Такой принципъ логически вытекаетъ изъ закона 17 апрѣля 1905 г. Слѣдовательно, временныя правила, нынѣ изданныя «въ цѣляхъ установленія единообразнаго порядка отпаденій отъ господствующей религіи, должны быть отмѣнены. Казалось бы, такой выводъ неизбѣженъ, разъ устанавливается какъ общее правило, что переходъ совершается «безъ испрошенія на то разрѣшенія административной власти». По терминологіи министерскаго законопроекта, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, установившій временныя правила, «не подчиняетъ перехода изъ православія разрѣшенію административной власти, а возлагаетъ лишь на мѣстное начальство обязанность провѣрять

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наличность всѣхъ требуемыхъ закономъ условій для означенныхъ переходовъ»[1]). Такъ слѣдуетъ по официальной терминологіи; на житейскомъ же языкѣ это означаетъ, что право перехода изъ православія въ сущности поставлено до нѣкоторой степени въ зависимость отъ административнаго «усмотрѣнія». Министерство вырабатываетъ нынѣ новыя правила, которыя и будутъ представлены на обсужденіе законодательныхъ учрежденій. Не предрѣшая, въ какую форму выльется этотъ проектъ, министерство въ своей объяснительной запискѣ не допускаетъ возможности полнаго устраненія администраціи отъ участія въ дѣлѣ перехода изъ одного вѣроученія въ другое. Административная власть можетъ быть «привлечена къ нѣкоторому участію въ регистраціи этихъ переходовъ». Хотя будущая роль администраціи въ данномъ случаѣ охарактеризована нѣсколько туманно, однако и въ этомъ туманномъ освѣщеніи легко усматриваются далеко не призрачные намеки, что общая формула, провозглашаемая министерскимъ законопроектомъ, сводится на-нѣтъ; временныя правила, противорѣчащія существующимъ общимъ законамъ о свободѣ совѣсти, будутъ продолжать функціонировать въ жизни въ той или иной формѣ.

Такъ разрѣшаютъ министерскіе законопроекты одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ въ области свободы совѣсти. Они не отвѣчаютъ требованіямъ жизни и не могутъ гарантировать неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій. Если министерскіе законопроекты будутъ проведены въ законодательномъ порядкѣ безъ соотвѣтствующихъ коррективовъ, свобода самоопредѣленія въ сферѣ религіозной мысли не найдетъ себѣ мѣста въ нашемъ новомъ государственномъ строѣ.

18 ноября 1907 г

---

[1]) См. первый сборникъ.

Отношеніе государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ по министерскимъ законопроектамъ.

Внесенные на разсмотрѣніе Государственной Думы Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ законопроекты о свободѣ совѣсти полны противорѣчій. Эти противорѣчія особенно рельефно выступаютъ на отдѣльныхъ пунктахъ въ законопроектахъ «объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ» и объ отмѣнѣ политическихъ и гражданскихъ ограниченій, находящихся въ зависимости отъ принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію, и законоположеній, допускающихъ вмѣшательство гражданской власти въ духовныя отношенія частныхъ лицъ.

Свобода совѣсти должна быть гарантирована гражданамъ на ряду съ остальными свободами личности. Министерскій законопроектъ, конечно, стоитъ на другой точкѣ зрѣнія: онъ считаетъ нужнымъ охранять не право гражданъ свободно самоопредѣляться въ сферѣ религіозной мысли, а неприкосновенность извѣстнаго религіознаго начала, на которомъ «покоится государственная и общественная жизнь», — «религія должна быть охраняема какъ цѣнный интересъ всего государственнаго единенія». Такъ какъ безразличное отношеніе государственной власти къ посягательствамъ на религію можетъ «поколебать уваженіе къ религіи и подорвать основы государственной жизни», то и съ провозглашеніемъ свободы совѣсти у насъ должны «остаться въ силѣ постановленія, карающія поруганіе и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій» и пр. По тѣмъ же теоретическимъ соображеніямъ долженъ быть сохраненъ рядъ статей уголовнаго закона, уста-

навливающихъ усиленную репрессію для нарушенія ограждающихъ вѣру постановленій, когда они направлены противъ христіанскихъ вѣроученій.

Изъ того же положенія вытекаетъ и сохраненіе преимуществъ, предоставленныхъ дѣйствующимъ закономъ православной церкви, — поддержка ея миссіи государственной властью, требованіе обязательнаго преподаванія въ школахъ ея религіознаго ученія, привлеченіе представителей ея къ участію въ дѣлахъ верховнаго управленія и т. п. Православная церковь должна находиться подъ особымъ покровительствомъ нашего законодательства. «Нельзя забывать,— говорится въ «соображеніяхъ», — того значенія, которое православная вѣра имѣла съ отдаленныхъ временъ Владимира святого на самое образованіе Русскаго государства... Достаточно вспомнить, что и въ настоящее время девизъ огромнаго большинства русскаго народа — «за вѣру, царя и отечество».

Признавая за православною церковью первенствующее значеніе и представляя ей особую защиту государственной власти, законъ, «очевидно, не можетъ допустить дѣйствій, направленныхъ къ отвлеченію отъ православія» Какъ же быть здѣсь съ установленіемъ незыблемыхъ основъ свободы совѣсти, требующей признанія права свободной проповѣди? Какъ примирить эти два непримиримыя положенія? Въ данномъ случаѣ само министерство не сумѣло выйти изъ создавшагося круга противорѣчій.

Министерскій законопроектъ признаетъ, какъ общее правило, за инославными и иновѣрными исповѣданіями право проповѣди. Дабы, однако, это право не обратилось въ орудіе борьбы противъ православной церкви, ст. 90 Угол. Улож., устанавливающая уголовную отвѣтственность для лицъ, виновныхъ въ совращеніи, и впредь сохраняетъ свою силу. Однако министерству приходится признать, что «вопросъ о совращеніи чрезвычайно трудно укладывается въ рамки логической аргументаціи: въ государствѣ, допускающемъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, всякая мѣра, направленная противъ совратителей въ дѣлахъ религіи, не прибѣгающихъ къ преступнымъ средствамъ для совращенія, является непослѣдовательною и *логически несостоятельною*».

Дѣлая уступки требованіямъ логики, министерскій законопроектъ исключаетъ «совращеніе изъ числа самостоятельныхъ преступленій», нельзя вѣдь наказывать за «подстрекательство къ невоспрещенному дѣянію». Такъ, совращеніе остается безнаказаннымъ, лицо же, произнесшее проповѣдь съ цѣлью совращенія православнаго, подлежитъ наказанію по ст. 90 Угол. Улож. Для состава преступленія въ этомъ случаѣ требуется извѣстная обстановка, публичность произнесенія рѣчи или выставленія изображеній, возбуждающихъ къ переходу изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе.

Не останавливаясь въ настоящей статьѣ на детализаціи министерскихъ законопроектовъ, гдѣ, въ свою очередь, можно найти не мало противорѣчій, отмѣтимъ еще одну явную несообразность, заключающуюся въ законопроектѣ объ отмѣнѣ содержащихся въ дѣйствующемъ законодательствѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, находящихся въ зависимости отъ принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію. Ясно, что съ провозглашеніемъ свободы совѣсти всѣ подобныя ограниченія должны пасть. Это утверждаетъ и министерскій законопроектъ. Какъ же разрѣшается вопросъ объ ограниченіяхъ, вытекающихъ изъ принадлежности къ еврейской вѣрѣ? Они сохраняются, такъ какъ «являются по существу своему ограниченіями политическаго свойства».

Возражать здѣсь нѣтъ надобности; напомнимъ еще разъ, что запрещеніе штундистамъ богомоленій по закону 1894 г. также мотивировалось соображеніями политическаго свойства. Такими соображеніями мотивировались за послѣдніе годы всѣ репрессивныя мѣры, принимаемыя по отношенію къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, въ томъ числѣ и къ старообрядчеству. Возрожденіе подобной точки зрѣнія послѣ манифестовъ 17 апрѣля и 17 октября равносильно отрицанію самого принципа свободы совѣсти. Къ этому отрицанію и ведутъ министерскіе законопроекты. Они очень еще далеки отъ надлежащаго разрѣшенія вопросовъ, въ нихъ затрогиваемыхъ.

Для осуществленія свободы совѣсти еще слишкомъ мало отмѣнить тѣ постановленія дѣйствующаго Свода Законовъ, которыя и по признанію министерства «ли-

цѣны всякаго практическаго значенія» и которыя являются «лишь историческимъ наслѣдіемъ прошлаго». Нужна, конечно, и творческая работа. Послѣдняя между тѣмъ отсутствуетъ въ министерскихъ законопроектахъ

2 декабря 1907 г.

Охрана религіозной свободы.

Правительственный законопроектъ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ, какъ намъ пришлось уже отмѣтить, принципіально стоитъ на почвѣ пріоритета православной церкви, признаннаго Основными Законами

Всѣ преимущества, предоставляемыя дѣйствующимъ закономъ православной церкви и вытекающія, по мнѣнію министерства, какъ логическое слѣдствіе изъ господствующаго ея положенія, должны быть сохранены. Къ числу такихъ привилегій, укрѣпляющихъ за православной церковью первенствующее положеніе, относится, по словамъ законопроекта, прежде всего преимущества «внѣшняго характера»: принадлежность къ православной церкви Государя Императора, какъ верховнаго защитника и хранителя догматовъ господствующей вѣры и блюстителя православія; обязанность губернскаго начальства охранять и оказывать всякое вспомоществованіе проповѣди миссіонеровъ среди инородцевъ; признаніе за церковными праздниками православной церкви значенія гражданскихъ праздниковъ и первенствующаго положенія православной церкви во время торжественныхъ церемоній и т. п

Съ правовой точки зрѣнія сохраненіе внѣшнихъ преимуществъ государственной церкви врядъ ли можетъ встрѣтить особыя возраженія; они не грозятъ опасностью религіозной свободѣ, обезпеченіе которой гражданамъ составляетъ задачу правового государства. Въ прочно установившемся конституціонномъ режимѣ мы найдемъ достаточно гарантій, чтобы религія не служила орудіемъ властвованія. Теократическій характеръ верховной власти не отвѣчаетъ, конечно, современной научной идеологіи. И врядъ ли раціонально аргументировать въ наше время теорію офиціальной народно-

сти, т.-е. теорію органической связи православія и самодержавія историческими учеными, выработанными еще московскими книжниками школы Іосифа Волоцкаго.

Теократія, быть-можетъ, не въ интересахъ нынѣ господствующей, а скоро, быть-можетъ, и автономной церкви, надъ которой будетъ по-старому выситься свѣтская власть, не въ интересахъ она и русскаго Монарха, за которымъ не признается свободы религіозныхъ убѣжденій.

Равнымъ образомъ для религіозной свободы не играетъ роли и первенствующее положеніе православной церкви во время торжественныхъ церемоній; не отъ этого внѣшняго положенія зависитъ, конечно, сила и мощь вѣроисповѣданія.

Дѣйствительной же угрозой религіозной свободѣ могутъ быть возлагаемыя закономъ на губернское начальство обязанности оказывать проповѣди православныхъ миссіонеровъ «всякое вспомоществованіе». Въ русской жизни это «вспомоществованіе выливалось нерѣдко въ уродливыя формы нарушенія религіозной свободы другихъ вѣроисповѣданій, напримѣръ, знаменитаго уничтоженія священной рощи черемисовъ въ 1901 г. сарапульскимъ преосвященнымъ Владимиромъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, конституціонное правительство не допуститъ примѣненія грубой силы со стороны насадителей православія, но тѣмъ не менѣе, миссіонерская пропаганда, авторизированная полицейскими властями, можетъ вызывать въ жизни большія осложненія.

Въ сущности и само министерство признаетъ, что прежнія насилія надъ религіозной свободой, вызываемыя предоставленіемъ *монополіи религіозной* пропаганды лишь господствующей церкви и почти исключительно ей уголовной охраны, не могутъ имѣть мѣсто съ проведеніемъ въ жизнь началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти. Всѣ привилегіи православной церкви, направленныя къ стѣсненію правъ другихъ вѣроисповѣданій и несовмѣстимыя съ понятіемъ свободы совѣсти, должны быть отмѣнены. Мы уже видѣли, однако, при разсмотрѣніи вопроса о предоставленіи права проповѣди другимъ вѣроисповѣданіямъ, что министерскій законопроектъ далеко не послѣдовательно прово-

дитъ то, что имъ признается въ теоріи. Онъ говоритъ лишь о правѣ проповѣди признанныхъ въ имперіи вѣроисповѣданій, и здѣсь при желаніи можно поставить безконечное количество ограниченій, если законодатель будетъ попрежнему руководиться неподдающимся учету принципомъ вредности той или иной религіи. Никакое религіозное ученіе, пока оно остается только ученіемъ и не выливается въ форму какихъ-либо преступныхъ, реальныхъ дѣйствій, не должно быть относимо къ числу запрещенныхъ. Только при такихъ условіяхъ и возможна дѣйствительная свобода проповѣди и вѣроисповѣданія. Но министерскій законопроектъ, какъ мы видѣли въ предшествующей статьѣ, сохраняя ст. 90 Уголовн. Уложен., превращаетъ въ фикцію свободу проповѣди даже и для признанныхъ уже въ имперіи вѣроисповѣданій.

И въ области отмѣны другой монополіи православной церкви,—монополіи, существующей на практикѣ,—охраны господствующаго вѣроисповѣданія со стороны законодательной власти, министерскій законопроектъ также не стоитъ на должной высотѣ

«Провозглашенныя Высочайшимъ манифестомъ 17 октября 1905 г начала свободы совѣсти,—гласитъ законопроектъ,—отнюдь не знаменуютъ собою полнаго отдѣленія церкви государства. Государство же, не провозгласившее полнаго обособленія своего отъ религіи, не можетъ игнорировать и тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыми живетъ народъ. Интересы религіозные должны охраняться имъ не только какъ важнѣйшее благо отдѣльныхъ лицъ, но и какъ одно изъ главныхъ условій развитія и существованія общества». Дѣлая отсюда практическіе выводы, министерство полагаетъ, что и «съ провозглашеніемъ свободы совѣсти у насъ должны остаться въ силѣ постановленія, карающія поруганіе и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога (ст 73 Угол. Уложен.), выраженіе неуваженія къ религіи и предписаніямъ культа (стт. 73 и 71) и безчинство въ молитвенномъ домѣ». Эта уголовная охрана должна быть распространена и на нехристіанскія вѣроисповѣданія при наличности тѣхъ условій, при которыхъ уголовный законъ ограждаетъ вѣроисповѣданія христіанскія. Но такъ какъ,

по мнѣнію министерства, «признаніе государствомъ принципа свободы совѣсти отнюдь не подразумѣваетъ въ видѣ необходимаго условія совершенно одинаковаго отношенія законодательства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, то въ нашемъ законодательствѣ, по проекту, должны сохраниться усиленныя репрессіи за нарушеніе ограждающихъ вѣру постановленій, когда оно направлено противъ христіанскихъ вѣроученій.

Составители законопроекта исходили изъ убѣжденія, что религія, являясь важнѣйшимъ устоемъ государственной жизни, нуждается въ охранѣ. Это — тоже идея стараго порядка. Но здѣсь къ министерскому законопроекту можно отнестись, пожалуй, и съ меньшей критикой, потому что и западно-европейскіе кодексы, за небольшимъ исключеніемъ, зиждутся на тѣхъ же принципахъ. Религіозныя преступленія трактуются, какъ преступленія sui generis.

Намъ кажется, что нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять религіозные деликты изъ общей группы уголовныхъ дѣяній, о чемъ въ свое время мы подробно высказывались въ статьяхъ «Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы» и др.[1]). Но, если признать уже необходимость спеціальной уголовной охраны для религіозныхъ вѣрованій, то, конечно, въ такомъ случаѣ должна быть строго проведена идея паритетности религій. Мы не можемъ принимать въ качествѣ руководства тѣ западно-европейскія, исторически складывавшіяся законодательства, въ которыхъ уголовная охрана является привилегіей лишь нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій, прошедшихъ чрезъ контроль государственной власти.

Министерскій законопроектъ распространяетъ уголовную охрану и на нехристіанскія вѣроисповѣданія; это само по себѣ большой шагъ впередъ по сравненію со старымъ уложеніемъ, когда нехристіанскія религіи и непривилегированныя христіанскія не были охранены отъ грубѣйшихъ нарушеній религіозной свободы. Но законопроектъ сохраняетъ усиленныя репрессіи за нарушеніе постановленій, ограждающихъ христіанскія вѣры. Такія ограниченія, конечно, противорѣчатъ принципу религіозной свободы.

---

[1]) См. первый сборникъ.

При сохраненіи спеціальной уголовной охраны религіозныхъ вѣрованій требуется самая детальная классификація преступленій Только при такихъ условіяхъ религіозная свобода не будетъ нарушаться самымъ грубѣйшимъ образомъ. Наши уголовные законы, которые должны быть сохранены по министерскому проекту, требуютъ коренного измѣненія. Они отъ начала до конца непригодны, какъ по классификаціи преступленій, такъ и по несоотвѣтственности налагаемыхъ наказаній.

4 апрѣля 1907 г.

Старыя теоріи на новый ладъ.

Въ маѣ 1905 г, т.-е. уже послѣ опубликованія манифеста, провозгласившаго начала вѣротерпимости, въ селѣ Искрисковщинѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, произошелъ такой случай.

Мѣстные сектанты, принадлежавшіе къ числу такъ называемыхъ штундистовъ, въ праздничный день разбивали на полѣ навозъ. Мимо проходилъ крестный ходъ. Нѣкоторые изъ его участниковъ не удержались отъ кое-какихъ насмѣшливыхъ «замѣчаній» по поводу «безбожныхъ шелапутовъ»; произнесъ укоризны и самъ пастырь. Слово за словомъ, и отъ сектантовъ послышались критическія замѣчанія. Они были произнесены по адресу участниковъ крестнаго хода Итакъ, налицо явилось оскорбленіе, нанесенное во время отправленія православнаго общественнаго богослуженія, что отягощаетъ значительно вину по дѣйствующему уголовному кодексу. Сектанты, какъ и слѣдовало ожидать, были привлечены къ судебной отвѣтственности и осуждены по всей строгости закона.

Случай этотъ совпалъ какъ разъ съ той поѣздкой по югу Россіи, которую предпринималъ авторъ настоящей статьи «въ поискахъ вѣротерпимости; производилъ онъ въ то время тягчайшее впечатлѣніе. До 17 апрѣля примѣненіе на практикѣ нашего архаическаго законодательства, проникнутаго духомъ религіозной нетерпимости [1]) приводило еще къ болѣе тяжелымъ конфликтамъ между «правосудіемъ» и справедливостью). Передъ нами, и не разъ, раскрывались вопіющія картины. Описанный выше инцидентъ показывалъ, что не избавлены мы отъ нихъ и въ будущемъ, и невольно заставлялъ онъ задуматься надъ тѣми осязательными

---

[1]) См. первый сборникъ.

результатами, которые можетъ дать въ нашемъ отечествѣ существующая «свобода совѣсти».

Текущая дѣйствительность какъ бы выдвигаетъ вновь этотъ вопросъ на очередь. Въ самомъ дѣлѣ, только что ярославскій окружный судъ закончилъ разсмотрѣніемъ дѣло по обвиненію крестьянина Щетинина въ кощунствѣ по 2 и 3 ч. ст. 73 Угол. Улож (оскорбленіе словами Серафима Саровскаго); привлечены къ уголовной отвѣтственности старообрядческій журналъ «Церковь», издатель книги Вреде «Апостолъ Павелъ», авторъ прославленнаго романа «Санинъ» и т. д. За недостаткомъ данныхъ трудно разобраться въ перечисленныхъ конкретныхъ случаяхъ. При тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя существуютъ между теоріей дѣйствующаго конституціоннаго строя и практикой, безспорно, число подобныхъ обвиненій можетъ значительно возрасти. Поэтому не будетъ лишнимъ еще разъ обратить вниманіе на ненормальности, связанныя съ классификаціей религіозныхъ преступленій по современному уголовному кодексу, въ то время, когда и соотвѣтствующія комиссіи въ Государственной Думѣ заняты разсмотрѣніемъ министерскихъ законопроектовъ, спаивающихъ новые принципы со старымъ законодательствомъ

Характерной чертой нашего законодательства, какъ извѣстно, является разграниченіе религіозныхъ ученій по рангамъ Религія оцѣнивается, какъ опора государственнаго порядка; по этому принципу полезности или вреда опредѣляется положеніе, которое занимаетъ то или другое вѣроисповѣданіе: религіи христіанскія и нехристіанскія, религіи покровительствуемыя и непокровительствуемыя. Религія заслуживаетъ большей или меньшей охраны исключительно лишь какъ одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государства. Старое Уложеніе соединяло религіозныя преступленія съ государственными, т.-е. въ полной мѣрѣ осуществляло идеи полицейскаго государства. Новое Уголовное Уложеніе пыталось оттѣнить самостоятельность религіозныхъ преступленій. Но къ этому только и свелись въ сущности его новшества. Принципъ полезности остался во всей неприкосновенности. Поэтому охрана, даваемая закономъ, чрезвычайно неравномѣрна: она «слишкомъ мала для нехристіанскихъ вѣроисповѣданій и чрезмѣрна для нѣкоторыхъ покровительствуемыхъ исповѣ-

даніи». Конечно, православіе охраняется съ особой ревностью. Наконецъ цѣлый рядъ религіозныхъ ученій оказывается внѣ охраны закона...

Министерскіе законопроекты, представленные въ Государственную Думу, не любятъ вводить новыхъ принциповъ; они стремятся лишь установить нѣкоторую «справедливость» примѣнительно къ началамъ правового строя. Ссылкой на старые аргументы, которыми пользовался прежній законодатель, и на западно-европейскую практику министерскіе законопроекты сохраняютъ усиленную репрессію въ «наказуемости посягательствъ, направленныхъ на христіанскія вѣроисповѣданія, сравнительно съ аналогичными посягательствами на нехристіанскія вѣроисповѣданія», т.-е. сохраняютъ различіе, устанавливаемое стт. 74—77 Уг. Улож. Но такъ какъ «неправильно оставлять безъ уголовной охраны нехристіанскія вѣроисповѣданія при наличности тѣхъ же условій, при какихъ уголовный законъ ограждаетъ вѣроисповѣданія христіанскія», то министерство находитъ, что тѣ части стт. 76 и 77, въ которыхъ опредѣляется составъ преступныхъ дѣяній, учиняемыхъ противъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, должны быть изложены соотвѣтственно постановленіямъ статей 74 и 75, ограждающихъ христіанскія вѣроисповѣданія.

Новое Уложеніе признавало наказуемымъ лишь то поношеніе *признаннаго* въ Россіи нехристіанскаго вѣроисповѣданія, которое совершено въ молитвенномъ домѣ или при публичномъ совершеніи религіознаго служенія; министерскіе законопроекты, такимъ образомъ, нѣсколько расширяютъ объемъ этой охраны. Различіе сохраняется въ видѣ усиленной репрессіи. Однако министерскіе законопроекты совсѣмъ не распространяютъ на нехристіанскія вѣроисповѣданія дѣйствіе 73 ст., т.-е. статьи, предусматривающей богохуленіе и оскорбленіе святыни. Это—уже исключительно привилегія христіанскихъ церквей, притомъ привилегія церквей покровительствуемыхъ, т.-е. православной, римско-католической и армяно-григоріанской (евангелическо-протестантская не указана въ перечисленіи прилож. I Угол. Улож. къ ст. 73). Да и то еще спорный вопросъ, не придаетъ ли Уголовное Уложеніе богохуленію исключительно православный характеръ?

Эти разнорѣчія въ толкованіяхъ показываютъ всю неустойчивость и эластичность въ интерпретаціи нашего закона. Поносить святыни нехристіанскія (евреевъ, магометанъ и т. д.), святыни непокровительствуемыхъ христіанскихъ церквей, разнообразныхъ сектъ каждый можетъ безнаказанно. Если мы возвратимся къ примѣру, взятому нами изъ жизни, то увидимъ, что сектантъ, осмѣлившійся поносить православіе, напримѣръ, во время крестнаго хода, т.-е въ моментъ общественнаго богослуженія, заслужитъ срочную каторгу или поселеніе; православный, позволившій себѣ то же самое по отношенію къ сектанту, является безнаказаннымъ. Конечно, это—абсурдъ въ правовомъ государствѣ. Ни одно изъ новѣйшихъ западно-европейскихъ законодательствъ такого принципа не проводитъ. Законодатель можетъ установить въ данномъ случаѣ лишь общій принципъ, а не детализировать его, какъ дѣлаетъ нашъ законъ,—въ противномъ случаѣ всегда извѣстныя религіозныя ученія окажутся внѣ сферы примѣненія закона.

Проблема свободы совѣсти въ идеальномъ своемъ разрѣшеніи требуетъ полнаго равноправія религій. Но послѣднее можетъ быть достигнуто лишь при раздѣльности церкви и государства. Однако элементарная справедливость можетъ быть осуществлена и въ томъ государствѣ, которое далеко еще отъ провозглашенія этого обособленія. И въ немъ уголовно-правовая охрана должна сводиться лишь къ обезпеченію религіозной свободы, т.-е. къ охранѣ всѣхъ вѣроисповѣданій отъ грубыхъ поползновеній

Можно много спорить о томъ, должно ли вообще религіознымъ деликтамъ придавать специфическій характеръ, т.-е. трактовать ихъ какъ преступленія sui generis, выдѣлять въ силу особой ихъ важности изъ категоріи аналогичныхъ правонарушеній, направленныхъ противъ гражданской свободы. По нашему мнѣнію, для такого выдѣленія, какъ уже неоднократно указывалось, нѣтъ никакихъ логическихъ основаній. Въ такой специфической охранѣ проявляется та же закваска стараго режима, и законодатель, стоящій на этой почвѣ, никогда не сможетъ выйти изъ неизбѣжныхъ противорѣчій и неясностей, съ которыми сопряжена классификація религіозныхъ преступленій. Но мы вхо-

димъ здѣсь въ сущности уже въ область спеціальной криминалистики, которой равно принадлежитъ и область опредѣленія сущности религіозныхъ деликтовъ, и момента ихъ возникновенія, и т. д. Представители современной науки въ значительномъ большинствѣ своемъ считаютъ нужнымъ выдѣлять въ особую группу религіозныя преступленія, какъ преступленія, затрогивающія наиболѣе чувствительную сторону человѣческой совѣсти,—чувство благоговѣнія. Тѣмъ не менѣе, дѣло при такой постановкѣ вопроса не измѣняется,—религіозные интересы вѣдь дороги всѣмъ вѣроисповѣднымъ группамъ одинаково; отсюда вытекаетъ и равенство въ уголовно-правовой охранѣ, которую предоставляетъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ государство, и для магомеганъ и для язычниковъ божество требуетъ особо почтительнаго отношенія.

Столь же несомнѣнно, что не всякій религіозный деликтъ, не всякое неуваженіе къ объектамъ религіознаго поклоненія и религіозныхъ дѣйствій могутъ быть отнесены къ числу уголовно-наказуемыхъ преступленій. Здѣсь требуется особенно тщательная регламентація, иначе не можетъ существовать никакая научная критика религіозныхъ ученій. Эта критика всегда можетъ быть сочтена оскорбленіемъ религіозныхъ вѣрованій. Вотъ почему и издатель книги «Апостолъ Павелъ» могъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Лишь грубыя выраженія религіозной нетерпимости, попраніе религіозной свободы, право каждаго гражданина свободно самоопредѣляться въ сферѣ религіознаго мышленія,—эти только дѣйствія и могутъ преслѣдоваться уголовнымъ закономъ.

Министерскіе законопроекты стоятъ на другомъ полюсѣ по сравненію съ указанной точкой зрѣнія. Помимо теоретическихъ соображеній и ссылокъ «историческихъ» законопроекты для большей авторитетности и «научнаго» обоснованія выставленныхъ въ нихъ позицій дѣлаютъ справки и съ западно-европейской практикой. Какъ приходилось, однако, уже отмѣчать, эти справки носятъ тенденціозный характеръ: авторы исключительно ссылаются на тѣ кодексы, которые еще полны пережитками и, слѣдовательно, стоятъ на точкѣ зрѣнія средневѣковой въ сущности доктрины полицейской охраны религіи. Сдѣлавъ сравненіе съ австрійскимъ

Уложеніемъ 1852 г., германскимъ—1871, министерскіе законопроекты приходятъ къ выводамъ «Признаніе государствомъ свободы совѣсти не подразумѣваетъ вовсе, какъ необходимаго условія, совершенно одинаковаго отношенія законодательства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ». Что большинство современныхъ законодательствъ въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній не стоитъ на высотѣ научнаго уровня, никто оспаривать не будетъ: далеко еще не вездѣ проведена въ жизнь идея равноправія культовъ; вѣроученія, прошедшія чрезъ контроль государственной власти, пользуются исключительными привилегіями. Однако знакомство съ новѣйшими западно-европейскими уложеніями показываетъ, что они рѣшительно порываютъ съ прошлымъ и кореннымъ образомъ измѣняютъ свою точку зрѣнія на разныя религіозныя преступленія Намъ уже приходилось останавливаться на этой сторонѣ вопроса Въ книгѣ проф Познышева «Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы» авторы министерскихъ законопроектовъ могли бы найти наглядную сравнительную таблицу, изъ которой опредѣленно явствуетъ отмѣченный процессъ.

Наше новое Уголовное Уложеніе и министерскіе законопроекты временами придерживаются уже совсѣмъ отжившихъ точекъ зрѣнія. Иллюстрацію какъ разъ даетъ приведенная выше ст. 73 Угол. Ул. Если взять первую половину этой статьи, говорящую о «возложеніи хулы на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога», то окажется, что здѣсь въ сущности имѣется въ виду непосредственное оскорбленіе божества. Такое пониманіе блассфеміи отзывается уже слишкомъ средневѣковыми представленіями. Конечно, въ наши дни, казалось бы, можно говорить лишь о поношеніи извѣстной религіозной идеи, отвлеченнаго, догматическаго понимания божества, т.-е. о богохуленіи въ смыслѣ поношенія извѣстныхъ религіозныхъ вѣрованій. Новѣйшіе западно-европейскіе кодексы не знаютъ совсѣмъ религіознаго деликта, именуемаго богохуленіемъ. Тамъ, гдѣ этотъ деликтъ еще сохраняется, подъ нимъ разумѣется не личное посягательство на божество, а лишь поношеніе догматовъ о божествѣ Какъ справедливо отмѣчаетъ г. Ширковъ, авторъ интересной работы «Уголовно-правовая охрана религіозной свободы», эта группа ре-

лигіозныхъ преступленій постепенно исчезаетъ, и центръ тяжести переносится на преслѣдованія дѣяній, направленныхъ противъ религіозной свободы.

Цѣлью нашего дѣйствующаго законодательства, а равно и министерскихъ законопроектовъ является охрана религіи съ ея догматами, а не религіозной свободы. Здѣсь-то и лежитъ главное расхожденіе министерскихъ законопроектовъ съ теоріей, устанавливаемой современной наукой, и требованіями, выдвигаемыми жизнью Архаическое пониманіе «религіозныхъ преступленій» отбрасываетъ авторовъ министерскихъ законопроектовъ на старый берегъ средневѣковья.

11 мая 1908 г.

«Не отомстиши дважды за едино».

Намъ не разъ уже приходилось останавливаться на министерскомъ законопроектѣ, касающемся отмѣны «законоположеній, допускающихъ вмѣшательство гражданской власти въ духовныя отношенія частныхъ лицъ». Мы видѣли, какъ непослѣдовательно министерскій законопроектъ проводитъ въ жизнь принципъ отмѣны тѣхъ политическихъ и гражданскихъ ограниченій, которыми обильно было снабжено наше прежнее законодательство.

Среди ограниченій, устанавливаемыхъ закономъ, есть статьи, сужденіе о которыхъ министерство рѣшилось высказать лишь по особому сношенію съ Синодомъ, такъ какъ статьи эти, по словамъ законопроекта, «затрогиваютъ существенные интересы православной церкви». Рѣчь идетъ о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя связаны съ оставленіемъ или лишеніемъ сана священнослужителей и монашествующихъ лицъ. Въ настоящее время при участившихся случаяхъ лишенія сана указанныхъ лицъ вопросъ объ ограниченіяхъ политическихъ и гражданскихъ, сопровождающихъ означенный актъ, пріобрѣтаетъ большое практическое значеніе.

Законъ гласитъ. священнослужителямъ, добровольно сложившимъ съ себя духовный санъ, воспрещается вступить въ какой бы то ни было родъ гражданской службы: священникамъ—ранѣе десяти лѣтъ, діаконамъ—ранѣе шести; для священнослужителей, лишенныхъ духовнаго сана за пороки и неблагочестивые поступки, срокъ этотъ удваивался; лицу, добровольно сложившему съ себя монашеское званіе, и церковнымъ причетникамъ, исключеннымъ изъ духовнаго званія за пороки, вовсе запрещается поступать на государственную службу

Но что еще важнѣе, всѣ эти лица не могутъ быть избираемы ни въ земскіе, ни въ городскіе гласные, ни въ члены Государственной Думы. Затѣмъ идетъ еще цѣлый рядъ уже менѣе существенныхъ правоограниченій: бывшіе священнослужители лишены права въѣзда въ столицы въ теченіе семи лѣтъ, а монахи— и въ тѣ губерніи, гдѣ они состояли въ «монашествѣ»; эти лица возвращаются въ «первобытное свое состояніе», имъ не зачитается служба въ духовномъ званіи, не возвращаются имѣвшіеся до поступленія въ духовный санъ свѣтскіе чины и т. д. Для монаховъ, кромѣ того, неисполненіе указанныхъ статей закона сопровождается угрозой высылки въ Сибирь на всегдашнее пребываніе.

Перечисленныя ограниченія, конечно, не вяжутся съ принципами, на основаніи которыхъ реформируется наше законодательство. Доказывать это, въ свою очередь, пожалуй, будетъ анахронизмомъ. Даже Правительствующій Синодъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ высказался за отмѣну нѣкоторыхъ изъ этихъ ограниченій, введенныхъ въ качествѣ законодательной нормы по представленію Синода Высочайшей резолюціей 22-го февраля 1839 года. Синодъ полагаетъ возможнымъ отмѣнить «ограниченія для бывшихъ священнослужителей и воспрещенія для бывшихъ въ монашескомъ званіи лицъ поступать на государственную службу, а для послѣднихъ и имѣть жительство въ столицахъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣмъ этимъ лицамъ воспрещено было проходить таковую службу въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ они состояли священнослужителями или монахами, и чтобы сохранено было въ дѣйствіи на будущее время воспрещеніе для бывшихъ монаховъ проживать и приписываться въ той губерніи, гдѣ они состояли въ монашествѣ». Послѣднія оговорки мотивируются возможностью «крайне вреднаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи соблазна среди православнаго населенія»

Заслушавъ приведенныя сужденія Святѣйшаго Правительствующаго Синода и «не считая возможнымъ возражать противъ» нихъ, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ законопроекту, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ измѣнило стт. 12 и 13 Уст. о служб. гражд. и ст. 415 Зак. о сост. сообразно заключенію Синода. Та-

кимъ образомъ и здѣсь министерство остановилось на полдорогѣ.

По министерскому законопроекту рядъ ограниченій сохраняетъ свою прежнюю силу. Между тѣмъ, если посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія самого Синода или Министерства Внутреннихъ дѣлъ, то невозможно найти никакихъ логическихъ основаній для сохраненія многихъ изъ этихъ ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣетъ запрещеніе въѣзда и проживанія въ теченіе 7 лѣтъ въ столицахъ, когда разрѣшено поступать на гражданскую службу? Выходитъ, какъ справедливо замѣчаетъ докладчикъ въ думской коммисіи по дѣламъ православной Церкви свящ. Титовъ, что «можно считаться заслуживающимъ довѣрія, чтобы нести отвѣтственныя обязанности по государственному управленію, и въ то же время быть неблагонадежнымъ для въѣзда въ столицы, хотя бы и по служебной командировкѣ». Такимъ же анахронизмомъ отзываются и остальныя ограниченія.

Конечно, особенный интересъ представляютъ тѣ ограниченія, которыя отнимаютъ право общественнаго представительства у лицъ, лишенныхъ духовнаго сана или званія за пороки. Въ обстоятельномъ докладѣ свящ. Титова чрезвычайно наглядно показывается абсурдность сохраненія этихъ ограниченій.

Государство, говоритъ авторъ, можетъ наказывать «лишь за преступленіе, караемое уголовнымъ закономъ, слѣдовательно по суду общегосударственному; оно не можетъ карать за поступки или образъ мыслей, правда, не согласные съ установившимися воззрѣніями религіознаго общества, но не запрещенные уголовнымъ закономъ». Между тѣмъ взгляды свѣтскаго и церковнаго судовъ на одно и то же дѣяніе существенно расходятся. «Въ церковныхъ канонахъ, на основаніи которыхъ лишаются сана или званія, — говоритъ докладчикъ, — подъ именемъ преступленій и проступковъ разумѣются пороки, грѣхи, сплошь и рядомъ встрѣчаемые всюду, иногда даже несчастныя ошибки, которыя не могутъ подлежать наказанію по суду гражданскому или презрѣнію по суду общественнаго мнѣнія». Духовныя лица могутъ быть лишены избирательныхъ правъ, напримѣръ, за слѣдующія «преступленія»: за нарушеніе цѣломудрія, за совершеніе обряда вѣнчанія

надъ лицами, состоящими въ первыхъ четырехъ степеняхъ родства, за неуваженіе къ дому Господню и т. д. Если клирикъ вмѣсто вина принесетъ въ алтарь «иныя вещи», онъ также извергается изъ сана; кто приметъ на себя мірскія попеченія», кто безъ воли епископа служитъ вельможамъ, кто досадитъ царю или князю не по правдѣ, кто досадитъ епископу, кто замѣченъ ядущимъ въ корчемницѣ, кто постится въ субботу или воскресенье, кто не постится въ среду и пятокъ, кто *удаляется отъ брака, мяса и вина по причинѣ гнушенія или ѣстъ звѣроядину, мертвечину, кто призываетъ іудея во время врачеванія болѣзни*, тотъ можетъ быть лишенъ сана, а слѣдовательно, и своихъ избирательныхъ правъ

Очевидно, и мудрый Соломонъ не сумѣлъ бы согласовать каноны съ основами государственнаго права! Само предсоборное присутствіе должно было признать, что если судить «вполнѣ» по канонамъ, то пришлось бы чуть ли не всѣхъ лишить сана. Судъ консисторскій, — Шемякинъ судъ, по признанію того же предсоборнаго присутствія, — можетъ приговорить «за что угодно и къ чему угодно»: «дѣла консисторскія рѣшаются по родству и знакомству»... по мздоимству секретарей и столоначальниковъ .. между четырехъ глазъ» столоначальника и пришедшаго «съ задняго крыльца»..

Эти свидѣтельства со стороны представителей духовенства и столь «компетентнаго» въ дѣлахъ господствующей церкви учрежденія, какимъ было предсоборное присутствіе, особенно цѣнны. Они показываютъ, къ какимъ несообразностямъ приводитъ излишняя уступчивость непомѣрно податливыхъ составителей министерскихъ законопроектовъ.

О томъ, что эти законопроекты не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія права, показываетъ само по себѣ все вышеизложенное.

4 апрѣля 1908 г.

Вѣроисповѣдные вопросы въ Думѣ.

Задача государства въ области религіи,—еще въ 1887 г. указывалъ В. Д. Спасовичъ,—можетъ быть только задача третчика, посредника, задача внѣисповѣдная, и единственный логическій принципъ, на которомъ могутъ быть построены вѣроисповѣдные отношенія безъ противорѣчій и колебаній, есть начало полной раздѣльности церкви и государства».

Такова, дѣйствительно, идеальная схема вѣроисповѣдной политики для правового государства. Для насъ пока это мечта отдаленнаго будущаго. Противорѣчія и колебанія, вѣроятно. еще долго будутъ находить себѣ реальное основаніе въ окружающихъ политическихъ условіяхъ.

Задача настоящаго момента свести къ возможному минимуму эти противорѣчія; создать такого рода конкретныя условія для осуществленія свободы совѣсти, чтобы послѣдняя не попиралась самымъ грубымъ образомъ тѣми, которымъ суждено, по крайней мѣрѣ, въ наши дни, быть ея проводниками въ жизни и до нѣкоторой степени даже контролерами.

«Свобода совѣсти вовсе не требуетъ отдѣленія церкви отъ государства»—разъяснялъ недавно въ думской комиссіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ и инославныхъ вѣроисповѣданій Владимировъ. Нѣтъ! Свобода совѣсти, конечно, требуетъ этого отдѣленія. Лишь то государство, которое совершенно обособилось отъ религіи, говоря языкомъ министерскихъ законопроектовъ, можетъ гарантировать гражданамъ полную свободу совѣсти; лишь то государство, которое приняло на себя задачу «третчика», можетъ обезпечить паритетность культовъ, что является однимъ изъ основныхъ требованій свободы совѣсти Государство, не произведшее подобнаго обособленія,

неизбѣжно будетъ вмѣшиваться въ область религіозной жизни гражданъ и создавать различные «ранги» вѣроисповѣданій. Это—почти аксіома, выведенная на почвѣ историческаго анализа. Но спора нѣтъ, религіозная свобода и при отсутствіи отдѣленія церкви отъ государства можетъ быть болѣе или менѣе достаточно обезпечена, какъ это мы наблюдаемъ въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ.

Если при данныхъ условіяхъ считается неосуществимой коренная реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства, установившихся въ Россіи, то отечественное законодательство должно сдѣлать шагъ впередъ къ осуществленію великой реформы и отдѣлить интересы религіи отъ интересовъ государственныхъ. Религія должна разсматриваться не какъ основа государственнаго общежитія, а какъ нѣчто цѣнное само по себѣ. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ принципъ необходимости каждому гражданину обезпечить возможно всестороннюю и полную свободу религіознаго самоопредѣленія. На такой именно актъ реформированія нашего архаическаго вѣроисповѣднаго законодательства должна вступить Государственная Дума, иначе она не найдетъ себѣ поддержки въ общественномъ мнѣніи.

Казалось бы, это обстоятельство должна была учитывать вѣроисповѣдная комиссія, приступившая нынѣ къ детальному разсмотрѣнію министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти. Но комиссія по указанному пути не пошла. Она, правда, отвергла проектъ «объ отдѣленіи церкви отъ государства» члена Думы, представителя фракціи правыхъ, Ткачева. Не отвергнуть этого изумительнаго творчества комиссія не могла,—вѣдь въ сущности предлагалось ни что иное, какъ подъ видомъ свободы совѣсти адептовъ первенствующей церкви установить въ полномъ смыслѣ инквизиціонную систему гоненій на инако мыслящихъ.

Въ этомъ проектѣ былъ выставленъ, какъ ни странно это звучитъ, принципъ «отдѣленія церкви отъ государства». Это отдѣленіе должно, по мнѣнію докладчика, коснуться только иностранныхъ и иновѣрныхъ церквей; мотивировалось оно, какъ видно изъ изложенія доклада, сдѣланнаго въ *Рѣчи*, необходимостью достиженія «возможно болѣе широкой свободы совѣсти». Но въ дѣйствительности послѣдняя

предпосылка была лишь внѣшней оболочкой: г. Ткачевъ вложилъ весьма своеобразное содержаніе въ понятіе объ отдѣленіи церкви отъ государства. Авторъ проекта понималъ отдѣленіе въ томъ смыслѣ, что государство должно отказать въ своей защитѣ всѣмъ религіямъ, кромѣ православной. Всѣ вѣроисповѣданія, такимъ образомъ, должны быть поставлены въ точномъ смыслѣ слова *внѣ закона*.

При такомъ оригинальномъ пониманіи отдѣленія церкви отъ государства мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что отдѣленіе церкви отъ государства (поскольку оно не затрогиваетъ православія) составляетъ исконное явленіе русской государственной жизни, характерной чертой которой было административно-полицейское вмѣшательство въ дѣла, затрогивающія свободу совѣсти обывателей. Ткачевскій проектъ, такимъ образомъ, далекъ даже отъ того status quo, сохранить который стремятся до нѣкоторой степени министерскіе законопроекты. Онъ призываетъ въ сущности къ возврату стараго, дореформеннаго состоянія,—болѣе того, онъ устанавливаетъ такого рода «свободу совѣсти», что и прежняя нетерпимость, пожалуй, лучше обезпечивала религіозныя нужды представителей различныхъ вѣроисповѣданій, чѣмъ законопроектъ, громко озаглавленный отдѣленіемъ церкви отъ государства.

Въ концѣ-концовъ докладчикъ всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія извѣстнаго опредѣленія Синода по поводу законопроектовъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ о свободѣ совѣсти. Опредѣленіе это отрицательно отнеслось къ министерскимъ законопроектамъ, найдя ихъ по какому-то роковому недоразумѣнію несоотвѣтствующими интересамъ первенствующей церкви. Впрочемъ, это недоразумѣніе легко выяснить, стоитъ обратить лишь вниманіе на то, что Синодъ въ своемъ опредѣленіи требуетъ даже большихъ привилегій для господствующей церкви по сравненію съ до-конституціоннымъ періодомъ.

Докладчикъ въ Государственной Думѣ не боялся раскрыть окончательно картъ. Ему нужно всѣ религіи поставить внѣ закона съ единственной цѣлью «упразднить статьи Уголовнаго Уложенія, карающія поноше-

ніе и надругательство надъ признанными въ Россіи исповѣданіями»...

«По мнѣнію г. Ткачева, — пишетъ N. N. въ *Рѣчи*, имѣвшій возможность прочесть докладъ въ подлинникѣ, — этого требуетъ свобода совѣсти, такъ какъ нельзя заставлять относиться съ уваженіемъ къ тому, что кажется смѣшнымъ и глупымъ». Поистинѣ своеобразная свобода совѣсти!

Творцамъ подобныхъ проектовъ нельзя не отдать должной дани за оригинальность мышленія въ духѣ истинно-русской самобытности. Имъ не слѣдовало бы, однако, забывать, что при осуществленіи ихъ пожеланій всякій иностранецъ получитъ право напомнить извѣстныя слова одного французскаго мыслителя XVI вѣка изъ среды монархомарховъ, писавшаго въ разсужденіи о тиранніи, что Московію и Турцію «должно считать не государствами, а соединеніями разбойниковъ».

Большинство членовъ Государственной Думы, конечно, хорошо помнятъ, что Россія «конституціонное» государство, иначе имъ бы не пришлось выступать въ почетной роли отечественныхъ законодателей.

И проектъ Ткачева почти единогласно былъ отвергнутъ.

Отвергнувъ «принципъ отдѣленія церкви отъ государства» въ ткачевскомъ изображеніи, комиссія перешла къ детальному разсмотрѣнію правительственнаго законопроекта.

Какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, вѣроисповѣдная комиссія при разсмотрѣніи министерскаго законопроекта «объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ» въ сущности присоединилась къ основнымъ положеніямъ этого законопроекта. Разрѣшивъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о наказуемости поношенія и оскорбленія религіознаго чувства, святыни и т. д., комиссія признала нужнымъ ввести градацію въ наказуемости за оскорбленіе различныхъ вѣроисповѣданій. Какъ видимъ, вѣроисповѣданія разбиты уже по рангамъ исповѣданія нехристіанскія, исповѣданія христіанскія и, какъ особая рубрика, господствующая православная церковь, охрана которой обезпечивается болѣе сильными карами. Здѣсь имѣются въ виду лишь такъ называемыя признанныя

государствомъ вѣроисповѣданія, на которыя министерскіе законопроекты распространяютъ охрану. Другими словами, эта охрана сама по себѣ уже ограничена.

Нетрудно предугадать, что и остальные тезисы министерскихъ законопроектовъ, по всей видимости, будутъ приняты безъ существенныхъ измѣненій. Но эти законопроекты еще всецѣло стоятъ на точкѣ зрѣнія полицейскаго типа охраны религіи. И тѣ коррективы, которые они вводятъ въ наше старое законодательство примѣнительно къ новымъ требованіямъ, слишкомъ недостаточны и къ тому же часто еще противорѣчивы. Мы уже указали, что министерскіе законопроекты стремятся по-старому охранять извѣстные религіозные догматы, а не религіозную свободу. Между тѣмъ тѣ представители науки, которые даже считаютъ, что религія должна являться предметомъ специальной уголовно-правовой охраны, т.-е., что религіозныя преступленія носятъ, такъ сказать, специфическій характеръ, конечно, понимаютъ эту охрану лишь въ смыслѣ охраны «свободы религіознаго самоопредѣленія». Такъ смотритъ, пожалуй, даже въ большинствѣ случаевъ и западно-европейское законодательство. «Область посягательствъ на свободу религіознаго самоопредѣленія должна ограничиваться,— говоритъ г. Ширковъ, цитированный нами выше авторъ статьи «Уголовно-правовая охрана религіозной свободы», напечатанной въ *Журналѣ Министерства Юстиціи*, — случаями нарушенія права каждаго не исповѣдывать никакихъ убѣжденій, исповѣдывать опредѣленныя, признаваемыя имъ за истину религіозныя убѣжденія, права измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію и права выражать эти убѣжденія во внѣ, т.-е. права свободы культа». Относя оскорбительное отношеніе къ предметамъ почитанія также къ числу объектовъ посягательствъ на религіозную свободу, конечно, для наказуемости слѣдуетъ требовать извѣстной «интенсивности» посягательства; другими словами, «при посягательствѣ на свободу религіознаго самоопредѣленія могутъ быть наказуемыми только такія дѣйствія, которыя наказуемы и при посягательствѣ на свободу вообще и на честь».

Министерскіе законопроекты, какъ мы видѣли, чрезвычайно далеки отъ такого пониманія. И вѣроисповѣдная комиссія въ Государственной Думѣ не вноситъ

никакихъ измѣненій въ общія руководящія идеи отечественнаго законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ. Комиссія, сохраняя прежнюю рубрикацію, признала лишь необходимымъ значительное смягченіе наказаній за религіозныя преступленія. Но этого еще слишкомъ мало. Нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что прежнія драконовскія кары находятся въ полномъ несоотвѣтствіи съ провозглашеннымъ нынѣ принципомъ свободы совѣсти. Онѣ, конечно, не могли быть сохранены.

24 февр. 1908 г

Защита старыхъ позицій.

Въ церковной, вѣроисповѣдной и старообрядческой комиссіяхъ Государственной Думы идетъ постатейное разсмотрѣніе министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти.

Присмотрѣвшись къ преніямъ въ этихъ комиссіяхъ, поскольку они улавливаются изъ газетныхъ сообщеній, нетрудно замѣтить значительный сдвигъ направо съ позиціи, которую заняли члены Министерства Внутреннихъ дѣлъ, выступающіе въ качествѣ офиціальныхъ представителей правительства. Быть-можетъ, точнѣе будетъ сказать, что прежде неясное, затуманенное общими фразами о признаніи неприкосновенности объявленной свободы совѣсти пріобрѣтаетъ въ поясненіяхъ, идущихъ со стороны представителей министерства, болѣе уже опредѣленный характеръ, и такимъ образомъ, еще ярче вскрываются противорѣчія министерскихъ законопроектовъ.

Министерство теоретически признавало, что манифестомъ 17 октября населенію было даровано право пропаганды; что всѣ ограниченія въ этой области находятся въ «полномъ несоотвѣтствіи» съ закономъ и, слѣдовательно, право проповѣди должно быть предоставлено «всѣмъ признаннымъ въ имперіи вѣроисповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и старообрядчеству, и отпавшимъ отъ православія сектамъ». Но въ дальнѣйшемъ эта теоретическая предпосылка, оболакиваясь конкретнымъ содержаніемъ, превращалась въ фикцію, такъ какъ всевозможныя «но», въ обилии разсыпанныя въ министерскихъ законопроектахъ, вводили длинный рядъ существенныхъ ограниченій въ предоставляемое якобы право пропаганды различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Здѣсь уже забывалось, что эти ограниченія, по признанію самого министерства, «чрезвычайно

трудно укладываются въ рамку логической аргументаціи».

Такъ обстояло дѣло въ министерскихъ законопроектахъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Государственной Думы. Нѣсколько иначе обстоитъ оно теперь.

Когда на засѣданіи комиссіи по дѣламъ старообрядцевъ въ присутствіи представителей Министерства Внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго и Арбузова обсуждается вопросъ о предоставленіи старообрядцамъ права пропаганды, Крыжановскій *протестуетъ* противъ этого, т.-е. протестуетъ уже противъ самаго принципа, признаннаго въ министерскихъ законопроектахъ.

Нетрудно усмотрѣть, подъ чьимъ вліяніемъ происходитъ этотъ сдвигъ вправо. Вспомнимъ недавнія резолюціи Правительствующаго Синода[1]), столь ярко высказавшіяся противъ свободы совѣсти! Вспомнимъ постановленіе съѣзда союза русскаго народа ходатайствованіемъ о снятіи съ очереди вопроса о всероссійскомъ церковномъ соборѣ, созывъ котораго долженъ внести въ церковь «еще большую смуту и вольнодумство». Столь же категорически высказываются представители Синода и въ думскихъ комиссіяхъ. Въ вѣроисповѣдной комиссіи съ ссылкой на основные законы было заявлено, что право пропаганды предоставлено лишь одной господствующей церкви и что не можетъ быть даже рѣчи о правѣ пропаганды другихъ исповѣданій.

Такая точка зрѣнія находитъ себѣ, конечно, горячую поддержку въ лицѣ правыхъ депутатовъ. Что же касается депутатовъ-священниковъ, то, по откровенному заявленію епископа Евлогія, они «обязаны» въ своей парламентской дѣятельности «считаться съ синодскими постановленіями».

Аргументы, которыми пытаются обставить свои поползновенія враги свободы совѣсти, иногда варьируются до удивительнаго разнообразія. Напримѣръ, въ вѣроисповѣдной комиссіи депутатъ Ветчининъ въ пользу монополіи пропаганды господствующей церкви приводилъ то соображеніе, что въ дѣйствительности лишь одна «только православная церковь признаетъ прин-

[1]) О нихъ см. слѣдующія статьи.

ципъ вѣротерпимости». Спора нѣтъ, это—аргументъ высшаго порядка по сравненію съ формальной, и притомъ невѣрной, ссылкой на основные законы. Но авторъ его долженъ былъ забыть всѣ тѣ инквизиціонные пріемы борьбы съ религіознымъ разномысліемъ, которые практиковала господствующая церковь еще такъ недавно, остатки этой системы, и понынѣ здравствующіе, и многое другое.

Однако въ думскихъ комиссіяхъ призывъ къ возрожденію практики «стараго порядка» не находитъ себѣ достаточнаго количества адептовъ. Въ комиссіяхъ, правда, иногда самымъ незначительнымъ большинствомъ, до сихъ поръ проходили мнѣнія, не солидарныя съ синодскими постановленіями, съ «философіей» истинно-русскихъ людей и той уступчивой позиціей, которую заняли нынѣ представители Министерства Внутреннихъ дѣлъ, авторы обсуждаемыхъ законопроектовъ. «Защита старыхъ позицій», т.-е. позицій, выставленныхъ въ министерскихъ законопроектахъ,— таковъ пока былъ еще лозунгъ дѣятельности думскихъ комиссій.

Министерскіе законопроекты пытались влить новое вино въ старые мѣха, сочетать старыя основы съ новыми вѣяніями, и этого имъ, конечно, не удалось. Получался заколдованный кругъ неизъяснимыхъ противорѣчій. Такія же новыя заплаты на старое, изношенное платье ставятъ и думскія комиссіи.

Наше архаическое законодательство по вѣроисповѣднымъ вопросамъ требовало бы коренной переработки, чего министерскіе законопроекты не совершили. Думскія комиссіи почти безъ измѣненій принимаютъ основныя положенія законопроектовъ; вводимыя ими новшества не принципіальнаго характера, а исключительно лишь практическаго. Вѣроисповѣдная комиссія, гдѣ возможно, сохраняетъ пріоритетъ господствующей церкви даже въ области уголовной наказуемости проступковъ противъ вѣры. Вѣроисповѣданія разбиты по рангамъ, и соотвѣтственно каждому рангу устанавливается градація наказаній. Новшества здѣсь заключаются въ нѣкоторомъ смягченіи уголовныхъ каръ по сравненію съ прежнимъ кодексомъ. Неужели это достаточно при признаніи свободы совѣсти? Вѣроисповѣдная комиссія признаетъ свободу пропаганды, какъ

признавали ее теоретически и министерские законопроекты. Впрочемъ, по отношенію къ распространенію среди православныхъ иныхъ вѣроученій это признаніе прошло въ комиссіи большинствомъ всего лишь одного голоса. Однако, чтобы это признаніе имѣло какое-нибудь реальное значеніе, неизбѣжно требуется устраненіе ст. 90 Угол. Улож., сохраненіе которой, несмотря на признаніе свободы пропаганды, усиленно отстаиваютъ министерскіе законопроекты. Будетъ ли она сохранена и вѣроисповѣдной комиссіей?

Этого можно бояться, основываясь на бывшихъ уже прецедентахъ.

Какъ только вѣроисповѣдная комиссія отъ теоретическаго разсмотрѣнія «принциповъ» перешла къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей закона, она не замедлила принять рѣшеніе, въ корень противорѣчащее признанію свободы религіозной пропаганды. И это рѣшеніе, уничтожавшее первое, прошло голосомъ предсѣдателя. Въ столь неустойчивомъ положеніи находятся рѣшенія комиссіи! Въ ст. 4 Уст. иносл. испов., комиссія по предложенію св. Комарецкаго совершенно неожиданно внесла текстъ, гласящій, что среди православныхъ право пропаганды остается лишь за православнымъ духовенствомъ. Нѣтъ нужды, конечно, что здѣсь заключается явное противорѣчіе съ предшествующими рѣшеніями. Такихъ противорѣчій въ достаточномъ количествѣ было въ прежнихъ законахъ, не мало ихъ и въ министерскихъ законопроектахъ. Говорятъ, что послѣднее рѣшеніе вѣроисповѣдной комиссіи, принятое надъ усиленнымъ давленіемъ, которое производится на священниковъ, членовъ комиссіи изъ синодскихъ круговъ. Давленіе это уже вызвало открытый протестъ среди нѣкоторыхъ членовъ комиссіи. Но дѣло, понятно, не въ «укоризнахъ», а въ совершившемся фактѣ.

Любопытно замѣчаніе, которое сдѣлалъ правительственный офиціозъ по поводу статьи *Моск. Вѣд.*, патетически восклицавшихъ, что съ лишеніемъ православія прерогативы пропаганды ничего не останется отъ того первенства и господства, которое предусматривается основными законами.

Россія согласна съ тѣмъ, что вопросъ не можетъ считаться рѣшеннымъ только потому, что мнѣніе сто-

ронниковъ свободной пропаганды получило въ думской комиссіи большинство одного голоса. Правительственный органъ, очевидно, забылъ, что принципіально то же признавалось и въ министерскихъ законопроектахъ.

Инцидентъ, происшедшій въ вѣроисповѣдной комиссіи, достаточно характеренъ для опредѣленія постановки вопросовъ свободы совѣсти въ Государственной Думѣ.

Не менѣе цѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ можно найти и въ работахъ церковной комиссіи.

Здѣсь на первыхъ порахъ нашли себѣ отзвукъ мнѣнія, въ свое время получившія признаніе еще въ работахъ Комитета Министровъ, — православная церковь должна быть освобождена отъ излишней опеки со стороны свѣтской власти. Церковная комиссія постановила: «Государство не имѣетъ права въ лицѣ свѣтской власти вмѣшиваться въ религіозныя дѣла православной церкви съ цѣлью сдѣлать ее орудіемъ своей политики и полицейскихъ мѣръ». Но этотъ принципъ невмѣшательства въ сущности остается теоретическимъ.

Присоединившись къ основнымъ положеніямъ доклада свящ. Титова, церковная комиссія такимъ образомъ опредѣляетъ границы вмѣшательства гражданской власти въ духовныя дѣла: государство должно охранять религію отъ насильственныхъ посягательствъ, вмѣшиваться въ духовныя отношенія частныхъ лицъ, когда вѣроученіе предписываетъ дѣйствія, противорѣчащія цѣлямъ государства; наконецъ, въ силу историческихъ условій государство провозглашаетъ первенствующее положеніе одного вѣроисповѣданія.

Какъ только дѣло изъ области теоретическихъ разсужденій переходитъ на практическую почву, немедленно же обнаруживается вся половинчатость рѣшеній церковной комиссіи. Первенствующее положеніе господствующей церкви по-старому понимается въ томъ смыслѣ, что церковь должна пользоваться содѣйствіемъ свѣтской власти для охраны своихъ правъ, т.-е. исключительныхъ передъ другими вѣроисповѣданіями преимуществъ; примѣромъ могутъ служить пренія по извѣстной ст. 298 Общ. Учр. Губ., предписывающей губернаторамъ содѣйствовать православному духовному начальству въ охраненіи правъ церкви, незыблемости

вѣры, борьбѣ съ ересями, расколами и т. д. Правительствующій Синодъ въ своемъ опредѣленіи требовалъ сохраненія этой статьи, требовала того же часть членовъ комиссіи во главѣ съ епископомъ Митрофаномъ. Большинствомъ голосовъ вторая половина статьи о защитѣ незыблемости вѣры и искорененіи ересей, однако, исключена. Первая же часть, идущая въ полный разрѣзъ съ элементарнымъ представленіемъ о свободѣ совѣсти, осталась нетронутой.

Такимъ образомъ отдѣльные коррективы, вводимые церковной комиссіей въ законопроектъ объ отмѣнѣ законоположеній, допускающихъ вмѣшательство гражданской власти въ духовныя отношенія частныхъ лицъ, не затрогивая общихъ руководящихъ принциповъ нашего законодательства, мало могутъ способствовать дѣйствительному осуществленію свободы совѣсти.

Принципъ невмѣшательства свѣтской власти въ духовную жизнь адептовъ господствующей церкви не долженъ быть, конечно, проводимъ за счетъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій. Иначе останется сдѣлать лишь одинъ шагъ къ осуществленію знаменитаго нынѣ проекта отдѣленія церкви отъ государства, представленнаго депутатомъ Ткачевымъ и знаменующаго свободу совѣсти для православныхъ и гоненія во имя этой проблематичной свободы совѣсти всѣхъ инако мыслящихъ.

15 марта 1908 г.

На полдорогѣ.

Министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти, какъ мы знаемъ, заняли своеобразное балансирующее положеніе, пытаясь сочетать, конечно, весьма неудачно, принципъ религіозной свободы со старой законодательной практикой. Но и эти слишкомъ уже приспособленные къ нашему «конституціонному» режиму законопроекты встрѣтили неодобреніе со стороны руководящаго органа господствующей церкви: Правительствующій Синодъ въ своемъ разъясненіи занялъ позицію, которую можно характеризовать какъ опредѣленное требованіе возврата къ дореформеннымъ порядкамъ. И составители министерскихъ законопроектовъ быстро пошли на уступки, отказываясь отъ своихъ «радикальныхъ» требованій; такая тактика еще рѣзче вскрыла противорѣчія, заключавшіяся въ этихъ законопроектахъ.

Въ думской комиссіи съ перваго же момента опредѣлились два противоположныхъ теченія. Одно изъ нихъ, слѣдуя компетентнымъ разъясненіямъ свыше, уже въ самомъ принципѣ религіозной свободы готово было усмотрѣть посягательство на православную церковь и, слѣдовательно, стремилось вовсе не къ тому, чтобы облечь въ реальныя формы нынѣ теоретически признанный въ нашемъ отечествѣ принципъ свободы совѣсти. Эта группа требовала закрѣпленія монополіи, правъ и преимуществъ господствующей церкви, отнюдь не считаясь съ тѣмъ, что такое требованіе кореннымъ образомъ противорѣчитъ даже самому элементарному представленію о свободѣ совѣсти; она даже скромныя новшества министерскихъ законопроектовъ склонна была облечь въ формы, которыя вмѣсто защиты и гарантіи неприкосновенности религіозной свободы должны были на практикѣ возродить полицейскія репрессіи давно прошедшихъ временъ; она шла въ своихъ

требованіяхъ возврата прошлаго даже дальше того, что существовало наканунѣ конституціи.

Другое теченіе отстаивало позицію компромиссовъ министерскахъ законопроектовъ и отчасти пыталось устранить нѣкоторыя слишкомъ уже рѣзкія противорѣчія, заключающіяся въ этихъ законопроектахъ.

Вслѣдствіе такого коренного разногласія работы думской вѣроисповѣдной комиссіи на первыхъ порахъ получили въ высшей степени неустойчивое положеніе. Ни у одной изъ группъ не было компактнаго большинства; отсюда вытекали совершенно невозможныя постановленія. Комиссія по одному и тому же вопросу ухитрялась въ двухъ собраніяхъ принимать рѣшенія, уничтожающія одно другое; рѣшенія проходили большинствомъ одного или двухъ голосовъ; на одномъ засѣданіи отмѣнялись статьи, обезпечивающія за одной господствующей лишь церковью монополіи религіозной пропаганды, на другомъ сохранялись статьи, воспрещающія прпаганду всѣмъ вѣроученіямъ, кромѣ церкви православной. Получался калейдоскопъ грубыхъ противорѣчій, аналогичныхъ противорѣчіямъ министерскихъ законопроектовъ.

Трудно было предвидѣть, какіе результаты дастъ въ концѣ-концовъ работа вѣроисповѣдной комиссіи, тѣмъ болѣе, что прогрессивная часть послѣдней, обсуждая отдѣльныя статьи закона, не пыталась въ сущности установить тѣ общіе принципы, которые отнынѣ должны лечь въ основу нашего законодательства по вѣроисповѣднымъ вопросамъ. И здѣсь была нѣкоторая неясность, которая тормозила работу и содѣйствовала до нѣкоторой степени возможности появленія столь бьющихъ въ глаза противорѣчій.

Дѣло нѣсколько измѣнилось съ того момента, когда окончательно выяснилось, что проводники синодскихъ директивъ все же оказываются въ меньшинствѣ. Такое выясненіе повело за собой отказъ еп. Евлогія отъ предсѣдательства въ комиссіи, неудачную попытку провести въ комиссію для противовѣса оппозиціи особыхъ представителей отъ крестьянства и т. д. Въ комиссіи пошло дѣло глаже, было признано необходимымъ отмѣнить цѣлый рядъ статей нашего уголовнаго кодекса, предписывающихъ усиленныя репрессіи и кары за уклоненіе и совращеніе вѣрующихъ и т. п.

Вѣроисповѣдная комиссія 11 ноября 1908 г. единогласно уже признала свободу перехода изъ одной религіи въ другую; признала право перехода и въ нехристіанское вѣроисповѣданіе. Религіозная свобода облеклась, такимъ образомъ, въ болѣе подходящія формы. Но комиссія не сочла возможнымъ допустить, чтобы въ Россіи могли существовать люди, не принадлежащіе ни къ какой изъ признаваемыхъ государствомъ религій. Такимъ образомъ, сохраненіе принципа полицейскаго закрѣпощенія въ сферѣ религіозныхъ отношеній налицо.

Итакъ, несмотря на измѣнившіяся внутреннія условія работъ вѣроисповѣдной комиссіи, ждать послѣдовательнаго проведенія принципа свободы совѣсти въ ея работахъ не приходится. Тѣмъ не менѣе, комиссія все-таки пошла по пути творчества, не останавливаясь только на формальномъ обсужденіи министерскихъ законопроектовъ. Этимъ самымъ ея работа значительно отличается отъ работъ другихъ думскихъ комиссій. Поэтому же ея работы вызвали особое озлобленіе со стороны нашихъ реакціонеровъ, при всякомъ удобномъ случаѣ требующихъ изъятія вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ изъ компетенціи Государственной Думы. Напрасныя, однако, опасенія! По всей видимости, работы вѣроисповѣдной комиссіи не будутъ имѣть большого практическаго значенія въ смыслѣ установленія законодательныхъ нормъ на ближайшее время; онѣ представятъ лишь интересъ теоретическій. Вѣдь постановленія комиссіи далеко еще не являются постановленіями Думы. А по бывшимъ прецедентамъ можно судить достаточно опредѣленно о направленіи, которое придастъ работамъ вѣроисповѣдной комиссіи думское большинство.

10 декабря 1908 г.

Старообрядческій вопросъ въ третьей Думѣ.

Когда въ Государственной Думѣ дебатировался вопросъ объ образованіи особой старообрядческой комиссіи, всѣ представители старообрядческаго міра дали единодушный отвѣтъ: старообрядческія нужды не могутъ обсуждаться въ комиссіи по дѣламъ православной церкви На этомъ сошлись представители различныхъ партій и теченій. Членъ союза русскаго народа депутатъ Ермолаевъ, старообрядецъ, высказываясь за образованіе особой комиссіи, признавалъ нужнымъ въ случаѣ отклоненія этого предложенія организовать старообрядческій отдѣлъ въ общей *вѣроисповѣдной* комиссіи. Такое предложеніе дѣлалось въ противовѣсъ желаніямъ партійныхъ единомышленниковъ г. Ермолаева, протягивавшихъ «любовно руку» старообрядцамъ и предлагавшихъ имъ присоединиться на правахъ автономной группы къ церковной комиссіи.

Какъ въ сущности характерна позиція, занятая депутатомъ Ермолаевымъ! Лишь только былъ выдвинутъ вопросъ о старообрядческихъ нуждахъ, депутату пришлось такъ или иначе констатировать, что вѣроисповѣдная комиссія въ составѣ представителей различныхъ религіозныхъ теченій лучше сумѣетъ представить Государственной Думѣ нужды старообрядцевъ, чѣмъ комиссія изъ лицъ, идеологически близкихъ старообрядцамъ по вопросамъ догматики.

Въ данномъ случаѣ депутаты-старообрядцы выражали опасеніе, которое раздѣляютъ самые широкіе слои старообрядческаго общества. Сдѣланное гр. Бобринскимъ предложеніе о томъ, чтобы законопроекты о старообрядцахъ сдавались не въ вѣроисповѣдную, а въ церковную комиссію, вызвало большую тревогу, какъ

бы самъ по себѣ весьма несовершенный законъ 17 октября 1906 г. о старообрядческихъ общинахъ не вышелъ изъ Думы еще съ большими ограниченіями. Эти опасенія имѣютъ за собой реальную основу. Для старообрядцевъ слишкомъ памятно отношеніе, которое встрѣтилъ еще такъ недавно законъ 17 октября въ предсоборномъ присутствіи, т.-е. въ учрежденіи, выражавшемъ мнѣнія того теченія среди представителей главенствующей церкви, которое нынѣ протягиваетъ «любовно руку для возсоединенія».

Любопытныя пренія, происходившія въ предсоборномъ присутствіи и опубликованныя въ «*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*», по поводу закона 17 октября 1906 г. о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, чрезвычайно характерны для церковной бюрократіи. Законъ 17 октября, изданный въ порядкѣ верховнаго управленія, мало удовлетворителенъ съ точки зрѣнія права; по мнѣнію же предсоборнаго присутствія, задачи котораго—разработать программу необходимыхъ преобразованій православной церкви согласно объявленной свободѣ совѣсти, — этотъ законъ подрываетъ православную Церковь, «духовно-органическую силу русской народности». Оказывается, что законъ 17 октября нарушаетъ права православныхъ; по мнѣнію присутствія, въ Россіи въ настоящее время получаютъ права гражданства всякія стремленія, направленныя къ разложенію церковной жизни; всякое «придуманное религіозное ученіе» изъ частнаго дѣла черезъ санкцію государства получаетъ публичный характеръ, государство нынѣ даетъ новымъ сектамъ не только право на существованіе, но и помогаетъ имъ развиваться.

Законъ 17 октября лишь началъ еще функціонировать, а уже въ предсоборномъ присутствіи раздаются голоса о необходимости ограничить права новыхъ религіозныхъ обществъ во имя сохраненія «церковной идеи», которую убиваетъ въ русскомъ народѣ новый законъ. Будущіе реформаторы государственной церкви на началахъ свободы совѣсти высказываютъ даже опасенія, что законъ 17 октября будетъ содѣйствовать освобожденію отъ воинской повинности массы лицъ; они боятся, что все народонаселеніе превратится въ настоятелей, освобождающихся отъ военной службы. По мнѣнію большинства, церковь должна защищаться.

Въ этомъ духѣ и выносится постановленіе предсоборнаго присутствія: «Законъ 17 октября можетъ способствовать разложенію церковной жизни и трудно примиримъ съ признаннымъ значеніемъ православной церкви въ русскомъ государствѣ».

Всѣ эти мысли далеко не новы; это старое опасеніе, что православіе не можетъ устоять безъ государственной охраны. Дѣятелямъ православія не мѣшало бы помнить, къ какимъ печальнымъ результатамъ привело уже вѣковое стремленіе поддержать авторитетъ церкви полицейскими мѣрами.

Что же касается до старообрядческаго міра, то эти пренія показали достаточно ярко, что могутъ представители старообрядчества ждать отъ тѣхъ, кто по тактическимъ соображеніямъ готовъ на время «любовно протянуть руку для возсоединенія». Естественно, что предложенія правыхъ встрѣтило единодушный отпоръ отъ старообрядцевъ-депутатовъ.

Дума вняла просьбамъ старообрядческихъ депутатовъ и высказалась за образованіе особой старообрядческой комиссіи.

Чрезвычайно интересно положеніе, которое заняли въ этомъ вопросѣ представители различныхъ партійныхъ группъ. Группа правыхъ, высказывавшихся противъ образованія отдѣльной комиссіи для старообрядцевъ, мотивировала, между прочимъ, свое предложеніе формальными соображеніями. Ясно, однако, что цѣль этой группы заключалась въ передачѣ вопроса о старообрядцахъ въ церковную комиссію. Между тѣмъ логически вопросъ о старообрядцахъ, конечно, долженъ былъ разрѣшаться въ общей вѣроисповѣдной комиссіи. Для старообрядчества, какъ религіозной группы, не пользующейся особымъ покровительствомъ со стороны государства, наравнѣ съ другими аналогичными группами важно получить нормальный уставъ религіозной общины. Для сторонниковъ свободы совѣсти не можетъ быть и рѣчи о томъ, что старообрядцы должны получить какія-либо преимущества передъ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ.

Октябристы мотивировали необходимость образованія специальной старообрядческой комиссіи соображеніями, идущими въ разрѣзъ съ принципомъ религіозной

свободы. Ораторъ этой группы стоялъ на точкѣ зрѣнія министерскихъ законопроектовъ, являлся сторонникомъ той условной свободы совѣсти, которая ставится въ зависимость отъ признанія большей или меньшей полезности для государства за тѣмъ или инымъ вѣроисповѣданіемъ. Оцѣнка религіи съ точки зрѣнія государственной пользы есть отрицаніе свободы совѣсти

Старообрядцы, отличающіеся преданностью «родинѣ и Престолу» должны быть выдѣлены изъ группы непокровительствуемыхъ вѣроисповѣданій при выясненіи вопроса о правахъ, которыя должны быть имъ предоставлены, — такъ въ сущности надо понимать мотивы, проводившіеся въ пользу учрежденія спеціальной старообрядческой комиссіи.

Этотъ мотивъ опредѣленно звучалъ во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ правительства по отношенію къ старообрядцамъ за послѣднее время. Еще при изданіи закона 17 октября правительственные офиціозы старались показать старообрядцамъ, что имъ было дано maximum возможнаго. И эти льготы были даны, главнымъ образомъ, за приверженность якобы старообрядцевъ «русскимъ» началамъ въ томъ своеобразномъ видѣ, какъ понимаютъ ихъ офиціозы. Изданіе закона о старообрядческихъ общинахъ въ знаменательную годовщину какъ бы подчеркивало политическое значеніе этого правительственнаго акта. Получивъ какъ бы отъ бюрократіи признаніе своихъ правъ наканунѣ выборовъ во вторую Государственную Думу, старообрядцы, оправдывая довѣріе, оказанное имъ правительственной властью, должны были поддержать тѣ политическія организаціи, которыя въ данный моментъ пользовались симпатіями и сочувствіемъ со стороны высшихъ центральныхъ правительственныхъ органовъ. Въ сущности даже довольно недвусмысленно указывалось, кому старообрядцы должны отдать свои голоса.

Но ни призывы «*Московскихъ Вѣдомостей*» вступить въ ряды союза русскаго народа, ни дѣятельность особой группы «колонтаевцевъ», направленная къ той же цѣли, не оказали желательнаго воздѣйствія на широкія массы старообрядчества [1]). Призывы эти встрѣтили дружный

[1]) См. нашу брошюру „Старообрядч. и освобод. движеніе“.

отпоръ, а когда раскрылись зубатовскіе пріемы, къ которымъ прибѣгали колонтаевцы, кредитъ ихъ и вовсе палъ.

Однимъ словомъ, надежды реставраторовъ стараго режима на реакціонныя настроенія старообрядчества не оправдались. И понятно,—тяжелая рука стараго режима была еще слишкомъ памятна для старообрядцевъ. Поддерживать его сторонниковъ равносильно было отказу отъ полученныхъ правъ. Это сознаніе давно уже внѣдрилось въ широкихъ кругахъ старообрядческаго общества. Послѣднее, не представляя изъ себя никакой опредѣленной политической организаціи (конечно, среди старообрядцевъ есть лица самыхъ разнообразныхъ общественно-политическихъ воззрѣній), за весьма малымъ исключеніемъ должно было понимать, что полученныя права явились однимъ изъ результатовъ, добытыхъ освободительнымъ движеніемъ, что дѣйствительная свобода вѣроисповѣданія стоитъ въ непосредственной связи съ успѣхами новой русской конституціи.

Нѣкоторыя явленія за истекшіе годы, непосредственно затрагивающія интересы старообрядческой церкви, еще разъ и довольно наглядно должны были показать представителямъ старообрядческаго міра, что лишь полная и окончательная ликвидація старыхъ порядковъ можетъ имъ гарантировать свободу ралигіозныхъ вѣрованій, лишь она можетъ обезпечить правильное и безпрепятственное функціонированіе старообрядческой церкви. Шагъ за шагомъ, почти незамѣтно, путемъ разнообразныхъ толкованій и разъясненій суживаются и ограничиваются права старообрядцевъ. На фонѣ существующей практики уже болѣе отчетливо вырисовываются всѣ тѣ дефекты закона 17 октября, о которыхъ намъ приходилось говорить не разъ [1]).

Въ Россію рѣшилъ пріѣхать старообрядческій бѣлокриницкій митрополитъ Макарій «для свиданія со своими братьями-епископами и для разрѣшенія церковно-іерархическихъ вопросовъ». Митрополитъ — законно-поставленный іерархъ и признанъ таковымъ австрійскимъ правительствомъ. Онъ долженъ быть признанъ, конечно, и въ Россіи съ момента признанія

[1]) См. Первый сборникъ.

правительствомъ старообрядческой іерархіи. Однако русскій консулъ въ Черновцахъ (въ Буковинѣ) получилъ категорическое извѣщеніе, что «въѣздъ въ Россію митрополиту Макарію, какъ таковому, разрѣшенъ быть не можетъ». Этимъ запрещеніемъ «нанесенъ жестокій ударъ свѣтлымъ надеждамъ» заграничныхъ старообрядцевъ. Какая же это свобода въ Россіи, — пишутъ они, — *темная* у васъ свобода и ѣхать къ вамъ, какъ видно, и преждевременно и опасно». Таковы результаты!

Старообрядцы вѣрили въ «силу» и «мощь» правительственныхъ актовъ, но «факты ихъ гнетутъ и разрушаютъ ихъ вѣру». Естественно растетъ тревога за будущее. Реакція расширяется; какъ отзовется она на положеніи старообрядцевъ? Надежды не могутъ быть радужными. Старообрядцевъ зазывали при выборахъ во II Государственную Думу въ лагерь реакціи. Старообрядцы не пошли туда и не могли итти, будучи связаны своей вѣковой борьбою противъ правительственной системы государственной церкви съ лагеремъ освобожденцевъ. Не такъ давно имъ многое сулилось; кое-что было даже дано. Но и эти уступки явились лишь результатомъ тактическихъ соображеній [1]). И когда надежды не оправдались, начались урѣзки. И не то же ли предсоборное присутствіе, долженствовавшее разработать программу преобразованій господствующей церкви въ духѣ объявленной свободы совѣсти, потребовало ограниченій закона 17 октября о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, находя его несовмѣстимымъ съ «признаннымъ значеніемъ православной церкви въ Русскомъ государствѣ»? И впредь ограниченія правъ старообрядцевъ и другихъ русскихъ диссидентовъ, вытекающія изъ практическаго примѣненія въ жизни идеи необходимости охранять силу православія полицейскими мѣрами, будутъ, конечно, итти crescendo. Въ этомъ отношеніи у старообрядцевъ не остается никакихъ сомнѣній послѣ бесѣды, которую имѣла наканунѣ созыва III Думы депутація старо-

---

[1]) Въ слѣдующей статьѣ „Изъ недавняго прошлаго“ приводятся характерные документы, прекрасно иллюстрирующіе мотивы этихъ правительственныхъ „уступокъ“. Разсказываемая исторія должна быть всегда памятна старообрядческому міру.

обрядцевъ съ предсѣдателемъ Комитета Министровъ. Депутація эта должна была представить П. А. Столыпину проектъ измѣненій закона 17 октября, выработанныхъ на VIII всероссійскомъ съѣздѣ старообрядцевъ. Но депутаціи дали понять, что «во вліятельныхъ петербургскихъ кругахъ слагается настроеніе не въ пользу старообрядцевъ», что «возможно ждать нѣкотораго ограниченія старообрядцевъ въ тѣхъ правахъ, какія имъ уже дарованы». Бесѣда съ премьеромъ во многихъ отношеніяхъ характерна. Въ ней было отмѣчено, что старообрядцы цѣнятся за ихъ приверженность «русскимъ» началамъ; отмѣчены были нѣкоторыя теченія въ старообрядческой «молодежи», не отвѣчающія правительственнымъ видамъ; отмѣчено было и то, что правительство, охраняя неприкосновенность господствующей церкви, не можетъ не ограничивать дѣятельности старообрядческихъ учрежденій, разъ они служатъ къ «соблазну» православныхъ и т. д.

Такимъ образомъ ближайшее будущее какъ бы вновь поставлено въ зависимость отъ поведенія самихъ старообрядцевъ. Передъ ними стоитъ дилемма, которую они должны разрѣшить уже болѣе опредѣленно, чѣмъ прежде· за старый или новый строй Россіи Ихъ религіозные интересы въ силу необходимости тѣсно сплетаются съ политическими интересами даннаго момента. При разрѣшеніи этого вопроса передъ ихъ глазами, какъ memento mori, должно стоять прошлое, — они должны помнить, въ какія уродливыя формы вылились тѣ незначительныя вѣроисповѣдныя льготы, которыя впервые были введены въ наше законодательство 3 мая 1883 г. Кто будетъ поддерживать идеологовъ стараго режима, тотъ собственноручно будетъ копать яму для старообрядчества.

Интеллигентные слои старообрядчества, очевидно, это прекрасно понимаютъ. Наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу «*Слово Правды*» пишетъ: «Русскимъ старообрядцамъ необходимо въ этотъ моментъ помнить, что свобода ихъ тогда только будетъ укрѣплена въ Россіи, когда въ Государственную Думу попадутъ люди, дѣйствительно способные осуществить Высочайшую волю Государя — «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности,

свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Только тогда у насъ будетъ не темная, а свѣтлая свобода». Но старообрядцамъ слѣдуетъ разобраться въ томъ, кто въ сущности «способенъ осуществить правовой строй Россіи. Пусть они оцѣнятъ способность» тѣхъ, для кого конституція является фиговымъ листомъ, лишь прикрывающимъ истинныя вожделѣнія реакціи.

Поведеніе главенствующей партіи въ Думѣ показало, какъ сильна еще въ «союзѣ 17 октября» закваска стараго режима. Аргументы даже лѣвыхъ октябристовъ въ пользу учрежденія особой старообрядческой комиссіи всецѣло черпались изъ идеологіи стараго порядка.

Сами старообрядцы отчетливѣе себѣ представляютъ дѣло и стоятъ на болѣе вѣрномъ пути, какъ показываетъ докладная записка, поданная старообрядцами въ Государственную Думу съ объясненіемъ необходимыхъ коррективовъ къ министерскому законопроекту о старообрядческихъ общинахъ.

Старообрядцы не желаютъ пользоваться никакими преимуществами, они хотятъ обладать лишь тѣми правами, которыя вытекаютъ изъ установленнаго нынѣ въ государственной жизни принципа религіозной свободы Съ точки зрѣнія этого принципа старообрядческая записка и подходитъ съ критикой министерскаго законопроекта объ устройствѣ старообрядческихъ общинъ, который въ дѣйствительности воспроизводитъ почти безъ измѣненій законъ 17 октября 1906 года. Отстаивая явочный порядокъ регистраціи, она считаетъ нужнымъ устранить всѣ тѣ статьи закона, которыя даютъ право неограниченнаго вмѣшательства администраціи во внутреннюю жизнь общинъ, до закрытія ея включительно. Эта критика представляетъ особенный интересъ. Разбирая законъ, мы предвидѣли, что его дефекты должны въ жизни вызывать большія осложненія. Старообрядческая записка основываетъ свои выводы на реальныхъ фактахъ, обнаружившихся въ теченіе еще сравнительно недолгой практики «временныхъ правилъ» о религіозныхъ общинахъ. И эти факты подтверждаютъ наши предположенія. «Если надъ общинами, — замѣчаетъ записка, — будетъ постоянно висѣть, какъ теперь, призракъ административнаго за-

крытія и перехода ихъ имущества въ распоряженіе правительства, то, естественно, старообрядцы будутъ относиться къ этому закону съ большимъ недовѣріемъ, усматривая въ немъ заднюю мысль. Между прочимъ, эта самая причина затормозила и образованіе общинъ на основаніи временныхъ правилъ 17 октября 1906 г., особенно въ селахъ и деревняхъ». Сказанное о старообрядческихъ общинахъ, конечно, можно отнести и ко всѣмъ другимъ. Долженъ быть одинъ нормальный уставъ религіозной общины, отвѣчающій требованіямъ свободы совѣсти, безъ тѣхъ ограничительныхъ условій, которыми желаютъ эту свободу обставить у насъ.

Выработать такого рода нормальный уставъ, какъ мы видимъ, и желаютъ старообрядцы. Конечно, для представителей старообрядчества понятно стремленіе въ пользу учрежденія спеціальной комиссіи, что и проявилось на засѣданіи Государственной Думы. Отечественное законодательство донынѣ выдѣляло ихъ въ особую группу; у нихъ есть свои спеціальныя нужды, выяснившіяся на практикѣ уже дѣйствующаго закона. Но учрежденіе особой комиссіи не затемняетъ ту постановку вопроса у старообрядцевъ, о которой мы говорили выше.

Старообрядцы исходятъ изъ того же принципа отдѣленія церкви отъ государства, что и мы. Въ данномъ случаѣ и все прогрессивное старообрядчество будетъ солидарно. Вся исторія старообрядчества — вѣковая борьба за свободу совѣсти.

Идея отдѣленія церкви отъ государства, къ осуществленію которой нынѣ стремится весь культурный міръ, всегда была популярна среди старообрядчества. Съ первыхъ дней возникновенія старообрядчества эта идея какъ нельзя болѣе ярко была формулирована самимъ основателемъ старообрядчества, его вождемъ и первымъ проповѣдникомъ — протопопомъ Аввакумомъ. Обличая «папежскую» ересь наиболѣе виднаго теоретика теократіи въ Россіи, своего идейнаго врага и современника патріарха Никона, богатырь-протопопъ писалъ свои знаменитыя слова въ посланіи къ Тишайшему: «Въ коихъ правилахъ писано царю Церковью владѣть и догматы измѣнять, Святая—кадить?» И эта идея раздѣльности церковнаго и государственнаго на-

чала красною нитью проходить черезъ всю двухсотпятидесятилѣтнюю исторію старообрядчества.

Въ одной старинной старообрядческой рукописи XVIII столѣтія мы находимъ такое рѣзкое сужденіе по поводу стремленій Петра: «Егда исполнится 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Руси сынъ его Петръ, и нача превозноситеся паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и... уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единаго превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую и именовался отецъ отечества и глава церкве россіискія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити... Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти въ Руси православную вѣру, свои новые умыслы уставляя, нова законоположенія полагая... и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ. Тако нача тои глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, зрите человѣцы и вонъмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка.. ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовался Петръ Первый, именовался божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книжка: «кабинетъ Петра»: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь черезъ Іеремію пророка взываетъ: *изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона...*»

Приведенный отрывокъ изъ старинной рукописи наглядно показываетъ, какъ относились старообрядцы къ подчиненію церкви государствомъ. Въ одной позднѣйшей старообрядческой рукописи, озаглавленной

«Зеркало для духовнаго внутренняго человѣка», еще болѣе опредѣленно говорится о вредѣ вмѣшательства государства въ дѣла, касающіяся лишь совѣсти человѣка. Вотъ что говорится въ ней: Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ «Одинъ рабъ двумъ господамъ работать не можетъ», но Онъ же говоритъ: «Воздадите убо кесаря кесареви, а божія Богови», поэтому царю слѣдуетъ только подати и оброки собирать; ему въ духовныя дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Духовное духовными разсуждается; какая же нужда царю за вѣры сажать въ крѣпости? Пускай всякая вѣра сама собою окажетъ плодъ евангельской добродѣтели; нѣтъ надобности мученіемъ приводить въ вѣру по подобію языческому. Какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскомъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры»...

Можно было бы привести еще не мало такихъ примѣровъ изъ старины. Взгляды старообрядцевъ въ огромномъ большинствѣ до послѣдняго времени не измѣнились.

Еще недавно «*Слово Правды*»,—газета, служащая выразительницей мнѣній австрійско-окружническаго старообрядчества,—писала въ статьѣ «Чего мы ждемъ отъ Государственной Думы» (№ 23 отъ 18 марта 1907 г.): «Изъ признанія принципа свободы совѣсти съ логической неизбѣжностью вытекаетъ отдѣленіе церкви отъ государства Это значитъ, созданіе такого положенія, чтобы государство освободилось отъ опеки духовенства и чтобы и церковь сбросила съ себя тяжелую лапу государства, освободилась изъ «плѣна Вавилонскаго»... Наша (т-е. старообрядческая) церковь, собственно, никогда не была въ связи съ государствомъ, а тѣмъ болѣе въ подчиненіи у него. Мы 250 лѣтъ боролись за свободную церковь».

«Претерпѣвая всѣ ужасы жестокихъ гоненій,—говорится въ общихъ соображеніяхъ, которыми сопровождается *одна изъ записокъ старообрядческихъ* въ Государственную Думу,— влача въ своей странѣ самую тяжелую и несносную жизнь, старообрядчество, однако, сохранило въ себѣ до настоящаго времени всю силу внутренней духовной жизни.

Цѣною измѣны своимъ вѣрованіямъ старообрядцы имѣли возможность всегда пріобрѣсти себѣ въ госу-

дарствѣ сносное и полноправное положеніе. Но они никогда не шли на эту измѣну. Они выше всего цѣнили велѣніе своей совѣсти, правоту своихъ вѣрованій и независимость церковнаго духа. Идя на плаху или на костеръ, они отстаивали принципъ свободы вѣры, они спасали ее отъ опеки правительственной власти. У старообрядцевъ отбирались богатѣйшіе храмы, разорялись ихъ монастыри и скиты, уничтожались ихъ древнія святыни, ихъ заставляли жестокими гоненіями бѣжать въ горы, лѣса, трущобы, на далекія окраины Россіи и за границу, тысячами ихъ сжигали и убивали. Все это старообрядчество вѣками пережило и перенесло, но измѣнить самому себѣ оно не могло; превратить свою церковь, эту совокупность живыхъ, вѣрующихъ душъ въ бездушный придатокъ къ государственной машинѣ, старообрядчество считало хуже смерти, ужаснѣе всѣхъ пытокъ и мученій. Христосъ и вѣрующія души, свободно, по совѣсти, идущія къ Нему,—вотъ тотъ взглядъ на церковь, отступить отъ котораго старообрядчество не можетъ ни при какихъ къ нему отношеніяхъ правительства, будь они слишкомъ жестоки или слишкомъ гуманны.

Во всемъ подчиняясь гражданской власти, неся повинности государственныя, отдавая себя на служеніе благу родины, не щадя жизни своей, старообрядцы, однако, свою совѣсть, душу и вѣру ревниво оберегали и хранили отъ посягательства на нихъ гражданскихъ и чуждыхъ имъ духовныхъ властей. «Кесарево—кесарю, а Божіе—Богови». Вотъ тотъ евангельскій фундаментъ, на которомъ построены отношенія старообрядчества къ государственной власти.

Исходя изъ этого понятія, старообрядчество и въ настоящее время, когда въ Россіи провозглашены начала вѣротерпимости и принципъ свободы совѣсти, можетъ, какъ общество людей вѣрующихъ, воспринять только тѣ о немъ законоположенія, которыя не нарушатъ его внутренней духовной жизни, не вносятъ въ нее чего-либо ей несвойственнаго и чуждаго».

«При разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти,—говорится далѣе въ той же запискѣ,—возникаетъ вопросъ и объ отношеніи церкви къ государству и о взаимоотношеніи церквей. Старообрядческая церковь, находясь въ постоянномъ преслѣдованіи правительствомъ, будучи

предоставлена только своимъ собственнымъ духовнымъ силамъ, лишь самой себѣ, въ силу этихъ историческихъ условій, являлась въ своей внутренней жизни совершенно свободной и независимой отъ вліянія и опеки государственной власти. Живя внѣ гражданскихъ законовъ, не будучи ими признанной, старообрядческая церковь тѣмъ не менѣе являла собой свѣтлый и безспорный примѣръ того, что не всегда писанные законы даютъ право на существованіе и что сущность и силу жизни даетъ обществу его внутренняя духовная связь. И если въ настоящее время представляется возможность думать и вѣровать свободно, по своимъ убѣжденіямъ, то это не мѣняетъ въ сущности положенія старообрядческой церкви, вотъ уже 250 лѣтъ фактически вполнѣ отдѣленной отъ государства, а ей дается лишь внѣшняя новая форма существованія. Но внутренно она должна быть попрежнему независимой Поэтому всякая попытка гражданской власти подчинить себѣ духовную жизнь старообрядчества будетъ встрѣчена какъ принужденіе совѣсти вѣрующихъ людей, и, какъ таковое, не должна имѣть мѣсто въ странѣ, провозглашающей принципъ свободы совѣсти. Отношенія старообрядчества, какъ союза вѣрующихъ, къ государству, могутъ быть только чисто внѣшними, юридическими. «Область Божія и область кесарева» не должны быть смѣшиваемы.

Старообрядческой церкви, находящейся все время подъ давленіемъ церкви господствующей, опиравшейся на всю мощь государственной власти, естественно также желать, чтобы всѣ церкви пользовались равными правами, и ни одна изъ нихъ *не имѣла бы преимуществъ*. Въ противномъ случаѣ всегда можетъ существовать опасеніе за вліяніе привелигированной церкви на государственную власть въ желаніи порабощенія другой церкви, что никакъ не совмѣстимо съ понятіемъ о свободѣ совѣсти».

Вотъ онѣ мысли протопопа Аввакума, воспроизведенныя на страницахъ современнаго старообрядческаго органа! Здѣсь — богатая почва для воспринятія антиклерикальныхъ идей. Лишь непониманіемъ сущности старообрядчества, непониманіемъ его взглядовъ на отношенія, долженствующія существовать между церковью и государствомъ, надо объяснять тѣ вожделѣ-

нія, которыя питаетъ «державный римскій папа и по нынѣ по отношенію къ старообрядцамъ

Свободная мысль подтачиваетъ архаическія основы папскаго престола, но тѣмъ не менѣе ряды его охранителей еще могущественны и сильны. Со всей вселенной собраны эти защитники папскаго величія; воспринявши въ совершенствѣ іезуитскую школу Ватикана, они расходятся по міру и несутъ съ собой мечтанія, которыя гнѣздятся въ умахъ «князей церкви» Ватикана. Это — старыя мечты теократіи. Не только объ утерянной свѣтской власти мечтаетъ Ватиканъ, нѣтъ мечты его грандіознѣе и шире. Передъ нимъ въ туманѣ рисуется идея всемірнаго владычества, признаніе главенства папы всѣми церквами — такъ въ тиши добровольнаго заключенія ватиканскій узникъ куетъ исподволь цѣпи европейской реакціи. Его святѣйшество съ особымъ усердіемъ обращаетъ, конечно, свои взоры на Россію, онъ лелѣетъ сладкія грезы о соглашеніи двухъ «высочайшихъ авторитетовъ въ старомъ свѣтѣ—духовной власти папы и единственной твердой въ Европѣ свѣтской власти». Такимъ иллюзіямъ предавался главный вдохновитель политики ватиканской пропаганды—покоиный папа Левъ XIII. Произойди такое соглашеніе,—и «тогда можно было бы побѣдоносно бороться со всѣми разрушительными движеніями: и съ нигилизмомъ, и съ соціализмомъ»,—такъ говорилъ Левъ XIII П. Д. Боборыкину въ частной аудіенціи (см. его «Вѣчный городъ»).

Ватиканъ ждетъ той «вожделѣнной минуты», когда произойдетъ «соединеніе вѣры»; онъ наивно вѣритъ въ осуществленія этой идеи, — вѣдь Ватикану нужно лишь признаніе главенства римскаго первосвященника. Левъ XIII разсылалъ не только свои энциклики о восточныхъ церквахъ; казна намѣстника св. Петра богата, армія, прошедшая іезуитскую школу, многочисленна, и папскіе эмиссары незамѣтно, шагъ за шагомъ дѣлаютъ свое дѣло по всей вселенной. Въ Ватиканѣ не брезгуютъ никакими средствами для достиженія цѣли. Преемникъ Льва XIII не менѣе горячо относится къ замысламъ св. коллегіи. Римская курія питаетъ «лучшія чувства» къ русскимъ. Россіи, быть-можетъ, онъ удѣлитъ наибольшее вниманіе, и здѣсь вы найдете немалое число тайныхъ пропагато-

ровъ папизма, пользующихся субсидіями изъ папской казны.

Естественно, что, не понимая сущности нашего сектантства, папскіе взоры обращаются на тѣхъ, кто не признаетъ духовнаго авторитета владыкъ господствующей церкви; здѣсь, среди гонимыхъ, надѣется св. коллегія съ наибольшимъ успѣхомъ посѣять сѣмена «единенія вѣры» подъ главенствомъ римскаго властелина. Но, конечно, безплодны старанія папскихъ эмиссаровъ тамъ, гдѣ пробудившаяся мысль разъ навсегда отвергла оковы церковной іерархіи. Останавливаютъ вниманіе Ватикана и тѣ элементы русскаго населенія, которые, отколовшись отъ господствующей церкви и не признавая главенства въ духовныхъ дѣлахъ такого учрежденія, какъ Синодъ, горячо привязаны къ идеѣ правильной церковной іерархіи и, временно лишенные ея, искони къ ней стремились, это—поповщинскій толкъ старообрядцевъ Года два назадъ въ Россію съ спеціальной миссіей изслѣдовать настроенія старообрядцевъ пріѣзжалъ папскій посланецъ — уніатскій священникъ Прослышавши о моихъ занятіяхъ по исторіи старообрядчества, папскій посланникъ счелъ долгомъ меня посѣтить. Это была оригинальная встрѣча, и при желаніи я могъ бы поступить на службу къ его святѣйшеству. Однако мнѣ пришлось глубоко разочаровать папскаго эмиссара.

Конечно, дѣятельность папскихъ пропагаторовъ въ старообрядческомъ мірѣ терпитъ полное фіаско.

Равнымъ образомъ до сихъ поръ терпѣли фіаско и всѣ отмѣченныя выше офиціальныя и полуофиціальныя попытки со стороны правящихъ сферъ оказать соотвѣтствующее давленіе на старообрядчество. Однако эти попытки стали принимать до извѣстной степени и реальныя формы за послѣднее время. Благопріятную почву они нашли себѣ въ томъ разслоеніи, которое стало замѣчаться послѣ 1905 г. въ старообрядческомъ мірѣ.

Прежняя солидарность въ различныхъ кругахъ старообрядческаго общества, создавшаяся на почвѣ религіозныхъ преслѣдованій, исчезла. И здѣсь началась неизбѣжная политическая диференціація. Демократическіе элементы стали совсѣмъ особнякомъ, въ полной

оппозиціи къ прежнимъ руководителямъ старообрядчества, которые въ значительной степени, что вполнѣ и понятно, принадлежали къ числу крупныхъ капиталистовъ.

Близорукая вѣроисповѣдная политика прежнихъ лѣтъ создавала огромные кадры недовольныхъ, кадры протестующихъ и ненавидящихъ установившіяся общественный режимъ въ той даже средѣ, которая и по своей идеологіи и по своему соціальному положенію всецѣло должна была стоять на сторонѣ правительства, защищающаго ея монополіи, ея привилегіи и различныя имущественныя права.

Не такъ еще давно все старообрядчество, почти безъ исключенія, было солидарно въ опредѣленіи вреда существованія полицейско-бюрократическаго строя. Вся крупная старообрядческая буржуазія находилась въ рядахъ протестантовъ, и это было болѣе чѣмъ понятно при господствовавшей системѣ самаго грубаго подавленія элементарныхъ основъ правового строя, когда людямъ не позволяли даже молиться по велѣніямъ своей совѣсти. Эти утѣсненія, затрогивающія самыя болѣзненныя и сокровенныя чувства людей сильныхъ и богатыхъ, влекли ихъ иногда противъ воли въ ряды той умѣренно-либеральной оппозиціи, конституціоннымъ требованіямъ которой они въ общемъ даже не сочувствовали; сюда влекло ихъ сознаніе, что безъ помощи этой оппозиціи она никогда не достигнетъ тѣхъ правъ, которыхъ тщетно въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ пыталась добиться яркимъ подчеркиваніемъ своеи благонамѣренности и щедрыми подачками и т. д

Надо было пошатнуть «мощный колоссъ» стараго режима, который въ упоеніи своимъ величіемъ и властью не желалъ никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ. Колоссъ пошатнулся, лелѣянныя права были достигнуты; они были даны якобы за вѣрность истинно-русскимъ началамъ. Прежнихъ оппозиціонеровъ оказалось не труднымъ въ значительной степени привлечь на свою сторону. Обычное пугало въ видѣ анархіи оказалось въ данномъ случаѣ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Старообрядческая буржуазія много лестнаго услышала себѣ въ правительственныхъ комиссіяхъ, разрабатывавшихъ оригинальную нынѣ осуществленную систему внедренія новыхъ

началъ въ старую бюрократическую машину, ей откровенно дѣлались посулы на будущее, и въ этихъ посулахъ слышалась несокрытая нотка косвенныхъ угрозъ возможности лишенія дарованныхъ льготъ, если она не сумѣетъ умѣрить освободительный порывъ, захватившій, конечно, и старообрядческую массу въ общій могучій народный потокъ. На этой почвѣ въ настоящее время въ прежде солидарномъ старообрядчествѣ, объединенномъ на почвѣ общихъ интересовъ въ борьбѣ за религіозную свободу, мы видимъ полное разслоеніе. демократическіе элементы расторгли противоестественный союзъ и вступили въ ряды русской демократіи для объединенной борьбы противъ возрастающей реакціи и ея близорукихъ приспѣшниковъ.

Такое разслоеніе отчетливо сказывается и въ направленіи литературы, и въ трудахъ, и даже въ разработкѣ законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. Въ жизни, конечно, оно еще сильнѣе.

Въ недавнее еще прошлое руководителями старообрядческаго общества являлась крупная буржуазія. Явленіе это легко объяснимо: милліонщики старообрядческіе по неизбѣжности пользовались извѣстнымъ авторитетомъ и вліяніемъ въ правительственныхъ кругахъ. Съ ихъ мнѣніемъ такъ или иначе приходилось считаться; отсюда вытекало и довѣріе къ руководителямъ со стороны массы: то, чего нельзя было достигнуть по закону, то можно было достигнуть путемъ негласнаго ходатайства, возбужденнаго черезъ лицо, пользующееся вліяніемъ. Такихъ фактовъ можно было бы привести безчисленное количество, и едва ли не самымъ яркимъ за настоящее время будутъ перепитіи, связанныя съ вопросомъ о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища. Исторія эта разсказана ниже.

Съ провозглашеніемъ свободы совѣсти вліяніе старообрядческихъ капиталистовъ утрачивается въ общинахъ: руководство духовной жизнью старообрядческаго мира ускользаетъ изъ ихъ рукъ. И мы видимъ попытку со стороны прежнихъ руководителей старообрядчества добиться закрѣпленія, такъ сказать, законодательнымъ путемъ утериваемаго вліянія. Естественно, что наиболѣе ощутительно разслоеніе отозвалось на общинѣ пріемлющихъ австрійское священство, на общинѣ наилучше

организованной, авторитетной и, пожалуй, наиболѣе многочисленной. Къ тому же эта группа старообрядцевъ, наиболѣе компромиссная по своему религіозному міросозерцанію въ смыслѣ приближенія къ идеологіи господствующей церкви, должна была особенно остро ощущать перемѣны, происшедшія съ 1905 г. Прежняя власть въ общинахъ у старообрядческой буржуазіи сильно пооослабѣла. И любопытно, что въ законопроектѣ о старообрядческихъ общинахъ, переработанномъ подъ вліяніемъ этой группы, фигурируетъ статья, которая стремится установить крѣпкую центральную власть въ австрійскомъ согласіи старообрядцевъ, т.-е., какъ говорятъ прогрессивные старообрядцы, создать своего рода правительствующій синодъ

Министерство охотно идетъ на уступки и на соглашенія съ поименованной старообрядческой буржуазіей. Она приглашается въ правительственныя совѣщанія по старообрядческимъ дѣламъ, здѣсь она отъ имени старообрядчества вноситъ поправки къ министерскимъ законопроектамъ о старообрядческихъ общинахъ въ духѣ, далеко не отвѣчающемъ стремленіямъ большинства старообрядческаго міра. Всѣ раздоры и тренія, которыя возникли въ старообрядчествѣ за послѣднее время при обсужденіи министерскихъ законопроектовъ объ общинахъ, служатъ, конечно, наилучшимъ показателемъ отмѣченнаго разслоенія. Вся демократическая оппозиція въ старообрядчествѣ противъ министерскихъ законопроектовъ и тѣхъ поправокъ, которыя вводятся доброжелательными руководителями прежнихъ лѣтъ.

На это разслоеніе повліяло то обстоятельство, что интересъ и нужды крупной старообрядческой буржуазіи въ значительной степени удовлетворены. Исключительно этими конфликтами въ старообрядческой средѣ и слѣдуетъ объяснить столь нашумѣвшій инцидентъ, связанный съ именемъ бывшаго архимандрита Михаила, нынѣ старообрядческаго епископа. Рукоположеніе епископомъ Иннокентіемъ арх. Михаила въ санъ епископа вызвало большое неудовольствіе, можно сказать, цѣлую бурю въ буржуазныхъ кругахъ старообрядческаго міра. Появились протесты, формальный поводъ для которыхъ обосновывается тѣмъ, что единоличное рукоположеніе арх Михаила якобы противорѣчитъ цер-

ковнымъ канонамъ. Такова формальная сторона дѣла, суть же его, несомнѣнно, закрыта глубже.

Старообрядческая буржуазія была чрезвычайно недовольна съ самаго начала переходомъ арх. Михаила изъ господствующаго вѣроисповѣданія въ старообрядчество: едва ли не главной причиной такого недовольства служили политическія и общественныя воззрѣнія арх. Михаила. Въ то же время представителямъ старообрядческихъ съѣздовъ было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе, и тѣ немедленно же поспѣшили заявить протестъ противъ присоединенія арх. Михаила. Совѣтъ съѣздовъ требовалъ и отъ приходовъ аналогичныхъ протестовъ. Но въ то время «ошибки» исправить не удалось, такъ какъ приходы не откликнулись на призывъ.

Фактъ совершился и съ нимъ пришлось примириться. Онъ выплылъ въ новой стадіи, когда возникло «дѣло» по поводу рукоположенія ар. Михаила въ старообрядческіе епископы. Иниціатива въ данномъ случаѣ всецѣло, какъ и прежде, принадлежала именитому купечеству въ лицѣ представителей старообрядческихъ съѣздовъ Протестъ, однако, возбужденъ былъ не безъ косвеннаго вліянія со стороны правящихъ сферъ. Изъ сообщенія «*Нашей Газеты*» видно, что москвичи предприняли походъ противъ арх. Михаила «послѣ поѣздки купца И. И. Новикова въ Петербургъ». Послѣдній побывалъ у высокопоставленныхъ лицъ, чтобы лично выразить благодарность за дарованіе правъ старообрядцамъ. Въ Петербургѣ г. Новикову, по его словамъ, цитируемымъ газетой, сказали, что «старообрядцы народъ хорошій, строятъ храмы и т. д., но что нехорошо сдѣлали, во вредъ православной церкви, рукоположили архимандрита-соціалиста Михаила во епископы».

Вотъ эту-то «ошибку» и вознамѣрились исправить въ Москвѣ 3 февраля 1909 года. Ошибка, дѣйствительно, была исправлена при усиленномъ содѣйствіи одного изъ лидеровъ московскаго купечества М. И. Бриллантова и др. Кара постигла и епископа Иннокентія, одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и прогрессивныхъ старообрядцевъ, на котораго московское купечество давно уже точило зубы за его сочувствіе «протестантамъ».

Мы привели эти факты съ цѣлью показать, какъ руководящія старообрядческія сферы пытаются приспо-

собиться къ компромиссной политикѣ нашего «конституціоннаго» министерства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и думскаго большинства, симпатіи къ которому давно уже проявлялись въ старообрядческой буржуазіи[1])

Подобная тенденція встрѣчаетъ, однако, большую оппозицію въ демократической массѣ. И эта масса, чтобы добиться дѣйствительной свободы совѣсти, не допуская никакихъ компромиссовъ, должна итти рука объ руку съ тѣми, кто объявляетъ непримиримую борьбу со старымъ режимомъ.

---

[1]) См. нашу брошюру „Старообрядчество и освободительное движеніе“.

Изъ недавняго прошлаго.

(Къ предшествующей статьѣ.)

Въ нижегородскомъ журналѣ «*Старообрядецъ*» напечатаны въ высшей степени интересные документы, поясняющіе «закулисную» сторону исторіи распечатанія алтарей на Рогожскомъ кладбищѣ. Эти документы, по мнѣнію журнала, показываютъ, что и до настоящаго времени очень многія отъ низшихъ до высшихъ чиновъ бюрократіи продолжаютъ смотрѣть на старообрядчество особыми глазами, усматривая въ немъ «дойную корову» или «овечку», которую можно стричь безгласно; но они въ дѣйствительности еще въ большей степени служатъ характернымъ показателемъ тѣхъ мотивовъ, которые выдвигались въ извѣстныхъ кругахъ для доказательства необходимости предоставить нѣкоторыя вѣроисповѣдныя льготы старообрядцамъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

«Въ 1906 г., старообрядецъ сергіево-посадскій купецъ Фрязинъ подалъ московскому градоначальнику жалобу на выборнаго рогожскаго старообрядческаго общества И. А. Пуговкина, который не уплачиваетъ 50.000 руб. изъ общественныхъ денегъ, обѣщанные въ случаѣ удачи по возбужденному Фрязинымъ въ Петербургѣ ходатайству о распечатаніи алтарей при храмахъ Рогожскаго старообрядческаго кладбища въ Москвѣ. Градоначальникъ, усматривая въ жалобѣ наличность договора о подкупѣ, направилъ ее къ прокурору окружнаго суда. «Намъ неизвѣстно,—замѣчаетъ журналъ,—какой результатъ имѣло это дѣло у прокурора. Извѣстно лишь, что московскій градоначальникъ вызывалъ въ то время И. А. Пуговкина для объясненія по этому вопросу».

«Подлинные документы», приводимые «*Старообрядцами*», проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эту темную исторію, которая разсказывается самимъ Фрязинымъ въ «счетѣ», представленномъ имъ совѣту попечительства Рогожскаго старообрядческаго кладбища «27 марта 1903 г.,—пишетъ Фрязинъ,—между мною и вами (т.-е. Пуговкинымъ), договорено было слѣдующее: я, Фрязинъ, съ вашего согласія взялъ на себя обязанность ходатайствовать при благосклонномъ участіи кн. Д. Д. Оболенскаго передъ Государемъ Императоромъ объ открытіи алтарей въ храмахъ Рогожскаго старообрядческаго кладбища, вы же дали трижды честное слово за себя и товарищей, что въ случаѣ благопріятнаго исхода, уплатите мнѣ, Фрязину, всѣ расходы изъ суммъ общества Рогожскаго кладбища, выборнымъ котораго вы состояли... предупредивъ, предварительно, что на основаніи предшествовавшихъ лѣтъ въ вашей жизни *много лицъ* бралось ходатайствовать по сему дѣлу, но брали только на расходъ, не сдѣлавъ обществу никакой пользы,—почему впередъ дать денегъ не можете на расходъ».

«На основаніи сего договора,— продолжаетъ Фрязинъ,—30 марта 1903 г. кн. Д Д. Оболенскимъ черезъ ген.-адъютанта гр А. В. Олсуфьева была подана всеподданѣйшая просьба о снятіи запрета и печати съ алтарей въ храмахъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Всеподданнѣйшая просьба кн. Д. Д. Оболенскаго,— сообщаетъ Фрязинъ,—принята была Государемъ Императоромъ благосклонно; на мѣсто немедленно были посланы и гр Шереметевъ, и гр. Олсуфьевъ,—началось изслѣдованіе причинъ закрытія алтарей». Далѣе, какъ говоритъ Фрязинъ, и министръ В. К. Плеве «выразилъ желаніе познакомиться съ выборнымъ старообрядческаго общества». Знакомство состоялось въ «Національной» гостиницѣ. О бесѣдѣ съ министромъ члены депутаціи передавали Фрязину слѣдующее. Онъ встрѣтилъ ихъ словомъ: «Что, это, господа, начали вы хлопоты помимо меня. Я, кажется, съ вами не ссорился». Тѣмъ не менѣе,—передаетъ Фрязинъ,—рѣшено было: «Такъ какъ хлопоты начаты лично у Государя Императора помимо министра и сдѣланъ уже расходъ, да и министръ не вѣченъ», то хлопоты будутъ продолжаться въ прежнемъ направленіи.

14 ноября 1904 года, по словамъ Фрязина, кн. Оболенскимъ было отправлено по этому поводу письмо новому министру внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому слѣдующаго содержанія: «Вращаясь часто въ средѣ лицъ народа, старообрядцевъ,—писалъ, между прочимъ, кн. Оболенскій,—я убѣдился, какая эта сила, какъ важно именно въ данное время имѣть правительству эту силу за себя, тѣмъ болѣе, что это очень легко... Я имѣлъ по этому поводу свиданіе съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве и разговоръ; министръ высказалъ желаніе, чтобы почва была подготовлена и разработана въ печати, въ повременныхъ изданіяхъ. Но когда я написалъ статью, вполнѣ невинную, о старообрядцахъ и отдалъ ее «*Новому Времени*», гдѣ я сотрудничаю, то получился отъ главнаго управленія по дѣламъ печати «отвѣтъ», что старообрядцы—темная масса, которая никакого поощренія не заслуживаетъ, и статья моя, конечно, не была пропущена. Я—человѣкъ не служащій и независимыхъ убѣжденій, но если я и пишу Государю, меня присяга обязываетъ къ тому, т.-е. и не имѣя мундира «какого-либо вѣдомства, служить Царю и отечеству».

Въ Комитетѣ Министровъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго сообщенія Фрязина, при обсужденіи вопроса о вѣротерпимости противъ распечатанія алтарей Рогожскаго кладбища были оберъ-прокуроръ Синода и его товарищъ. Дѣло было отложено на два года, до созыва церковнаго помѣстнаго собора

Продолжая «хлопоты» по открытію алтарей, князь Оболенскій, по словамъ Фрязина, 30 марта 1905 года вновь подалъ Государю Императору письмо слѣдующаго содержанія: «Я видѣлъ воочію,—писалъ кн. Оболенскій,—какъ десятки тысячъ этихъ честныхъ людей (т.-е. старообрядцевъ) охраняли Особу Вашу безъ войскъ, безъ полиціи. Прошло два года, и смута великая открылась на Руси,—не миновала и Москвы крамола, но не коснулась она среды людей старой вѣры россійской, готовыхъ и сейчасъ стать, какъ одинъ человѣкъ, за Царя своего. Пожеланія ихъ скромны, дозвольте имъ молиться за Васъ въ алтаряхъ своихъ церквей, которые были всегда открыты, даже въ царствованіе прадѣда вашего, императора Николая Павловича». Означенное ходатайство,—пишетъ Фрязинъ,—«по просьбѣ кн. Д. Д.

Оболенскаго поддержали великіе князья Николай Николаевичъ и Александръ Михаиловичъ у Его Величества». Въ данномъ случаѣ ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и кн. Оболенскій былъ извѣщенъ объ этомъ 15 апрѣля

Въ своемъ «счетѣ» Фрязинъ затѣмъ перечисляетъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями заключенной имъ и купцомъ Нарышкинымъ сдѣлки съ попечительнымъ совѣтомъ старообрядческаго общества Рогожскаго кладбища.

Любопытно, что эта исторія, связанная съ распечатаніемъ алтарей Рогожскаго кладбища [1]), не вызвала никакихъ возраженій, если не считать небольшой отписки, рѣшительно ничего не опровергающей на страницахъ «*Новаго Времени*» со стороны кн. Оболенскаго.

---

[1]) О самомъ фактѣ см. соотвѣтствующую статью въ первомъ сборникѣ.

По ложному пути.

(По поводу законопроекта о старообрядческихъ общинахъ.)

Старообрядческой комиссіей Государственной Думы разработанъ законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ, который внесенъ въ Государственную Думу. Такимъ образомъ есть шансъ въ скоромъ времени увидать первый законъ въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, прошедшій чрезъ представительное собраніе. И этотъ первый законъ еще до своего изданія вызываетъ большія тренія, показывающія, что проведеніе его въ жизнь не удовлетворитъ интересы тѣхъ, кого онъ касается. Такое положеніе вызывается исключительно тѣмъ, что составители закона съ самаго начала пошли по ложному пути.

Казалось бы, съ момента провозглашенія въ нашемъ отечествѣ свободы совѣсти былъ одинъ только правильный путь, реализаціи этого теоретическаго признанія. Государство должно было отказаться отъ старой тенденціи подвергать всѣ вѣроисповѣдныя группы полицейской опекѣ, т.-е. провозгласить принципъ полнаго невмѣшательства во внутреннюю ихъ организацію. Отсюда вытекало бы чрезвычайно простое рѣшеніе вопроса: при полной свободѣ образованія обществъ и союзовъ ради религіозныхъ цѣлей регистрировались бы судебной властью на основаніи общихъ постановленій о союзахъ лишь тѣ религіозныя общества, которыя желали бы воспользоваться правами юридическаго лица. На возможность такого полнаго обособленія государства отъ церкви въ настоящее время не приходится надѣяться. И министерскіе законопроекты, и Государственная Дума стоятъ на иной точкѣ зрѣнія, сильно уклоняющейся отъ нормальнаго разрѣшенія вопроса. Напомнимъ прежде всего, что Го-

сударственная Дума сочла необходимымъ по-старому установить нѣсколько рангов вѣроисповѣданій и, очевидно, соотвѣтственно этимъ рангамъ предполагала выработать уставы религіозныхъ общинъ. По крайней мѣрѣ, въ устахъ октябристскихъ ораторовъ при мотивировкѣ необходимости образованія спеціальной комиссіи по старообрядческимъ дѣламъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ являлось подчеркиваніе приверженности старообрядцевъ «русскимъ» началамъ. Другими словами—при разрѣшеніи вопросовъ вѣроисповѣдныхъ былъ выдвинутъ мотивъ національно-политическій, столь любимый и популярный въ законодательствѣ стараго режима. Результатомъ этого и появляется нынѣ спеціальное законодательство о старообрядцахъ.

Старообрядцы, такимъ образомъ, выдѣлены въ особую группу изъ всей массы представителей нашего религіознаго разномыслія. Между тѣмъ Дума, если бы стремилась послѣдовательно къ осуществленію свободы совѣсти, должна была бы, установивъ общіе принципы, примѣнить ихъ ко всѣмъ вѣроисповѣднымъ группамъ; слѣдовательно, если уже и вырабатывать уставы для религіозныхъ общинъ, то надо было выработать одинъ общій нормальный уставъ.

Разборъ того, что теперь вносится на разсмотрѣніе Государственной Думы, довольно ярко показываетъ неправильность пути, избраннаго Думой. При выработкѣ законопроекта о старообрядческихъ общинахъ былъ заслушанъ и голосъ самихъ старообрядцевъ, призванныхъ вначалѣ въ министерскія комиссіи, а затѣмъ и въ думскія. По соглашенію съ представителями старообрядческаго общества были внесены соотвѣтствующіе коррективы въ законопроектъ. Съ такими поправками послѣдній и вносится въ Государственную Думу. Такимъ образомъ законопроектъ въ значительной степени какъ бы высказываетъ пожеланія самихъ старообрядцевъ. Въ дѣйствительности это не такъ. Уже временный законъ 17 октября 1906 г. о религіозныхъ общинахъ раскололъ старообрядческій міръ. Многіе не захотѣли регистрировать свои общины на томъ основаніи, что новый законъ, вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь общинъ, нарушаетъ церковныя традиціи старообрядцевъ и, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ. Но и тѣ, кто признавали

необходимость регистрации религіозныхъ общинъ по соображеніямъ исключительно даже практическаго характера (какъ свидѣтельствуютъ довольно многочисленные факты, администрація на мѣстахъ, пользуясь неопредѣленностью закона, часто запрещаетъ всякаго рода общественныя богомоленія для тѣхъ, кто не образовалъ общинъ), далеко не были между собой солидарны. На внесеніе поправокъ въ министерскій и думскій текстъ законопроекта оказала вліяніе лишь незначительная группа старообрядческой буржуазіи, держащейся въ наши дни далеко не передовыхъ идей и слишкомъ податливой на новый курсъ правительственной политики. Голосъ остальной массы, несмотря на печатные протесты, резолюціи съѣздовъ, коллективныя заявленія, непосредственно подаваемыя въ Думу, наконецъ, спеціальныя даже делегаціи, въ сущности всецѣло игнорировался. А между тѣмъ прогрессивная часть старообрядчества довольно единодушно высказывается противъ вносимаго на разсмотрѣніе Думы законопроекта. Ея пожеланія, какъ выяснилось на частныхъ совѣщаніяхъ послѣдняго времени [1]) по поводу внесенія въ Государственную Думу упомянутаго законопроекта, въ значительной степени совпадаютъ съ той точкой зрѣнія, которая выставлена въ началѣ настоящей замѣтки. Ей желательно лишь одно: чтобы государство вопросы внутренняго распорядка предоставило всецѣло на усмотрѣніе самой религіозной общины, въ противномъ случаѣ законъ становится непріемлемымъ. Думскій законопроектъ между тѣмъ косвенно узаконяетъ вмѣшательство свѣтской власти, предусматривая, какъ будетъ организована община, какъ происходятъ выборы священнослужителей и много другихъ. Въ то же время и регистраціи общинъ и контроль по прежнему остаются въ рукахъ администраціи. Въ результатѣ получается какое-то компромиссное положеніе, которое, съ одной стороны, не легализируетъ того, что существуетъ въ организаціи старообрядческой церкви, съ другой — не оставляетъ ей свободы дѣйствій. Понятно, что при такихъ условіяхъ старообрядцы многихъ толковъ считаютъ принятіе законопроекта въ такомъ видѣ началомъ разрушенія своей

[1]) Въ этихъ совѣщаніяхъ пришлось участвовать и автору статьи

церкви. И такъ будетъ неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока государственная власть будетъ вмѣшиваться во внутренній распорядокъ жизни религіозныхъ общинъ и какъ бы закабалять его на долгія времена И, конечно, этими якобы «привилегіями» старообрядчество не можетъ быть довольно. Давно, дѣйствительно, пора отказаться отъ политики льготъ въ зависимости отъ степени «вредности» того или другого вѣроученія и въ сферѣ законодательства по вѣроисповѣднымъ вопросамъ исходить только отъ признанія, что интересы государства и религіи не связаны между собою. Эта политика «льготъ» въ корень противорѣчитъ самому элементарному представленію о свободѣ совѣсти.

8 февраля 1909 г.

Религіозныя общества.

Постановку вопроса о религіозныхъ обществахъ въ третьей Государственной Думѣ нельзя признать, такимъ образомъ, правильной. Не о нуждахъ старообрядцевъ, не о нуждахъ отдѣльныхъ диссидентскихъ группъ должна итти рѣчь. Долженъ быть выработанъ единый нормальныи уставъ религіозныхъ обществъ для всѣхъ группъ безъ исключенія.

Единственно правильный путь думается намѣченъ былъ въ работахъ особой подкомиссіи, состоявшей не изъ партійныхъ людей, но работавшей въ Москвѣ зимой 1907 г. при церковной комиссіи партіи «народной свободы». Эта группа [1]), разрабатывая вопросъ о положеніи въ Россіи старообрядцевъ и сектантовъ, намѣтила слѣдующіе принципы, изъ которыхъ, по ея мнѣнію, отечественное законодательство должно исходить, опредѣляя отношеніе государственной власти къ указаннымъ вѣроисповѣднымъ группамъ.

Подкомиссія не сочла возможнымъ, слѣдуя дѣйствующему законодательству, выдѣлять въ особую рубрику старообрядцевъ и сектантовъ.

Вопросъ о тѣхъ и другихъ долженъ быть разрѣшенъ въ связи съ опредѣленіемъ положенія всѣхъ вообще вѣроисповѣдныхъ группъ, не пользующихся государственной субсидіей. Если по отношенію къ покровительствуемымъ церквамъ въ силу реальныхъ условій приходится до нѣкоторой степени, пожалуй, стать на компромиссную точку зрѣнія, то по отношенію къ вѣроисповѣданіямъ, не связаннымъ съ го-

[1]) К. В. Аркадакскій, П Д. Боборыкинъ, старообрядческій свящ. А. И. Бородинъ, проф. духовной академіи И. М Громогласовъ, проф. духовной академіи Д. Г. Коноваловъ, С. П. Мельгуновъ, проф. С. В. Познышевъ, пр пов. П Н Сахаровъ, пр-доц. А С. Ященко Въ работахъ этой подкомиссіи принимали также участіе и другія лица.

сударствомъ бюджетомъ, принципъ отдѣленія церкви и государства долженъ быть немедленно осуществленъ во всей полнотѣ. Всѣ вѣроисповѣдныя группы должны быть освобождены отъ государственной опеки; безъ какихъ-либо исключеній и ограниченій безотлагательно должна быть признана за ними свобода религіозныхъ вѣрованій и ихъ внѣшняго выраженія, т-е никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не могутъ быть допущены. Отправленіе частныхъ и публичныхъ религіозныхъ обрядовъ и распространеніе вѣроученій должно быть свободно, если только совершаемыя при этомъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо общихъ преступленій или проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Само собой разумѣется, что пользованіе гражданскими и политическими правами не должно зависѣть отъ вѣроисповѣданія.

Осуществленіе свободы совѣсти требуетъ, такимъ образомъ, коренного измѣненія всего дѣйствующаго законодательства въ духѣ установленія гарантій для всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія и въ равной мѣрѣ религіозной свободы. Граждане пользуются безъ какихъ-либо ограниченій полной свободой образовывать общества и союзы ради религіозныхъ цѣлей, не испрашивая на то разрѣшенія, права же юридическаго лица за образовавшимися обществами должны быть признаваемы судебной властью на основаніи общихъ постановленій объ обществахъ и союзахъ. Во внутреннее устройство религіозныхъ обществъ и союзовъ, въ порядки управленія ими и веденія ихъ дѣлъ государственная власть не должна вмѣшиваться. Равнымъ образомъ не должно лежать на обязанности религіозныхъ обществъ и ихъ представителей веденіе актовъ гражданскаго состоянія.

Гарантируя религіозную свободу лицамъ, принадлежащимъ къ извѣстнымъ вѣроисповѣднымъ группамъ, государство должно предоставить также свободу не принадлежать ни къ какому вѣроисповѣданію. Всякій достигшій закономъ опредѣленнаго возраста долженъ пользоваться полной свободой религіознаго самоопредѣленія. Наконецъ должна быть признана свобода преподаванія для всѣхъ вѣроученій.

Эти положенія были приняты единогласно. Расхожденія являлось по болѣе специальнымъ вопросамъ (главнымъ образомъ, по вопросу о такъ называемыхъ религіозныхъ преступленіяхъ или преступленій противъ религіозной свободы) [1]).

Выработанныя подкомиссіеи основанія были опубликованы въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» и сочувственно встрѣчены нѣкоторыми прогрессивными органами печати.

Какъ ни странно, эти тезисы не нашли себѣ полной поддержки даже въ комиссіи о свободѣ совѣсти во второй Государственной Думѣ.

Думская комиссія о свободѣ совѣсти, обсуждая условія возникновенія религіозныхъ обществъ, установила четыре условія, которымъ должно удовлетворять каждое вновь организующееся религіозное общество общество должно указать «компетентному» органу сущность своего вѣроученія, порядокъ избранія наставниковъ и вѣроучителей, основныя черты своихъ требъ и обрядовъ, и, наконецъ, учредители обязаны представить подписи и адреса лицъ, участвующихъ въ данномъ обществѣ

Необходимость такой регламентаціи для религіозныхъ обществъ мотивировалась большинствомъ членовъ комиссіи, какъ видно изъ газетнаго сообщенія, тѣмъ соображеніемъ, что «религіозныя общества не похожи на всѣ остальныя, такъ какъ они получаютъ публичныя права со стороны государства» Съ такой аргументаціей врядъ ли можно согласиться, и, думается, на болѣе правильномъ пути стояла отмѣченная подкомиссія, которая прежде всего выдѣлила двѣ группы религіозныхъ обществъ. Религіозныя общества, не желающія пользоваться правами юридическаго лица, безъ исключенія и какихъ-либо ограниченій получаютъ свободу организаціи; общества, пользующіяся правами юридическаго лица, регистрируются въ законодательномъ порядкѣ на основаніи общаго закона о союзахъ и обществахъ.

Вотъ схема простой конструкціи закона о религіозныхъ обществахъ. При такихъ условіяхъ всѣ затруд-

---

[1]) По этому поводу см. соотвѣтствующія статьи выше, а также первый сборникъ.

ненія легко устраняются. Думскій же проектъ въ жизни могъ дать множество поводовъ для возникновенія разнообразныхъ конфликтовъ Конечно, мы не знаемъ, какія формы принялъ бы въ конечной обработкѣ тотъ остовъ, который выразился въ проектѣ думской комиссіи о свободѣ совѣсти въ упомянутыхъ четырехъ условіяхъ возникновенія религіозныхъ обществъ. Извѣстныя условія для возникновенія религіозныхъ обществъ, очевидно, предполагаютъ и возможность отказа въ регистраціи, разъ «компетентное» (?) учрежденіе признаетъ вреднымъ то или другое вѣроученіе. Не говоря уже о ненужныхъ затрудненіяхъ, которыя поставитъ законодатель учредителямъ религіозныхъ обществъ требованіемъ формулировать сущность вѣроученія и основныхъ формъ обрядовъ и требъ, съ такой точкой зрѣнія нельзя согласиться по принципіальнымъ соображеніямъ, исходя изъ понятія свободы совѣсти. Государству нѣтъ дѣла до сущности того или другого вѣроученія, пока это ученіе не реализируется въ дѣйствія, противныя общему уголовному закону. Полное невмѣшательство государства въ сферу религіознаго мышленія гражданъ должно быть альфой и омегой законодательства о религіозныхъ обществахъ Специфическія условія для образованія религіозныхъ обществъ обычно являются средствомъ гарантіи отъ распространенія нежелательныхъ сектантскихъ доктринъ, такъ называемыхъ имморалистическихъ ученій. Шаткость такого пріема борьбы доказало, однако, все наше прошлое. Никакое «компетентное» учрежденіе не будетъ въ состояніи, не прибѣгая къ искусственнымъ пріемамъ и не нарушая принципа религіозной свободы, классифицировать тѣ или иныя вредныя ученія. А при такихъ условіяхъ совершенно излишне выдѣлять религіозныя общества въ особую категорію. Если нѣкоторые западно-европейскіе кодексы ставятъ извѣстныя ограничительныя условія для возникновенія религіозныхъ обществъ, то въ этихъ часто архаическихъ законодательствахъ слишкомъ живы еще пережитки стараго. Въ новѣйшемъ законодательствѣ этихъ ограниченій мы не встрѣчаемъ.

Неужели намъ воспроизводить ненужные пережитки, не имѣющіе никакой исторической связи съ нашимъ прошлымъ? Въ этой области наслѣдіе стараго

можетъ быть безъ труда устранено. И въ сферѣ церковнаго законодательства, касающагося вѣроисповѣданій, не связанныхъ съ покровительствуемыми религіями, конечно, принципъ религіозной свободы долженъ быть осуществленъ во всей полнотѣ, какъ онъ понимается формулой отдѣленія церкви отъ государства.

Черезъ три года.

(17 апрѣля 1908 г.).

Уже три года истекло съ той поры, когда на горизонтѣ русской жизни появились проблески наступающей зари. День 17 апрѣля 1905 года былъ первою ласточкой, которая принесла съ собой нѣчто реальное и дала нѣкоторую увѣренность русскому обществу въ томъ, что наступаетъ эра обновленія обветшалаго строя.

Эти надежды, быть-можетъ, настраивали слишкомъ оптимистически и тѣмъ самымъ затушевывали исторические прогнозы. Радость забвенія кашмарнаго прошлаго создавали атмосферу преувеличенныхъ ожиданій Здѣсь и лежатъ причины того глубокаго разочарованія, которое пришлось испытать русскому обществу Мы ждали многаго, а получили мало. И это само по себѣ небольшое, конкретизируясь, еще болѣе урѣзывается. Новый курсъ политики особенно рельефно выливается въ той области, гдѣ кесаревы прерогативы сталкиваются съ интересами индивидуальнаго вѣрованія.

Старый режимъ считалъ актомъ неповиновенія государству отступленіе подданныхъ отъ господствующей религіи. Эта средневѣковая доктрина, приспособленная къ идеологіи и требованіямъ полицейскаго государства, манифестомъ 17 апрѣля была сдана въ архивъ. Казалось бы, нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ осуществить новые принципы въ жизни: теократическій абсолютизмъ отжилъ свой вѣкъ, свобода совѣсти является одною изъ элементарныхъ основъ современнаго научнаго и общественнаго міросозерцанія, религіозная нетерпимость есть изувѣрство средневѣковой инквизиціи, — все это ясно и опредѣленно было признано тѣми, кому суждено было за послѣдніе годы стоять у кормила правленія Когда реформаторскія по-

пытки затрагиваютъ соціальныя основы современнаго строя, тогда рѣчь идетъ о тѣхъ или иныхъ политическихъ трансформаціяхъ, тогда для историка и соціолога легко объяснимы колебанія въ курсѣ правительственной политики. Здѣсь начинается ожесточенная борьба интересовъ, базирующаяся на существующемъ соціальномъ неравенствѣ Побѣдителемъ выходитъ тотъ, на чьей сторонѣ въ данный моментъ реальная сила. Но вѣдь вопросы, затрагивающіе свободу совѣсти, далеки отъ всѣхъ перипетій той соціальной борьбы, которая является пугаломъ для командующихъ классовъ. Казалось бы, что свобода совѣсти должна бы быть начертана на знамени современныхъ правителей, иначе пришлось бы вернуться къ той системѣ, которая ставила своимъ девизомъ, что человѣкъ не долженъ «чрезъ мѣру» возвышаться надъ тѣмъ состояніемъ, «въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться».

Но въ сущности и въ аргументахъ тѣхъ «реформаторовъ», которые видятъ въ господствующей религіи залогъ прочности современнаго строя, и въ министерскихъ законопроектахъ, представленныхъ въ третью Государственную Думу, красною нитью проходитъ тенденція, воскресающая прежнюю теорію соединенія религіи и политики, что въ концѣ-концовъ равносильно отрицанію всякой свободы совѣсти. Подобное соединеніе приводитъ и не можетъ не приводить къ рѣзкимъ противорѣчіямъ: при такой постановкѣ вопроса, внѣ сомнѣнія, свобода совѣсти подрываетъ основы стараго режима, съ легкой руки его идеологовъ все еще покоящагося на основахъ теоріи офиціальной народности.

Не даромъ наши реакціонные органы такъ ратуютъ противъ законовъ о вѣротерпимости. Въ каждомъ номерѣ офиціальнаго синодскаго органа «*Церковныхъ Вѣдомостей*» можно найти подсчетъ тѣхъ утерь, которыя понесла православная церковь съ момента уничтоженія полицейской закабаленности въ области вѣры; съ близорукимъ упрямствомъ газета не хочетъ видѣть, гдѣ въ сущности лежитъ причина этихъ потерь. Если прежде старообрядческій епископъ считался членомъ господствующей церкви, если штундистъ офиціально числился такимъ же, если эти фиктивные члены давали возможность говорить о расцвѣтѣ казен-

наго православія, то понятно, что когда тайное стало явнымъ, оказалась неизбѣжная потеря Такая нивеллировка общественныхъ міросозерцаній была всегда отличительной чертой полицейской системы съ ея классическимъ лозунгомъ до послѣдняго времени: «Все обстоитъ благополучно»

Однако мечтать о возвращеніи въ такомъ объемѣ къ старому, пожалуй, уже слишкомъ утопично

Не разумнѣе ли было бы отринуть тѣ мишурныя иллюзіи, которыми питаютъ свое воображеніе любители истинно-русской самобытности, и твердо направить государственный корабль по пути необходимыхъ реформъ?

Этого опредѣленнаго курса мы еще не видимъ въ работахъ комиссій Государственной Думы. Свобода совѣсти уже по самой природѣ своей не допускаетъ компромиссовъ, между тѣмъ комиссіи Государственной Думы, идя по пути, проторенному Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, ограничиваются лишь наложеніемъ заплатъ на старое платье. При такой комбинаціи наше вѣроисповѣдное законодательство можетъ выйти изъ рукъ отечественныхъ законодателей въ такомъ калейдоскопическомъ состояніи, что примѣненіе его въ жизни будетъ вызывать не меньшія терпія, чѣмъ въ доконституціонный періодъ. Мы уже и теперь видимъ на практикѣ воскрешеніе старыхъ порядковъ даже въ сферѣ, затрагивающей лишь вопросы религіозной свободы; но такъ какъ жизнью руководятъ въ настоящее время исключительные законы,—это въ счетъ не идетъ. Задача законодательнаго собранія—устранить возможность такой практики при нормальныхъ условіяхъ. То, что дѣлается теперь въ комиссіяхъ, не гарантируетъ въ будущемъ такихъ конкретныхъ условій для осуществленія свободы совѣсти, чтобы послѣдняя не попиралась самымъ грубымъ образомъ въ житейскихъ отношеніяхъ. Поэтому на обязанности прогрессивной части Думы лежитъ въ данный моментъ сведеніе къ возможному минимуму тѣхъ яркихъ противорѣчій, которыя мы видимъ и въ министерскихъ законопроектахъ о свободѣ совѣсти и въ работахъ думскихъ комиссій.

Законопроекты о свободѣ совѣсти въ оцѣнкѣ Синода.

Передъ нами интересный документъ, опубликованный въ № 1 официальныхъ «*Церковныхъ Вѣдомостей*»: это — опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 15—21 декабря 1907 года «о законопроектахъ, касающихся осуществленія свободы совѣсти». Министерскіе законопроекты, внесенные на разсмотрѣніе Государственной Думы, были одновременно препровождены изъ Совѣта Министровъ оберъ-прокурору Синода И вотъ Синодъ выступилъ теперь съ критикой этихъ законопроектовъ,—съ критикой въ высшей степени характерной.

Какъ намъ приходилось отмѣчать, министерскіе законопроекты пытались, — по большей части, правда, неудачно, — такъ или иначе сочетать основы стараго отечественнаго законодательства съ пониманіемъ «свободы совѣсти въ наукѣ и въ западныхъ законодательствахъ». Столь своеобразное сочетаніе практики, выросшей на почвѣ господствовавшей въ «доконституціонный» періодъ религіозной нетерпимости, съ принципомъ, легшимъ въ основу вновь изданныхъ законодательныхъ актовъ, привело къ бьющимъ въ глаза противорѣчіямъ въ министерскихъ законопроектахъ. Казалось бы, Министерство Внутреннихъ дѣлъ уже никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ забвеніи интересовъ «первенствующей» церкви: напротивъ, они въ законопроектахъ съ чрезмѣрнымъ подчеркиваніемъ выдвинуты на первый планъ. Во имя сохраненія преимуществъ православной церкви установленъ длинный рядъ ограниченій, мало вяжущихся даже съ самымъ элементарнымъ представленіемъ о свободѣ совѣсти.

Министерскимъ законопроектамъ можно было бы послать скорѣе упрекъ въ томъ, что они не даютъ

правовыхъ гарантій, могущихъ обезпечить неприкосновенность религіозной свободы. Между тѣмъ ясно, именно въ этомъ и лежалъ смыслъ предварительной работы министерскихъ органовъ, въ этомъ и заключается цѣль реформированія отечественнаго законодательства по вѣроисповѣднымъ вопросамъ.

Однако Синодъ недоволенъ министерскими законопроектами, усматривая въ нихъ «несоотвѣтствіе не только съ дѣйствующими нынѣ законоположеніями, но и съ предначертаніями и упованіями, выраженными» въ манифестѣ 17 апрѣля 1905 года. Въ чемъ же заключается это несоотвѣтствіе? Оно заключается, конечно, не въ томъ, въ чемъ видимъ мы его. «Представленными Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ законопроектами, заключающими въ себѣ соображенія и устанавливающими положенія о свободной пропагандѣ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и допущеніи перехода изъ православія въ иновѣріе, а также о безнаказанности совращенія, — говорится въ опредѣленіяхъ Синода, — предположено предоставить всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и вѣроученіямъ, какъ нынѣ существующимъ въ Россіи, такъ и вновь имѣющимъ быть признанными, право свободнаго распространенія своихъ ученій». Противъ такого рода заключенія и возстаетъ Святѣйшій Синодъ; здѣсь онъ и находитъ противорѣчіе между выводами министерскихъ законопроектовъ и основами упомянутаго манифеста.

Въ сущности, если только не подходить съ предвзятой мыслью, въ министерскихъ законопроектахъ можно усмотрѣть лишь чрезвычайно слабые намеки на «свободу пропаганды»; правда, въ нихъ говорится о какомъ-то правѣ проповѣди признанныхъ въ имперіи вѣроисповѣданій, но при сохраненіи въ полной неизмѣнности ст. 90 Уг. Улож. и эта ограниченная «свобода проповѣди» превращается въ фикцію; равнымъ образомъ почти не приходится говорить и о «безнаказанности совращенія». Министерскіе законопроекты лишь *формально* вычеркнули «совращеніе», какъ не укладывающееся «въ рамку логической аргументаціи», изъ категоріи преступленій.

Синодъ отрицаетъ и то небольшое приспособленіе къ современнымъ требованіямъ новаго государственнаго строя въ Россіи, какое до нѣкоторой степени

можно уловить въ министерскихъ законопроектахъ. Ссылаясь на «предначертанія и упованія» манифеста 17 апрѣля, онъ стремится въ дѣйствительности къ возрожденію въ полномъ объемѣ практики стараго порядка.

По вопросу о совращеніи онъ не признаетъ даже тѣхъ поправокъ, которыя вводитъ новое Уголовное Уложеніе, какъ извѣстно, не отличающееся излишнимъ либерализмомъ. «Въ качествѣ высшей духовной власти господствующей и первенствующей въ Россійской имперіи православной церкви, твердо стоя на стражѣ своего долга заботъ о спасеніи своихъ чадъ и охраненіи ихъ отъ козней «князя тьмы» и вѣрный своему взгляду на значеніе и заслуги православной вѣры для русскаго народа и россійскаго государства», Синодъ «считаетъ своей священной обязанностью настаивать на томъ, чтобы всѣ существующія нынѣ въ Россійской имперіи преимущества православной церкви были неизмѣнно сохранены за нею и впредь и чтобы право свободнаго распространенія своего ученія принадлежало только одной православной вѣрѣ»...

Но и министерство также въ основу своихъ законопроектовъ ставитъ преимущества первенствующей церкви, мотивируя необходимость охранять эти преимущества аналогичными же аргументами, т.-е. тѣми «неоцѣнимыми услугами», которыя оказала церковь русскому народу. Въ чемъ же дѣло? Синодъ, сохраняя всѣ преимущества православной церкви, монополію религіозной пропаганды и уголовной охраны, требуетъ, чтобы «образованіе въ предѣлахъ Россіи новыхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ допускалось не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ высшей духовной властью»; чтобы перемѣна вѣры признавалась лишь по представленіи уходящимъ изъ лона церкви «удостовѣренія о безуспѣшности увѣщанія»: безъ такого удостовѣренія, по мнѣнію Синода, не будетъ «доказательствъ дѣйствительнаго производства увѣщанія». Другими словами, Синодъ хочетъ отмѣнить основной пунктъ манифеста 17 апрѣля, отмѣнить свободу выхода изъ православія. Вѣдь и до манифеста существовавшую вѣроисповѣдную закабаленность даже законъ не рѣшался санкціонировать въ качествѣ юридическаго акта. Не подлежа наказанію, отступникъ предавался лишь на усмотрѣніе

духовнаго начальства *до* вразумленія. Это временное состояніе и влекло за собой цѣлый рядъ ограниченій. Но Синодъ идетъ еще дальше: онъ хочетъ сохранить прежнюю административно-полицейскую опеку надъ церковью и вѣрующими.

Министерскіе законопроекты полагаютъ возможнымъ отмѣнить тѣ постановленія дѣйствующаго Свода Законовъ, которыя «лишены всякаго практическаго значенія» и являются «лишь историческимъ наслѣдіемъ прошлаго», это—участіе полиціи въ охранѣ православной вѣры. Святѣйшій Синодъ находитъ необходимымъ сохранить по-старому обязанности: «губернаторовъ — содѣйствовать православному духовному начальству въ охраненіи правъ церкви и незыблемости самой вѣры и вообще не дозволять никому воспрещеннаго закономъ совращенія православныхъ и полиціи — наблюдать за тѣмъ же».

Послѣднее мнѣніе Синода совершенно не вяжется съ тѣмъ, что въ свое время заявляли его члены на засѣданіяхъ Комитета Министровъ при обсужденіи порядка выполненія Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 г.: тамъ такъ много говорилось о вредѣ полицейской опеки; это мнѣніе не вяжется и съ предполагаемой реформой церкви. Очевидно, времена измѣнились, и Синодъ считаетъ уже возможнымъ вернуться къ испытанной вѣковой практикѣ.

Изъ общихъ положеній, устанавливаемыхъ Синодомъ, вытекаетъ еще рядъ ограниченій, затрагивающихъ интересы другихъ вѣроисповѣданій. Интересно отмѣтить, между прочимъ, тѣ изъ нихъ, которыя на первый взглядъ носятъ нѣсколько мелочной характеръ, но тѣмъ не менѣе на практикѣ могутъ имѣть важное значеніе въ смыслѣ ограниченія свободы отправленія духовныхъ требъ въ различныхъ исповѣданіяхъ: напримѣръ, Синодъ требуетъ, чтобы гражданская власть, разрѣшая религіозныя процессіи другимъ вѣроисповѣданіямъ, предварительно сносилась съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ; равнымъ образомъ при разрѣшеніи постройки молитвенныхъ зданій инославныхъ исповѣданій также должно быть испрошено согласіе епархіальныхъ властей; духовное одѣяніе наставниковъ инославныхъ религіозныхъ обществъ должно быть иного вида, чѣмъ у православнаго духовенства, и т. д.

Въ поясненіе — одна небольшая иллюстрація изъ недавняго еще прошлаго: вспомнимъ, что старообрядческимъ настоятелямъ нерѣдко запрещалось носить шляпы, походящія сколько-нибудь на шляпы православнаго духовенства; бывали случаи, когда имъ запрещалось носить длинные волосы .

Въ своихъ опредѣленіяхъ Синодъ достаточно отчетливо показываетъ, что ему, какъ высшей духовной власти господствующей церкви, въ цѣляхъ охраненія православной вѣры долженъ быть въ сущности предоставленъ и нѣкоторый контроль надъ внутренней жизнью другихъ вѣроисповѣданій. Нетрудно предвидѣть, въ какомъ направленіи будетъ вестись подобный контроль, если только вникнуть въ общій духъ, которымъ проникнуты приводимыя опредѣленія Синода. Въ немногихъ словахъ, это—отрицаніе свободы совѣсти, провозглашеніе лозунга возвратъ къ старому.

9 января 1908 г.

Свобода совѣсти военнослужащихъ.

Рѣшенія Синода далеко не являются неожиданными—общее направленіе его дѣятельности мало измѣнилась съ провозглашеніемъ у насъ свободы совѣсти; и въ отдѣльныхъ циркулярахъ и въ работахъ предсоборнаго присутствія давно уже сказывалась тенденція бороться съ выдвинутымъ на очередь вопросомъ объ осуществленіи свободы совѣсти: въ нихъ съ достаточной опредѣленностью говорилось уже о вредѣ, который будто бы принесли православной церкви манифесты 17 апрѣля и 17 октября.

Это не препятствуетъ, конечно, Синоду попрежнему утверждать, что свобода вѣры искони присуща русскому законодательству. Извѣстно, что въ то время, когда Высочайше повелѣвалось устранить стѣсненія въ области вѣры, дѣятели православія утверждали, что свобода вѣры всегда была у насъ торжественно гарантирована основными законами. Свобода вѣры и «святая» инквизиція прекрасно уживались другъ съ другомъ. Не этого ли хочетъ вновь Правительствующій Синодъ?

Новую яркую иллюстрацію къ дѣятельности Синода въ «переходное время» даетъ новый указъ Синода, воспретившій лицамъ, находящимся на военной службѣ, переходить изъ православія въ другое исповѣданіе. Чѣмъ бы ни мотивировался этотъ указъ—нѣтъ сомнѣній, онъ противорѣчитъ представленію о свободѣ совѣсти, а равно и тѣмъ началамъ, которыя должны были лечь послѣ манифеста 17 апрѣля въ основу нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Онъ въ сущности возрождаетъ принципъ старой системы религіозной политики, когда русскіе граждане въ административномъ порядкѣ расписывались по опредѣленнымъ вѣроученіямъ.

Итакъ, свобода совѣсти не распространяется на военнослужащихъ. Это—вопросъ уже рѣшенный, хотя по существу онъ выходитъ изъ компетенціи вѣдомства православнаго исповѣданія. Ввести тѣ или иныя ограниченія въ общій законъ о свободѣ совѣсти можетъ, конечно, лишь законодательное учрежденіе.

Въ связи съ приведеннымъ указомъ Синода, ограничивающимъ право свободнаго перехода согласно закону изъ православія въ любое христіанское вѣроисповѣданіе, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и другой аналогичный вопросъ, разрабатываемый нынѣ въ военномъ вѣдомствѣ. Дѣло идетъ о томъ, «какія религіозныя потребности военнослужащихъ старообрядцевъ и сектантовъ могли бы подлежать удовлетворенію».

У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить о позиціи, которую заняло военное вѣдомство въ предварительной фазѣ разрѣшенія этого вопроса. Но есть зато указаніе, какъ относится къ нему вѣдомство православнаго исповѣданія. Офиціозы послѣдняго забили уже тревогу, требуя существенныхъ ограниченій въ данной области. Въ «*Миссіонерскомъ Обозрѣніи*»—органѣ, близкомъ и персонально и по воззрѣніямъ нашимъ правительственнымъ духовнымъ сферамъ, небезызвѣстный миссіонеръ Айвазовъ производитъ детальное разсмотрѣніе тѣхъ религіозныхъ потребностей сектантовъ, удовлетворять которыя можетъ военное вѣдомство, исходя изъ провозглашенной нынѣ свободы совѣсти. Здѣсь уже ограниченія мотивируются не однимъ лишь опасеніемъ поколебать основы военной службы «измѣной исконнымъ завѣтамъ «русскаго воинства», а той опасностью, которой грозитъ внутренней миссіи православія усиленіе въ войскахъ пропаганды сектантства и старообрядческихъ согласій, неизбѣжно связанной, по мнѣнію нашихъ охранителей, съ представленіемъ права всѣмъ сектамъ удовлетворять религіозныя потребности своихъ членовъ при содѣйствіи правительства и подъ охраной закона.

Оказывается, что обезпеченіе за лицами, состоящими на дѣйствительной военной службѣ возможности удовлетворять свои религіозныя потребности, приведетъ къ насажденію и пропагандѣ разныхъ лжеученій запасными солдатами, которые всегда представляли и представляютъ доселѣ «наиболѣе дерзкій и опасный

сектантскій элементъ . Какъ ни неожиданъ подобный логическій скачокъ въ разсужденіяхъ охранителей чистоты православія, все же приходится сказать, что если бы такая практика и соотвѣтствовала дѣйствительности, провозглашеніе борьбы съ ней путемъ карательныхъ и запретительныхъ мѣръ равносильно отрицанію началъ вѣротерпимости и возврата къ старымъ дискредитированнымъ пріемамъ борьбы съ религіозными разномыслiями. Другими словами, осуществленіе подобныхъ предначертаній знаменовало бы собою реставрацію прежнихъ порядковъ религіозной нетерпимости.

Однако юридическія нормы, установленныя законами о свободѣ совѣсти, все же еще существуютъ въ жизни, хотя и въ урѣзанномъ видѣ путемъ циркулярныхъ разъясненій Такъ или иначе, но съ ними приходится считаться и приспособлять ихъ до нѣкоторой степени къ столь эластичной практикѣ.

Впрочемъ, это дѣлается довольно легко. Современный законъ не допускаетъ отпаденія православныхъ въ нехристіанскія вѣроисповѣданія. Отсюда выводъ секты, образовавшіяся изъ отпавшихъ отъ православія и по своему вѣроученію являющіяся нехристіанскими, не могутъ пользоваться законнымъ правомъ на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей своихъ послѣдователей и содѣйствія имъ въ этомъ случаѣ правительства недопустимо». Къ такимъ *нехристіанскимъ* сектамъ «наука сектовѣдѣнія», а также какъ извѣстно и «компетентное» рѣшеніе VI отдѣла предсоборнаго присутствія относятъ: *духоборчество*, жидовство, еговизмъ, хлыстовство и скопчество. Поэтому къ этимъ сектамъ поставленный въ военномъ вѣдомствѣ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно; по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ (не всѣмъ однако) вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, точно обозначенныхъ, положительно, но, конечно, только тѣ могутъ пользоваться правомъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, которые состоятъ членами зарегистрированной правительствомъ общины.

Путемъ такой грубой казуистики, когда духоборы зачисляются въ число чуть ли не язычниковъ, ограниченія эти можно расширить до необъятныхъ предѣловъ—остается лишь черезъ посредство авторитетнаго

разъясненія нашихъ богослововъ и услужливыхъ данныхъ «науки сектовѣдѣнія» объявить одно лишь православіе христіанской религіей, что и было сдѣлано въ свое время въ «Московіи». И тогда уже военному вѣдомству не придется разрѣшать сложныхъ вопросовъ объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей военнослужихъ сектантовъ... Нѣтъ нужды, что при такихъ «юридическихъ» манипуляціяхъ грубо попирается начерченныя въ основныхъ законахъ «начала вѣротерпимости».

Еще одно замѣчаніе Лицамъ, столь легко оперирующимъ съ данными «наукой сектовѣдѣнія», не мѣшало бы заглянуть и въ дѣйствующее Уголовное Уложеніе, преждѣ чѣмъ утверждать, что одна лишь принадлежность къ такъ называемому хлыстовству влечетъ за собой уголовную кару, и послѣдователи указаннаго вѣроученія должны быть лишены права—удовлетворять на военной службѣ свои религіозныя потребности. Это невѣрно А при такихъ условіяхъ, когда взята невѣрная предложена, и вся юридическая схема оказывается построенной на песцѣ [1]).

---

[1]) См. статьи „Изувѣрныя секты и вѣротерпимость“ въ первомъ сборникѣ.

Возрожденіе религіозныхъ преслѣдованій.

Растетъ реакція, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ газетахъ учащаются сообщенія о преслѣдованіяхъ сектантовъ и, между прочимъ, о неразрѣшеніи имъ въ рядѣ мѣстъ устройства молитвенныхъ собраній.

Свѣдѣнія эти въ значительной степени касаются такъ называемыхъ баптистовъ, которымъ, согласно сенатскому разъясненію и циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, объявленныхъ уже послѣ провозглашенія вѣротерпимости, должна быть предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія. По смыслу закона всѣ стѣсненія, установленныя ранѣе по отношенію къ упомянутой сектѣ, должны быть нынѣ устранены. Такимъ образомъ на первый взглядъ всякое неразрѣшеніе на устройство молитвеннаго собранія баптистамъ и другимъ слѣдуетъ относить исключительно на счетъ пресловутаго административнаго «усмотрѣнія», нерѣдко вовсе не справляющагося съ закономъ. Несомнѣнно, на дѣлѣ часто къ этой именно категоріи «усмотрѣнія» и принадлежатъ приводимые факты отказа сектантамъ въ разрѣшеніи устраивать въ томъ или иномъ случаѣ собранія для выполненія религіозныхъ требъ.

Но, какъ оказывается, подобныя запрещенія мотивируются нерѣдко ссылкой на законъ 4 марта о собраніяхъ. И администрація очень легко и при желаніи весьма часто можетъ подводить религіозныя собранія подъ общую рубрику о собраніяхъ, пользуясь тѣми умолчаніями, которыя имѣются, какъ мы отмѣчали въ свое время, въ законѣ 17 октября 1906 г. о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ. Еще недолгая практика какъ нельзя лучше обнаружила всѣ эти дефекты новаго закона.

Комментируя законъ о религіозныхъ обществахъ и отмѣчая его юридическія несовершенства, мы дѣлали предположеніе, что русскіе диссиденты, которые не вступятъ въ религіозныя общины или не въ состояніи даже будутъ ее организовать за отсутствіемъ требуемаго закономъ числа учредителей (50), въ жизни будутъ наталкиваться на непреодолимыя препятствія,— ихъ молитвенныя собранія будутъ признаваться незаконными Предположенія наши оправдались.

Въ самомъ дѣлѣ, законъ 17 октября помимо общихъ своихъ недостатковъ въ видѣ излишней пунктуальной регламентаціи устройства религіозныхъ обществъ и сохраненія системы чрезмѣрной административной опеки страдалъ однимъ крупнымъ недостаткомъ: онъ говорилъ лишь объ организованныхъ общинахъ и умалчивалъ о вѣроисповѣдныхъ правахъ тѣхъ диссидентовъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не составили требуемой закономъ общины. Чѣмъ должны были опредѣляться вѣроисповѣдныя права данныхъ группъ, это въ сущности такъ и осталось не вполнѣ яснымъ. Невозможно предполагать, чтобы лица, не пожелавшія войти, быть-можетъ, даже по своимъ убѣжденіямъ въ составъ религіозной общины, тѣмъ самымъ теряли предоставляемое имъ закономъ право устроиства молитвенныхъ собраній. Здѣсь приходилось, очевидно, уже руководиться общимъ закономъ, предоставляющимъ всѣмъ русскимъ гражданамъ отправлять богослужебныя требы согласно предписаніямъ своей вѣры. Такой выводъ въ сущности только и можно было дѣлать изъ перваго пункта общихъ положеній о порядкѣ устройства сектантскихъ общинъ, гласящаго, что «сектантамъ предоставляется свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ по правиламъ ихъ вѣроученій, *а также* образованіе въ порядкѣ настоящими правилами указанномъ религіозныхъ общинъ». Такимъ образомъ организація общинъ не находится ни въ какой связи съ отправленіемъ религіозныхъ обрядовъ. Однако ясно, что при отсутствіи точныхъ юридическихъ нормъ въ этой области открывался, конечно, большой просторъ для примѣненія пріемовъ административнаго усмотрѣнія, столь широко практикуемаго въ наши дни.

Такая неопредѣленность какъ разъ должна отзываться въ высшей степени невыгодно на положеніи большинства представителей нашего религіознаго разномыслія, до сихъ поръ не составлявшихъ какихъ-либо опредѣленныхъ общинъ. Мы должны имѣть въ виду, что огромный процентъ ихъ падаетъ на деревенское населеніе. Понятно, въ деревнѣ часто почти невозможно набрать требуемыя закономъ пятьдесятъ подписей для учрежденія религіозной общины, желающіе могутъ, правда, присоединиться къ существующей уже въ другомъ мѣстѣ аналогичной общинѣ, но и это мало помогаетъ дѣлу и далеко не разрѣшаетъ вопроса. По существу затрудненія остаются тѣ же. Законъ считается лишь съ установившимся вѣроисповѣданіемъ и сложившейся организаціей. Такое отношеніе къ религіознымъ общинамъ и къ праву свободнаго вѣроисповѣданія гражданъ совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ жизни.

Что въ наше время законъ и жизнь постоянно расходятся между собою, врядъ ли надо доказывать. Допустимъ, что это расхожденіе диктуется соображеніями высшей политики, что оно неизбѣжно во имя пресловутаго «успокоенія страны». Чѣмъ, однако, объяснить тогда воскрешеніе старыхъ пріемовъ въ той области, гдѣ политика въ полномъ смыслѣ отсутствуетъ и гдѣ рѣчь идетъ только о правѣ людей молиться по законамъ своей религіи?

Казалось бы, религіозныя утѣсненія не должны имѣть мѣста въ современномъ строѣ. Въ дѣйствительности же, русскимъ гражданамъ далеко еще не всегда обезпечена самая элементарная свобода вѣры. 16 марта (1908 г.), сообщаетъ *«Кіевлянинъ»*, въ Кіевѣ приставомъ Старокіевскаго участка «обнаружено собраніе адвентистовъ (штундистовъ) въ числѣ 38». Всѣ участники богомоленія переписаны чинами полиціи, и, конечно, составленъ протоколъ. Такимъ образомъ по обычаю прежнихъ лѣтъ молившіеся сектанты, быть-можетъ, будутъ привлечены къ отвѣтственности по ст. 29 уст. о наказ. Какая же разница между тѣмъ, что было до манифестовъ, объявившихъ неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій русскихъ гражданъ, и тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ наши дни?

По всей видимости, сектанты, собраніе которыхъ вызвало составленіе полицейскаго протокола, не составили въ Кіевѣ религіозной общины согласно временнымъ правиламъ 17 октября 1906 г. Неужели поэтому они лишены права удовлетворять свои религіозныя потребности? Въ законѣ объ этомъ не говорится и, конечно, не можетъ говориться, иначе право молиться по обрядамъ своей вѣры должно было явиться лишь привилегіей немногихъ группъ.

Въ силу тѣхъ условій, которыми обставляетъ законъ образованіе религіозной общины, какъ было отмѣчено выше, изъ многомилліонной массы представителей нашего религіознаго разномыслія, быть-можетъ, лишь нѣсколько тысячъ могли сгруппироваться въ религіозныя общины Между тѣмъ администрація придаетъ своеобразное толкованіе закону; по ея мнѣнію, очевидно, лишь тѣ, кто вошли въ составъ религіозной общины, пользуются привилегіей отправлять богослуженіе. Мало того, по ея мнѣнію, даже духовный пастырь не можетъ въ единичныхъ случаяхъ совершать необходимыя требы внѣ предѣловъ своей общины. Такое именно толкованіе дало губернское правленіе старообрядческой никольской общинѣ въ г. Богородскѣ. По этому разъясненію, «духовное лицо никакихъ требъ ни у кого, кромѣ членовъ своей общины, не должно совершать». Слѣдовательно, если какой-нибудь богородскій старообрядецъ, не входящій въ ту или другую мѣстную религіозную общину, умретъ, священникъ не сможетъ предать его тѣло погребенію съ соотвѣтственнымъ ритуаломъ.

Неужели такъ дѣйствительно гласитъ законъ?

Усиленіе всякаго рода запретительныхъ мѣръ [1]), появляющихся на горизонтѣ русской жизни, идетъ какъ бы подъ непосредственнымъ давленіемъ нашихъ мис-

---

[1]) Кромѣ запрещенія молитвенныхъ собраній (такіе случаи въ большомъ числѣ зарегистрированы жалобой, поданной баптистами въ центральное правительство), мѣстная администрація, какъ свидѣтельствуютъ факты, пользуется всякими поводами для ограниченія правъ нашихъ диссидентовъ: закрываются, напримѣръ, собранія, если на нихъ обнаруживается присутствіе православныхъ. Министерство Внутреннихъ дѣлъ, „въ виду многочисленныхъ жалобъ, поступившихъ въ министерство на мѣстныя власти“, должно было по этому поводу сдѣлать разъясненія, что присутствіе православныхъ на собраніяхъ

сіонерскихъ органовъ, все усиленнѣе начинающихъ ратовать противъ законовъ «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости».

Впервые этотъ призывъ къ реставраціи стараго опредѣленно прозвучалъ въ рѣшеніяхъ подсоборнаго присутствія. И по мѣрѣ того, какъ «освободительная весна» отходитъ въ область преданій, а ликвидаціонная политика пріобрѣтаетъ все болѣе твердый курсъ, голоса этихъ реставраторовъ растутъ и крѣпнутъ.

Правительствующій Синодъ въ своемъ обновленномъ составѣ требуетъ, чтобы вѣроисповѣдные законопроекты, представленные въ Государственную Думу, предварительно были переданы на разсмотрѣніе Синода и получили его санкцію. Опредѣленія Синода о министерскихъ законопроектахъ, касающихся свободы совѣсти, достаточно ясно говорятъ о направленіи тѣхъ измѣненій, которыя Синодъ считаетъ нужнымъ ввести. Въ «*Миссіонерскомъ Обозрѣніи*» мы встрѣчаемъ уже открытый призывъ къ устраненію законовъ 17 апрѣля и 17 октября, а вмѣстѣ съ тѣмъ призывъ къ тому, чтобы свѣтская власть вновь взяла въ свои руки охрану православной церкви отъ «развращающихъ вліяній» и «насилій» со стороны расколо-сектантства и инославія, «неожиданно получившихъ всю полноту правъ свободы совѣсти и пропаганды».

«Законъ 17 апрѣля «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости», — пишетъ небезызвѣстный г. Скворцовъ,— былъ первымъ тонкимъ и ловкимъ подкопомъ крамолы подъ вѣковыя твердыни православно-самодержавнаго строя Россійской державы». Странно, конечно, читать, будто бы у насъ упразднены законы, ограждающіе «господство и незыблемость православія въ Россіи», будто бы первенствующая церковь низведена «съ своего вѣкового положенія въ уровень со всѣми обитающими въ Россіи инославными церквами и христіанскими религіозными общинами». Вѣдь все это суще-

---

сектантовъ ни въ коемъ случаѣ не должно служить основаніемъ къ закрытію таковыхъ.

Мы видимъ возрожденіе старыхъ придирокъ и по отношенію къ старообрядчеству: напр., со старообрядцевъ г. Хвалынска, Саратовской губ., взята была подписка: не устраивать крестныхъ ходовъ и не носить священническихъ облаченій („*Церковь*“ 14 сентября 1908 г) и т. д.

ствуетъ лишь въ фантазіи писателей «*Миссіонерскаго Обозрѣнія*».

Наша «свобода совѣсти» не выходитъ за предѣлы самой элементарной «вѣротерпимости». И призывъ къ старому при такихъ условіяхъ равносиленъ призыву къ возрожденію былыхъ религіозныхъ гоненій, монастырскихъ тюремъ и другихъ инквизиціонныхъ пріемовъ борьбы съ религіознымъ разномысліемъ. Неужели «*Миссіонерское Обозрѣніе*», считающее себя органомъ православной церкви, уже забыло, какое вліяніе имѣла на церковь тяжелая рука свѣтской власти, привлеченная къ полицейской опекѣ совѣсти «православныхъ чадъ»?

1908 г.

О „вредѣ“ свободы совѣсти.

Начала вѣротерпимости, скромно еще осуществленныя въ русской жизни, подрываютъ православіе,— этотъ тезисъ сталъ общимъ мѣстомъ на страницахъ офиціальной и офиціозной прессы, выражающей мнѣнія руководителей вѣдомства православнаго исповѣданія.

Если бы такое утвержденіе и соотвѣтствовало дѣйствительности, оно, конечно, не могло бы служить основаніемъ для новыхъ ограничительныхъ мѣръ Оставимъ въ сторонѣ принципіальныя соображенія,— ими нельзя убѣдить нашихъ доморощенныхъ реформаторовъ; соображенія практическаго характера говорятъ о невозможности возврата къ прошлому.

Полицейскія запрещенія, какъ показалъ долголѣтній опытъ, не могутъ положить препонъ развитію тѣхъ рождающихся въ народныхъ массахъ движеній, которыми руководитъ пробуждающееся религіозное сознаніе. Эти новыя религіозныя исканія не только законны, но и неизбѣжны. Если православіе оказывается недостаточно жизненнымъ для сопротивленія сектантскимъ доктринамъ, то та же многолѣтняя практика свидѣтельствуетъ, что причина заключается въ томъ его безсиліи, которое въ значительной степени связано съ отсутствіемъ самостоятельности церкви, въ отсутствіи той нравственной боевой силы, которая, вопреки чаяніямъ, видимо, наиболѣе горячихъ адептовъ церкви, неизбѣжно парализуется призывами помощи со стороны свѣтской власти для поддержки миссіонерства и защиты церковныхъ привилегій. Не теорія, а опытъ доказалъ жизненную несостоятельность ученій, авторизированныхъ грубой силой. Въ періодъ такъ называемаго расцвѣта казеннаго православія, когда офиціально диссидентовъ насчитывалось всего два милліона, настоящая цифра

ихъ превышала, быть-можетъ, въ десять разъ указанное число Періодъ, когда о свободѣ вѣры еще и не помышляли, когда въ жизни господствовала инквизиціонная система религіозныхъ гоненій,—это именно время отличалось наибольшимъ богатствомъ разнообразныхъ религіозныхъ исканій, это было время пышнаго расцвѣта сектантства.

Народной мысли трудно было выбраться изъ тѣхъ тисковъ тьмы и невѣжества, которые давили ее въ періодъ вѣкового угнетенія стараго режима. Съ трудомъ и медленно пробивая себѣ путь къ свѣту, неизбѣжно на первыхъ порахъ народная мысль сосредоточивалась на элементарныхъ вопросахъ религіи, болѣе близкихъ по своему существу некультурнымъ массамъ, болѣе доступныхъ для критики. Въ русскомъ сектантствѣ путемъ анализа народная мысль отъ упрощенныхъ формъ критики переходила къ построенію болѣе сложныхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Понятно, послѣдніе годы должны были при такихъ условіяхъ явиться годами, когда сектантство отступило на второй планъ. Въ 80—90 гг. сектанты являлись наиболѣе прогрессивными, наиболѣе передовыми и активными элементами нашей деревни,—въ сектантствѣ преимущественно выливались умственные запросы, рождавшіеся въ крестьянской средѣ.

Подъемъ общественнаго настроенія за истекшіе годы, когда освободительное движеніе вышло за предѣлы своего прежняго узкаго круга, когда и деревня оказалась захваченной волнами этихъ новыхъ теченій, далъ новый фазисъ развитія народной мысли, отвлекъ ее отъ прежнихъ отвлеченныхъ построеній и направилъ на разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ текущимъ моментомъ. И та тенденція народной мысли, которую можно было, пожалуй, формулировать словами «черезъ сектантство къ политикѣ», исчезла, какъ и слѣдовало ожидать. Сектантство потеряло свой боевой характеръ,—умственныя теченія деревни находили себѣ выходъ уже въ другихъ формахъ; сектантство, конечно, продолжало существовать, но общественная его сторона затушевалась. Эту эволюцію мы и видимъ на русскомъ штундизмѣ, той именно сектѣ, которая за послѣдніе годы привлекала къ себѣ наибольшее общественное вниманіе.

Несмотря на отсутствіе точныхъ цифровыхъ данныхъ, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что ростъ сектантства за послѣднее время, по сравненію съ предшествующими годами, остановился. Имѣющаяся случайная статистика во всякомъ случаѣ не говоритъ объ его увеличеніи. Почти внѣ сомнѣнія, что свобода совѣсти, въ сколь миніатюрной формѣ она у насъ и ни была бы осуществлена, должна была повліять на ослабленіе той остроты религіозныхъ исканій въ народной средѣ, которая въ значительной степени выростала на почвѣ неудовлетворенія господствующей религіей, на почвѣ протеста противъ той вѣроисповѣдной закабаленности, которая являлась отличительной чертой полицейскаго режима стараго порядка.

Наблюдаемыя нынѣ массовыя отпаденія отъ православія въ сектантство, магометанство, язычество и т. д.,—вѣдь это все потери, которыя церковь понесла уже давно. Цифровые подсчеты въ этой области показываютъ лишь ту неизбѣжную ложь, которую порождала въ жизни вѣроисповѣдная политика русской государственной власти, эти цифры свидѣтельствуютъ, что власть готова была удовольствоваться фикціей, дабы сохранить показную сторону успѣха тѣхъ началъ, которыя вложены были въ основаніе идеологіи государственной жизни. «Свобода совѣсти» обнаружила всю призрачность этого видимаго успѣха Не въ этомъ ли заключается ея вредъ?

Стрый режимъ обанкротился, и тѣ, которые мечтали о возможности его реставраціи, должны поискать новыхъ началъ, способныхъ оживить испорченный механизмъ. Найдутъ ли они ихъ—это еще вопросъ, возвращеніе же къ прежнимъ, уже испытаннымъ пріемамъ равносильно признанію собственной несостоятельности. Теперь особенно рискованно такое возвращеніе. Борьба противъ свободы совѣсти, объявленная въ реакціонныхъ сферахъ, грозитъ чрезвычайнымъ усиленіемъ религіознаго разномыслія. Заглохшія было искания вновь возродятся, такъ какъ переживаемый моментъ для нихъ благопріятенъ.

Мы стоимъ передъ «разбитымъ корытомъ».

Прежніе выходы, куда устремлялись общественные порывы народныхъ массъ, закрыты, наступившее вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе неизбѣжно ведетъ народную

мысль въ прежнее русло и возрождаютъ старыя формы, въ которыхъ выливались не такъ еще давно никогда неумирающія исканія лучшей доли.

Характернымъ показателемъ служитъ эволюція, пережитая нѣкоторою частью нашей интеллигенціи, тотъ успѣхъ, которымъ пользуется у нея антиобщественная проповѣдь новыхъ «саванароллъ», зовущихъ ее «въ пустыню», призывающихъ къ возрожденію аскетизма, и т. д. Проповѣдь религіозныхъ философовъ, густо уснащенная мало понятнымъ апокалипсическимъ мистицизмомъ, даетъ удовлетвореніе тѣмъ, кто усталъ въ борьбѣ; она отвлекаетъ отъ повседневныхъ, мрачныхъ мыслей въ сферу необъятнаго небеснаго пространства

Конечно, интеллигентское сектантство и народное существенно разнятся. Интеллигентское подчасъ граничитъ съ ханжествомъ; пожалуй, послѣднее является въ немъ преобладающимъ элементомъ; народное — является результатомъ пробужденія народнаго самосознанія отъ вѣковой спячки. Сектантство преимущественно—удѣлъ сѣрой крестьянской среды. Экономическая, культурная и правовая обстановка нашей деревни столь непривлекательна, что пробуждающаяся мысль, отвергнувъ старые авторитеты, невольно останавливается иногда лишь на первой стадіи отрицанія, не будучи въ состояніи дать чего-либо положительнаго въ той косной и уродливой атмосферѣ, въ которой принуждена вращаться. Въ этой мутной водѣ и ловятъ рыбу всякаго рода іоаннитскія организаціи, «святые», пророки и пророчицы, старцы Ѳедотушки и т. д.

Мистицизмъ, присущій въ значительной степени всѣмъ религіознымъ исканіямъ, на первыхъ порахъ дающій наиболѣе легкій отвѣтъ на вопросы, которые волнуютъ умы и требуютъ непосильнаго анализа для элементарнаго еще критика, легко увлекаетъ въ свои нескончаемые и туманные лабиринты неокрѣпшую мысль. Мистическія секты, однако, далеко не являются у насъ преобладающими. Раціонализмъ могущественнѣе и сильнѣе влечетъ къ себѣ народныя массы. И почти неизбѣжно въ раціоналистически настроенномъ сектантствѣ общественные вопросы постепенно затушевываютъ первоначальную окраску специфическихъ религіозныхъ ученій. Здѣсь коренное отличіе интеллигентскаго и народнаго сектантства. Но какъ

они ни различны, быть-можетъ, основные мотивы одни и тѣ же. Поэтому въ наши дни сектантство вновь можетъ получить широкое распространеніе; вновь можетъ вернуться его прежнее боевое настроеніе. отъ небесныхъ сферъ критическая мысль перейдетъ къ земному существованію.

Какъ показалъ тотъ же вѣковой опытъ, преслѣдованіе сектантовъ способствуетъ лишь обостренію ихъ общественныхъ симпатій, вводитъ даже политическій элементъ туда, гдѣ онъ отсутствовалъ. Что же, вновь дѣлать опытъ съ бѣлкой въ колесѣ?

Тѣмъ, кто признаетъ, что нынѣ «оскудѣваетъ вѣра и гибнетъ древне-русское благочестіе», слѣдуетъ искать новыя средства для борьбы съ возрастающимъ религіознымъ разномыслемъ, а не обращаться къ средневѣковымъ доктринамъ, санкціонирующимъ охрану неприкосновенности господствующаго вѣроисповѣданія полицейскими мѣрами насилія. Искать виновника оскудѣнія вѣры надо прежде всего въ самой церкви, которая, оказывается, не въ состояніи удовлетворять новымъ запросамъ своихъ адептовъ. Кто желаетъ мечтать о возрожденіи православія, тотъ долженъ, прежде всего устранить зло, его разъѣдающее.

Между тѣмъ попытки церковнаго реформаторства, о которомъ у насъ говорили за послѣдніе годы, не дали пока еще ничего осязательнаго. Господствующая церковь занимаетъ то же положеніе, что и при старомъ порядкѣ. Лишь обострились еще болѣе прежнія ненормальности.

Церковь какъ таковая всѣми силами вовлекается въ политическую борьбу. Въ эту борьбу церковь влекутъ ея центральные органы Церковь, по желанію церковной бюрократіи, должна явиться могучей пособницей реакціи. Правда, ни сочувствіе синодальнаго вѣдомства, ни призывы нѣкоторыхъ архіепископовъ къ активному участію въ дѣятельности союза русскаго народа не пользуются, по всей видимости, большимъ въ средѣ духовенства успѣхомъ,—дѣло ограничивается больше внѣшнимъ послушаніемъ начальству во избѣжаніе затрудненій и непріятностей, такъ какъ «русскій народъ зорко слѣдитъ за своими отцами духовными, — гласило одно изъ обращеній къ Синоду всероссійскаго союза русскаго народа,—и съ негодованіемъ смотритъ

на тѣхъ изъ нихъ, которые .. не желаютъ поступить въ ряды членовъ союза». И, тѣмъ не менѣе, если вѣрить іеромонаху Илодору, «почти все сельское духовенство держится крамольныхъ взглядовъ, въ силу чего агитація союза русскаго народа въ деревняхъ встрѣчаетъ сильный отпоръ» (констатировалось это въ запискѣ, поданной митрополиту Антонію) Конечно, утвержденіе іеромонаха Илодора гиперболично, но все же оно показываетъ, что фанатичные защитники стараго режима не пользуются чрезмѣрнымъ успѣхомъ

Церковь же отъ такихъ попытокъ превращенія ея въ орудіе дѣятельности союза русскаго народа теряетъ въ глазахъ населенія свой нравственный авторитетъ. Человѣко-ненавистническая проповѣдь почаевскихъ иноковъ и другихъ сочувствующихъ имъ іереевъ окончательно убиваетъ ея авторитетъ

И можно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ религіозное разномысліе растетъ. Ненормальныя отношенія въ самой церкви вызываютъ въ населеніи постоянный протестъ: на Уралѣ въ послѣднее время, какъ отмѣчаютъ мѣстныя газеты, создалось даже цѣлое движеніе, направленное противъ платежа церковныхъ налоговъ и охватившее нѣсколько округовъ. Въ этихъ ненормальностяхъ и лежитъ причина оскудѣнія вѣры, а свобода совѣсти скорѣе ослабляетъ остроту религіозныхъ исканій.

27 апрѣля 1907 г

Къ церковному собору.

I.

Нѣкоторые скептики продолжаютъ еще утверждать, что соборъ вовсе не будетъ созванъ, хотя составъ собора, процедура выборовъ и производства дѣлъ на немъ уже получили утвержденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ собранъ и обильнѣйшій подготовительный матеріалъ, долженствующій послужить исходной точкой отправленія собору, въ виду многотомныхъ трудовъ, представляющихъ отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ и сводку этихъ отзывовъ въ видѣ столь же продуктивной по объему работы предсоборнаго присутствія.

Но какое значеніе можетъ имѣть вообще предполагаемый соборъ?

За границей этому церковному собору, повидимому, придаютъ огромное значеніе; церковный соборъ въ глазахъ западнаго міра является симптомомъ религіознаго обновленія, своего рода переворотомъ въ области существующихъ церковно-общественныхъ отношеній православія. Въ теоріи собору русской церкви предстоитъ сыграть ту же роль, что предстояло въ свое время и знаменитому тридентскому собору въ жизни католицизма.

И судьба тридентскаго собора, несмотря на раздѣляющій его отъ насъ періодъ, довольно знаменательна Онъ оказался мертворожденнымъ, никакія силы уже не въ состояніи были оживить католичество, столкнувшееся въ своемъ историческомъ развитіи съ новыми вѣяніями и завоеваніями прогресса

Исторія католичества послѣднихъ столѣтій есть медленное, шагъ за шагомъ отступленіе назадъ. А между тѣмъ католичество когда-то представляло собой большую культурно-историческую силу. Прежнее ве-

личіе, слава, вѣковыя традиціи и памятники, свидѣтельствующіе о быломъ прошломъ, остатки предразсудковъ въ сознаніи народныхъ массъ,—дѣлаютъ процессъ разложенія такимъ медленнымъ. Но впереди съ каждымъ днемъ растутъ новые и новые грозные признаки наступающей смерти. И не потому ли наступаетъ эта смерть, что церковь, какія бы формы и организаціи она ни принимала, уже на многовѣковомъ опытѣ показала всю свою неспособность превратиться въ учрежденіе, могущее отстаивать дѣло политической свободы и соціальныхъ преобразованій? Церковь, искони выступая въ роли охранительной силы, заявила себя главнымъ врагомъ прогрессивной мысли; во имя традиціонныхъ идеаловъ она всегда отстаивала приниженность человѣческой личности передъ неразгаданными тайниками природы и общественнаго порядка. Она шла, такимъ обарзомъ, наперекоръ историческому развитію.

Католичество раздѣлило лишь общую судьбу всѣхъ церковныхъ организацій; а въ немъ, пожалуй, въ силу прошлаго, было заложено больше живительныхъ началъ, чѣмъ гдѣ-либо. Католичество могло создать въ своихъ рядахъ могучую реакціонную силу въ видѣ міроваго клерикализма; но и эти оковы, скованныя на почвѣ эксплуатаціи предразсудности массъ, уже слабѣютъ.

Въ православіи, какъ церковной организаціи, нѣтъ даже и этихъ историческихъ основъ. Византійскіе выходцы изстари были лишь прислужниками приказнаго строя. И это мнѣніе даже не наше, а тѣхъ самыхъ, кто вводилъ господствующую церковь въ рамки бюрократическаго строя. Наша церковь, даже освобожденная отъ «мірскаго плѣна» по всѣмъ правиламъ каноновъ, никогда не въ состояніи будетъ создать нѣчто подобное клерикализму. И мы безъ всякаго опасенія можемъ не думать объ опасности клерикальнаго гнета. Не существуетъ основъ для его зарожденія въ Россіи, нѣтъ тѣхъ милліоновъ, для которыхъ въ теченіе вѣковъ голосъ папской куріи былъ непреложнымъ авторитетомъ; эта пружина безгласнаго послушанія давно уже лопнула у насъ еще въ эпоху московскаго періода. Да и составъ населенія разноплеменной и разновѣрной Россіи не можетъ дать тѣхъ элементовъ, которые нужны для развитія клерикальныхъ началъ.

Такимъ образомъ всероссійскій соборъ, если бы даже выступилъ во всеоружіи своего нравственнаго авторитета, что могло быть единственно при условіи, что онъ явится выборнымъ представительствомъ всего церковнаго организма, а не однихъ лишь духовныхъ «князей» церкви, то и тогда врядъ ли онъ привелъ бы, какъ мечтаютъ истинные ревнители православія, къ освобожденію «русской религіозной совѣсти». Никогда соборъ господствующей церкви не могъ явиться «предвѣстникомъ грядущаго духовнаго обновленія». Всѣ попытки къ возрожденію православія въ той или иной формѣ должны повести, въ концѣ-концовъ, лишь къ тому, что церковь, переставъ быть рабыней полицейскаго государства, изъ «невольнаго орудія» реакціонной политики превратится въ ея добровольную союзницу. А это, пожалуй, еще хуже. Каждый насильственный актъ невольно, по крайней мѣрѣ, порождаетъ оппозицію. И при старомъ порядкѣ, какъ ни слабъ былъ этотъ протестъ церкви, все же элементъ недовольства имѣлъ свое значеніе.

Но если церковная реформа на началахъ соборности могла еще внушать кое-кому смутныя надежды на какой-то «великій переворотъ въ умахъ», то проектируемая церковная реформа въ томъ видѣ, какъ она преподносится нынѣ ревнителямъ православія, не оставляетъ уже никакихъ сомнѣній въ ея отрицательныхъ результатахъ. Теперь уже не приходится лелѣять мечты о духовной эмансипаціи, съ того момента, какъ соборъ церкви «предписанъ государственной властью». Это какъ нельзя лучше понимаютъ нововременскіе публицисты, гг. Розановъ и Меньщиковъ, которыхъ можно отнести къ числу наиболѣе рьяныхъ дѣятелей въ сонмѣ ревнителей православія мистическаго оттѣнка. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризовалъ, напримѣръ, г. Меньщиковъ дѣятельность будущаго церковнаго собора: это будетъ «священно-канцелярской логомахіей, словоупражненіемъ рясофорной и митроносной бюрократіи... Ровно ничего изъ этого не выйдетъ искренняго и серьезнаго, ничего великаго».

Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ уже всѣ резолюціи, которыя долженъ будетъ вынести церковный соборъ. Вся принципіальная сторона ожидаемой рефор-

мы предусмотрѣна и предрѣшена въ сущности той работой предсоборнаго присутствія, которую кто-то назвалъ «явнымъ началомъ скандала съ всероссійскимъ церковнымъ соборомъ». Собору остается лишь санкціонировать эти принятыя и одобренныя резолюціи въ болѣе торжественной обстановкѣ.

Личный составъ будущаго церковнаго собора, согласно утвержденнымъ 25 апрѣля положеніямъ, вполнѣ гарантируютъ такой исходъ.

Для адептовъ господствующей церкви, наивно мечтавшихъ о коренныхъ реформахъ въ бюрократическомъ строѣ церковнаго организма, анализъ этихъ положеній не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что голосъ паствы не будетъ услышанъ, что послѣдній явится выразителемъ не церковно-общественнаго мнѣнія, а лишь пожеланій епископата.

Какъ извѣстно, соборъ будетъ состоять изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ Всѣ епархіальные епископы обязаны присутствовать, и они одни только составляютъ и подписываютъ соборныя опредѣленія и постановленія. Одни лишь архіереи являются полноправными членами собора Такимъ образомъ голоса мірянъ (по одному изъ каждой епархіи) и клириковъ, единственная среда, откуда можетъ раздаться критика, носятъ совѣщательный характеръ, но они участвуютъ только въ предварительномъ разсмотрѣніи вопросовъ, и здѣсь они лишены даже права иниціативы они разсматриваютъ подлежащіе обсужденію вопросы лишь въ томъ видѣ, «какъ они будутъ поставлены соборомъ». При такихъ условіяхъ, конечно, голосъ сторонниковъ церковнаго возрожденія и прогрессивнаго духовенства не можетъ имѣть почти никакого вліянія ни въ постановкѣ вопросовъ ни въ ихъ разработкѣ. Участвуютъ въ соборѣ на правахъ членовъ по усмотрѣнію Синода представители отъ монастырей, духовныхъ академій и другихъ церковныхъ учрежденій, а равно и частныя лица, извѣстныя своею богословской ученостью или любовью къ церковному просвѣщенію и вообще своимъ усердіемъ къ церкви· другими словами, въ составъ собора должны войти всѣ члены бывшаго предсоборнаго присутствія, за исключеніемъ тѣхъ, которые не угодили своей дѣятельностью Синоду Нетрудно видѣть, что будутъ, вѣроятно, устранены именно тѣ, которые по-

казали себя наиболѣе прогрессивно настроенными. Выборные члены собора — міряне и клирики, по два отъ каждой епархіи, ограниченные въ правахъ, конечно, потонутъ въ общемъ реакціонномъ составѣ

Однако оппозиція могла бы имѣть огромное моральное значеніе, оттѣнивъ на соборѣ полное несоотвѣтствіе преобразовательныхъ плановъ современныхъ церковныхъ реформаторовъ, вышедшихъ изъ среды синодскихъ канцелярій, съ пожеланіями всей церкви въ ея совокупности Такая роль могла естественно принадлежать лишь выборнымъ элементамъ, какъ единственнымъ представителямъ церкви, участвующимъ на соборѣ не по назначенію. Впрочемъ, на эти выборы не приходилось возлагать большихъ надеждъ, вслѣдствіе условій, которыми обставлены самые выборы въ члены собора; они должны пройти еще черезъ фильтръ епархіальныхъ архіереевъ, которые утверждаютъ выборныхъ делегатовъ. Эти выборы для клириковъ — двухстепенные, для мірянъ же—трехстепенные Выбранные въ конечной стадіи послѣ прсѣнванія на приходскихъ, благочинническихъ и епархіальныхъ собраніяхъ (три представителя отъ духовенства и три отъ мірянъ) идутъ на утвержденіе высшей епархіальной власти. Епископъ уже своею властью изъ упомянутыхъ группъ утверждаетъ по одному депутату для участія на соборѣ. Этимъ самымъ значительно умалялись шансы прогрессивныхъ депутатовъ и вообще тѣхъ, кто возрожденіе и реформированіе существующаго церковнаго строя понимаетъ въ смыслѣ введенія въ него началъ соборности и уничтоженія надъ церковью бюрократической опеки во всѣхъ ея формахъ.

Если вспомнить, какъ наши епископы еще недавно составляли свои докладныя записки Синоду о желательныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ, то и здѣсь не останется никакихъ сомнѣній въ той тенденціи, которой будутъ руководиться епархіальные архіереи въ предоставляемомъ ими правѣ утвержденія выборныхъ отъ мірянъ и клира. Вспомнимъ, что многіе изъ архіереевъ вмѣсто созыва епархіальныхъ съѣздовъ для предварительнаго обсужденія вопросовъ, на которые они должны были дать отзывы въ своихъ докладахъ Синоду, ограничивались «особыми совѣщаніями» въ составѣ на-

значенныхъ ими самими членовъ; многіе давали отвѣты единогласно, не спрашивая мнѣнія подвластнаго духовенства; были случаи, когда болѣе или менѣе прегрессивныя рѣшенія съѣздовъ не заносились самоличной властью епископовъ въ журналѣ постановленій, и выразители этихъ мнѣній подвергались преслѣдованіямъ со стороны высшей духовной власти...

Итакъ, что же могъ сдѣлать церковный соборъ? Отзывы архіереевъ о церковной реформѣ намъ извѣстны — они за малымъ исключеніемъ являются отзвукомъ настроеній, господствующихъ въ сферахъ высшаго духовенства и воспроизводящихъ почти во всей полнотѣ прежнюю практику церковнаго управленія. Рѣшенія предсоборнаго присутствія, въ свою очередь, оставшагося всецѣло на старомъ берегу, извѣстны. И церковный соборъ при такихъ условіяхъ могъ напомнить лишь безплодную смоковницу въ евангельской притчѣ. Можно было еще опасаться, пожалуй, и того, что церковный соборъ при все усиливающемся реакціонномъ вліяніи высшаго духовенства за послѣднее время и при устанавливающемся трогательномъ единеніи между нимъ и союзомъ русскаго народа, вычеркнетъ и тѣ крайне незначительныя положительныя стороны, которыя при нѣкоторомъ желаніи могли бы быть отмѣчены въ работахъ предсоборнаго присутствія.

Естественно, что церковная печать прогрессивнаго направленія стала весьма пессимистично смотрѣть на ближайшее будущее въ области реформаторской дѣятельности господствующей церкви: съѣздъ архіереевъ, какимъ представлялся будущій соборъ, не могъ имѣть значенія и авторитета церковнаго собора, о которомъ она мечтала; этого авторитета не могла ему придать, конечно, никакая санкція государственной власти. И мы слышали уже голоса, идущія изъ церковныхъ круговъ, о бойкотѣ собора, о несвоевременности его созыва и т. д.

Толки о церковномъ соборѣ и предварительное обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ его разрѣшенію, пробудили въ значительной степени инертную массу рядового духовенства. Идея замѣны бюрократическаго строя церкви выборнымъ нашла себѣ широкій откликъ за весьма, быть-можетъ, небольшимъ исключеніемъ. Огромное большинство высказалось въ сущности про-

тивъ того плана церковныхъ преобразованій, какъ первоначально онъ былъ намѣченъ въ духовныхъ правительственныхъ сферахъ. Это и понятно: интересы большинства духовенства кореннымъ образомъ расходились съ интересами «князей церкви» и всѣхъ, кому близки дѣла нынѣ офиціальной церкви Когда предсоборное присутствіе не вняло голосу, поистинѣ, всей «церкви и сталъ также извѣстенъ составъ будущаго собора, интересъ къ церковнымъ преобразованіямъ значительно ослабъ: все предопредѣлено синодальной бюрократіей.

Итакъ, можно съ успѣхомъ покончить разговоры теперь объ ожидаемомъ религіозномъ обновленіи, по крайней мѣрѣ, отложить его въ дальнѣйшій ящикъ Но, тѣмъ не менѣе, сама по себѣ исторія съ церковной реформой чрезвычайно любопытна и характерна.

Когда о ней заговорили, чуть ли не всѣ представители нашей высшей церковной іерархіи стали твердить о необходимости «взаимодѣйствія и живого общенія всѣхъ членовъ церковнаго организма , т.-е. высказывались за введеніе начала соборности, какъ въ высшемъ церковномъ управленіи, такъ и во всемъ вообще внутреннемъ строѣ церкви. Говорили они печатно о томъ «темничномъ» состояніи, въ которомъ находилась господствующая церковь «подъ владычествомъ чиновниковъ и бюрократовъ». Въ то время и въ правительственныхъ сферахъ были въ модѣ либеральныя слова, а потому даже наши офиціозы именовали церковь «прислужницей чиновничества». Мечтающіе о духовномъ возрожденіи изъ числа близкихъ тѣмъ, которые именуются «истинно-русскими людьми , съ радостью ухватились за идею возстановленія въ Россіи археологическаго учрежденія патріаршества. Desiderata ихъ наглядно были выражены г. Шараповымъ въ «*Русскомъ Дѣлѣ*».

Для чего нужно духовное возрожденіе? А для того, чтобы прекратить «шатанія и смуту» въ государствѣ. Другими словами—на церковь возлагали именно тѣ надежды, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи. Церковь должна была явиться реакціонной силой. Изъ невольной прислужницы превратясь въ добровольную союзницу, она могла бы получить недостающій еще нравственный авторитетъ передъ народными массами.

Не въ томъ дѣло, что тщетны были такія надежды, а въ томъ, что эта мысль руководила реформаторами церковнаго управленія, защитниками ея автономнаго устройства.

Однако охранительная печать во главѣ съ «*Московскими Вѣдомостями*» забила тревогу по поводу «скороспѣлости церковной реформы» и разошлась въ оцѣнкѣ послѣдней съ своими обычными союзниками Произошло извѣстное qui pro quo, производившее впечатлѣніе, что въ данномъ случаѣ «своя своихъ не познаша . По мнѣнію «*Миссіонерскаго Обозрѣнія*» «возстановило консервативные органы печати противъ церковной реформы то именно обстоятельство, что либеральная печать дѣло реформы привѣтствовала, какъ отголосокъ общаго политическаго движенія и какъ союзника этого движенія» По сей «неразгаданный секреть» въ видѣ нападковъ на церковную реформу публицистовъ реакціоннаго лагеря, думается, объясняется еще проще.

Синодская бюрократія испугалась, что въ случаѣ осуществленія проектируемой реформы на началахъ автономнаго устройства церкви, бразды правленія уйдутъ изъ ея рукъ и будутъ переданы духовной бюрократіи. Во имя сохраненія прежней власти и была открыта компанія, во главѣ которой стоялъ бывшій синодальный оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ. Церковная реформа была затѣяна какъ-то помимо его, даже вопреки его желанію Представленная Побѣдоносцевымъ докладная записка высказывала полное несочувствіе къ предстоящей церковной реформѣ, какъ она намѣчалась въ то время. И многолѣтнему вершителю судебъ русской церкви быстро удалось направить церковную реформу по желательному для него пути. А духовная бюрократія, поднявшая было голосъ, вступила, конечно, на старую традиціонную стезю прислужницы свѣтскаго чиновничества.

II.

Общественное мнѣніе давно уже перестало питать «радужныхъ» надеждъ, что проектируемый всероссійскій помѣстный соборъ разрѣшитъ надлежащимъ образомъ назрѣвшія въ жизни церковныя нужды. Вопросъ о церковныхъ реформахъ получилъ совсѣмъ другое направленіе. Послѣ того, какъ планъ этихъ реформъ

выработанъ былъ предсоборнымъ присутствіемъ», при Синодѣ учреждено было еще одно «особое совѣщаніе» для разработки проекта церковныхъ реформъ.

По этому поводу въ духовной прессѣ было высказано предположеніе, что вновь учрежденному совѣщанію предстоитъ замѣнить собой соборъ. созывъ котораго признанъ ненужнымъ. Офиціозное разъясненіе, послѣдовавшее затѣмъ со стороны «*Церковныхъ Вѣдомостей*», въ качествѣ главнаго мотива учрежденія особаго совѣщанія выставляло необходимость систематизаціи матеріаловъ предсоборнаго присутствія. Въ этой ссылкѣ, однако, не безъ основанія усматривали въ свое время лишь оболочку, которой прикрывается истинное назначеніе новаго синодскаго совѣщанія. Въ сущности цѣль предсоборнаго присутствія и заключалась въ выработкѣ плана реформъ путемъ сводки отзывовъ епархіальныхъ архіереевъ и другихъ аналогичныхъ матеріаловъ. Эта работа была произведена въ общихъ собраніяхъ и въ отдѣлахъ предсоборнаго присутствія. Какая же еще нужна систематизація матеріаловъ, сводка «сепаратныхъ проектовъ», когда передъ нами имѣется готовый планъ будущихъ церковныхъ реформъ?

Очевидно, цѣль созданія новаго совѣщанія при Синодѣ была иная. Эта цѣль прекрасно выясняется изъ обозрѣнія состава лицъ, вошедшихъ въ члены совѣщанія. Петербургскій академическій «*Церковный Вѣстникъ*» отмѣчаетъ, что въ составъ совѣщанія вошли «почти исключительно люди чиновные, и изъ нечиновныхъ (не многихъ), главнымъ образомъ, такіе, которые заявили себя съ извѣстной опредѣленной стороны въ самомъ предсоборномъ присутствіи», другими словами — тѣ, которые по своимъ воззрѣніямъ примыкаютъ къ синодальной бюрократіи. Очевидно, проектъ, выработанный предсоборнымъ присутствіемъ, несмотря на всю скромность своего преобразовательнаго замысла, признанъ нежелательнымъ. Особое совѣщаніе подъ видомъ систематизаціи матеріала должно этотъ проектъ переработать по существу въ духѣ, отвѣчающемъ требованіямъ времени, т.-е. желаніямъ синодальной бюрократіи. Офиціозное разъясненіе при этомъ довольно опредѣленно намекало, что будущій церковный соборъ (если только онъ будетъ созванъ)

не будетъ имѣть достаточно времени для обсужденія по существу вопросовъ, которые будутъ намѣчены особымъ совѣщаніемъ. Переводя это на языкъ реальной политики, проектъ особаго совѣщанія, по справедливому выводу «*Церковнаго Вѣстника*», будетъ имѣть обязательное значеніе для церковнаго собора.

Говоря иначе, столь давно уже ожидаемая церковная реформа будетъ разработана и осуществлена исключительно бюрократическими средствами. Какова будетъ эта реформа и каковы будутъ ея практическіе результаты, — предугадать нетрудно.

Реакція покончила съ вопросомъ о церковномъ соборѣ и о церковныхъ реформахъ.

1907 г

Двѣ записки.

Прекрасную иллюстрацію для характеристики правительственныхъ церковныхъ начинаній и ихъ судьбы даютъ опубликованная въ февральской книгѣ «*Вѣстника Европы*» за 1909 г. записки гр. Витте и Побѣдоносцева, представленныя въ Комитетъ Министровъ по поводу проектировавшейся реформы господствующей церкви.

По мнѣнію автора статьи г. Каменева, приводимые документы «ярко отражаютъ умственную индивидуальность двухъ крупныхъ *вершителей* (?!) судебъ Россіи», борьбу «между дореформенной бюрократіей и преобразовательными вѣяніями, между старымъ и новымъ, между отжившимъ и нарождающимся». Это сказано слишкомъ уже сильно... Мы въ дѣйствительности не видимъ борьбы между «старымъ и новымъ», а лишь борьбу двухъ бюрократовъ, такъ какъ различія въ принципіальныхъ точкахъ зрѣнія между гр. Витте, сторонникомъ церковной реформы, и Побѣдоносцевымъ, ея противникомъ, въ сущности большаго нѣтъ.

Записка Витте была написана по поводу внесенной въ Комитетъ Министровъ митр. Антоніемъ программы необходимыхъ преобразованій въ жизни государственной церкви. Митрополитъ Антоній находилъ, что провозглашеніе вѣротерпимости при автономной организаціи вѣроисповѣдныхъ обществъ, отдѣлившихся отъ господствующей церкви, грозитъ опасностью послѣдней. Новое положеніе можетъ создать «изъ этихъ обществъ силу весьма внушительную и для многихъ болѣе привлекательную, чѣмъ стѣсненная въ своей чисто-церковной дѣятельности церковь православная». Въ особенности это приходится сказать по поводу старообрядческой общины, пріемлющей австрійское священство. «Она имѣетъ всю видимость православной церкви; можетъ явиться опасность, что эта община

обратится въ церковь народную, тогда какъ православная церковь останется только церковью государственной». Митрополитъ Антоній осторожно ставилъ вопросъ: не слѣдуетъ ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить постоянную опеку и слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной?

Мы видимъ, что митрополитъ Антоній выступилъ далеко не съ принципіальными соображеніями. Такого же рода соображенія утилитарнаго характера заставили гр. Витте внести записку, которая съ *каноническої* точки зрѣнія оправдывала бы предположенія митрополита. Какъ и митрополитъ Антоній, гр. Витте признаетъ, что господствующая церковь составляетъ «одну изъ главнѣйшихъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ». Религіозныя стѣсненія, съ другой стороны, не соотвѣтствуютъ «духу православной церкви» и безполезны, какъ показалъ долгій опытъ: «Притѣсненія содѣйствуютъ лишь усиленію расколо-сектантства, а никакъ не его ослабленію». Такимъ образомъ для того, чтобы выдержать предстоящую борьбу съ иновѣріемъ, необходимо возрожденіе самой церкви, устраненіе «вялости внутренней церковной жизни». Необходимо оживленіе дѣятельности приходовъ, возстановленіе начала соборнаго управленія церкви, согласно каноническимъ правиламъ. Авторъ записки видитъ отъ этого чрезвычайно благодѣтельныя послѣдствія для государства. Уничтожится прежде всего «духовная рознь между образованными людьми и народомъ»; духовенство получитъ возможность бороться «съ неблагопріятными для церкви умственными и нравственными теченіями современной культуры». Витте чрезвычайно скорбитъ объ отчужденіи общества отъ церкви и ратуетъ за церковное начало во имя борьбы съ «языческимъ характеромъ европейской свѣтской культуры». «Церкви, конечно, необходимъ союзъ съ государствомъ,—говоритъ въ заключеніе записка,—необходима и государству поддержка церкви, но только условія между той и другой стороной должны быть договорены такъ, чтобы не ослаблять самодѣятельности ни церковнаго ни государственнаго организма; реформа же Петра Великаго кореннымъ образомъ нарушила это равновѣсіе».

Религія — начало общественное... Таковы мотивы, выставленные бывшимъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ, который неожиданно, вѣроятно, для многихъ, оказался знатокомъ каноновъ и горячимъ бойцомъ возрожденія православія въ духѣ старозавѣтнаго клерикализма. Мотивы, выставленные имъ дѣйствительно чрезвычайно далеки отъ тѣхъ выводовъ «языческой» западно-европейской культуры, которые раздѣляютъ всѣ прогрессивные слои русскаго общества.

Вѣдь въ сущности мотивы гр. Витте почти тѣ же, что и у вышецитированнаго Шарапова. Послѣдній лишь высказался съ большой откровенностью [1]). Графъ Витте — большой церковникъ, но тѣмъ не менѣе онъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Побѣдоносцева, такого же церковника, если не больше. Въ своихъ «соображеніяхъ» Побѣдоносцевъ прежде всего пускаетъ стрѣлу въ своего противника, обвиняя его въ маломъ знакомствѣ съ исторіей церкви, иначе онъ не стремился бы вернуть церковь къ строю временъ допетровскихъ, отличавшемуся полной мертвенностью. Побѣдоносцевъ доказываетъ, что реформа Петра способствовала возрожденію церкви, и затѣмъ категорически отрицаетъ какія-либо стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти. Если такое порабощеніе и было, то лишь въ XVIII вѣкѣ, но не по винѣ Синода, а потому, что Россіей стали править нѣмцы, и по причинѣ всеобщаго невѣжества въ дѣлахъ церкви и вѣры. Противъ неканоничности реформы Петра Побѣдоносцевъ выставилъ поистинѣ удивительный аргументъ: осуществленіе начала соборности, обширность предѣловъ Россіи и трудность сообщенія. Этотъ аргументъ и былъ, конечно, подхваченъ гр. Витте въ контрзапискѣ, представленной на «соображенія» Побѣдоносцева.

Безпристрастный историкъ просто разрѣшилъ бы споръ Побѣдоносцева съ Витте по вопросу о вліяніи реформъ Петра на внутреннюю жизнь церкви. И до Петра было плохо, а послѣ Петра стало еще хуже.

---

[1]) Быть-можетъ, еще нѣкоторыя поясненія къ данному вопросу читатель найдетъ въ статьѣ о возрожденіи патріаршества въ предшествующемъ сборникѣ.

Давно уже доказано, что петровскія церковныя реформы вовсе не имѣли такого большого вліянія. Петръ лишь докончилъ то, что дѣлали его предшественники. Свободной церкви давно уже и до Петра не было: патріархъ всегда былъ лишь креатурой свѣтской власти. Еще Карамзинъ назвалъ патріарховъ московской Руси «потаковниками» и «угодниками» царей [1]).

И ясно, что дѣло вовсе не въ каноничности той или иной реформы, а въ томъ, что государство не желаетъ обособиться отъ интересовъ церкви, отрѣшиться отъ теоріи превращенія церкви въ «орудіе властвованія». И любопытно, что Побѣдоносцевъ выдвинулъ противъ записки Витте, главнымъ образомъ, тотъ аргументъ, что новые «радѣтели» церкви стремятся къ «ослабленію связи между церковью и государствомъ, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью церкви и государству». Здѣсь, какъ мы уже видѣли, заключалось явное «недоразумѣніе», совершенно аналогичное «недоразумѣнію», имѣвшему мѣсто между Синодомъ и теперешнимъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ. Гр. Витте одинаково горячо отстаиваетъ союзъ церкви и государства, что онъ и подтверждаетъ въ своей контръ-запискѣ.

Въ упомянутомъ спорѣ самымъ интереснымъ является, конечно, финалъ. Побѣдоносцевъ одержалъ побѣду. Наканунѣ обсужденія въ Комитетѣ Министровъ вопросовъ, поставленныхъ митрополитомъ Антоніемъ, Побѣдоносцевъ сообщилъ предсѣдателю Высочайшее повелѣніе, по которому всѣ вопросы о пересмотрѣ государственнаго положенія господствующей церкви были переданы въ Синодъ.

Такъ были похоронены «начинанія» гр. Витте.

---

[1]) См. статью „Церковь и Государство“ (историческая справка) въ первомъ нашемъ сборникѣ.

Вмѣсто церковныхъ реформъ.

I.

Къ миссіонерскому съѣзду.

Въ литературныхъ органахъ, выражающихъ мнѣнія руководителей вѣдомства православнаго исповѣданія, открыто и опредѣленно звучитъ призывъ возврата къ тѣмъ традиціямъ, которыхъ строго придерживалась наша государственная власть за истекшее долгое прошлое. Голоса реставраторовъ растутъ и находятъ уже откликъ въ отдѣльныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ и выступленіяхъ Правительствующаго Синода.

Реакціонная оцѣнка, данная Синодомъ въ обновленномъ составѣ министерскимъ законопроектамъ о свободѣ совѣсти, служитъ лучшимъ показателемъ вѣяній, первенствующихъ въ церковной бюрократіи. Дѣло о церковномъ обновленіи сдано въ архивъ; всѣ помыслы и вниманіе «церковныхъ реформаторовъ» обращены теперь на усиленіе воинствующей политики. И съ этой стороны чрезвычайно характернымъ симптомомъ, выясняющимъ новую политику, является созывъ всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда: опредѣленіемъ Синода постановлено созвать этотъ съѣздъ въ Кіевѣ 12 іюля.

Итакъ, вмѣсто церковнаго собора съѣздъ епархіальныхъ миссіонеровъ! Съѣзду проектируютъ придать особо торжественный характеръ,—онъ долженъ совпасть съ «центрально-православнымъ торжествомъ» по поводу восьмисотлѣтія Кіевскаго Михайловскаго монастыря. По мысли иниціаторовъ съѣздъ долженъ явиться какъ бы апоѳеозомъ офиціальной церкви. Какъ далеко все это отъ тѣхъ помысловъ о преобразованіи церкви, которыми были заняты три года назадъ!

По какому-то недоразумѣнію, однако, представители союза русскаго народа, какъ видно изъ нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеній, усмотрѣли въ созывѣ съѣзда якобы подготовку къ церковному собору и запротестовали: они ходатайствуютъ о недопущеніи съѣзда. Horri-

bile dictu! епархіальные миссіонеры, другими словами — идеологи и самые вѣрные исполнители велѣній синодальныхъ властей, въ роли реформаторовъ, думающихъ о возрожденіи нравственнаго авторитета церкви, о снятіи съ нея полицейской опеки и т. д.! Такая фантастическая мысль могла родиться лишь въ мечтательныхъ головахъ, затуманенныхъ излишней склонностью къ «самобытному» творчеству.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если слухъ, сообщающій о возбужденномъ ходатайствѣ, отвѣчаетъ дѣйствительности, недоумѣнія быстро разсѣятся. Вѣдь такія неожиданности бывали и раньше. Вспомнимъ протестъ съѣзда монархистовъ въ Кіевѣ по поводу постановленія Синода въ день первой годовщины 17 октября [1]); они заподозрѣли вѣдомство православнаго исповѣданія въ сочувствіи «либеральнымъ» реформамъ. Но вскорѣ тактическій шагъ Синода былъ оцѣненъ въ должной мѣрѣ. Такъ же, вѣроятно, будетъ и въ данномъ случаѣ.

Это въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, и произошло.

Созывъ всероссійскаго съѣзда миссіонеровъ послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва (3-й съѣздъ былъ созванъ въ Казани въ 1897 г.) подчеркиваетъ достаточно ясно тенденцію настоящаго курса нашей вѣроисповѣдной политики. Вмѣсто созыва собора для возрожденія упавшаго нравственнаго авторитета государствующей церкви, для пересмотра внутреннихъ отношеній церковной организаціи созванъ будетъ съѣздъ миссіонеровъ для обсужденія вопросовъ о борьбѣ съ сектантами, о задачѣ миссіи въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей и т. д., какъ значится въ опубликованной въ «*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*» программѣ. Нетрудно предрѣшить, какой общій характеръ будутъ носить резолюціи съѣзда: повидимому, не рискованно сказать, что съѣздъ полностью распишется подъ программой, воодушевляющей дѣятельность тѣхъ, кто нынѣ является иниціаторомъ его созыва.

Но какъ ни очевиденъ характеръ предстоящаго въ Кіевѣ миссіонерскаго съѣзда, занятія его могутъ пред-

---

[1]) См. статью „Синодъ и либеральныя реформы“ въ первомъ сборникѣ.

ставить значительный интересъ. Въ работахъ послѣдняго миссіонерскаго съѣзда въ Казани далеко не въ скрытыхъ формахъ звучали грозныя ноты призыва къ средневѣковымъ пріемамъ въ борьбѣ съ религіознымъ разномыслiемъ. Четвертый всероссійскій съѣздъ миссіонеровъ собирается при нѣсколько иныхъ условіяхъ. Такъ или иначе съѣзду придется считаться съ новыми политическими условіями. Ему придется пересмотрѣть свой внутренній багажъ и старый арсеналъ орудій миссіонерской проповѣди. Такъ какъ съѣзду, согласно опубликованной программѣ, предстоитъ высказаться по поводу «новой вѣроисповѣдной политики государства», то мы отчетливо увидимъ, въ какой мѣрѣ понимаютъ современное положеніе дѣлъ отечественные миссіонеры. Съѣздъ можетъ дать богатый матеріалъ бытового характера,—матеріалъ для сужденія о настроеніи нашихъ «fratres praedicatores».

II.

Историческая справка.

Одиннадцать лѣтъ назадъ въ Казани были «созваны лучшіе представители церковной іерархіи, самые усердные и самые просвѣщенные ревнители православія», по словамъ кн. Мещерскаго. И что же сдѣлали эти «самые просвѣщенные» іерархи?

«Неужели не нашлось ни единаго православнаго человѣка на казанскомъ съѣздѣ, чтобы во имя Христа протестовать противъ предложенія, столь полнаго отрицанія Его завѣтовъ любви и милосердія?» писалъ тотъ же издатель «*Гражданина*» по поводу резолюцій и рѣчей, раздававшихся на третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ.

Свѣтскіе и духовные миссіонеры переборщили въ своемъ стремленіи врачевать духовныя болѣзни паствы «сильными средствами и мѣрами», какъ рекомендовалъ на съѣздѣ преосвященный Мелетій, епископъ рязанскій. Предложенія отбирать дѣтей у сектантовъ, конфисковать ихъ имущество, лишать правъ гражданства, закрыть школы, общественныя богомоленія возмутили всю прессу, какъ мы видѣли, даже, отчасти, органы консервативные. Кажется, однѣ только «*Московскія Вѣдомости*» выступили въ защиту съѣзда, и то болѣе

доказывая, что печать тенденціозно сообщаетъ о работахъ съѣзда. Но къ казанскому миссіонерскому съѣзду отнеслась отрицательно не только прогрессивная свѣтская печать, но и спеціальная духовная. До чего мы дожили, о россіяне! — говорилось въ письмѣ, помѣщенномъ въ журналѣ *«Богословскомъ Вѣстникѣ»* — до предложенія преосвященнаго Мелетія рязанскаго... посадить сектантовъ въ сибирскую тундру; до предложенія отбирать дѣтей и сажать ихъ въ пріюты, т.-е. до второго виѳлеемскаго избіенія младенцемъ. И что любопытнѣе всего,—обсуждались эти предложенія серьезно и даже по цѣлымъ днямъ, а если бы нашелся какой-нибудь сумасшедшій богачъ и далъ средства, такъ избіеніе еретическихъ младенцевъ и состоялось бы, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ».

Говорятъ, самъ Побѣдоносцевъ былъ возмущенъ нетактичностью съѣзда; но вѣдь онъ пожалъ лишь то, что сѣялъ много лѣтъ. Отказавшись отъ разсмотрѣнія постановленій съѣзда, Побѣдоносцевъ будто бы заявилъ, что «при своей жизни не допуститъ болѣе ни одного миссіонерскаго съѣзда». И всероссійскихъ миссіонерскихъ съѣздовъ, дѣйствительно, больше не было, хотя казанскій съѣздъ передъ своимъ закрытіемъ и постановилъ ходатайствовать передъ Св Синодомъ, чтобы «слѣдующій всероссійскій съѣздъ былъ черезъ два года въ столицѣ».

Но то было не ранней весной, а въ сумрачную осень, когда общественная жизнь заглохла въ ежовыхъ тискахъ господствующей бюрократіи. И вновь собирается съѣздъ «лучшихъ» представителей церкви при нѣсколько измѣнившейся, однако, политической коньюнктурѣ. И какъ ни предрѣшенъ общій колоритъ работъ четвертаго миссіонерскаго съѣзда, общій духъ, который будетъ, внѣ сомнѣнія, царить среди дѣятелей миссіи, все же интересно услышать оцѣнку, которую дастъ съѣздъ вѣроисповѣдной политикѣ нашихъ дней, когда будетъ ее обсуждать согласно своей программѣ. Пойдетъ ли съѣздъ всецѣло по пути, уже проторенному высшей церковной бюрократіей? Найдется ли тотъ «православный человѣкъ», котораго мечталъ увидѣть на третьемъ съѣздѣ кн. Мещерскій?

Дѣятели казанскаго съѣзда чрезвычайно озабочивались о престижѣ православной миссіи. Съѣздъ, между

прочимъ, постановилъ. не допускать «совопросниковъ становиться во время бесѣды рядомъ съ миссіонеромъ и говорить въ такомъ же положеніи къ народу, чтобы этимъ не унизить во мнѣніи слушателей авторитета проповѣдника православнаго вѣроученія». Какое «невинное» заблужденіе! Ничто больше не могло дискредитировать передъ слушателями «проповѣдника православнаго вѣроученія», какъ резолюціи, принятыя казанскимъ съѣздомъ, какъ рѣчи, о которыхъ оповѣщенъ весь міръ.

III.

Открытіе съѣзда.

При торжественной обстановкѣ, въ присутствіи высокопоставленныхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ въ Кіевѣ открывается четвертый всероссійскій миссіонерскій съѣздъ.

Вся печать оказалась довольно единодушной въ опредѣленіи того направленія, которое должны принять работы съѣзда. Съѣзжаются чиновники вѣдомства православнаго исповѣданія, будетъ совѣщаться Синодъ со своими агентами Вѣдь этимъ сказано все!

Вожделѣнія, какія питаютъ представители нынѣшняго состава Синода, отнюдь не скрыты даже отъ взоровъ непосвященныхъ въ таинники канцелярскихъ лабиринтовъ синодальнаго вѣдомства. Послѣднія выступленія Синода противъ свободы совѣсти, открыто сдѣланныя съ момента, когда начала сгущаться атмосфера все растущей реакціи; нескрытое желаніе возстановить прежнюю, утерянную было полицейскую власть послѣ манифестовъ 1905 г., вернуться къ старымъ дореформеннымъ позиціямъ, — все это характеризуетъ достаточно то направленіе, которое стремится придать Синодъ вѣроисповѣдной политикѣ нынѣ правящихъ сферъ. Представители Синода всѣми мѣрами пытались провести свою политику и въ думскихъ комиссіяхъ и тамъ особенно ярко проявлялись ихъ настоящія стремленія Это было полное отрицаніе свободы вѣры и провозглашенія старыхъ лозунговъ религіозной нетерпимости.

Такимъ образомъ, очевидно, цѣлью созываемаго миссіонерскаго съѣзда является выработка мѣръ для

возрожденія «казеннаго» православія, другими словами—для возрожденія религіозныхъ утѣсненій и для болѣе успѣшной борьбы съ гарантированной законами свободой совѣсти. Борьба эта можетъ вестись лишь при помощи полицейской силы, къ призыву которой, вѣроятно, и будетъ взывать съѣздъ, какъ это дѣлалось неоднократно въ былые годы, когда братьямъ-миссіонерамъ почему-либо казалось, что казенному православію грозитъ та или иная опасность.

И какими новыми еще орудіями пополнится богатый арсеналъ прежнихъ принудительныхъ мѣръ!

Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что четвертый всероссійскій съѣздъ миссіонеровъ, собирающійся при исключительныхъ условіяхъ — первый съѣздъ послѣ объявленія свободы совѣсти — можетъ внести что-нибудь умиротворяющее въ борьбу, открытую Синодомъ противъ свободы совѣсти. Составъ и настроенія нашей миссіонерской братіи, по всей видимости, мало измѣнились за истекшіе годы. Въ жизни можно черпать безчисленные факты, свидѣтельствующіе о томъ

А что изъ себя представляли въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши миссіонеры еще въ недавнюю пору, въ тѣ побѣдоносцевскія времена, когда официально числилась эра расцвѣта казеннаго православія? Стоитъ лишь въ умѣ перелистать скорбныя страницы лѣтописей религіозныхъ гоненій на рубежѣ XX вѣка, чтобы нарисовать себѣ яркую картину. Духоборческая эпопея, павловскіе сектанты, священныя черемисскія рощи, безчисленные сектантскіе процессы, отобраніе дѣтей, провокаторство, архіепископъ харьковскій Амвросій, распространяющій брошюру «Проклятый штундистъ» съ призывомъ къ избіенію сектантовъ, епископъ Исидоръ, разрывающій старообрядческія могилы и сжигающій трупы и мн. др.,—вотъ, что невольно приходитъ на память. И вѣнцомъ этой длинной цѣпи, связанной изъ отдѣльныхъ звеньевъ, служатъ безсмертныя рѣшенія и рѣчи, раздававшіяся всего лишь десять лѣтъ назадъ на послѣднемъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ Казани. Здѣсь миссіонеры господствующей церкви публично и документально выдали себѣ аттестацію.

И какъ все, что происходило на казанскомъ съѣздѣ, напоминало собой прославленные пріемы ордена

Іисуса. Быть-можетъ, не лишнимъ будетъ вспомнить наканунѣ новаго миссіонерскаго съѣзда, какъ еп. рязанскій Мелетій предлагалъ конфисковать имущество сектантовъ, переселить ихъ въ сибирскую тундру, какъ архимандритъ Тихонъ рекомендовалъ отбирать у сектантовъ дѣтей, устраивать для нихъ особые пріюты. Не лишнимъ напомнить, пожалуй, и нѣкоторыя постановленія съѣзда, иногда мелочныя и придирчивыя на первый взглядъ, но зато въ высшей степени характерныя. Этотъ именно съѣздъ остался недоволенъ, что старообрядческая іерархія носитъ длинные волосы и одежду, присвоенную духовенству господствующей церкви; онъ запретилъ во избѣжаніе соблазна «предносить передъ умершими (старообрядцами) иконы, кресты и церковные фонари», «публично переносить тѣла умершихъ раскольниковъ изъ одного села въ другое»; онъ въ сущности требовалъ далѣе уничтоженія всѣхъ старообрядческихъ молеленъ; онъ просилъ, напримѣръ, Синодъ ходатайствовать, чтобы «въ случаѣ отпаденія крестьянъ въ расколъ ихъ однодеревенцы составляли приговоръ объ обязательномъ выселеніи раскольниковъ въ Сибирь», при чемъ земля и строенія выселяемыхъ должны были итти въ пользу православныхъ...

По поводу «экстраординарныхъ пріемовъ, къ которымъ не прибѣгали даже въ эпохи наиболѣе ожесточеннаго преслѣдованія раскола» и употреблять которыя рекомендовалъ съѣздъ въ качествѣ насущнѣйшихъ мѣропріятій для борьбы съ религіознымъ разномысліемъ, одинъ изъ журнальныхъ обозрѣвателей того времени высказался, что «съѣздъ пастырей-миссіонеровъ сослужилъ пользу государству въ качествѣ комиссіи, подготовляющей въ извѣстномъ направленіи матеріалъ для пересмотра Устава о пред. и прес. преступленій». Такое распространительное толкованіе функцій съѣзда и приводило, конечно, къ полному смѣшенію понятій «о священнослужительствѣ и о полицейской службѣ . Интересы церкви забыты, и слышатся только призывы ‘усилить надзоръ за раскольниками - переселенцами», возбудить ходатайство «о принятіи строжайшихъ мѣръ противъ раскола» и т. д.

На третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ дѣло дошло до изумительнаго постановленія, при осуществленіи котораго миссія должна была превратиться въ полномъ

смыслѣ въ полицейское насиліе: въ случаѣ систематическаго уклоненія и упорнаго нежеланія сектанта явиться на собесѣдованіе съ православнымъ миссіонеромъ, послѣднему предлагалось «просить законнаго содѣйствія гражданскаго начальства».

Казалось бы, дальше и нельзя итти. Какія же мѣры въ видахъ пресѣченія сектантской пропаганды измыслитъ собирающійся нынѣ съѣздъ!

Вѣдь говоренное относится къ той эпохѣ, когда г. Скворцовъ на III съѣздѣ, упоминая о «либеральныхъ друзьяхъ сектантовъ», могъ говорить о «безумныхъ мечтаніяхъ» «нашихъ конституціоналистовъ». Но безумныя мечты все же до нѣкоторой степени уже воплотились въ реальную форму. И съ ней приходится нѣсколько считаться. Однако кто можетъ поручиться, что какой-нибудь слишкомъ рьяный пастырь возьметъ да и выступитъ съ проектомъ сѣченія сектантовъ въ церкви (вѣдь нѣчто аналогичное однажды обнаружилось на одномъ изъ миссіонерскихъ съѣздовъ). При нынѣшнихъ временахъ это, пожалуй, и неудобно. Вотъ почему, вѣроятно, на всякій случай засѣданія съѣзда будутъ закрыты, и свѣдѣнія о ходѣ работъ будутъ выдаваться лишь черезъ посредство особаго бюро и то, лишь «*Колоколу*», «*Новому Времени*», да «*Кіевлянину*»...

Оказывается, что одинъ изъ офиціозовъ вѣдомства православнаго исповѣданія остался недоволенъ пріемомъ, который оказала заранѣе прогрессивная печать готовящемуся собраться въ Кіевѣ съѣзду; офиціозъ даже какъ бы протестуетъ. Однако всегда слѣдуетъ отличать форму отъ содержанія. Третій съѣздъ открылся рѣчью тов. об.-прок. Синода Саблера, призывавшаго миссіонеровъ «явить собой назидательный примѣръ безкорыстнаго служенія высшему благу — истинѣ... Служить одной только истинѣ и не работать тельцу златому». Однако мы видимъ, что миссіонеры значительное время удѣлили обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ конфискаціей имуществъ сектантовъ и увеличеніемъ своего жалованія...

Для предстоящаго IV съѣзда знаменательно, что одна изъ дирижерскихъ палочекъ на съѣздѣ, — правда, нѣсколько, быть-можетъ, и неожиданно,—вручена доктору Дубровину, получившему спеціальное разрѣшеніе при-

нять участіе въ работахъ съѣзда· онъ прочтетъ даже докладъ «о борьбѣ съ сектантствомъ». Воинственный же пылъ «новаго миссіонерства» хорошо извѣстенъ.

О миссіонерахъ,— какъ говорилъ въ своей рѣчи на III съѣздѣ все тотъ же г. Скворцовъ,—трактуютъ какъ о гасителяхъ просвѣщенія, гонителяхъ, отпавшихъ отъ церкви, какъ о штатѣ опричниковъ духовенства, какъ о шпіонахъ правительства...

Что же, по-иному будутъ смотрѣть на нихъ послѣ съѣзда?

IV.

Около съѣзда.

Миссіонерскій съѣздъ открывается при самыхъ благопріятныхъ ауспиціяхъ для союзниковъ, стремившихся использовать пастырскій съѣздъ въ истинно-русскихъ видахъ.

«Обработка» пастырей со стороны союзниковъ шла усиленнымъ темпомъ. Одновременно съ миссіонерскимъ съѣздомъ по сосѣдству съ нимъ открылся съѣздъ дубровинскихъ союзниковъ Между руководителями обоихъ съѣздовъ существуютъ самыя дружественныя взаимоотношенія, многочисленные іерархи и миссіонеры почтили своимъ присутствіемъ дубровинское собраніе, даже читали на немъ доклады; въ свою очередь, члены объединеннаго съѣзда черносотенныхъ организацій въ качествѣ свѣдущихъ мірянъ присутствуютъ на миссіонерскомъ съѣздѣ; здѣсь всѣ лидеры кіевскихъ монархическихъ организацій — Юзефовичъ, Савенко, Мищенко, Цытовичъ, Разматальскій и др.

На воскресномъ союзническомъ митингѣ 13 іюля во всей своей красѣ и полнотѣ, какъ видно изъ сообщеній кіевскихъ газетъ, проявились чувства, которыя обуреваютъ союзническихъ вождей и такихъ членовъ «апостольскаго съѣзда», какъ о. Восторговъ, миссіонеръ Айвазовъ и др.

Протоіерей Восторговъ говорилъ о томъ, что «масонскія партіи издали приказъ глумиться надъ православной вѣрой» и «съ этой цѣлью они затѣяли юбилей этого безбожника графа Толстого». Центромъ митинга явились слова «отца черносотенцевъ», какъ именуютъ

доктора Дубровина. Его рѣчь обошлась не безъ курьезовъ. Самымъ жесточайшимъ врагомъ «православныхъ русскихъ людей» оказалась бюрократія. За борьбу съ бюрократіей авторъ похвалилъ неожиданно даже первыя двѣ Думы: онѣ «искренно хотѣли бороться съ бюрократіей, да не съ того конца взялись за дѣло», а эта—«третья русская Дума»—сама обратилась... въ бюрократическое учрежденіе! . Вмѣстѣ съ правительствомъ она «вступила на революціонный путь». О. Восторговъ, проводя аналогію съ однимъ древнимъ кіевскимъ княземъ, повѣсившимъ волхвовъ, предлагаетъ чуть ли не повѣсить бѣднаго Гучкова. За Восторговымъ выступаетъ Айвазовъ на тему о Толстомъ и призываетъ «произнести 28 августа проклятіе и анаѳему нечестивому старцу».

Такъ подготовляли миссіонеровъ, собравшихся на съѣздъ, союзники, которые, повидимому, намѣреваются сдѣлать рѣшительный шагъ, чтобы свести нанѣтъ существующія вѣроисповѣдныя льготы.

О защитѣ православія на упомянутомъ митингѣ пришлось говорить Юзефовичу. Его молніи и громы обрушились на «погрѣшившихъ» участниковъ миссіонерскаго съѣзда, не оправдавшихъ довѣрія союзниковъ. Въ числѣ погрѣшившихъ оказались оберъ-прокуроръ Синода, митрополитъ Антоній и Антоній, архіепископъ волынскій.

Открывая миссіонерскій съѣздъ, оберъ-прокуроръ Синода Извольскій, по примѣру своего предшественника Саблера, открывавшаго III съѣздъ, упомянулъ, какъ извѣстно, что «не во внѣшней, а во внутренней силѣ должна теперь сказываться работа миссіонера». Вспоминая о вѣроисповѣдныхъ льготахъ, дарованныхъ манифестами, оберъ-прокуроръ выражалъ увѣренность, что іерархи «преклонятся» передъ «волей нашего самодержавнаго Государя». Правда, чтобы ослабить впечатлѣніе отъ упоминанія о свободѣ вѣроисповѣданія, оберъ-прокуроръ тотчасъ же счелъ необходимымъ добавить, что свобода дарована «не для ослабленія и разоренія православія», и выразить сожалѣніе, что свобода вызвала «не благодарность, не миръ, а своеволіе и вражду».

Несмотря на такую осторожную рѣчь, слова оберъ-прокурора Синода возбудили всю черносотенную прессу.

«*Русское Знамя*» тотчасъ же откликнулось и откровенно заявило, что «чиновный оберъ-прокуроръ Синода, конечно, человѣкъ политичный и ради политики радуется свободѣ вѣроисповѣданія». Боевыхъ православныхъ она порадовать не можетъ: вѣря во внутреннюю силу православія, необходимо тѣмъ не менѣе «защищать его силою внѣшней»,—писалъ союзническій органъ.

Эта точка зрѣнія и нашла развитіе въ рѣчи г. Юзефовича на собраніи монархическихъ организацій въ Кіевѣ. Онъ читалъ докладъ кіевскаго отдѣла союза русскаго народа, гдѣ критиковались рѣчи оберъ-прокурора Синода и митрополита Антонія и предлагалось миссіонерскому съѣзду «войти съ ходатайствомъ непосредственно къ Государю о Высочайшемъ распоряженіи пересмотрѣть государственный актъ 17 апрѣля, видоизмѣнивъ его сообразно съ потребностями и состояніемъ современнаго православія».

Но на самомъ миссіонерскомъ съѣздѣ дѣло все еще не налаживается. На съѣздѣ — до 1000 человѣкъ, и трудно подвести всѣхъ подъ одинъ ранжиръ. Нельзя ожидать, что на съѣздѣ при создавшихся условіяхъ раздастся живое слово, но и трудно достигнуть того единодушія, о которомъ, очевидно, мечтали союзники.

Въ газетахъ уже проскальзываютъ извѣстія о нѣсколькихъ теченіяхъ, наблюдаемыхъ среди членовъ съѣзда. Есть группа, которую «*Кіевская Мысль*» называетъ «молчаливые священники», которые неодобрительно относятся къ «воинствующимъ» политикамъ съ ихъ лидерами, мечтающими «властвовать надъ умами» собравшихся на съѣздъ миссіонеровъ.

Одинъ наивный священникъ, сообщаетъ корреспондентъ «*Современнаго Слова*», носится съ докладомъ о смертной казни. «Мы не можемъ молчать о томъ, о чемъ вопіютъ камни; наша священническая совѣсть не можетъ выносить далѣе этого ужаса ежедневныхъ казней». Цѣлая группа желаетъ поставить на очередь вопросы извѣстнаго «открытаго письма къ пастырямъ» Свѣнцицкаго.

Одинъ фактъ, сообщаемый газетами, происшедшій при обсужденіи задачъ миссіи, наглядно показываетъ, что среди миссіонеровъ нѣтъ полнаго единодушія. «Наша миссія, — спрашиваетъ петербургскій миссіо-

неръ Боголюбовъ, — служеніе Христу или политикѣ? Прошу съѣздъ авторитетно подтвердить первое. Мы не должны быть чиновниками, не должны принадлежать къ партіямъ и союзамъ, наша миссія — служеніе Христу, а мы прежде всего заботимся о денежномъ вознагражденіи и плачемся, что мечъ Кесаревъ недостаточно насъ опекаетъ, мало помогаетъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ». Московскій ораторъ Айвазовъ выступаетъ въ защиту наградъ, поощреній и орденовъ. «Кто, — говоритъ онъ, — не желаетъ этого, пусть откажется». Раздается шумъ и возгласы: «довольно». Айвазовъ пытается продолжать, но снова раздается «довольно». Тогда Айвазовъ кричитъ: «Я кончу только тогда, когда меня остановитъ предсѣдатель». Подъ шумъ съѣзда Айвазовъ успѣваетъ сказать:

— Мы должны вступать въ ту партію, на знамени которой — православіе.

Вѣроятно, только отсутствіемъ этого единства и можно объяснить странный фактъ, что общія собранія съѣзда одно за другимъ отмѣняется, къ «великому изумленію непосвященныхъ въ закулисныя стороны рядовыхъ членовъ». Такъ не состоялось назначенное по расписанію второе общее собраніе съѣзда 14 іюля.

Въ 9 час. утра, сообщаетъ «*Кіевская Мысль*», собралось до 150 членовъ, преимущественно священниковъ. Прошло болѣе часа, прибывали новые члены, а собраніе не открывалось. И только въ 11 час., когда уже собралось до 200 чел., епархіальный миссіонеръ священникъ Потѣхинъ объявилъ, что собраніе отмѣнено.

Закулисные дѣятели, очевидно, полагаютъ, что до принятія важнѣйшихъ рѣшеній слѣдуетъ разжечь атмосферу союзническими митингами, въ родѣ тѣхъ, что были описаны выше.

Удастся ли эта «обработка» пастырей-миссіонеровъ? Она удалась вполнѣ.

V.

Къ итогамъ съѣзда.

Закрылся миссіонерскій съѣздъ.

Говорятъ, что въ духовныхъ «сферахъ» съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за исходомъ борьбы двухъ намѣчавшихся на съѣздѣ теченій. Въ сущности

«оппозиціонное» теченіе было едва замѣтно. Одинокіе голоса, протестовавшіе противъ внесенія политики въ дѣла вѣры, противъ тенденціи оставить священниковъ въ «прежнемъ состояніи жандармовъ» тонули въ дружномъ хорѣ реакціоннаго большинства.

Симпатіи съѣзда быстро «разоблачились». Правда, съѣздъ не сдѣлалъ того «революціоннаго» выступленія противъ актовъ вѣротерпимости, на которое надѣялись его закулисные вдохновители; но, тѣмъ не менѣе, открыто повелъ борьбу противъ свободы совѣсти, выставивъ рядъ опредѣленныхъ требованій, клонящихся къ ограниченію нашей еще столь молодой свободы вѣроисповѣданія.

Принципъ «воспрещенія» занялъ центральное мѣсто въ постановленіяхъ съѣзда. Эта запретительная политика завершилась принятіемъ выработанныхъ протоіереемъ Восторговымъ тезисовъ, которые явно направлены къ ликвидаціи манифеста 17 апрѣля. Миссіонеры признали, что исполненіе указа о свободѣ вѣроисповѣданій умаляетъ значеніе церкви, между тѣмъ, по мнѣнію самаго съѣзда, манифестъ 17 апрѣля «устанавливаетъ только лишь вѣротерпимость».

Итакъ, даже элементарная религіозная терпимость, по взглядамъ пастырей-миссіонеровъ, умаляетъ значеніе церкви. Что же,—воздвигнуть вновь средневѣковыя гоненія на инакомыслящихъ? И съѣздъ въ дѣйствительности потребовалъ возрожденія стараго режима.

Такъ какъ «вѣроисповѣдные законопроекты въ Государственной Думѣ третьяго созыва основаны на чуждомъ манифесту 17 апрѣля принципѣ свободы совѣсти», то «необходимо просить Св. Синодъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ изъ Государственной Думы и Совѣта для пересмотра ихъ на предстоящемъ помѣстномъ церковномъ соборѣ, или въ Св. Синодѣ». Такъ какъ на созывъ церковнаго собора нѣтъ никакой надежды (объ этомъ на послѣднемъ собраніи съѣзда заявилъ предсѣдатель, арх. Антоній волынскій: до созыва собора должны произойти «существенныя измѣненія въ церковномъ строѣ», и наступитъ полное успокоеніе въ обществѣ и школѣ, должна организоваться приходская жизнь и должно быть возстановлено патріаршество; другими словами, получается

заколдованный кругъ. безъ церковнаго собора не можетъ быть церковнаго обновленія, безъ послѣдняго не можетъ быть созванъ соборъ),—то компетентныя поправки къ вѣроисповѣднымъ манифестамъ долженъ сдѣлать Правительствующій Синодъ. Послѣдній, однако, въ знаменитомъ разъясненіи уже высказалъ свое мнѣніе; мы его знаемъ, это—отрицаніе всей новой вѣроисповѣдной политики государства.

Остается такимъ образомъ произвести лишь окончательную ликвидацію.

На ряду съ этимъ рѣшеніемъ миссіонерскій съѣздъ принципіально высказался и по общему вопросу: «Православная церковь должна стоять внѣ сферы вліянія со стороны Государственной Думы и Совѣта».

Мы охотно бы подписались подъ указаннымъ постановленіемъ миссіонерскаго съѣзда. Выставляя на своемъ знамени отдѣленіе церкви отъ государства, вѣдь и можно только желать, чтобы православная церковь автономно рѣшала свои внутреннія дѣла. Но пока государство субсидируетъ церковь, наше правительственное учрежденіе не можетъ, конечно, не вмѣшиваться въ область хозяйственнаго распоряженія церковными имуществами, контроля надъ суммами, отпускаемыми изъ государственнаго казначейства. Миссіонерскій съѣздъ, впрочемъ, весьма своеобразно понимаетъ церковную независимость: «Потребность времени,—гласитъ постановленіе съѣзда,—не отдѣленіе церкви отъ государства, а освобожденіе ея отъ подчиненія Государственной Думѣ и Государственному Совѣту». Миссіонерскому съѣзду ненавистенъ контроль народныхъ представителей; что же касается до опеки бюрократіи, какъ было въ старыя времена, то миссіонерскій съѣздъ не только ничего не имѣетъ противъ нея, но и всячески призываетъ ее: пусть государство охраняетъ внѣшней силой православіе, ограждаетъ отъ натиска лжеученій и т. д.

Миссіонеры требуютъ не только исключительныхъ преимуществъ для господствующей церкви, но и передачи въ ея вѣдѣніе всѣхъ вѣроисповѣдныхъ дѣлъ, а въ результатѣ запрещенія свободы религіозной пропаганды, возстановленія законовъ, карающихъ за отпаденіе отъ православія. Такъ понимается тезисъ, что «православная церковь должна стоять внѣ сферы вліянія со стороны Государственной Думы».

Вопросы, касающіеся, собственно, миссіи, остались какъ бы внѣ круга зрѣнія миссіонеровъ. О реформѣ миссіи на съѣздѣ въ сущности забыли.

По-старому всѣ постановленія миссіонерскаго съѣзда призывають на помощь «полицейскую руку», какъ было въ то время, когда на знамени отечественнаго законодательства не были начертены принципы свободы совѣсти. Уже въ постановленіяхъ объ отмѣнѣ существующихъ гражданскихъ законоположеній относительно брака прозвучалъ призывъ къ этой отжившей средневѣковой старинѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче звучалъ этотъ призывъ. Съѣздъ постановилъ даже ходатайствовать о принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію печати: привлекать къ отвѣтственности лицъ, «укрывающихся въ печати подъ псевдонимомъ священнослужителей» и т. д.

Пойдя по такому скользкому пути, съѣздъ мало-по-малу совершенно уклонился отъ своихъ непосредственныхъ задачъ—вопросовъ миссіи. Въ основу его работъ ложится «политика».

Странно, что обсужденіе «больного вопроса» о духовныхъ академіяхъ признается предсѣдателемъ арх. Антоніемъ не подлежащимъ «компетенціи» собранія; обсужденіе же земельной политики въ Холмской Руси дѣлается однимъ изъ центральныхъ пунктовъ въ резолюціяхъ съѣзда. Этотъ экскурсъ съѣзда въ область экономическихъ отношеній заслуживаетъ вниманія: вѣдь въ сущности своими постановленіями миссіонеры какъ бы «огненными буквами» расписываются въ своемъ безсилии.

Чтобы оцѣнить постановленія съѣзда въ этой области, ихъ слѣдуетъ сопоставить съ демагогическими пріемами, къ которымъ за послѣднее время стали прибѣгать истинно-русскіе дѣятели въ Холмской Руси: органъ холмскихъ черносотенцевъ «*Братская Бесѣда*» поетъ диѳирамбы закону объ отчужденіи земель у поляковъ въ восточной Пруссіи и агитируетъ за примѣненіе подобной мѣры и въ Россіи по отношенію къ помѣщикамъ-полякамъ, живущимъ въ Холмщинѣ. Подкладка такой проповѣди принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель вполнѣ ясна. Эти-то мѣропріятія въ области аграрныхъ отношеній и напли себѣ горячую поддержку на миссіонерскомъ съѣздѣ: онъ постановилъ,

между прочимъ, ходатайствовать передъ правительствомъ о продажѣ православнымъ русскимъ крестьянамъ при посредствѣ Крестьянскаго банка майоратныхъ имѣній въ Холмской Руси, владѣльцы коихъ въ имѣніяхъ не живутъ; онъ рѣшительно настаиваетъ на немедленномъ удовлетвореніи земельной нужды крестьянства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчается движеніе въ пользу католицизма.

Не стоитъ, конечно, затрагивать по существу «аграрной» программы, начертанной миссіонерскимъ съѣздомъ: въ данномъ случаѣ интересна откровенность, съ которой съѣздъ къ задачамъ миссіи притягиваетъ вопросы экономическіе и политическіе. Забота о русскомъ крестьянинѣ въ Западномъ краѣ диктуется лишь надеждой болѣе успѣшной борьбы съ католичествомъ, разъ «крестьянская душа» будетъ подкуплена нарисованными перспективами матеріальнаго обезпеченія.

Итакъ, религіозная политика идетъ рука объ руку съ экономической; успѣхъ православія ставится въ зависимость отъ псевдо-демократическихъ аграрныхъ мѣропріятій. Теперь становится понятнымъ, почему нѣкоторые духовные представители Западнаго края выступали въ Думѣ въ качествѣ «радѣтелей» крестьянскихъ интересовъ.

Миссіонерскій съѣздъ раскрылъ карты.

Политическая подкладка стремленій воинствующихъ миссіонеровъ отчетливо вскрывается и въ томъ призывѣ опереться на внѣшнюю силу для борьбы съ соціалистической пропагандой, который раздался на съѣздѣ. Наиболѣе угрожающимъ православію было признано соціалъ-демократическое ученіе. Для борьбы съ нимъ съѣздъ не ограничился, однако, выработкой особыхъ мѣръ пастырскаго увѣщеванія и т. д. Съѣздъ высказалъ далѣе пожеланіе, чтобы «было обращено вниманіе на учителей городскихъ училищъ, сѣющихъ революцію, и на инспекторовъ, потворствующихъ этому». Для борьбы съ соціализмомъ съѣздъ постановилъ пользоваться услугами и помощью «истинно-русскихъ патріотическихъ организацій», другими словами, одесскими союзниками съ ихъ резинами.

И мы слышали на съѣздѣ горячія рѣчи въ защиту союза русскаго народа, краснорѣчивые призывы всту-

пать въ его ряды: вѣдь тремъ митрополитамъ были посланы значки союза и «они ихъ приняли».

По рекомендаціи секціи борьбы съ агностическими и соціалистическими теченіями общее собраніе съѣзда постановило далѣе вводить въ церковныя проповѣди публицистическій элементъ, посвященный современнымъ событіямъ. При сопоставленіи этого рѣшенія съ предшествующимъ становится вполнѣ ясно, какой характеръ будетъ носить отнынѣ проповѣдь съ церковнаго амвона, во что превратится этотъ «публицистическій» элементъ.

Такъ разрѣшаются «живые вопросы церкви» на IV миссіонерскомъ съѣздѣ.

Какое же практическое значеніе могутъ имѣть постановленія съѣзда? «Праздныя» ли это постановленія, или за этими постановленіями послѣдуютъ и реальные результаты?

Во всякомъ случаѣ одинъ результатъ, несомнѣно, налицо Приведенныя постановленія раскрыли во всей полнотѣ desiderata, которыя обуреваютъ нашихъ fratres praedicatores. Документально еще разъ запечатлѣны стремленія воинствующаго клира главенствующихъ «князей церкви» и большинства представителей церковной бюрократіи. Иного мы и не ждали. Знаменательно, однако, что на IV съѣздѣ «по своему составу небываломъ еще въ лѣтописяхъ нашихъ миссіонерскихъ съѣздовъ», представленъ былъ «цвѣтъ» чернаго духовенства, превращающаго религію въ instrumentum regni

Печать единодушно осудила резолюціи съѣзда. Какъ отнесется къ нимъ правительство? Въ газетахъ уже было сообщено, что обширный докладъ по этому поводу будетъ представленъ въ Совѣтъ Министровъ; обсуждать будетъ постановленія съѣзда и Правительствующій Синодъ на своихъ ближайшихъ засѣданіяхъ.

Іюль 1908 г.

„Религіозный фанатизмъ“ и миссія.

Русскій народъ «грѣхъ обвинять въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ», говорилъ В. Г. Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю. Это - безусловная истина, поэтому съ болью приходится читать отъ времени до времени появляющіяся въ газетахъ сообщенія объ избіеніи сектантовъ народной толпой. Мы знаемъ о грандіозныхъ побоищахъ, бывшихъ до объявленія свободы совѣсти; никогда изъ памяти не испарится гнетущая картина избіенія павловскихъ сектантовъ въ 1901 г. Два-три послѣдніе года, казалось, перевернули нашу деревню и все-таки, къ сожалѣнію, приходится наталкиваться на извѣстія о народномъ невѣжествѣ, о «религіозныхъ предразсудкахъ», выливающихся въ грубыхъ формахъ избіенія сектантовъ, непротивленцевъ злу.

Чѣмъ слѣдуетъ объяснить эти явленія? Конечно, лишь некультурностью деревенской массы. Охранительная печать подхватываетъ эти случаи, дабы показать, какъ относится якобы самъ народъ къ свободѣ религіозной пропаганды. Тысячи фактовъ свидѣтельствуютъ между тѣмъ о полной вѣротерпимости, присущей народной массѣ. И странно, въ этихъ рѣдкихъ, единичныхъ даже явленіяхъ враждебнаго отношенія къ сектантамъ въ деревнѣ, мы почти всегда встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на воздѣйствіе со стороны, — мало того, мы видимъ, какъ населеніе, жившее въ теченіе долгаго ряда лѣтъ въ полномъ согласіи и въ ладу съ сектантами, безъ всякаго видимаго повода настраивается неожиданно враждебно по отношенію къ сектантству.

Въ извѣстномъ дѣлѣ павловцевъ мы видѣли[1]) это «воздѣйствіе» со стороны мѣстной полицейской администраціи, духовенства и даже болѣе высокихъ «сферъ». Харьковская губернія вообще чревата подобными событіями: тамъ именно распространялась нашумѣвшая брошюра, изданная съ одобренія духовной цензуры харьковскимъ архіепископомъ Амвросіемъ подъ характернымъ заголовкомъ: «Проклятыи штундистъ». Автору настоящей замѣтки пришлось быть въ 1905 году въ одномъ мѣстечкѣ Харьковской губерніи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ произошло избіеніе сектантовъ, и при тщательномъ разслѣдованіи удалось констатировать, что избіеніе произошло послѣ праздничной проповѣди, произнесенной мѣстнымъ священникомъ на тему о безбожныхъ штундистахъ. Въ прошломъ Харьковской губерніи есть случаи, когда православныхъ натравливали на сектантовъ, привлекая тѣмъ, что православные могутъ получить ихъ земли, и т. д.

Передъ нами лежатъ «Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола», подъ редакціей В. Д. Бончъ-Бруевича, и тамъ мы находимъ аналогичные факты: въ многочисленныхъ письмахъ сектантовъ, касающихся избіеній, гоненій и т. д., вездѣ отмѣчается не религіозная нетерпимость народной массы, а подстрекательство и т. д.

«На второй день праздника Пасхи рабочіе съ желѣзныхъ дорогъ и крестьяне собрались, по наученію мѣстнаго священника, въ Архангельскъ (с. Бахмутскаго у.) и напились пьяными. Поломали и разбросали дома, сады и все, что было у нихъ (сектантовъ), а ихъ били до полусмерти! Послѣ такого погрома явились власти. Этихъ бунтовщиковъ не привлекали къ отвѣтственности, а составили протоколъ противъ меня,— пишетъ баптистъ Е. Н. Ивановъ, — за совращеніе и распространеніе секты между крестьянами» (1883 г.). «25 мая 1892 г. священникъ шелъ въ сопровожденіи народа святить степь, — пишетъ штундистъ Сафронъ Чижовъ,—завернули на хуторъ одного изъ насъ, Ивана Бодовскаго (с. Кишенецъ, Уманьскаго у.), принуждали его исполнить православный обрядъ: поцѣловать крестъ.

---

[1]) См. статью нашу „Старый Грѣхъ", напечатанную въ № 39 „*Русскихъ Вѣдомостей*" 1907 г.

Когда Бодовскій отказался, изъ толпы кто-то крикнулъ. «Поставить старика Бодовскаго на огонь». Разложили костеръ; священникъ, видя, что не напугалъ старика Бодовскаго, велѣлъ прекратить костеръ. Толпа хлынула на пасѣку, гдѣ сдѣлала безпорядки». «Священникъ Киселевичъ (Уманьскій у.),—пишетъ тотъ же сектантъ,—старался разжигать противъ насъ страсти нашихъ односельчанъ, которые по его вліянію причинили намъ много горя. Отобрали отъ насъ землю... Не разъ священникъ Киселевичъ являлся, напримѣръ, на мірской сходъ, требовалъ выселки кого изъ насъ и т д.».

Возьмемъ другіе матеріалы, еще не опубликованные въ Россіи, въ изданіи «Свободнаго Слова», и тамъ мы найдемъ такія же свѣдѣнія, относящіяся къ 90 мъ годамъ: всегда въ качествѣ активныхъ дѣятелей фигурируютъ полицейскій урядникъ, священникъ и т. д. Тамъ, гдѣ нѣтъ непосредственнаго участія, вы видите полное «бездѣйствіе» власти, внушающее убѣжденіе, что сектантовъ не только можно бить, но и должно.

Изъ прошлаго, какъ изъ неизсякаемаго источника, можно было бы почерпнуть безчисленное множество такихъ свидѣтельствъ.

Время идетъ, а сущность мало измѣняется.

Въ неоднократно происходившихъ послѣ 17 апрѣля 1905 г. избіеніяхъ сектантовъ (тщательно отмѣчаемыхъ И. М. Трегубовымъ въ повседневной прессѣ) повсюду констатируется, что «мѣстное духовенство вмѣсто защиты возбуждаетъ противъ нихъ (сектантовъ) своихъ пасомыхъ», что мѣстныя власти, къ которымъ сектанты обращаются за защитой, подчасъ «гонятъ ихъ прочь отъ себя» и т. д. Объ избіеніи сектантовъ мы узнаемъ и въ самое послѣднее время. Въ прошедшемъ іюнѣ (1908 г.) произошло избіеніе сектантовъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ. «*Харьковское Утро*» сообщало тогда, что въ селахъ распространились вздорные слухи о баптистахъ. Агитацію противъ этихъ мирныхъ и честныхъ тружениковъ вели «мѣстныя темныя силы . Что представляютъ собою эти «темныя силы», мы достаточно хорошо знаемъ. Агитація возымѣла дѣйствіе. Толпа крестьянъ подъ предводительствомъ полицейскаго, вооруженная кольями и дубинами, жестоко истязала сектантовъ. Во время самосуда, какъ передавала газета, изъ толпы слышались возгласы «Бей ихъ! Нашъ за

це ничего не буде. Впрочемъ, крестьяне потомъ опомнились и начали раскаиваться. Теперь снова газеты сообщаютъ фактъ избіенія «евангелическихъ христіанъ» въ с. Ольшанахъ, Харьковскаго уѣзда. Толпа нападаетъ на сектантовъ уже третій разъ. Корреспондентъ «*Рѣчи*» отмѣчалъ, что до апрѣля текущаго года евангелическіе христіане въ Ольшанахъ безпрепятственно собирались и совершали молитвы. Населеніе (15 т.) относилось къ нимъ миролюбиво. Враждебность же появилась подъ вліяніемъ «агитаціи темныхъ силъ». Характерно, что полиція, извѣщенная о самосудѣ, на мѣсто происшествія не явилась.

Что изъ себя представляетъ въ дѣйствительности современная миссія! Въ старые годы миссіонерство и связанные съ нимъ собесѣдованія по вопросамъ вѣры почти обычно превращались въ прямое провокаторство для преслѣдуемыхъ сектантовъ

«Севастопольцы помнятъ, — писалъ недавно мѣстный окружный миссіонеръ, священникъ Звѣревъ, въ «*Крымскомъ Вѣстникѣ*»,—одного миссіонера, который на бесѣдахъ съ представителями сектантовъ часто выкрикивалъ: «Ты, Ш., замолчи, а то сейчасъ протоколъ составлю». И протоколы нерѣдко составлялись, а сектанты привлекались къ уголовной отвѣтственности».

Что представляла изъ себя миссія среди инородцевъ, также достаточно извѣстно: въ портфеляхъ этнографовъ можно было бы найти немало данныхъ, говорящихъ о томъ, какъ миссіонеры примѣняли мѣры административнаго воздѣйствія, какъ происходили случаи насильственнаго крещенія, какъ они прибѣгали къ подкупамъ, льстивымъ обѣщаніямъ, угрозамъ и т. д.

Всѣ эти факты, конечно, въ большинствѣ случаевъ хорошо извѣстны руководителямъ нашей духовной миссіи. Органъ миссіонеровъ «*Колоколъ*» съ излишней, пожалуй, смѣлостью говоритъ объ «огульныхъ» нареканіяхъ на миссіи и миссіонеровъ, которыя раздаются на страницахъ прогрессивной печати. Впрочемъ, миссіонерамъ въ данномъ случаѣ особенно посчастливилось. Не приходится даже упрекать «либеральныхъ критиковъ» въ тенденціозной передачѣ фактовъ, такъ какъ и публицисты «*Новаго Времени*» съ такимъ же отрицаніемъ отнеслись къ дѣятельности современной миссіи.

Для характеристики пріемовъ, при помощи которыхъ ведется у насъ «духовная борьба», позволимъ себѣ привести выдержку изъ статьи, напечатанной въ органѣ, стоящемъ тоже внѣ подозрѣнія, а именно въ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*» Газета рисуетъ типичный портретъ миссіонера; рисуетъ его съ натуры: синодальный миссіонеръ Крючковъ, выступающій нынѣ въ Кіевѣ, ведетъ бесѣды съ сектантами въ присутствіи православныхъ.

«Послѣ длинныхъ дебатовъ атмосфера сгущается, страсти разгораются, тексты пересыпаются бранными словами, слушатели поддаются раззадаривающимъ впечатлѣніямъ, начинаютъ принимать участіе въ собесѣдованіи, поддерживаютъ о. Крючкова сочувствующими замѣчаніями, хохотомъ.

Миссіонеръ ловитъ настроеніе и поддаетъ пару·

— А вотъ святой отецъ сказалъ, что тотъ, кто вѣруетъ по-вашему, будетъ какъ поганый Теперь вы знаете, кто вы? Вы—поганые! Вотъ вы кто такіе!

— Го-го-го!—несется въ толпѣ.

Раскольники стоятъ блѣдные, озлобленные; по ихъ пожелтѣвшимъ вискамъ и по спадающимъ прядямъ волосъ струится потъ Глаза свѣтятся недобрымъ огнемъ. Въ этотъ моментъ они глубоко ненавидятъ и о. Крючкова и все то, носителемъ чего является о. Крючковъ. А онъ еще подбавляетъ:

— А вотъ другой святой отецъ говоритъ, что вы—слуги сатаны. Понимаете? Вы—хуже чорта. Вы служите чорту!

Хохотъ еще больше. . но и озлобленіе еще больше».

Однимъ словомъ, «дѣло любви,—по замѣчанію газеты обращается въ какую-то нравственную бойню»

Кого дѣйствительно думаютъ такимъ путемъ убѣдить и привлечь на сторону господствующей церкви? А между тѣмъ миссіонеръ Крючковъ считается «столпомъ миссіонерства, «идеаломъ». «Ему подражаютъ,—говорятъ «*С.-Петербургскія Вѣдомости*»,—ему платятъ большое жалованье, его «бесѣды» печатаются въ назиданіе молодымъ миссіонерамъ, его пріемы изучаются»... Что же удивительнаго, если послѣ какой-нибудь аналогичной бесѣды происходитъ избіеніе сектантовъ?

Такихъ фактовъ можно, въ свою очередь, привести не мало. Мы ихъ находимъ, между прочимъ, въ цитированныхъ выше «Матеріалахъ». Нерѣдко бывало, что

послѣ обличительнаго слова отца-миссіонера «народъ, почуявъ одобреніе пастыря, приготовлялъ кулаки» и т. д. Такія картины рисовалъ намъ и г. Трегубовъ въ своихъ скорбныхъ повѣствованіяхъ. «Смотрите, православные христіане, это вы виноваты, что допускаете, намъ будетъ грѣхъ за это»,—говоритъ, напримѣръ, одинъ священникъ во время проповѣди на вечернемъ богослуженіи по поводу того, что какой-то адвентистъ въ первый день Пасхи работалъ на огородѣ. Въ результатѣ пять пьяныхъ мужиковъ произвели избіеніе...

Синодальный чиновникъ г. Скворцовъ въ своей рѣчи на четвертомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, гдѣ онъ вновь занималъ мѣсто главнаго секретаря, отмѣтилъ «кривотолки» «радикальствующей прессы». «По словамъ этихъ газетъ,—заявилъ ораторъ,—мы, миссіонеры, «жандармы духовнаго вѣдомства», задачи которыхъ—«тащить и не пущать». Нельзя не считаться съ этими кривотолками, необходимо разсѣять этотъ туманъ, нависшій надъ дѣломъ православной миссіи»... То же буквально, лишь еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, говорилъ г. Скворцовъ и на третьемъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, принявшемъ, какъ извѣстно, изумительныя рѣшенія прибѣгать почти къ инквизиціоннымъ пріемамъ борьбы съ религіознымъ разномысліемъ.

Однако врядъ ли приведенныя свидѣтельства можно цѣликомъ отнести на счетъ «огульныхъ» обвиненій. Вѣдь въ сущности и не могло быть иначе, разъ къ миссіи примѣшивалась политика. Не мы, а «*Церковный Вѣстникъ*» въ 1906 г. писалъ: «Смѣшеніе политическихъ и религіозныхъ задачъ приводитъ къ тому, что наши миссіонеры даже въ глазахъ православныхъ людей выступаютъ не столько религіозными защитниками православной церкви, сколько политическими дѣятелями извѣстной окраски». Врядъ ли этотъ академическій органъ можетъ быть заподозрѣнъ въ недостаточной объективности.

Возвращаясь вновь къ словамъ Бѣлинскаго, мы смѣло можемъ утверждать, что приписываніе русскому народу религіозной нетерпимости — клевета. Надо поискать другого виновника тѣхъ прискорбныхъ событій, въ которыхъ проявляются признаки «религіозныхъ предразсудковъ».

Конечно, кіевскому миссіонерскому съѣзду слѣдовало бы поразмыслить надъ указанными явленіями. Но, конечно, безполезно было обращаться съ подобнымъ напоминаніемъ къ съѣзду, который и не думалъ «оправить свѣтильникъ миссіи, очистить его отъ нагаро-ложныхъ пониманій миссіонерства и поставить на такую высоту, чтобы свѣтъ его былъ видимъ всѣмъ»; онъ думалъ больше о томъ, какъ бороться со свободой совѣсти.

25 іюля 1908 г.

Пѣнязи — орудіе миссіи.

Общество съ понятнымъ интересомъ ждетъ, какъ выскажется Правительствующій Синодъ по поводу столь нашумѣвшихъ резолюцій кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. Синодальное опредѣленіе, касающееся юбилея Л. Н. Толстого, отнюдь не служитъ, однако, благопріятнымъ предзнаменованіемъ: недаромъ миссіонерскій «*Колоколъ*» откровенно заявилъ, что Синодъ въ своемъ опредѣленіи долженъ былъ считаться съ аналогичными резолюціями, принятыми на съѣздъ при участіи наиболѣе вліятельныхъ представителей нашего чернаго и бѣлаго духовенства. Интересно узнать, въ какія формы выльется эта необходимость *считаться* съ резолюціями кіевскаго съѣзда, когда дѣло коснется выясненія позиціи, которую долженъ занять въ настоящее время руководящій органъ господствующей церкви въ новой вѣроисповѣдной политикѣ.

Реакціонный курсъ главенствующаго органа церкви, правда, достаточно ярко опредѣлился уже въ томъ отрицательномъ отношеніи, съ которымъ были встрѣчены въ Синодѣ министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти. Но то, что предложилъ кіевскій съѣздъ, отбрасываетъ насъ въ такую далекую сторону, что передъ его резолюціями тускнѣютъ всѣ бывшія «опредѣленія . Кіевскій съѣздъ предложилъ возрожденіе такихъ пріемовъ, отъ примѣненія которыхъ воинствующій клиръ долженъ былъ отказаться даже въ періодъ расцвѣта такъ называемаго казеннаго православія. Столь непригодная даже въ эту пору, какой же архивной плѣснью должны они отзываться теперь послѣ провозглашенія принциповъ свободы совѣсти?

Инквизиціонная система защиты неприкосновенности извѣстныхъ религіозныхъ догматовъ за многолѣтнее существованіе проявила всю свою несостоятельность.

Казалось бы, церковь, которой грозитъ опасность при свободѣ религіозныхъ мнѣній (это излюбленный аргументъ противниковъ свободы совѣсти), естественно должна была бы выдвинуть тезисы, могущіе обезпечить ея возрожденіе, незыблемость ея нравственнаго авторитета. Вмѣсто этого дѣятели миссіи предлагаютъ какіе-то архаическія, отжившія мѣры, нерѣдко даже лишь дискредитирующія церковный авторитетъ въ глазахъ религіозной народной массы. Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли удовлетворить религіозному состоянію вѣрующаго человѣка та политика привлеченія новыхъ адептовъ на лоно господствующей церкви, которую начерталъ кіевскій съѣздъ по отношенію къ Западному краю? Мы помнимъ, что главнымъ средствомъ для борьбы съ католичествомъ была выставлена земельная реформа. Посулами матеріальнаго обезпеченія крестьянскія души зазывались на лоно православія.

Подобная политика переноситъ насъ ровно на двѣсти лѣтъ назадъ; она въ точности воспроизводитъ передъ нами то, что практиковалось въ большихъ размѣрахъ въ первой четверти XVIII столѣтія. Загляните въ архивъ Святѣйшаго Синода, и передъ вами встанетъ яркая картина того, какъ въ описываемую эпоху за пѣнязи покупалась, если не привязанность, то, по крайней мѣрѣ, официальная принадлежность къ православію. Тогда каждому перешедшему въ православіе попросту платили «жалованье» (терминъ документальный). Вятскій епископъ Алексѣй, уплачивалъ, напримѣръ, каждому новообращенному: «мужчинамъ по рублю, а женщинамъ по 50 коп.», на что Синодъ ежегодно въ распоряженіе преосвященнаго отпускалъ сумму въ 1000 руб. «Въ прошломъ 1720 году,— пишетъ казанскій митрополитъ Тихонъ въ прошеніи «о дарованіи льготъ новокрещеннымъ въ христіанскую вѣру черемиссамъ»,— по вашему Великаго Государя указу велѣно новокрещеннымъ за воспріятія христіанскія вѣры... которые воспріимутъ всѣмъ дворомъ давать льготы во всякихъ податяхъ и издѣльяхъ на три года; а которые не всѣмъ дворомъ крестятся, тѣмъ по расположенію тягла».

«Изъ помянутыхъ денегъ,—спрашиваетъ Тихонъ,— новокрещеннымъ, которые впредь будутъ приходить ко святому крещенію, по чему на *одежды* и на прочія ихъ потребы на каждаго человѣка вашего Великаго Госу-

даря жалованье давать?» Самъ Тихонъ въ своей наивности, повидимому, искренно убѣжденъ, что «черезъ помощь Божію» язычниковъ «въ познаніе истинѣ приплодити» возможно лишь при этомъ условіи, если «трактаментомъ каждую персону довольствовать». Язычники, по мнѣнію митрополита, «зря на таковую Его Государскую всещедрую милость», будутъ приходить во благочестіе доброхотно и благонадежно. Послѣднее, конечно, при условіи аккуратнаго платежа жалованья Но казна часто задерживала посылку миссіонерамъ денегъ для раздачи жалованья. Тихонъ крестилъ напримѣръ, въ 1721 г. 432 черемисса путемъ обѣщанія льготъ, а между тѣмъ, жалуется онъ, «льготы, кромѣ Уржумскаго уѣзда, нѣкоторымъ уѣздамъ ни въ чемъ не дано». Неуплата жалованья наноситъ большой ущербъ православію: по этой причинѣ «епархіи моея новокрещены изъ махометанскаго злочестія благочестивую вѣру воспріявшіи паки махометанству уклоняются и чѣмъ христіанскаго закона отчуждалися и въ прежнемъ своемъ зловѣріи замерзѣли»; обманутые «новокрещены совѣстію мятутся и отъ истины развращаются, понеже при призываніи и увѣщеваніи ко крещенію *обнадеживаны* они были вашего Великаго Государя милостію и льготными лѣтами; и тѣмъ оному благому дѣлу, *ко исполненію славы Божія* и ко умноженію христіанства, чинится не малое препятствіе».

Мы взяли два-три наиболѣе характерные изъ архива документы. Изъ нихъ мы видимъ, что покупное православіе не прочно было и въ то время: малѣйшая задержка въ уплатѣ жалованья вызываетъ тотчасъ же массовое отпаденіе «новокрещенныхъ».

Пожалуй, было бы нѣсколько и наивно упрекать дѣятелей миссіи времени Петра I за ихъ тенденцію «куплею» приводить язычниковъ «изъ тьмы нечестія въ свѣтъ благочестія». Это явленіе было обычнымъ для XVIII вѣка. Все переводилось на деньги. Указомъ 1718 г. строго повелѣвалось, напримѣръ, посѣщать церкви въ праздники и воскресные дни, ежегодно исповѣдываться и причащаться; священники должны были вести особыя вѣроисповѣдныя росписи, и съ каждаго уклоняющагося отъ исповѣди брался штрафъ отъ 10 р. денегъ до 3 руб., смотря по состоянію и званію; штрафовались и священники, не доносившіе о не-

бывшихъ на исповѣди отъ 5 — 15 руб. Но и въ этой области заботы о томъ, чтобы «никто лѣностно и нерадиво о душевномъ своемъ спасеніи не жилъ» къ практическимъ результатамъ не приводили: на московскихъ обывателей штрафы, по крайней мѣрѣ, не дѣйствовали, какъ видно изъ того факта, что «по установленнымъ приказомъ церковныхъ дѣлъ росписямъ и выпискамъ отцовъ духовныхъ шесть московскихъ сороковъ» за 1715—1718 гг. не исповѣдывалось до 26.739 человѣкъ. А сколько уклонившихся еще не попало въ эти офиціальные списки. Польза была одна, какъ и отъ всякой штрафной системы—обогащалась казна.

Равнымъ образомъ накладывался двойной подушный окладъ на записныхъ раскольниковъ за «право» числиться «зломерзкими» отщепенцами и носить «козырь изъ желтаго сукна» на платьѣ и мѣдный знакъ, что давало возможность до нѣкоторой лишь степени избѣгнуть преслѣдованій и знакомства съ застѣнками Преображенскаго приказа.

При той системѣ, которая господствовала въ петровское время, пѣнязи, поистинѣ, были главнымъ орудіемъ миссіи. Не то же ли самое предлагаютъ намъ возсоздать въ XX столѣтіи? Потерпѣвъ фіаско 200 лѣтъ назадъ, какой плодъ могутъ принести они теперь? Результаты будутъ во всякомъ случаѣ иные, чѣмъ это ожидаютъ дѣятели миссіи, предлагавшіе на кіевскомъ съѣздѣ вернуться къ старинѣ.

Изъ исторіи отечественнаго «миссіонерства».

Однимъ изъ излюбленныхъ аргументовъ, выдвигаемыхъ нашими охранителями для доказательства вреда, который принесло господствующей церкви объявленіе свободы совѣсти, является отпаденіе отъ православія въ католичество въ Западномъ Краѣ, усиленно отмѣчаемое въ органахъ духовнаго вѣдомства. На эту сторону обращено было усиленное вниманіе и кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. Мы знаемъ, что этотъ съѣздъ рекомендовалъ весьма своеобразные пріемы противодѣйствія католической пропаганды, своеобразные, конечно, въ наши дни, но отнюдь не новые, какъ мы видѣли, въ дѣятельности господствующей церкви. Опираясь на руку свѣтской власти, охраняющей неприкосновенность господствующей церкви, миссіонеры такими пріемами по-старому мечтаютъ закрѣпить авторитетъ церкви.

Небезполезно, быть-можетъ, поэтому перевернуть нѣсколько страницъ изъ недавняго прошлаго, довольно наглядно показывающаго результаты, къ которымъ приводила подобная политика. Это прошлое намъ напоминаетъ напечатанная въ январской книгѣ *Русской Мысли* статья «Страничка изъ такъ называемаго уніатскаго дѣла» Н. Х. Померанцева и воспоминанія А. Ѳ. Кока въ февральской книгѣ *Русской Старины* 1909 г.

«Уніатское дѣло» дѣйстительно одна изъ наиболѣе яркихъ страницъ нашего прошлаго въ области вѣроисповѣдной политики. Сущность дѣла весьма проста. Послѣ уничтоженія уніи въ 1839 г. въ Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской губ. продолжали существовать уніаты подъ управленіемъ особой холмской уніатской епархіальной консисторіи. Эти уніаты почти не отлича-

лись отъ католиковъ. Посему въ 1868 г рѣшили приступить къ «очищенію обрядовъ уніатской вѣры. «Очищеніе» шло такъ успѣшно, что въ 1878 г. произошло полное возсоединеніе уніатовъ съ православными, возсоединеніе, какъ говоритъ г. Кони, «отпразднованное съ особой торжественностью молебствіями, краснорѣчивыми реляціями въ *Правит. Вѣстн.* и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ благомъ дѣлѣ».

Какъ, дѣйствительно, было не радоваться столь быстрой «перемѣнѣ вѣроисповѣдныхъ симпатій мѣстнаго населенія?» Однако введеніе судебныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ 1876 г. обнаружило, что «все это блестящее возсоединеніе уніатовъ есть не что иное, какъ созданный довольно беззастѣнчивыми руками административный миражъ».

Изъ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ о сопротивленіи властямъ уніатовъ выяснилось, что гминные приговоры о возсоединеніи «явились результатомъ настойчиваго давленія и всяческаго воздѣйствія до угрозъ включительно со стороны ближайшаго полицейскаго начальства», руководившагося приказаніями высшей губернской власти. Наиболѣе вопіющія картины дала Сѣдлецкая губернія, которой управлялъ въ то время извѣстный прежде жандармскій полковникъ Громека. Дѣло далеко не ограничивалось «угрозами», какъ видно изъ повѣствованія г. Померанцева, занимавшаго постъ прокурора сѣдлецкаго окружнаго суда. Громека, очищая обряды уніатской церкви, «обходилъ села съ войскомъ... непокорныхъ подвергая тѣлеснымъ наказаніямъ и затѣмъ отсылая ихъ въ тюрьмы». Четыресто человѣкъ были высланы въ Херсонскую и Екатеринославскую губернію, при чемъ «всѣ они по осмотру комиссіи оказались изсѣченными».

Но уніаты, офиціально зачисленные въ православіе, оставались въ жизни все-таки уніатами и уклонялись отъ исполненія требъ господствующей церкви. Тогда мѣстныя власти стали принуждать ихъ къ этому суровыми мѣрами наказанія. По Высочайшему повелѣнію 23 апрѣля 1876 г. губернаторамъ было предоставлено право налагать на уніатовъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи штрафъ въ административномъ порядкѣ въ размѣрѣ не свыше 10 руб. Громека широко воспользовался предоставлен-

нымъ правомъ: штрафы въ 5—7 руб. въ недѣлю съ каждаго изъ супруговъ были далеко нерѣдкимъ явленіемъ; штрафы доходили иногда до такихъ размѣровъ, что всего имущества крестьянина не хватало на его уплату. За штрафомъ слѣдовало взысканіе въ видѣ публичной продажи недвижимаго имущества упорствующихъ. До какого произвола доходила администрація показываетъ слѣдующая подробность, сообщаемая Кони: излишекъ отъ продажи имущества не выдавался хозяину, а хранился въ гминной конторѣ «на пополненіе будущихъ штрафовъ». Взысканіе штрафовъ сопровождалось, конечно, неизбѣжными въ такихъ случаяхъ столкновеніями. Въ сѣдлецкихъ тюрьмахъ къ половинѣ 1876 года содержалось около 200 арестантовъ и т. д.

Въ концѣ-концовъ, однако, штрафы ничего не достигали: уже черезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія о возсоединеніи уніатовъ населеніе $^1/_4$ бывшихъ уніатскихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губ. въ количествѣ 120.000 человѣкъ «стало въ явно враждебное отношеніе» къ православію, и въ другихъ приходахъ начали открыто уклоняться... И не могло быть иначе, разъ православіе водворялось въ Холмской Руси при посредствѣ военныхъ экзекуцій, близко напоминающихъ намъ извѣстную духоборческую эпопею [1]). Дѣло доходило до побоищъ, оканчивающихся смертными жертвами.

На ненормальность такого положенія дѣлъ обратило, наконецъ, вниманіе центральное правительство. Въ 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которое «должно было устранить вмѣшательство административной власти въ дѣло неисполненія бывшими уніатами уставовъ церкви». «Такъ кончилось уніатское дѣло»,—заканчиваетъ авторъ статьи въ *Русской Мысли*. Въ дѣйствительности «уніатское дѣло» далеко еще не кончилось.

Правда, мы не встрѣчаемъ уже указаній на военныя экзекуціи, но мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ судебныхъ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ вмѣшательства администраціи въ вѣроисповѣдныя отношенія уніатовъ, не признаніе закономъ уніатскихъ браковъ.

[1]) См. статью „Духоборы и штундисты“ въ первомъ сборникѣ.

Дѣло доходило до Сената. И только въ 1890 г. послѣ сенатскаго разъясненія прекратились, какъ свидѣтельствуетъ Кони, *судебныя* дѣла объ упорствующихъ. Но прекратились ли административныя преслѣдованія?

Если мы вспомнимъ, какими мелочными придирками еще въ 90-хъ годахъ обставляла администрація даже «самыя невинныя проявленія религіознаго чувства» мѣстныхъ католиковъ, въ родѣ, напримѣръ, требованія спеціальнаго разрѣшенія на возобновленіе деревяннаго креста, церковной ограды (по этому поводу см. статью К. К. Арсеньева въ его книгѣ «Свобода совѣсти и вѣротерпимость»), то мы отвѣтимъ на это утвердительно. Упорствующіе существовали; слѣдовательно, существовали и всѣ прежнія стѣсненія. Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1894—95 г. свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ «озлобленіи», съ которымъ относятся къ православію упорствующіе. Въ 1898 г. некрещеныхъ дѣтей въ ихъ средѣ числилось 21.177; на убѣжденія священниковъ крестить дѣтей упорствующіе отвѣчали: «скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ православной церкви». Таковы результаты громекинской политики! Отчетъ оберъ-прокурора говоритъ, что «всѣ упорствующіе живутъ надеждой, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ. Всякое выдающееся событіе въ краѣ въ родѣ перемѣны лицъ высшей администраціи, всякое событіе въ общегосударственной жизни Россіи возбуждаетъ въ нихъ ожиданія послабленій и правительственныхъ уступокъ въ ихъ пользу».

Что же послѣ этого удивляться, если громкое воссоединеніе уніатовъ съ православіемъ, провозглашенное въ 1875 г., съ объявленіемъ свободы совѣсти оказалось построенное на песцѣ?

Неужели, однако, дѣятели миссіи надѣются вновь теперь повторять тѣ эксперименты, которые приводили къ столь печальнымъ уже результатамъ?

Грозитъ ли опасность свободѣ совѣсти?

Миссіонерскій съѣздъ кончился, а толки о немъ въ печати все не прекращаются. Почему онъ вызвалъ къ себѣ такое вниманіе?

Спора нѣтъ, миссіонерскій съѣздъ далъ богатѣйшій матеріалъ для оцѣнки реакціонныхъ теченій въ правящихъ духовныхъ сферахъ, но въ сущности онъ подвелъ итоги лишь тому, что было и раньше очерчено достаточно ярко. Связь значительнаго числа представителей нашей высшей духовной іерархіи съ такъ называемыми патріотическими организаціями была и ранѣе ясна; отнюдь не скрыто было и политиканство, проявившееся столь опредѣленно въ резолюціяхъ, принятыхъ не такъ давно въ Кіевѣ. Почему же съѣзду придаютъ столь серьезное значеніе? Для лицъ, заинтересованныхъ въ церковномъ обновленіи, конечно, кіевскій съѣздъ представилъ угрожающій симптомъ — церковная реформа, видимо, отодвигается въ дальній ящикъ, на правящія духовныя сферы въ смыслѣ обновленія церковной жизни нельзя возлагать никакихъ надеждъ. Но какое же значеніе можетъ имѣть кіевскій съѣздъ для опредѣленія теперешней политической коньюнктуры? Здѣсь приходится пойти за кулисы кіевскаго съѣзда и тамъ найти разгадку.

Изъ статьи г. Львова въ *Рѣчи*, знакомящей насъ съ мнѣніями по этому поводу «весьма освѣдомленныхъ» и «причастныхъ къ кабинету» лицъ, явствуетъ, что начало инсценировки съѣзда слѣдуетъ искать въ болѣе старой хронологіи, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, а именно въ 1905 году. Тогда уже реакціонный лагерь въ актѣ 17 апрѣля усмотрѣлъ «слишкомъ щедрую дань», явившуюся результатомъ, по характеристикѣ Побѣдоносцева, «несоразмѣрнаго капитуляціоннаго разбѣга правительства»; но «волей-неволей приходилось

мириться». Дальнѣйшая политика тоже всецѣло была поглощена болѣе серьезными моментами—некогда было вести походъ противъ вѣротерпимости. Но вотъ, наступило успокоеніе, и тѣ, которые «временно» смирились, нашли, «что наступило время дѣйствовать». Правда, съѣздъ «пересолилъ», но въ общемъ его направленіе было инсценировано тѣми «влятельными» дирижерами, которые таинственно дѣйствовали за кулисами съѣзда.

Такое положеніе въ бюрократическихъ кругахъ считается «несомнѣннымъ». «Кабинетъ въ своемъ большинствѣ» — противъ постановленій съѣзда Это также «несомнѣнно». По соображеніямъ политическаго характера признается весьма нежелательной рѣзкая ликвидація акта 17 апрѣля. Однако «лица, причастныя къ кабинету», предполагаютъ, что дѣло можетъ принять «столь острый оборотъ, что придется искать середину».

Гдѣ же искать эту золотую «середину»? Всѣ правительственныя мѣропріятія, послѣдовавшія за актомъ 17 апрѣля и 17 октября, неослабно уже шли къ урѣзкамъ объявленной свободы совѣсти; это было послѣдовательное отступленіе назадъ къ дореформеннымъ порядкамъ въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній. Министерскіе законопроекты, представленные въ Государственную Думу, и являютъ собою ту середину, которая создалась благодаря комбинаціи логически несоединимыхъ элементовъ — реакціи съ конституціонными требованіями.

Дальше итти некуда.

Возвратъ къ старой вѣроисповѣдной политикѣ, проникнутой принципами религіозной нетерпимости, представилъ бы собой слишкомъ близорукій шагъ въ политическомъ отношеніи. Конечно, свобода совѣсти есть самая безобидная уступка стараго режима. Отнять новыя привилегіи это значитъ лишь пополнить оппозиціонный лагерь новыми протестующими элементами. Такъ, именно, и было встарь. Религіозныя утѣсненія еще не такъ давно отбрасывали въ оппозицію консервативныхъ представителей крупной старообрядческой буржуазіи, проникнутой націоналистическими тенденціями. Эти архиблагонадежные элементы неожиданно попали въ ряды политически неблагонадежныхъ; сектантъ — непротивленія злу благодаря той же поли-

тикѣ легко превращался въ активнаго борца за политическое освобожденіе. Стоитъ ли продѣлывать вновь эти старые эксперименты? Политика прежнихъ лѣтъ нашла себѣ уже строгихъ критиковъ въ лицѣ правительственныхъ агентовъ; ея полная несостоятельность была офиціально признана за послѣднее время и не разъ.

Конечно, брать на себя роль предсказателя будущаго слишкомъ рискованно. Однако мечтанія о реставраціи стараго режима въ томъ объемѣ, который рисуется истинно-русскимъ реформаторамъ, представляется и по нынѣшнимъ временамъ слишкомъ утопичнымъ. Все дѣло въ реальномъ соотношеніи силъ, и какъ ни слабъ импульсъ общественной жизни, плевенскія времена отошли уже въ безвозвратное прошлое.

Вѣроятно, вѣроисповѣдной политикѣ еще надолго суждено вращаться въ заколдованномъ кругѣ тѣхъ противорѣчій, которыя являются характерной чертой министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти. Такъ будетъ до лучшаго времени, а когда послѣднее наступитъ нельзя предрѣшать никакими ауспиціями.

Правящая бюрократія, безспорно, отлично понимаетъ всю безполезность и вредъ воинствующихъ криковъ, раздававшихся на миссіонерскомъ съѣздѣ. Характерно, что дѣятельность миссіонерскаго съѣзда осудили всѣ консервативные органы до *Московскихъ Вѣдомостей* включительно. Защитниками инквизиціонной политики средневѣковья, призывъ къ которой вновь раздался на миссіонерскомъ съѣздѣ, явились лишь союзническіе органы, дѣйствующіе и выражающіе свои задушевныя мысли слишкомъ уже прямолинейно, бьющіе, такъ сказать, «въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ». Но этимъ слишкомъ откровеннымъ политикамъ суждено тормозить, а не руководить политикой. Они, точь въ точь какъ московскіе дипломаты XVI в., по своей наивной деревенщинѣ раскрываютъ карты въ тотъ моментъ, когда это не нужно и рискованно. Въ самомъ дѣлѣ, современные «конституціонные» порядки вводились подъ видомъ борьбы съ анархіей; путемъ запугиванія привлекались «симпатіи умѣренно-либеральныхъ круговъ». «Успокоеніе» наступило, и открыто заговорили о необходимости ликвидаціи всѣхъ сдѣланныхъ уступокъ.

Такія выступленія, разбивающія создаваемый миражъ, во всякомъ случаѣ не могутъ быть одобрены съ точки зрѣнія тактики въ руководящихъ сферахъ.

Очевидно, чрезмѣрно ярые реформаторы изъ числа истинно-русскихъ все-таки до нѣкоторой степени чувствуютъ шаткость своихъ позицій и одиночество. Мы видимъ, какъ публицисты этого лагеря пытаются подтвердить свои требованія и аргументами иного порядка. Такъ небезызвѣстный г. Юзефовичъ открыто грозитъ «народнымъ движеніемъ на защиту вѣры», если не будетъ достигнуто уничтоженіе указа о свободѣ вѣроисповѣданій. Мы не знаемъ, гдѣ эти кадры и полчища сторонниковъ г. Юзефовича. Вы клевещете,—можемъ мы повторить еще разъ слова Бѣлинскаго,—когда приписываете русскому народу религіозную нетерпимость.

Въ статьѣ «Религіозный фанатизмъ и миссія», намъ приходилось уже останавливаться на этомъ излюбленномъ аргументѣ противъ свободы совѣсти, выдвигаемомъ охранительной прессой. И на основаніи фактическихъ данныхъ мы старались показать, гдѣ лежитъ истинная причина отдѣльныхъ вспышекъ религіознаго фанатизма; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы видимъ «воздѣйствіе» со стороны. Опровергать г. Юзефовича, правда, не стоитъ труда; но его аргументомъ въ нѣсколько иной концепціи любятъ пользоваться и другіе (даже въ либеральныхъ кругахъ) въ качествѣ доказательства невозможности и несвоевременности радикальной реформы существующихъ взаимныхъ отношеній между господствующей церковью и государствомъ.

Между тѣмъ вообще позволительно усомниться въ той излишней «религіозности», которую приписываютъ русскому народу.

О «религіозности» русскаго народа издавна уже складывались легенды. Еще въ XVII в. греческій дьяконъ Павелъ Алепскій, посѣтившій Россію, пѣлъ диѳирамбы удивительной набожности русскихъ; этой набожности удивлялись и современники — иностранцы, прибывавшіе съ Запада. Но греки, по соображеніямъ политическимъ, льстили русскимъ, какъ отмѣчалъ въ свое время Юрій Крижаничъ, нѣмцы же чрезмѣрно хулили. Отмѣчаемая «религіозность» у русскихъ, правда, была невысокаго пошиба по изображенію иностранцевъ— и въ XVII в. ученый шведъ Іоаннъ Ботвидъ съ успѣ-

хомъ могъ бы еще разъ защитить свою диссертацію на тему: «Христіане ли москвиты», какъ это было въ упсальской академіи за сто лѣтъ передъ тѣмъ. Это была та религіозность, которую славянофильскій поэтъ изобразилъ такими стихами:

Недостатка нѣтъ въ попахъ,
Но вѣры не видать отъ вѣка,
Гдѣ Богъ въ однихъ лишь образахъ,
Не въ убѣжденьяхъ человѣка.

Въ дѣйствительности и эта религіозность была вовсе не такъ сильна. Это можетъ показаться на первый взглядъ парадоксомъ. Стоитъ, однако, взглянуть въ древнія хартіи, чтобы найти безчисленныя подтвержденія этому. Изъ знакомства съ этими хартіями можно вывести скорѣе выводъ, который сдѣлалъ Бѣлинскій, писавшій въ своемъ письмѣ къ Гоголю: «приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ глубокоатеистическій народъ... его грѣхъ обвинять въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ». Такого же мнѣнія держался и Костомаровъ: «Едва ли въ христіанскомъ мірѣ была страна менѣе подготовленная вообще къ религіознымъ движеніямъ, какъ русская», писалъ Костомаровъ въ своей статьѣ «Исторія раскола у раскольниковъ». «Религіозныя» движенія несовмѣстимы съ холодностью къ религіи, а холодность къ религіи много разъ высказывается въ нашей исторіи». Религіозный индеферентизмъ Костомаровъ считаетъ отличительнымъ свойствомъ русскаго народа; онъ видѣлъ элементы религіознаго пробужденія въ старообрядчествѣ, какъ находилъ ихъ тамъ же и Бѣлинскій Стоитъ взять любую работу Щапова, чтобы эта «холодность къ религіи» стала ясна воочію.

Русская исторія, дѣйствительно, полна жалобами, что народъ «не хочетъ знать» церкви.

Допустимъ, что времена измѣнились. Но гдѣ же факты, свидѣтельствующіе о привязанности народныхъ массъ къ тому казенному православію, о которомъ скорбѣлъ благонамѣренный славянофилъ И. Аксаковъ и которое такъ ненавистно было западнику Бѣлинскому? Развитіе сектантскихъ броженій, идущихъ рука объ руку съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, развѣ не свидѣтельствуетъ о противоположномъ! Какъ ни

слаба сектантская статистика, но и она насчитываетъ представителей религіознаго разномыслія не единицами, а милліонами.

Русское сектантство столь же соціальное движеніе, сколь и религіозное. Можно быть разныхъ мнѣній по этому поводу; но о «религіозности» русскаго народа въ той же формѣ, какъ понимаютъ ее гг. Юзефовичъ и К°, пожалуй, и не приходится слишкомъ распространяться.

10 августа 1908 г.

Церковь и политика.

Закабаленіе господствующей церкви на службѣ у государства, превращеніе ея въ орудіе властвованія — это одна изъ неотъемлемыхъ и характерныхъ чертъ стараго порядка. Горькія прежде всего для самой церкви послѣдствія, къ которымъ привела подобная вѣковая практика, у насъ въ Россіи уже въ достаточной степени были оцѣнены въ свое время даже въ въ правительственныхъ комиссіяхъ. Въ «дни свободъ» эта практика получила гласное осужденіе со стороны значительной части духовенства офиціальной церкви. Много писалось по этому поводу, и мы бы не стали возвращаться къ избитой темѣ, если бы за послѣднее время сама жизнь не выдвинула ея въ новой постановкѣ, заслуживающей быть отмѣченной хотя бы по фактамъ, сопутствующимъ привлеченію воинствующаго клира къ «политикѣ».

Всѣмъ, вѣроятно, еще памятенъ проектъ покойнаго оберъ-прокурора Синода Побѣдоносцева использовать духовенство въ цѣляхъ «административнаго воздѣйствія» на населеніе. Эта мысль до извѣстной степени получила осуществленіе въ жизни. Не такъ еще давно въ знаменитыхъ циркулярахъ, разсылаемыхъ высшему епархіальному начальству, предписывалось слѣдить за дѣятельностью священниковъ въ роли такого рода исполнителей административныхъ предписаній, давать имъ въ этой области соотвѣтствующія руководства и награждать наиболѣе ревностныхъ. Подобные циркуляры нашли себѣ рьяныхъ исполнителей въ лицѣ большинства представителей нашего епископата въ сотрудничествѣ съ монашеской братіей. Нѣкоторые архіереи, какъ, напримѣръ, саратовскій Гермогенъ, и др. совмѣстно съ иноками Почаевской лавры и іеромонахомъ

Илліодоромъ своей дѣятельностью въ области политиканства пріобрѣли неувядаемую славу.

Въ періодъ расцвѣта освободительнаго движенія власти, по всей видимости, возлагали большія надежды на реакціонное настроеніе батюшекъ. И въ то время принимались всѣ мѣры побудить духовенство къ самому энергичному и активному участію въ выборахъ народныхъ представителей Въ связи съ тѣмъ же происходила и фильтрація духовенства. Синодъ черезъ департаментъ полиціи, администрацію, епархіальное начальство и мѣстныхъ владыкъ собиралъ детальныя свѣдѣнія о возможныхъ кандидатахъ въ Государственную Думу и производилъ тщательное содѣйствіе о «вольнодумныхъ» священникахъ. Результатомъ этихъ изысканій явились кары, которыя обрушились на цѣлый рядъ церковныхъ дѣятелей. И эти кары постигали пастырей не за «преступленія по должности», не за спеціально священническіе проступки, а только за политическія убѣжденія. Можно было бы составить длиннѣйшій мартирологъ этихъ репрессій: штрафы, перемѣщеніе въ захудалые приходы, увольненіе за штатъ, запрещеніе священнослужительства, заточеніе въ монастырь, вплоть до лишенія сана,—все это стало обычнымъ явленіемъ въ практикѣ преслѣдованій прогрессивнаго духовенства.

Среди мотивовъ обвиненія (мы не говоримъ уже о всѣмъ извѣстной судьбѣ священниковъ-депутатовъ, а касаемся лишь «преступниковъ», такъ сказать, низшаго ранга) фигурируютъ самыя разнообразныя «преступленія»: «дерзкое посягательство на архіерейскую власть», выражающееся въ подписаніи воззванія, призывающаго пастырей къ совмѣстному обсужденію назрѣвшихъ церковныхъ нуждъ; протеста противъ смертной казни и вообще убійствъ, какъ «противныхъ духу либви Христовой», попытку объяснить населенію манифестъ 17 октября, принадлежность къ оппозиціоннымъ партіямъ (въ вину ставилось даже принадлежность къ союзу 17 октября), или только сочувствіе имъ, неодобреніе дѣятельности союза русскаго народа и т. д. и т. д. Вполнѣ понятно, что слѣдствіе надъ заподозрѣннымъ въ «сочувствіи» освободительному движенію духовенствомъ ведется по большей части при ближайшемъ и непосредственномъ участіи представителей граждан-

скихъ и административныхъ властей, отъ которыхъ подчасъ исходитъ и инициатива запрещенія обвиняемымъ священнослужительства. Были случаи, когда гражданская власть не допускала къ священнослужительству оправданныхъ пастырей, т.-е. вопреки даже рѣшеній духовной консисторіи.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что въ большинствѣ случаевъ, какъ и слѣдовало ожидать, опальные священники пользуются среди населенія самой хорошей репутаціей. И обычно эта опала вызываетъ массовыя петиціи со стороны прихожанъ съ ходатайствомъ о возвращеніи пастыря къ прерванной дѣятельности или о смягченіи его участи. Уже самый фактъ преслѣдованій духовенства, временами принимающихъ какой-то эпидемическій характеръ, показываетъ, что надежды, построенныя не реакціонномъ настроеніи духовенства, не совсѣмъ оправдались на дѣлѣ. А между тѣмъ чаянія возлагались большія со стороны идеологовъ стараго режима: кіевская духовная консисторія въ періодъ выборовъ въ третью Государственную Думу попросту предписала приходскому духовенству — «подавать голоса за лицъ, которыя стоятъ за основу прежняго строя .

Не говоря уже о томъ странномъ явленіи, что правительство въ лицѣ своихъ подвѣдомственныхъ органовъ призываетъ къ реставраціи стараго строя, т.-е., по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ комментаторовъ этого извѣстія, «къ ниспроверженію существующаго порядка вещей», здѣсь любопытны и пріемы, при помощи которыхъ надѣялись собрать голоса сторонниковъ возстановленія стараго режима. Та же кіевская консисторія предписываетъ приходскимъ священникамъ присылать характеристику избранныхъ въ уполномоченные крестьянъ. Аналогичный указъ, по словамъ *Кіевскихъ Вѣстей*, разослали и благочинные Каневскаго уѣзда: въ немъ предписывается духовенству доставить «секретно» для отсылки въ кіевскій русскій губернскій избирательный комитетъ свѣдѣнія относительно политическихъ убѣжденій и вообще благонадежности тѣхъ уполномоченныхъ отъ волостей, которые могутъ быть выставлены кандидатами въ члены Государственной Думы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и пріемы полицейскаго сыска, возлагаемаго на духовенство, мало

измѣнились со времени выборовъ въ первую и вторую Думу. На ряду съ указанными явленіями продолжается и прежняя фильтрація духовенства. По-иному лишь нѣсколько распредѣлены роли фильтрующихъ. Здѣсь играютъ первенствующую роль уже не жандармскія власти, а союзъ русскаго народа, принявшій на себя полицейскія функціи. Дѣйствуетъ союзъ въ этомъ отношеніи черезъ посредство своихъ членовъ-архіереевъ. И какъ мы узнаемъ изъ отчета собранія союза съ духовенствомъ въ Петербургѣ 19 августа 1907 г., многіе изъ нашихъ архіереевъ (въ томъ числѣ саратовскій, вятскій, ярославскій, московскій, волынскій) заслужили уже похвалу со стороны союза за свою успѣшную дѣятельность. Собраніе рѣшило привлечь и остальныхъ епископовъ въ число членовъ союза въ цѣляхъ болѣе широкой агитаціи при помощи высшаго духовенства. Приступая къ выполненію намѣченныхъ задачъ, какъ сообщала *Церк. Об. Жизнь*, союзъ обратился уже за офиціальной санкціей къ Синоду: онъ возбудитъ ходатайство, чтобы Святѣйшій Синодъ благословилъ духовенство на вступленіе въ союзъ, и чтобы тѣ представители духовенства, которые позволяютъ себѣ открыто или тайно «противодѣйствовать здравому направленію мыслей», были бы немедленно отданы подъ судъ Равнымъ образомъ союзъ образовалъ спеціальную комиссію, на обязанности которой лежитъ «внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы правительственный циркуляръ, воспрещающій членамъ нелегализованныхъ партій занимать должности на государственной службѣ, примѣнялся неукоснительно во всѣхъ вѣдомствахъ».

И Синодъ такое благословеніе давалъ въ сущности неоднократно.

Послѣ кіевскаго съѣзда все сильнѣе и рѣшительнѣе становились голоса духовныхъ реакціонеровъ. Иліодоръ— типичный представитель этой среды. Не даромъ саратовскій епископъ Гермогенъ ставилъ Иліодора въ примѣръ всему мѣстному духовенству, которое епископъ назвалъ «псами нелающими». А въ Синодѣ, по словамъ газетныхъ сообщеній, двумя членами былъ возбужденъ даже вопросъ о выраженіи благодарности іеромонаху Иліодору за его «заслуги передъ православіемъ». Что же удивляться, если послѣ Иліодора выступаетъ о. Серапіонъ, произносящій въ Кіево-Никола-

евскомъ монастырѣ съ церковнаго амвона человѣконенавистническую проповѣдь съ открытымъ призывомъ къ внутренней междоусобной войнѣ? *Русское Знамя* сообщало объ этой проповѣди какъ о выдающемся фактѣ. Что же удивляться, если знаменитыя *Почаевскія Извѣстія*, издаваемыя иноками Почаевской лавры, печатаютъ пародію на заповѣди о «заграничныхъ конституціяхъ»? *Новое Время* и то должно было признать такую пародію кощунствомъ.

Тонъ этихъ современныхъ клерикальныхъ рѣчей достаточно извѣстенъ. Юбилей Л. Н. Толстого далъ возможность чрезвычайно ярко проявиться всей грубости доморощеннаго «богословія». Какой только брани не было въ рѣчахъ «истинно-русскихъ» проповѣдниковъ!

Церковныя каѳедры, такимъ образомъ, превращены въ политическія трибуны для пропаганды идей союза русскаго народа и ему аналогичныхъ организацій. Архіереи не только благословляютъ, но и требуютъ отъ подчиненнаго духовенства открытаго сочувствія и содѣйствія такъ называемымъ «патріотическимъ» организаціямъ.

Характерную иллюстрацію представляетъ собою въ этомъ отношеніи лѣтній указъ (1907 г.) волынской духовной консисторіи, предписывавшій обязать настоятелей церквей «разъяснять своимъ прихожанамъ цѣль и значеніе союза русскаго народа» (*Волжская Жизнь*). Указъ этотъ былъ изданъ вслѣдствіе сообщенія главнаго совѣта союза русскаго народа, что большинство мѣстныхъ крестьянъ «не имѣетъ должнаго понятія о цѣляхъ союза русскаго народа, такъ какъ нѣкоторые священники не только не объясняютъ крестьянамъ великаго значенія союза, но явно не сочувствуютъ ему». Волынскій епархіальный съѣздъ того же времени, какъ видно изъ сообщенія *Церк. Вѣстн.*, былъ спеціально посвященъ вопросу о «положеніи союза русскаго народа на Волыни»; тотъ же съѣздъ, по словамъ *Волжск. Жизни*, откликнулся и на законопроектъ о свободѣ совѣсти, резолюція, имъ принятая, вполнѣ соотвѣтствуетъ аналогичнымъ резолюціямъ кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. Въ томъ же духѣ высказываются и другіе епархіальные съѣзды.

Въ то же время мы видимъ среди духовенства и плоды, которые далъ кіевскій миссіонерскій съѣздъ,

столь послушный закулиснымъ дирижерамъ. Духовное оружіе сложено въ борьбѣ съ религіознымъ разномыслiемъ. Вновь возрождаются тѣ старые методы, которые рекомендовалъ съѣздъ.

Сентябрьскій (1908 г.) съѣздъ духовенства въ слободѣ Альшаны, Харьковскаго уѣзда, довольно опредѣленно призываетъ «свѣтскій мечъ» на помощь миссіонерству. «Запретите сектантамъ собранія, запретите имъ оказывать помощь бѣднымъ,—вотъ о чемъ, по словамъ *Соврем. Слова*, въ сущности просили харьковскіе миссіонеры. Съѣздъ въ Минскѣ представителей православныхъ братствъ сѣверо-западнаго края, какъ сообщаетъ *Церков. Вѣстн.*, жалуется на «безучастное отношеніе администраціи». Холмскій епархіальный съѣздъ, по словамъ того же журнала, согласно программѣ, начертанной на кіевскомъ съѣздѣ, обсуждаетъ вопросъ о покупкѣ и распродажѣ майоратныхъ имѣній русскимъ и православнымъ. «Экономическія условія, согласно резолюціи съѣзда, имѣютъ громадное значеніе и вліяніе на религіозную жизнь народа».

Конечно, нѣтъ возможности опредѣлить, какъ въ дѣйствительности относится большинство духовенства къ воинствующей политикѣ руководителей церкви. Вѣдь наше духовенство въ своей массѣ и въ періодъ прошлаго освободительнаго движенія не выступало на авансцену политической жизни. Тѣ, кто не были въ рядахъ воинствующаго клира, преимущественно молчали. Печальная судьба немногихъ «новаторовъ» еще въ большей степени должна была отучить непривыкшее къ самостоятельности духовенство отъ «смѣлости мысли и сужденій». Здѣсь реакціи было легко одержать видимую побѣду. При консисторскомъ произволѣ духовенство вынуждено безпрекословно подчиняться циркулярамъ епархіальнаго начальства. Что такое консисторскій произволъ, показываетъ характерное дѣло, возникшее въ калужской консисторіи въ іюлѣ истекшаго 1908 года.

Въ іюнѣ у псаломщика с. Любужскаго, Калужскаго уѣзда, Безсонова былъ произведенъ обыскъ; послѣдній ничего не обнаружилъ, и мѣстный полицейскій приставъ объяснилъ благочинному, что Безсоновъ «находится внѣ всякаго подозрѣнія». Но до благочиннаго прот. Извѣкова дошли «частные слухи» о томъ, что

Безсоновъ, по мнѣнію военнаго начальства саперной бригады, считается «человѣкомъ не особенно спокойнымъ въ политическомъ отношеніи». «Хотя полученный мною отзывъ коменданта,—сообщаетъ въ своемъ рапортѣ консисторіи благочинный, — не даетъ основаній заключить, что Безсоновъ способенъ къ извѣстнаго рода агитаціи, тѣмъ не менѣе на его поведеніе, какъ служителя церковнаго, падаетъ нѣкоторая тѣнь». Консисторія на основаніи этого рапорта, какъ передаетъ корреспондентъ *Рѣчи*, поспѣшила перемѣстить «крамольнаго» псаломщика съ отдачей его «подъ строжайшій надзоръ благочиннаго и мѣстнаго настоятеля церкви»...

При такихъ условіяхъ о критическомъ отношеніи къ распоряженіямъ епархіальнаго начальства не приходится и помышлять.. Впрочемъ, и въ наши дни политика духовныхъ реакціонеровъ встрѣчаетъ иногда противодѣйствіе. Правда, такіе случаи рѣдки. Примѣръ мы видимъ на казанскомъ епархіальномъ съѣздѣ, происходившемъ 18 сентября 1908 г.

Епископъ Алексій на съѣздѣ усиленно пропагандировалъ организацію «приходскихъ совѣтовъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣловъ союза русскаго народа. Большинство присутствующаго духовенства, по словамъ *Волжско-Камской Рѣчи*, отнеслось, однако, къ этому предложенію несочувственно. Одинъ изъ благочинныхъ засвидѣтельствовалъ, что онъ опасается дѣятельности совѣтовъ, протягивающихъ «свои руки къ церковному кошельку». Дѣятельность мѣстныхъ коноводовъ союза русскаго народа не можетъ быть въ интересахъ церкви, по крайней мѣрѣ, въ казанской епархіи, такъ какъ во главѣ мѣстнаго союза стоятъ люди «невѣрующіе, неправославные, тайные хлысты». Это, по словамъ газеты, доказывалось документально.

Какъ видно изъ фактовъ, сообщаемыхъ корреспондентомъ *Рѣчи*, исполненіе циркуляровъ епархіальнаго начальства не всегда выгодно приходскому духовенству. Черносотенныя рѣчи подрываютъ духовный авторитетъ пастыря. Такъ именно было въ Саратовской губерніи, гдѣ духовенство вынуждено было по распоряженію епископа Гермогена читать и раздавать въ церквахъ во время богослуженія *Братскій Листокъ* съ проповѣдью епископа и анаѳемой на Толстого. Для

вящшаго воздѣйствія на умы епископъ Гермогенъ распорядился устраивать ночныя богослуженія на улицахъ. Несмотря на всю покорность, нѣкоторые священники все же не рѣшились читать листки о Толстомъ (такъ хорошо они были составлены) и ограничились туманнымъ пересказомъ ихъ съ опущеніемъ наиболѣе рѣзкихъ выраженій. Результаты получились самые неожиданные. Въ большинствѣ случаевъ, по отзывамъ священниковъ, анаѳемствованіе Толстого въ церквахъ было встрѣчено съ полнымъ недоумѣніемъ. Но были случаи и активныхъ протестовъ. Такъ, напримѣръ, въ с. Озеркахъ, Саратовскаго уѣзда, крестьяне во время проповѣди заявили о нежеланіи слушать обличенія по адресу Л. Н. Толстого и вышли изъ церкви. Проповѣдь была прервана. Въ с. Николаевскій Городокъ, того же уѣзда, полиціи пришлось «возстанавливать порядокъ» въ церкви. Среди темныхъ прихожанъ даже въ Саратовѣ, какъ отмѣчаетъ корреспондентъ *Рѣчи*, пошли толки о «новомъ святомъ старцѣ» и даже о новоявленныхъ «мощахъ», которыя духовенство желаетъ скрыть.

Вотъ чего достигъ пока епископъ Гермогенъ.

Достигнутые результаты, быть-можетъ, печальнѣе всего для самой господствующей церкви. Для насъ открытыя выступленія воинствующаго клира и поддержка, которую оказываютъ этимъ реакціоннымъ вожделѣніямъ, характерны какъ показатель времени и той сгустившейся атмосферы, при которой будутъ разрѣшаться у насъ вопросы о свободѣ совѣсти.

Предзнаменованіе не изъ хорошихъ.

Знаменіе времени.

Внѣ сомнѣнія рѣдко кто изъ монашеской братіи у насъ достигалъ столь громкой «славы», какъ знаменитый іеромонахъ Иліодоръ. Всякій, кто ознакомится съ автобіографіей Иліодора, напечатанной въ свое время въ *Вѣче*, невольно подивится его быстрой и блестящей карьерѣ

«Меня уже въ дѣтствѣ всегда называли сумасшедшимъ, — писалъ о себѣ самъ Иліодоръ, — всѣ меня всегда считали, если не глупымъ, то во всякомъ случаѣ дуракомъ. Я былъ ненормальнымъ, на меня товарищи показывали пальцами, говоря: поглядите, какъ онъ глупъ. Поглядите, какой онъ идіотъ! И я терпѣлъ. Ибо не въ славѣ и почетѣ воспитывается душа, а въ ругательствахъ и подзатыльникахъ. Я терпѣлъ и думалъ: Господи! Господи! Кто терпитъ здѣсь, на землѣ,—тотъ получитъ воздаяніе на небеси горѣ! Кто считается здѣсь сумасшедшимъ,—тотъ будетъ на небѣ первымъ философомъ, кого здѣсь называютъ дуракомъ,—тотъ будетъ самымъ умнымъ на томъ свѣтѣ... Въ академіи, куда я поступилъ изъ семинаріи, также всѣ указывали на меня пальцами. Начальство бранило за неспособность, товарищи смѣялись и уже не говорили, какъ въ семинаріи, что я—дуракъ, нѣтъ, они уже называли меня психопатомъ... И я радовался и самодовольно улыбался»...

Такъ говорилъ о себѣ Иліодоръ. Быть-можетъ, онъ и шутилъ, но, тѣмъ не менѣе, судя по его дѣяніямъ, въ этой шуткѣ онъ далъ себѣ чрезвычайно мѣткую характеристику. Но по всей видимости далеко не одинъ Иліодоръ полагаетъ, что дуракъ на землѣ явится самымъ умнымъ на небѣ и что душа воспитывается въ ругательствахъ и подзатыльникахъ.

Дѣйствительно, дѣятельность монаха Иліодора не разъ встрѣчала одобреніе, ему выражали почти официально благодарность за плодотворные труды. У него находились знатные покровители, бравшіе его подъ свою защиту, когда дѣянія чрезмѣрно ретиваго монаха грозили вызвать непріятныя осложненія. А эти осложненія бывали нерѣдко.

Иліодоръ прославился прежде всего въ роли энергичнаго дѣятеля союза русскаго народа и еще болѣе энергичнаго редактора *Почаевскаго Листка* и *Почаевскихъ Извѣстій*. Онъ здѣсь не безъ успѣха примѣнялъ на практикѣ свой «христіанскій» девизъ: воспитывать душу ругательствами и подзатыльниками. Его литературная дѣятельность, сводившаяся къ призывамъ кроваваго самосуда, носила такой характеръ, что Синоду въ концѣ-концовъ пришлось обратить на нее вниманіе и нѣсколько поумѣрить пылъ и жаръ рьянаго проповѣдника.

Въ мартѣ 1907 г. Иліодоръ былъ освобожденъ отъ несенія отвѣтственныхъ обязанностей редактора. Публицистическая дѣятельность Иліодора была перенесена на страницы уже свѣтской печати. Перемѣнились органы, но не перемѣнились пріемы «ругательствъ» и «подзатыльниковъ». Синоду пришлось вовсе запретить Иліодору литературную дѣятельность подъ страхомъ строгаго наказанія. Но запрещенія не воздѣйствовали на непокорнаго іеромонаха: у него были сильные покровители. Въ защиту «опальнаго» выступили еписк. Антоній волынскій, съ благословенія котораго въ Почаевской лаврѣ дѣйствовалъ Иліодоръ, и епископъ финляндскій Сергій. Нашлись и другіе доброжелатели изъ числа «знатныхъ персонъ», увлекшихся горячей проповѣдью волынскаго «Савонаролы». Такъ *Церк.-Обществен. Жизнь* въ № 10, 1907 г. сообщала, что Иліодоръ, пріѣхавшій по своему синодскому дѣлу въ Петербургъ, «имѣетъ большой успѣхъ въ аристократическихъ кругахъ». Его выставляли, какъ «мученика за правду». За нимъ присылали кареты, и, посѣщая «особъ», онъ знакомилъ ихъ со своими «мыслями», развивая ихъ съ такой же яркостью, какъ и въ *Почаевскихъ Извѣстіяхъ*. Мысли, очевидно, понравились, и дѣло въ Синодѣ, вызванное непослушаніемъ, было прекращено: Иліодоръ былъ признанъ невиновнымъ.

Монахъ возликовалъ и удесятирилъ свою энергію. Онъ началъ даже изобличать въ измѣнѣ митрополита Антонія, обрушился и на своего покровителя Сергія финляндскаго. Дѣло дошло до конфликтовъ съ прежними защитниками — арх. Антоній уже 27 іюля жалуется, что на Иліодора нѣтъ управы, самовластный іеромонахъ не признаетъ надъ собой никакой власти, распоряжается *Почаевскими Извѣстіями*, по своему усмотрѣнію, хотя редакторомъ оныхъ не числится... И вотъ Иліодоръ попадаетъ въ Царицынъ.

Яркіе факты изъ дѣятельности Иліодора въ Поволжьи, конечно, всѣмъ еще памятны. Онъ завербовалъ себѣ поклонниковъ, а главнымъ образомъ, поклонницъ, устраивая особыя моленья, заканчивавшіяся побоищами. Здѣсь уже пришлось вмѣшаться въ дѣло свѣтскимъ властямъ, дабы нѣсколько умѣрить задоръ борца за «правду». Но Иліодоръ громилъ власти съ церковнаго амвона... и торжествовалъ...

Въ саратовской епархіи онъ нашелъ себѣ авторитетнаго покровителя въ лицѣ епископа Гермогена. Послѣдній только что произвелъ «массовую фильтрацію духовенства», и іеромонаха Иліодора ставилъ въ примѣръ остальному духовенству. «Псы лающіе», такъ охарактеризовалъ Гермогенъ саратовское духовенство. «Вина» этого духовенства заключается въ томъ, что оно не рѣшилось въ толстовскіе юбилейные дни безъ купюръ съ церковныхъ амвоновъ читать воззванія Гермогена—въ такихъ выраженіяхъ они были составлены. Дѣятельность Гермогена вызвала даже протестъ со стороны прежнихъ соратниковъ—мѣстныхъ «истинно-русскихъ людей». Гермогенъ, подобно Иліодору, отнюдь не желалъ считаться съ тѣмъ, что въ Россіи есть законъ, есть и власти. Онъ захватывалъ городскую землю, вызвалъ своимъ поведеніемъ цѣлое броженіе среди мусульманскаго населенія, религіозное чувство котораго оскорблялось и поносилось въ рѣчахъ и листкахъ. Іеромонахъ Иліодоръ и здѣсь помогалъ.

На этой почвѣ, какъ извѣстно, возгорѣлся конфликтъ между мѣстными свѣтскими и духовными властями, конфликтъ, дошедшій до центральной власти и вызвавшій спеціальное разслѣдованіе, произведенное въ Саратовѣ товарищемъ оберъ-прокурора Роговичемъ

и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровымъ. Оба ревизора, по газетнымъ сообщеніямъ, пришли къ противоположнымъ результатамъ: гофм. Роговичъ всецѣло одобрилъ дѣятельность Гермогена и Иліодора. «У насъ, въ Россіи,—заявилъ онъ корреспонденту *Голоса Москвы*,—пока выдѣляется лишь одинъ епископъ Гермогенъ, но я счелъ бы благомъ, хотя бы такихъ епископовъ было 20».

Съ понятнымъ интересомъ слѣдили мы за послѣдствіями саратовскаго инцидента, за тѣмъ, въ какую сторону разрѣшится конфликтъ между свѣтской и духовной властью. Совершенно неожиданно саратовскій инцидентъ пріобрѣлъ крупное политическое значеніе; разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону до нѣкоторой степени должно было предопредѣлить синодальную политику ближайшаго времени. При такихъ условіяхъ личность Иліодора затерлась...

Иліодоровщина представляетъ большой психологическій и бытовой интересъ. Всякаго рода фанатизмъ способенъ увлекать массы. Вѣдь не даромъ Савонарола сумѣлъ превратить даже жизнерадостную Флоренцію, родину новеллъ Боккачіо, въ аскетическую монашескую общину. Монахъ, увлекающій дамъ изъ аристократіи—не новость. Быть-можетъ, мы скоро узнаемъ о новыхъ іоаннитахъ.

Монахъ, увлекающій темную толпу, также—не новость. Наше безвременье особенно способствуетъ развитію всякаго рода истерическихъ выпадовъ и кликушествъ. Это все не ново, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ живой интересъ съ точки зрѣнія бытописателя и психолога.

Русская жизнь умѣетъ, однако, какъ мы видимъ, и такимъ явленіямъ придать крупное общественное значеніе. Впрочемъ, предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда въ конфликтѣ свѣтской и духовной власти, было нетрудно. Министерство дѣйствовало неопредѣленно и нерѣшительно. Судьба запроса Государственной Думѣ—извѣстна.

Думское большинство дало себѣ блестящую аттестацію. А между тѣмъ «вліятельные круги», выражали твердое пожеланіе, чтобы епископъ Гермогенъ остался. Иліодоровщина восторжествовала.

И здѣсь нельзя не видѣть знаменія времени. Вѣдь то теченіе, которое одержало теперь верхъ, создало знаменитыя резолюціи кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, по поводу которыхъ Синоду предстоитъ еще высказаться.

Свѣтская же власть примирилась съ духовенствомъ, и гр. Татищевъ за монашеской трапезой въ архіерейскомъ домѣ у епископа Гермогена уже въ скоромъ времени поднималъ бокалъ за здравіе своего бывшаго противника.

Январь 1909 г.

Упраздненная автономія.

Первымъ реальнымъ шагомъ Правительствующаго Синода въ дѣлѣ осуществленія программы дѣятельности, намѣченной кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, надо считать отмѣну автономіи высшей духовной школы. Первый шагъ по пути реакціоннаго шествія коснулся, такимъ образомъ, лишь вѣдомства православнаго исповѣданія, но это предостереженіе чрезвычайной важности.

Синодъ, по всей видимости, давно уже помышлялъ свести счеты съ автономіей, вырванной у него въ освободительные дни. Автономія, дѣйствительно, была вырвана. На единодушное требованіе автономіи всѣхъ духовныхъ академій Синодъ за мѣсяцъ до объявленія автономіи отвѣтилъ указомъ, что *примѣненіе началъ автономіи несовмѣстимо съ назначеніемъ духовныхъ академій*. Автономія, однако, была дана подъ напоромъ жизненныхъ требованій. Духовная школа переживала такой кризисъ, что безъ уступокъ, безъ минимальныхъ реформъ, хотя бы въ видѣ частичной автономіи, нельзя было обойтись. За три истекшихъ года Синодъ всѣми мѣрами препятствовалъ осуществленію этой реформы: отказывалъ въ утвержденіи въ должности ректора избранныхъ совѣтомъ лицъ и т. д.

Синодъ пользовался каждымъ случаемъ для ограниченія правъ «автономныхъ» корпорацій. И, конечно, послѣ кіевскаго съѣзда политика вмѣшательства пошла crescendo.

Столь нашумѣвшій инцидентъ съ диспутами въ московской духовной академіи (защита диссертацій Д. Г. Коноваловымъ и И. М. Гломогласовымъ) сдѣлалась одной изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи духовной школы.

Перипетіи, связанныя съ диспутомъ доцента Коновалова, особенно характерны.

Синодъ въ прежнее время прославился своими запретительными циркулярами, предписывавшими совѣтамъ духовныхъ академій обращать вниманіе «не на одни только ученыя достоинства сочиненія, но и на соотвѣтствіе общаго направленія его съ духомъ и достоинствомъ православной церкви». Эти циркуляры исключали «всякую возможность свободнаго научнаго изслѣдованія». Синодскіе цензоры обладали изумительнымъ искусствомъ выслѣживать «ереси» и «неправославныя мѣста и выраженія» въ научно-богословскихъ работахъ. При такихъ условіяхъ богословіе у насъ, по выраженію С. Н. Трубецкаго, превратилось въ алхимію. Если разсказать о мучительныхъ испытаніяхъ нашихъ богослововъ, не шедшихъ на компромиссы съ синодскими циркулярами, то, по замѣчанію покойнаго проф. А. П. Лебедева, получится написанное «кровью и слезами повѣствованіе объ атрофированныхъ мозгахъ и сожженныхъ, искалѣченныхъ совѣстяхъ».

Богословская наука вздохнула свободнѣе, какъ только ослабъ контроль Синода. Академическая автономія все же нѣсколько гарантировала большую свободу научнаго изслѣдованія. Гарантировала потому, что согласно автономіи, какъ гласитъ точный текстъ закона, утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ предоставлялось вѣдѣнію совѣтовъ духовныхъ академій [1]).

Въ этой сферѣ и подверглась автономія прежде всего урѣзкамъ. Синодъ вмѣшался въ дѣло присужденія ученой степени магистровъ богословія доцентамъ московской духовной академіи, хотя для того, чтобы

---

[1]) Въ опредѣленіи Синода отъ 26 ноября 1905 г. за № 6,081 по поводу автономіи духовныхъ академій въ п. 4 говорится, что „Совѣту должно быть предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ“. Это постановленіе Синода получило Высочайшее утвержденіе 20 января 1906 г. Въ послѣдующемъ опредѣленіи Синода отъ 21 февраля 1906 г. за № 1,058 по поводу измѣненій въ текстѣ академическаго устава, согласно процитированному выше опредѣленію, говорится, что упомянутое въ п. 6 отдѣла b въ § 81 дѣйствующаго академическаго устава о степеняхъ магистра и доктора относится къ дѣламъ, *окончательно* рѣшаемымъ совѣтомъ.

вмѣшаться въ это дѣло надо было прежде отмѣнить самый законъ. Но вѣдь это пустяки. Еще Пушкинъ далъ чрезвычайно мѣткую характеристику примѣнимости русскаго закона. За сто лѣтъ сущность измѣнилась мало, несмотря на провозглашеніе въ нашемъ отечествѣ конституціонныхъ началъ.

Любопытно, конечно, что вопросъ въ данномъ случаѣ выдвинулся на очередь благодаря случайному присутствію на диспутѣ Д. Г. Коновалова синодальнаго миссіонера Айвазова, одного изъ главныхъ дѣятелей столь знаменитаго по своимъ дѣяніямъ четвертаго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ. Изъ-за него и загорѣлся весь сыръ-боръ.

Айвазовъ, по собственному признанію, не читалъ книги, что очень ярко и обнаружилось на диспутѣ. На диспутѣ Айвазовъ съ грубыми передержками оперировалъ надъ возраженіями, которыя были представлены диссертанту оппонентами. Научныя возраженія, перевернутыя на айвазовскій ладъ, получали карикатурный характеръ. На диспутѣ въ ученой коллегіи Айвазовъ былъ посрамленъ. И вотъ въ черносотенныхъ листкахъ — въ *Русской Землѣ*, *Колоколѣ* и т. д. — начали появляться многочисленныя замѣтки. Эти замѣтки превозносили Айвазова и глумились надъ духовной академіей и ея «либеральствующими» профессорами. Аргументы, выставленные для опорочиванія книги проф. Коновалова и аппонентовъ на публичномъ диспутѣ, носили весьма своеобразный характеръ для «научной» критики, но, правда, они были обычные для нашихъ «монархистовъ». Все дѣло свелось въ концѣ-концовъ къ «жидовской» интригѣ, къ кувырканью передъ еврейскимъ золотомъ и т. д. Казалось бы, что съ гг. Айвазовыми полемизировать не стоитъ. Но, словно предчувствуя, какой исходъ будетъ имѣть въ высшихъ церковныхъ сферахъ выпадъ такого рьянаго защитника казеннаго православія, какъ миссіонеръ Айвазовъ, профессора П. П. Соколовъ и Н. А. Заозерскій печатно и авторитетно разъяснили, какой въ сущности «дѣтскій лепетъ» представляютъ собой «обвиненія» Айвазова, усмотрѣвшаго въ книгѣ Коновалова чуть ли не богохульство.

Между тѣмъ вина г. Коновалова, защищавшаго диссертацію на тему «Религіозный экстазъ въ мистиче-

скомъ сектантствѣ»[1]) исключительно была въ томъ, что онъ попытался болѣе или менѣе объективно разсмотрѣть изучаемый имъ вопросъ безъ обычной миссіонерской замашки. Для дѣятелей казеннаго православія такое новшество, конечно, было недопустимо.

Дѣло не ограничилось только полемикой въ черносотенныхъ листкахъ, на защиту попраннаго якобы православія возстали союзническія организаціи.

30 октября (1908 г.) на годичномъ общемъ сходѣ русскаго монархическаго собранія въ Москвѣ, какъ сообщали *Московскія Вѣдомости*, по иниціативѣ прот. Восторгова оберъ-прокурору Синода была отправлена телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Русское монархическое собраніе въ Москвѣ, освѣдомившись о присужденіи степени магистра богословія доценту Коновалову совѣтомъ московской духовной академіи за сочиненіе «Религіозный экстазъ въ сектантствѣ», находитъ въ сочиненіи отсутствіе богословія, издѣвательство надъ православіемъ, соблазнъ вѣрующихъ и почтительно проситъ ваше высокопревосходительство, доложивъ о семъ Святѣйшему Синоду, вытребовать все дѣло о присужденіи степени Коновалову и, пересмотрѣвъ его вновь, отмѣнить самую автономію академій, опасную для чистоты православнаго ученія».

Синодъ откликнулся на призывъ «монархическихъ» организацій. А за этимъ откликомъ послѣдовала скоро и полная отмѣна автономіи духовныхъ академій.

Синоду для сужденія о «вредѣ» автономіи дали обильный матеріалъ ревизіи, которыя въ теченіе осени 1908 г. производили рьяные противники автономіи—архіепископъ волынскій Антоній и архіепископъ херсонскій Димитрій при непосредственномъ участіи бывшаго профессора Харьковскаго университета, нынѣ же синодальнаго чиновника—г. Остроумова.

Изумительно разнообразіе аргументовъ, которые приводили представители вѣдомства православнаго исповѣданія для доказательства вреда существованія автономіи высшей духовной школы. Такъ, частное синодское совѣщаніе 13 января 1909 г. признало автономію

---

[1]) Подробный отчетъ о диспутѣ можно найти въ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“

«вредной для богословской науки». Подумайте, какой ужасъ: профессора духовной академіи, какъ выяснила ревизія, читаютъ Маркса! Вѣдь это — подрывъ богословію. Ученый богословъ долженъ быть только начетчикъ, хорошо знакомый съ Писаніемъ, но какъ чумы избѣгающій свѣтской науки. Съ послѣдней неизбѣжно въ стѣны академіи проникаютъ крамольныя идеи [1]).

Однако и съ точки зрѣнія нашего воинствующаго клира въ настоящее уже время аргументъ, выставленный синодскимъ совѣщаніемъ, не можетъ быть отнесенъ къ числу сильныхъ. Пожалуй, и въ случаѣ упраздненія автономіи нашимъ богословамъ теперь придется почитывать Маркса, Бебеля и Каутскаго. Иначе, какъ они будутъ бороться съ соціалъ-демократіей, какъ постановилъ послѣдній кіевскій миссіонерскій съѣздъ?

Врядъ ли въ интересахъ церковнаго правительства, чтобы ученые богословы въ жизни оказывались въ томъ положеніи, въ какое попалъ на диспутѣ проф. Коновалова миссіонеръ Айвазовъ, обнаружившій въ собраніи ученой коллегіи полную свою несостоятельность.

Иной совсѣмъ аргументъ выставленъ митрополитомъ Антоніемъ въ отвѣтъ на ходатайство депутаціи совѣта профессоровъ петербургской духовной академіи повлять на послабленіе духовной цензуры. Академическимъ изданіямъ, какъ оказывается, грозитъ прекращеніе въ виду непомѣрныхъ строгостей со стороны цензора, ректора академіи архимандрита Ѳеофана. Митрополитъ отвѣтилъ профессорамъ, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь имъ, такъ какъ «духовныя академіи автономны». Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ автономія повредила свободѣ.

---

[1]) „Читай Библію 70 толковниковъ .. Толкованій же никакихъ, нѣмецкихъ и другихъ, кромѣ Златоуста и святыхъ отецъ, православной церковью принятыхъ, не читай да не заразишься“, провозглашалъ еще въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія одинъ изъ вдохновителей отечественной реакціи, соратникъ Аракчеева, юрьевскій архимандритъ Фотій—„ревнитель церкви не по разуму“, какъ характеризовали его даже современники. „Къ чему нужна философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства“—заявлялъ другой столпъ „казеннаго православія“ въ эпоху „мракобѣсія“ оберъ-прокуроръ Св Синода 40—50 гг. Протасовъ. И вотъ мы вновь присутствуемъ при возрожденіи этихъ старыхъ традицій, при возрожденіи той официальной брони, которая искони ограждала православіе отъ прикосновенія свободнаго изслѣдованія.

Въ процитированномъ отвѣтѣ нельзя не отмѣтить одну забывчивость За три года, истекшіе со времени провозглашенія автономіи, утверждены гдѣ-либо Синодомъ въ должности ректоровъ лица, избранныя совѣтомъ академіи? Нѣтъ. Слѣдовательно, «автономія» уже ни въ чемъ неповинна въ тѣхъ цензурныхъ утѣсненіяхъ, отъ которыхъ страдаютъ изданія петербургской академіи. автономія высшей духовной школы съ 26 ноября 1905 года находилась подъ опекой и контролемъ назначеннаго «чиновника». Когда пришлось обуздать этого чиновника, помѣшала автономія; но та же автономія отнюдь не воспрепятствовала изъять, когда захотѣлось изъ вѣдѣнія автономнаго совѣта утвержденіе въ научныхъ степеняхъ доцентовъ московской духовной академіи. А между тѣмъ это изъятіе было сдѣлано вопреки точному тексту закона.

Но такъ или иначе, духовное вѣдомство признало, какъ мы видимъ, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, автономію вредной! Въ духовномъ вѣдомствѣ, въ это время упраздненіе автономіи принципіально уже было рѣшено. По существу это и фактически произошло гораздо ранѣе. Дѣло стояло только за небольшой формальностью въ видѣ отмѣны закона. Автономія въ дѣйствительности нарушалась каждодневно. Приведемъ еще одну яркую иллюстрацію, показывающую, что Синодъ не находилъ даже нужнымъ считаться съ собственными постановленіями въ этомъ отношеніи, а не только съ постановленіями какихъ-то «автономныхъ» академій. Что можетъ быть ярче инцидента съ петербургскимъ доцентомъ Яблонскимъ, защитившимъ диссертацію, одобренную совѣтомъ академіи, ректоромъ и и утвержденную Синодомъ? Взяли и уничтожили официальный протоколъ о защитѣ диссертаціи, который долженъ былъ появиться въ академическомъ изданіи.

Итакъ, похороны автономіи высшей школы духовнаго вѣдомства были предрѣшены. Въ эпоху всеобщихъ ликвидацій и возврата къ старому вѣдомство православнаго исповѣданія, какъ извѣстно, дѣйствуетъ круче всѣхъ.

Но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Жизненныя назрѣвшія требованія въ ящикъ подъ замокъ не спрячешь. Съ этими требованіями духовному вѣдомству придется такъ или иначе всегда считаться. Пусть со-

временные реформатары учтутъ это обстоятельство, и тогда передъ ними раскроются совсѣмъ иныя перспективы.

Надо быть слѣпымъ, чтобы не усмотрѣть, что среди нашего духовенства за послѣдніе годы чрезвычайно возросла потребность въ болѣе широкомъ образовании, чѣмъ то, которое давала до послѣдняго времени наша духовная школа, занимавшаяся преимущественно «атрофированіемъ мозговъ».

Въ отвѣтъ на стремленіе въ университеты Синодъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Теперь и духовныя школы повернули на старый ладъ.

А что же въ результатѣ? Семинаріи пустуютъ, лицъ съ богословскимъ образованіемъ для замѣщенія пастырскихъ должностей не хватаетъ, и, конечно, параллельно съ новыми мѣропріятіями этотъ недостатокъ будетъ ощущаться все сильнѣе и сильнѣе. Синодъ, правда, нынѣ усиленно озабоченъ «упрощеннымъ» изготовленіемъ пастырей безъ богословскаго ценза, какъ свидѣтельствуютъ факты, приводимые *Вѣстникомъ Воспитанія* въ январской книгѣ за 1909 г. Но неужели это—въ интересахъ духовнаго вѣдомства?

Шлагбаумы мысли.

(По поводу книги Котовича „Духовная цензура“).

Наконецъ, «нескромные взоры» проникли и въ церковные архивы. Книга г. Котовича раскрываетъ передъ нами цѣлую сокровищницу данныхъ для характеристики тѣхъ «шлагбаумовъ мысли», по выраженію Ив. Аксакова, которыми старый режимъ охранялъ неприкосновенность господствующаго строя. Приходится искренно пожалѣть, что авторъ довелъ свой разсказъ лишь до 1855 года, хотя «благодаря участію въ систематизаціи хранящагося въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода обширнаго архива К. П. Побѣдоносцева», ему извѣстны «по меньшей мѣрѣ самые выдающіеся цензурные эпизоды вплоть до послѣдняго времени». Авторъ, повидимому, не считаетъ возможнымъ опубликованіе въ наши дни этихъ секретныхъ дѣлъ. Но и то, что мы видимъ въ книгѣ г. Котовича, дающей массу сырого необработаннаго матеріала и написанной къ тому же крайне тяжело, такъ ярко рисуетъ наше прошлое, что и за одно это уже можно быть благодарнымъ автору.

Пріемы тѣхъ, кому пришлось играть въ истекшее столѣтіе роль «могильщиковъ» всякаго проявленія «свободомыслія», почти не измѣнялись. Отметая всѣ хронологическія рамки, можно было бы нарисовать одну общую картину, примѣнимую ко всякой эпохѣ. Никогда «шлагбаумы мысли» не раскрывались; ослабѣвалъ временами цензурный гнетъ, и тотчасъ уже вновь возрождались старыя традиціи. Возрождаются онѣ въ прежнемъ объемѣ и нынѣ.

Исторія духовной цензуры далеко не есть только исторія «заживо похороненныхъ и разбитыхъ думъ» отечественныхъ богослововъ: шлагбаумы духовной цен-

зуры останавливали и свѣтскія мысли. Вспомнимъ, какъ «Философическое письмо» Чаадаева вызвало апелляцію духовной власти къ правительству, какъ митрополитъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу «на одинъ стихъ Пушкина въ Онѣгинѣ, тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: «И стая галокъ на крестахъ». Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни».

А сколько такихъ, поистинѣ «анекдотовъ» было въ жизни! Напримѣръ, въ 1834 году въ *Сѣверной Пчелѣ* былъ помѣщенъ разборъ всеобщей исторіи Кирова, составленный, по мнѣнію духовнаго начальства, «въ духѣ, несогласномъ съ св. писаніемъ, насчетъ истинъ коего встрѣчаются въ разборѣ даже непристойныя, ни зрѣлаго сужденія ни благонамѣренности не обнаруживающія выраженія». Критикъ *Сѣверной Пчелы* привѣтствовалъ Кирова за то, что онъ, начиная лѣтосчисленіе съ Р. Х., «избѣжалъ большого неудобства лѣтосчисленія съ перваго дня сотворенія міра», за то, что онъ «избавилъ себя отъ безполезнаго труда разсказывать событія первыхъ вѣковъ міра, недоступныя для исторической критики». «Чтеніе сего разбора, — заявляло отношеніе оберъ-прокурора Нечаева,—можетъ оскорбить всякаго благочестиваго читателя, а самая книга г. Кирова... можетъ имѣть вредное вліяніе на образъ мыслей неопытныхъ и породить между народомъ недовѣрчивость къ св. писанію, въ такое время, когда благочестивѣйшій государь ревностно дѣйствуетъ къ утвержденію и огражденію вѣры въ государствѣ». Синодъ рекомендуетъ запретить книгу и «обратить вниманіе также на автора книги и писавшаго разборъ оной, а равно и на обоихъ цензоровъ и самого редактора *Сѣверной Пчелы*».

Въ 1849 г. духовная цензура была поставлена въ близкія отношенія къ цензурѣ гражданской къ знаменитому Бутурлинскому комитету 2 апрѣля 48 года. Началась тогда хорошо извѣстная вакханалія цензурныхъ гоненій, когда даже выдержки изъ благонамѣреннаго Карамзина почитались нерѣдко крамольными.

Духовная цензура всегда давала много очковъ впередъ цензурѣ гражданской: первая, по замѣчанію цензора Никитенко, всегда готова была «растерзать бѣдную книгу». Даже такое отдаленное прошлое, какъ сочиненія Максима Грека, подвергались запрету: и здѣсь цен-

зура находила слишкомъ «свѣжія мысли», которыми неблагонамѣренные люди могутъ воспользоваться къ уничтоженію верховной власти.

Девизомъ духовной цензуры было прежде всего отрицаніе науки: вѣдь «наука творитъ людей сварливыхъ... презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ» Церковь — душа» государства,— говорилъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ Протасовъ. «Каждая наука» должна убѣждать «въ необходимости божественнаго откровенія». А «для такого благотворнаго вліянія... недостаточно только избѣгать въ наукѣ порицанія истинъ вѣры; нужно излагать науку именно въ ихъ защиту». Въ результатѣ, какъ мы знаемъ, явились гоненія на исторію, философію, политическую экономію, право, астрономію и т. д.

Для того, чтобы вліяніе церкви было твердо, необходимо установить полное единообразіе прежде всего въ богословіи. «Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно»,— написалъ на одномъ изъ докладовъ Николай I. Отсюда все, что возбуждаетъ «соблазнъ», должно исключаться изъ книгъ. Въ 1850 г. запрещается печатаніе рукописи «Постъ въ историческомъ развитіи» «обозрѣніе частныхъ уставовъ различныхъ иноческихъ обителей,— говорится въ замѣчаніяхъ цензора, — только подаетъ мысль о несогласіи и о неопредѣленности въ церкви относительно поста». Въ томъ же году духовно-цензурнымъ комитетомъ дается предписаніе при разсмотрѣніи проповѣдей, словъ и рѣчей духовенства «усугублять все вниманіе къ тому, дабы въ нихъ не были допускаемы разсужденія, которыя по отвлеченности и неудобопонятности могутъ возбуждать въ читателяхъ превратныя мысли и толки». Вызвано было это распоряженіе актовой рѣчью ректора Могилевской семинаріи Серафима о свободѣ воли. «Великіе дѣйствователи — благотворители человѣчества — это Солонъ, Ликургъ, Нума Помпилій, М. Аврелій, Теинъ, Альфредъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный», сказалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи Серафимъ. Цензура нашла, что «такое сопоставленіе или смѣшеніе лицъ изъ язычества и христіанства невыгодно для истины и особенно неприлично сочинителю по его сану». По поводу сочиненія прот. Вер-

шинскаго «О таинствѣ евхаристіи» петербургскій цензоръ арх. І. Соколовъ (1850 г.), признавая «ученость, зрѣлость сужденія и основательность» автора, считалъ нужнымъ запретить книгу: «своимъ полемическимъ направленіемъ сочиненіе можетъ возбудить только излишне интимные вопросы въ кругу православныхъ читателей... предрасположить къ исканію собственныхъ убѣжденій, не всегда безопасному и въ нѣдрахъ нашей православной церкви ненужному и неумѣстному. Неумѣстной была найдена и работа прот. Троянскаго «Слово Божіе» (1847 г.) по анологическимъ соображеніямъ. Сочиненіе автора содержало разговоръ доктора съ священникомъ о богодухновенности св. писанія. «Первый возражаетъ, какъ вольнодумецъ, — пишетъ цензоръ Окуневъ, — собирая все, что могло изобрѣсти киченіе лжеименного человѣческаго разума и злого человѣческаго сердца. Послѣдній это опровергаетъ. Но, судя по тому, что зло прививается скорѣе добра... рукопись больше можетъ принести вреда возраженіями... чѣмъ пользы отвѣтами... и можетъ соблазнить народъ, неутвержденный въ вѣрѣ, по крайней мѣрѣ, подать поводъ къ излишнимъ о столь важномъ предметѣ спорамъ и разговорамъ. Къ тому же богословская полемика есть предметъ не народный и смотрѣть на слово Божіе со стороны невѣрія и соблазна было бы при нашей народной вѣрѣ и благочестіи и неумѣстно и небезопасно». По поводу брошюры «Что говоритъ писаніе о спасеніи грѣшника?» (1841 г.) цензоръ Делекторскій призналъ ее вредной потому, что въ этомъ сочиненіи «говорится о спасеніи грѣшника на первыхъ шестнадцати страницахъ съ отрицательной стороны. Слѣдственно, оно больше разрушаетъ, нежели создаетъ».

Правящія церковныя сферы по всѣмъ новымъ вопросамъ догматическаго характера предпочитали отвѣчать молчаніемъ: этимъ обезпечивалась устойчивость и неподвижность православія, въ этомъ видѣли карантинъ отъ «навязчивыхъ мыслей». Когда на греческомъ востокѣ поднялись страстные споры о позволительности для христіанъ клятвы, вызванные переводомъ на греческій языкъ катехизиса Филарета, Протасовъ на категорическій вопросъ: что скажетъ Синодъ? — писалъ: «нѣтъ другого врачевства въ настоящее время, какъ только молчаніе». Такой отвѣтъ былъ вызванъ тѣмъ,

что «настоящее положеніе греческой церкви не представляетъ благопріятныхъ условій для переписки съ нею по догматическимъ разногласіямъ» Такой же отвѣтъ послѣдовалъ на окружное посланіе патріарховъ по поводу энциклики папы Пія IX по вопросу о догматѣ о непорочномъ зачатіи, о главенствѣ папы и т. д.

Стремленіе охранить «достоинство и неприкосновенность» св. писанія и вѣры какъ нельзя лучше можетъ быть охарактеризовано затрудненіями, которыя встрѣтилъ катехизисъ Филарета. Изданный въ 1823 г. послѣ цѣлаго ряда «гоненій» съ разрѣшенія и одобренія Синода, черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ катехизисъ былъ развѣнчанъ.

Опалѣ подвергалась сокращенная редакція катехизиса, напечатанная гражданскимъ шрифтомъ и съ текстомъ на русскомъ языкѣ. Шишковъ препроводилъ это изданіе, какъ новѣйшее доказательство революціонныхъ замысловъ «библеискихъ обществъ». «въ катехизисѣ переложены на простой языкъ и переиначены молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною». Было найдено, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ катехизисъ отступаетъ отъ ученія церкви. Въ доказательство приводились «двусмыслія», найденныя, напр., въ утвержденіи: «лучшее ученіе о благочестіи есть христіанское». Катехизисъ былъ конфискованъ Вновь съ исправленіемъ катехизисъ былъ изданъ въ 1827—28 г. Прошло десять лѣтъ, и катехизисъ былъ вновь уличенъ въ недостаткѣ уваженія къ церковному преданію Въ 1848 г явилась уже опредѣленная мысль замѣнить «лютеранскій» катехизисъ Филарета другимъ.

По поводу всего этого А. И. Тургеневъ писалъ: «Я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катехизисъ съ перемѣной министровъ и оберъ-прокуроровъ.. Чѣмъ больше старѣю и размышляю, тѣмъ больше проникаюсь къ христіанскому ученію и тѣмъ больше убѣждаюсь, что въ церковникахъ мало вѣры и что для нихъ она не цѣль, а средство». Если «высшія соображенія» членовъ Синода такимъ образомъ отзывались на трудахъ столь высокопоставленнаго и авторитетнаго митрополита — столпа православія, что же должны были испытывать другіе оте-

чественные богословы, творенія которыхъ по большей части признавались лишь «пустыми мудрствованіями»?..

Любопытно, что «непосвященные» современники не вѣрили разсказанной исторіи съ Филаретскимъ катехизисомъ. Цензоръ 30-хъ годовъ архим. Климентъ по поводу нѣмецкаго перевода катехизиса замѣчалъ: «Переводчикъ разсказываетъ неизвѣстную мнѣ повѣсть, будто въ теченіе времени послѣ изданія катехизиса какіе-то невѣжды вооружались противъ сего катехизиса».

Было отчего приходить въ «отчаяніе». Мы знаемъ, что представляли собой 40-е годы; но тогдашнимъ современникамъ - богословамъ эта эпоха представлялась «тихой и не суровой погодой». «Это была вьюга на вьюгѣ — громъ за громомъ», вспоминалъ цензоръ Инокеннтій о 20-хъ годахъ.

Тургеневъ въ своемъ отзывѣ былъ болѣе, чѣмъ правъ — дѣятельность духовной цензуры было въ полномъ смыслѣ слова приспособленіе къ видамъ правительственнымъ. Цензоръ арх. Платонъ въ 1835 г., разсматривая одну переводную книгу изъ области христіанской этики, особенно останавливается на мѣстахъ «неблагопріятныхъ гражданскому правительству». Въ § 403, говорится въ отзывѣ, внушается, что рабы, если только позволяютъ обстоятельства, должны стремиться къ своей свободѣ. Сколь вредныя могутъ произойти слѣдствія отъ сего внушенія, — это для всякаго очевидно. Между тѣмъ, по ученію слова Божія, и рабы могутъ достигать вѣчнаго спасенія. Апостолъ ясно говорилъ: «Каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ».

Какъ извѣстно, это именно и было девизомъ николаевскаго царствованія... «Въ § 269 издатель замѣчаетъ, что публичныя лотереи суть самые вѣрные способы развращенія народа... Такимъ замѣчаніемъ издатель явно наноситъ безчестіе нашему правительству, ибо оно не разъ дозволяло производить лотереи. Въ § 455 сказано, что разумное и свободное существо никогда столько не унижаетъ своего достоинства, какъ когда разумъ свой безусловно подчиняетъ чужому разуму и волю свою—волѣ другихъ. Эта мысль не только несовмѣстима съ воинской дисциплиной, но и вообще со строгою покорностью власти, особенно самодержавной».

По поводу перевода съ французскаго «Исторіи церкви временъ апостольскихъ» цензоръ арх. Климентъ въ 1839 г. усмотрѣлъ противные христіанскимъ чувствамъ «выходки противъ богатыхъ, именно суровыя ихъ обличенія». Въ книгѣ, пишетъ онъ, «доказывается превосходство христіанской религіи тою несправедливою мыслью, будто христіанство уничтожило неравенство состояній и преподало высокое ученіе—источникъ равенства по естеству, заглушенное въ сердцахъ людей варварскими постановленіями».

Цензоръ арх. Іоаннъ Соколовъ въ 1854 г настойчиво требуетъ изъятія изъ исторіи русской церкви Филарета харьковскаго фразъ: «Христіанство уравниваетъ боярина и князя съ послѣднимъ рабомъ передъ лицомъ Господа въ правахъ на благодать его». Тотъ же цензоръ принципіально считаетъ недопустимымъ полемику съ извѣстными западными идеями о равенствѣ людей вообще». «Русскому обществу чужды такія идеи, слѣдовательно, нѣтъ надобности и опровергать ихъ публично, а знакомить съ такими идеями массу разнородныхъ читателей посредствомъ печати и вовсе не нужно. Притомъ эти идеи и на Западѣ уже обезсилены надлежащими мѣрами правительства и презрѣніемъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Къ чему же поднимать вопросъ о такихъ предметахъ у насъ?»

При описываемыхъ условіяхъ трудно было быть цензоромъ, такъ какъ при самомъ строгомъ и придирчивомъ отношеніи можно было попасть въ просакъ. Требовалось, конечно, большое умѣнье, чтобы уловить настроеніе въ руководящихся сферахъ и во-время къ нимъ подладиться. «Литературное дѣло» было дѣломъ опаснымъ: «члены цензурныхъ комитетовъ боязливо переворачивали каждую рукопись и такъ и сякъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже годамъ, не зная, что съ ней дѣлать, обраковать или пропустить въ печать, особенно опасались пропустить и нарочно придумывали разные предлоги для того, чтобы какъ-нибудь отсунуть отъ себя». И браковались рукописи безжалостно; держали ихъ въ цензурѣ дѣйствительно годами. Одна, напримѣръ, рукопись въ петербургской академіи пролежала шесть лѣтъ; переводъ бесѣдъ на евангеліе Іоанна Богослова пробылъ 4 года въ с.-петербургскомъ комитетѣ; для усовершенствованія онъ въ 1844 г. былъ отпра-

вленъ въ Кіевъ, гдѣ и пробылъ вновь 10 лѣтъ. Рецензенты признали переводъ неудовлетворительнымъ и перевели заново съ оригинала. Ихъ трудъ былъ отосланъ въ петербургскій комитетъ. Синодъ поручилъ комитету возвратить рукопись «въ скорѣйшемъ по возможности времени» И это скорѣйшее время продолжалось болѣе пяти лѣтъ. Въ петербургской цензурѣ того времени одна рукопись пролежала 13 лѣтъ. У митр. Филарета сокращенная догматика Макарія пробыла 10 лѣтъ (по 1863 г.). Не даромъ возвращеніе рукописи называлось похищеніемъ изъ «плѣна цензуры». Такой медлительностью цензура надѣялась освободить автора отъ выраженія «дикихъ мыслей»; по этому поводу одинъ изъ цензоровъ 50-хъ годовъ прот М. Богословскій писалъ позднѣе (уже 1875 года) Побѣдоносцеву: «Прежде умные люди творенія свои зарывали въ землю лѣтъ на десять и болѣе и потомъ послѣ строгаго пересмотра пускали въ свѣтъ; а нынѣ умники лишь только зародится въ головѣ мысль, какъ бы дика ни была она, сейчасъ даютъ ей ходъ, обращаютъ ее въ вопросъ и назойливо требуютъ поклоненія своей идейкѣ».

Духовная цензура не ограничивалась пропускомъ или запретомъ сочиненія, она его также и исправляла соотвѣтственно своимъ вкусамъ и понятіямъ. Литературные «дефекты» и въ особенности «недобрата» слога часто служили благовиднымъ поводомъ для отклоненія представляемой рукописи. Въ 1839 г. цензоръ Соколовъ на одномъ сочиненіи отмѣтилъ семнадцать группъ недостатковъ, среди которыхъ фигурируютъ: тождесловныя мысли, слова, расположенныя неправильно, погрѣшности противъ грамматики и т. д. «Простота языка», несоотвѣтствующая важности, какой требуютъ «предметы христіанскихъ наставленій», также нерѣдко служили причиной запрещенія сочиненій. Цензоръ Голубинскій исправлялъ одно пасхальное стихотвореніе на томъ основаніи, что въ немъ не хороша риѳма; по поводу одного стиха онъ замѣчалъ: «коверъ нельзя назвать твореніемъ рукъ вел. кн. Маріи,— вышить не значитъ сотворить». Цензоръ Делицынъ въ 30—40-хъ гг., изгоняя «подлыя и грубыя слова», запрещалъ употребленіе не русскихъ словъ, какъ-то: герой, идея, система, гармонія, натурализмъ, патріотизмъ, контора; онъ исправлялъ оттѣнки въ оборотахъ рѣчи

по своему усмотрѣнію, разбивалъ періоды на отдѣльныя предложенія.

Немудрено, что такіе придирчивые пріемы цензурнаго вѣдомства вызывали протестъ даже у молчаливыхъ по большей части современниковъ. Одинъ изъ пострадавшихъ, т. сов. Стурдза писалъ въ 1846 г Протасову· «образъ сужденія и пріемы нашихъ духовныхъ цензуръ вовсе для меня неизъяснимы· цензура рѣшительно не знаетъ или не хочетъ знать, что цензура никогда не должна быть критикою. Цензура должна ручаться за безвредность подлежащихъ ея разсмотрѣнію сочиненій; за полноту же оныхъ, за изящество, отдѣлку и слогъ она ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ. Пока цензоры духовные и свѣтскіе не убѣдятся въ этой простой истинѣ, до тѣхъ поръ у насъ на святой Руси не будетъ ни духовной ни свѣтской литературы.. Цензура возвращаетъ иногда рукопись съ грубыми и колкими на поляхъ отмѣтками». Даже Филаретъ однажды вынужденъ былъ возразить цензурѣ: «кажется цензурный уставъ не обязываетъ цензора требовать отъ сочинителя-купца такой систематической точности, какъ отъ доктора и магистра. Замѣчаніе о буквѣ *ѣ* вмѣсто *е* и о препинательномъ знакѣ такъ ли важны, чтобы затруднить одобреніе книги къ напечатанію?»

Послѣ всего приведеннаго можно и не говорить о вліяніи, какое имѣла духовная цензура на развитіе богословской науки.

Ея не могло быть въ то время, когда попросту было опасно высказывать какія-либо самостоятельные взгляды: вѣдь каждому богослову всегда грозила опасность, что его «спятятъ въ Спасо-Евѳиміевъ», т.-е. въ знаменитую суздальскую монастырскую тюрьму. Митрополитъ Серафимъ въ 1839 году открыто грозилъ такой карой одному переводчику, проявившему «безумный фанатизмъ».

Духовная цензура, какъ мы видѣли, охраняла достоинство и неприкосновенность св. писанія; охраняла отъ любопытныхъ взоровъ изслѣдователей все прошлое и все настоящее, охраняла съ такими стараніями, что изгоняла даже «свѣжія» мысли въ сочиненіяхъ Максима Грека, обезвреживала старинныя рукописи (дѣло патріарха Никона въ цензурѣ митрополита Филарета проле-

жало болѣе 7 лѣтъ); тщательно устранялась всякая попытка освѣтить современное положеніе церкви, и въ результатѣ о русскомъ расколѣ тайная полиція знала больше, чѣмъ профессора церковной исторіи въ высшемъ духовномъ заведеніи.

Чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ запретительную дѣятельность духовной цензуры, необходимо припомнить еще одну подробность: для охраненія достоинства сана духовныхъ литераторовъ въ 1822 г. было установлено правило, что сочиненія духовенства предварительно разсматриваются епархіальными архіереями. Безъ епископской резолюціи рукописи духовныхъ авторовъ не принимались къ разсмотрѣнію. Такимъ образомъ была установлена двойная цензура.

Итакъ, «карантины отъ приманчивыхъ мыслей стояли твердо», какъ того желалъ прот. Богословскій въ уже цитированномъ письмѣ къ Побѣдоносцеву.

Интересно, что правительственная комиссія 1870 г. о духовной цензурѣ сама должна была признать, что предварительная цензура, не предотвращая вреда, не приносила и желаемой отъ нея пользы: «цензура» принижаетъ всякую мысль, всякую пытливость; «она» притупляетъ всякую энергію въ писательствѣ. Между тѣмъ, какъ указывала комиссія, «во всѣ періоды исторіи церкви... менѣе достоуважаемымъ являются тѣ, въ которые не положено никакого вклада въ сокровищницу ученія».

Это указаніе слѣдовало бы помнить любителямъ всякаго рода реставрацій, столь быстро забывающимъ уроки прошлаго.

Какъ иронически звучатъ въ наши дни слова, сказанныя еще Александромъ I въ 1808 г. членамъ комитета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. «Я, предоставя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣлъ въ виду то удовольствіе, что они при распространеніи народнаго просвѣщенія всегда будутъ стараться итти попрежнему впередъ». Эта возможность «итти впередъ», однако, неуклонно пресѣкалась въ періодъ всего истекшаго прошлаго.

Мертвенность и застой богословской науки—таковы были реальные результаты этой политики. И не могло быть иначе, когда цѣлыя поколѣнія воспитывались на средневѣковой схоластикѣ.

Мы присутствуемъ при полномъ возрожденіи старыхъ традицій; мы слышимъ изъ устъ современныхъ дѣятелей тѣ же аргументы, что въ свое время развивалъ Протасовъ и Фотій. Твердо, видимо, укоренились у насъ эти «незабвенныя мысли незабвенныхъ людей». Фотій заподозрѣвалъ въ «неправомысліи» всѣхъ профессоровъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Не то же ли самое было высказано въ отчетахъ современныхъ синодальныхъ ревизоровъ? Въ былые годы изъ духовныхъ академій изгоняли профессоровъ за то, что нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ отнестись критически къ проповѣдямъ митрополита Филарета.

Но и не такъ еще давно проф. Голубинскій долженъ былъ покинуть московскую академію потому, что не считалъ историческими разсказы о проповѣди апостола Андрея въ Кіевѣ»; теперешній проф. Петербургскаго университета И. Д Андреевъ (бывш. проф. московской духовной академіи), получилъ выговоръ, между прочимъ, за то, что позволилъ себѣ въ диссертаціи сказать о императорѣ Ѳеодосіи: «съ его капризами трудно было ладить».

Гдѣ уже при такихъ условіяхъ было думать о свободномъ изслѣдованіи?!

Конечно, теперь уже духовныя академіи и вовсе не ограждены отъ повторенія аналогичныхъ преслѣдованій.

Мы наканунѣ коренной чистки духовныхъ академій: заслушавъ отчетъ ревизоровъ, Синодъ уже многимъ профессорамъ вынесъ осужденіе. За что? а за то именно, за что преслѣдовались они въ эпоху «мракобѣсія», которую хотятъ нынѣ возродить: крамольные профессора позволяютъ себѣ увлекаться древней литературой и философіей.

«Излишняя уступчивость и какъ бы угодливая снисходительность въ отношеніи къ философическимъ воззрѣніямъ и требованіямъ міра»,—подрываетъ православіе, какъ заявлялъ въ 1861 году оберъ-прокуроръ Синода гр. Толстой. Цѣлость православія можетъ гарантировать лишь схоластическое трактованіе разъ навсегда утвержденныхъ церковью догматическихъ формулъ и терминовъ. Таковы «традиціи церкви». Къ нимъ и взываетъ московскій митрополитъ Владиміръ, поддержавшій ходатайство союза русскаго народа по поводу диссертаціи Д. Г. Коновалова. Традиціи церкви, это — бастилія духа.

Должны ли мы, однако, сожалѣть, что между православіемъ и современностью вновь вырывается непроходимая пропасть?

Знаменитый Аскоченскій, издатель журнала *Домашняя бесѣда* въ 50—60-хъ годахъ, «одинъ изъ многочисленныхъ отечественныхъ» доносителей, писалъ тѣмъ, которые стремились перебросить мостъ отъ православія къ «супротивному стану»: «Воинствующая церковь всегда воевала съ современностью. А вы, близорукіе учителя, хотите помирить ее съ этимъ многоглавымъ чудищемъ, хотите заставить ее постыдно сдаться и такимъ образомъ лишить побѣднаго вѣнца ..

Нѣтъ, не лишайте воинствующую церковь «побѣднаго вѣнца», не воскрешайте мертваго! Этотъ вѣнецъ, въ видѣ Бастиліи духа, лишь въ пользу свободной науки.

12 марта 1909 г

Новая угроза свободѣ совѣсти.

Со всѣхъ сторонъ ползутъ на насъ призраки прошлаго. Дыханіе реакціи проникаетъ все глубже и глубже въ русскую жизнь.

Вникните въ послѣднее постановленіе Синода о признаніи секты «Новый Израиль» «весьма вредной», и передъ вами предстанетъ зловѣщее предзнаменованіе, казалось бы, отжившаго прошлаго. Синодъ постановилъ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о своемъ постановленіи. Что же скрывается за этимъ лаконическимъ сообщеніемъ? А это значитъ, говоря словами противосектантской комиссіи кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, что къ упомянутой сектѣ не могутъ быть примѣнены правила о легализаціи сектантскихъ общинъ по закону 17 октября 1906 г. Цѣлая группа сектантовъ, такимъ образомъ, должна, по мнѣнію съѣзда, попасть въ положеніе изгоевъ, лишенныхъ вѣроисповѣдныхъ правъ.

Законна ли, однако, такая попытка со стороны Синода реализировать въ жизни постановленія кіевскаго миссіонерскаго съѣзда.

Синодъ, утверждая резолюціи съѣзда, вспомнилъ, очевидно, о забытомъ и, конечно, отмѣненномъ всѣми послѣдними законодательными актами положеніи Комитета Министровъ 4 іюня 1894 г., по которому министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Синода было предоставлено право признать секту штунду вредной и воспретить штундистамъ общественныя молитвенныя собранія. Закономъ 1894 года, изданнымъ, кстати сказать, какъ въ свое время было выяснено К. К. Арсеньевымъ, безъ соблюденія установленнаго порядка, не преминули воспользоваться, и вскорѣ же появился соотвѣтствующій министерскій циркуляръ. Начались гоненія на штундистовъ. И не на штундистовъ только. Практика придала чрезвычайно распространенное толкованіе циркуляру. Дѣлалось это чрез-

вычайно упрощеннымъ путемъ. Все рационалистическое сектантство было зачислено въ штундизмъ, въ каждой сектантской ячейкѣ, въ идеологіи которой можно было найти какой-либо намекъ на соціально-общественныя основы, миссіонеры-эксперты усматривали признаки, характеризовавшіе штунду по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ Стоило прибавить къ тому или иному наименованію секты терминъ «штунда», и дѣло было въ шляпѣ: сектантъ подходилъ подъ дѣйствіе закона 1894 г. [1]).

Повидимому, о возрожденіи этой практики и мечталъ кіевскій миссіонерскій съѣздъ. Однако, съ точки зрѣнія законности, на которой могъ бы основать свои вожделѣнія съѣздъ, встрѣчается одно небольшое, но существенное препятствіе,—законъ отмѣненъ. Но если бы законъ даже не былъ отмѣненъ, то «Новый Израиль», противъ котораго такъ ополчился съѣздъ, при всемъ желаніи не могъ бы подойти подъ дѣйствіе закона 1894 года. Распространительное толкованіе закона, которое мы наблюдаемъ въ прежніе годы, вѣдь это—не болѣе какъ административное злоупотребленіе. Слѣдовательно, въ счетъ оно не можетъ итти. Законъ 1894 г. говорилъ только о штундѣ; для того, чтобы лишить и при старомъ режимѣ послѣдователей «Новаго Израиля» тѣхъ вѣроисповѣдныхъ правъ, которыя предоставлялъ всѣмъ сектантамъ законъ 3 мая 1883 г., надо было бы издать еще одинъ спеціальный законъ, наподобіе закона о штундистахъ. Это явствуетъ уже изъ того, что во второй редакціи закона 3 мая 1883 года было устранено прежде существовавшее разграниченіе сектъ на болѣе или менѣе вредныя. Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ, не вводя въ законъ признаковъ такого дѣленія, опредѣлять въ *отдѣльности* вредность той или другой секты. Отсюда ясно, что всѣ сектанты получили право пользоваться льготами, установленными для нихъ закономъ 3 мая.

Послѣднее синодское опредѣленіе, не имѣя подъ собой, такимъ образомъ, никакого законнаго основанія, чрезвычайно характерно въ томъ отношеніи, что оно еще лишній разъ ярко подчеркиваетъ тенденцію, про-

---

[1]) См. статью „Штундисты или баптисты“ въ первомъ нашемъ сборникѣ.

явившуюся на кіевскомъ съѣздѣ, вернуться въ полномъ смыслѣ слова къ дореформеннымъ порядкамъ, т.-е. къ эпохѣ николаевскаго режима. Наши реакціонные круги лелѣютъ мысль вновь возродить въ законодательствѣ о сектантахъ группу особо вредныхъ сектъ. Насколько это умѣстно при существованіи «незыблемыхъ» основъ свободы совѣсти и «конституціоннаго режима», пусть судятъ тѣ, которымъ придется отвѣчать на призывъ, идущій со стороны Синода.

Синодъ своимъ постановленіемъ какъ бы призываетъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ откликнуться, но по точному смыслу закона свѣтская власть можетъ реагировать лишь молчаніемъ.

Почему же именно на «Новый Израиль» обращено усиленное вниманіе со стороны Синода? Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ для объективной характеристики этой секты. Кіевскій миссіонерскій съѣздъ призналъ ее сектой хлыстовской, соединенной съ «гнусными и противо-нравственными дѣйствіями». Въ наиболѣе полномъ отчетѣ о съѣздѣ, напечатанномъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, упоминается кровосмѣшеніе, многоженство, растлѣніе дѣтей, раздѣваніе донага. Фактовъ какихъ-либо не приводится; мы встрѣчаемся, что и бываетъ почти обычнымъ явленіемъ, лишь съ голословнымъ перечисленіемъ признаковъ. Сами сектанты, какъ говорится въ газетномъ сообщеніи о синодскомъ опредѣленіи, «узнавъ о томъ, что Синодъ будетъ имѣть сужденіе относительно ихъ вѣроученія, представили на имя оберъ-прокурора Синода докладную записку, въ которой объяснили, что постановленіе миссіонерскаго съѣзда о развращающемъ и антирелигіозномъ вліяніи секты не имѣетъ никакихъ основаній . Въ данномъ случаѣ нельзя не учитывать одного обстоятельства. Неоспоримо, что всѣ подобныя обвиненія, идущія отъ миссіонеровъ, по отношенію къ сектантамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, если даже не всегда, не основываются на конкретныхъ данныхъ. Кажется, ни одинъ изъ нашихъ миссіонеровъ, съ такой подробностью передающихъ различныя проявленія противонравственныхъ дѣйствій въ тѣхъ или иныхъ сектантскихъ общинахъ, воочію ничего этого не видалъ. И по понятной причинѣ: «волкъ въ овечьей шкурѣ», какъ характеризовалъ А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ мис-

сіонера, являющагося къ сектанту, никогда не получитъ доступа на такое собраніе. И передаютъ миссіонеры «фактъ» по слухамъ, передаютъ, какъ доказано документально, иногда на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ XVIII вѣка, данныхъ, къ тому же подложныхъ. Нерѣдко всѣ подобныя обвиненія являются не болѣе какъ плодомъ досужей фантазіи или слишкомъ услужливой изобрѣтательности. На основаніи этихъ данныхъ въ прежніе годы строились обвиненія, а сектанты заносились въ проскрипціонные списки «особо вредныхъ» [1]).

Между тѣмъ и при старомъ порядкѣ, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, для обвиненія сектанта въ противонравственныхъ дѣйствіяхъ должны быть точно установлены практическія проявленія такихъ дѣйствій, отдѣльные и конкретные факты.

И вотъ, послѣ категорическаго признанія Комитета Министровъ въ періодъ разработки новой вѣроисповѣдной реформы, что религіозная свобода не можетъ быть стѣснена до тѣхъ поръ, «пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ», и что въ уголовномъ порядкѣ должно преслѣдовать именно отдѣльныхъ лицъ за тѣ проступки, въ которыхъ противозаконная ихъ дѣятельность проявится»,— мы видимъ попытку, согласно старымъ традиціямъ, вернуться къ весьма опаснымъ обобщеніямъ, основаннымъ на болѣе чѣмъ сомнительныхъ данныхъ.

Нельзя не отмѣтить еще одного: въ цитированномъ выше отчетѣ *Церковныхъ Вѣдомостей* есть одинъ пунктъ, который многое можетъ объяснить.

Миссіонеры усмотрѣли въ ученіи секты «Новый Израиль» проповѣдь о соціальномъ равенствѣ. Не зарыта ли именно здѣсь собака? Вспомнимъ, что шумное гоненіе штундистовъ въ 90-хъ годахъ было вызвано ихъ якобы политической неблагонадежностью. Быть-можетъ, и въ судьбѣ, постигшей «Новый Израиль», можно усмотрѣть тенденцію возродить игравшіе первенствующую роль въ былые годы политическіе мотивы для ограниченія вѣроисповѣдныхъ правъ сектантовъ?

Caveant consules!

20 января 1909 г.

[1]) См. статью „Изувѣрныя секты, и вѣротерпимость“ въ первомъ сборникѣ.

Свобода совѣсти.

(1 января 1909 года)

Нѣсколько иронически, пожалуй, звучитъ такой заголовокъ для новогодняго обзора. Можно ли и стоитъ ли говорить въ наши дни о свободѣ совѣсти? Вѣдь свобода совѣсти есть лишь одно изъ звеньевъ среди другихъ основныхъ правъ человѣка и гражданина. И свобода совѣсти не можетъ быть тамъ, гдѣ попраны эти права. У насъ ея нѣтъ и не будетъ ея до тѣхъ поръ, пока государственный корабль не возьметъ твердаго конституціоннаго курса.

За истекшее прошлое религія насильственно привязывалась къ политикѣ; религіей пользовались, какъ орудіемъ властвованія, а потому полицейская рука такъ охотно копошилась въ тайникахъ души у русскихъ гражданъ. Къ той же цѣли она по старой традиціи все еще стремится и теперь: казенное тавро благонадежности должно лежать на каждомъ вѣроисповѣданіи.

Такая точка зрѣнія нашла себѣ достаточно яркое воплощеніе даже въ работахъ думскихъ комиссій, занимающихся постатейнымъ разсмотрѣніемъ министерскихъ законопроектовъ. Боязливо отступая иногда отъ тѣхъ «вѣковыхъ связей», которыя диктовали составителямъ министерскихъ законопроектовъ требованія охранять въ сущности полицейскими мѣрами пріоритетъ господствующей церкви во имя неприкосновенности нравственныхъ устоевъ современнаго общества, думскія комиссіи не идутъ въ своихъ новшествахъ далѣе того, что допускаютъ нѣкоторые всѣми признанные устарѣвшими западно-европейскіе кодексы. Но и осуществленіе этихъ умѣренныхъ требованій въ жизни болѣе чѣмъ проблематично. Слишкомъ уже податливо

думское большинство на перемѣнчивыя настроенія правящихъ сферъ. Компромиссы столь всеобъемлющи, что отъ незначительной критики министерскихъ законопроектовъ въ думскихъ комиссіяхъ въ дѣйствительности можетъ ничего не остаться. Принятіе же министерскихъ законопроектовъ равносильно отказу отъ основныхъ принциповъ, вытекающихъ изъ признанія свободы совѣсти.

Вспомнимъ между тѣмъ, что и на министерскіе законопроекты идетъ усиленный натискъ со стороны темной реакціи. Сумѣетъ ли третья Дума отстоять даже эти проекты? Налицо имѣется цѣлый рядъ неблагопріятныхъ симптомовъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ жизни уже чувствуются реальные отзвуки кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, на которомъ такъ властно и авторитетно прозвучалъ голосъ, зовущій свѣтскій мечъ стоять на стражѣ охраны устоевъ стараго режима. Голосъ прозвучалъ со стороны тѣхъ, кто на развалинахъ несбывшихся надеждъ русскаго общества почувствовали себя временно господами положенія.

Кіевскій съѣздъ вызвалъ изъ могилъ тѣни прошлаго, о которомъ мы стали уже забывать. Эти всѣмъ извѣстныя резолюціи воинствующаго клира отбросили насъ въ такую сторону, что передъ ними погускнѣли всѣ бывшія ранѣе реакціонныя выступленія. Кіевскій съѣздъ на своемъ знамени начерталъ непримиримую борьбу противъ свободы совѣсти; онъ возродилъ старые лозунги религіозной нетерпимости Для руководства въ миссіонерской политикѣ онъ извлекъ изъ архивной пыли и плѣсени завѣты еще петровскаго законодательства, когда «пенязи» являлись главнымъ орудіемъ миссіи, когда путемъ «купли» еретики и язычники приводились «изъ тьмы нечестія во свѣтъ благочестія». Такими же посулами матеріальнаго обезпеченія кіевскій съѣздъ предложилъ зазывать крестьянскія души въ число адептовъ господствующей церкви, начертавъ программу земельныхъ реформъ въ Западномъ краѣ. Эти призывы находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми основами церковнаго обновленія, о необходимости которыхъ еще такъ давно говорилось въ правительственныхъ сферахъ. Еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ противорѣчили они обѣщаніямъ зако-

подательнаго осуществленія принциповъ свободы совѣсти.

И съ понятнымъ интересомъ русское общество ждало и ждетъ отвѣта Правительствующаго Синода на столь нашумѣвшія резолюціи кіевскаго съѣзда. Правда, позиція руководящаго органа господствующей церкви въ новой вѣроисповѣдной политикѣ государства достаточно уже выяснилась послѣ синодскаго опредѣленія, высказавшагося отрицательно по поводу министерскихъ законопроектовъ. Но кіевскій съѣздъ перешелъ мѣру. И теперь прежде всего возникаетъ вопросъ: въ какія же окончательныя формы выльется необходимость *считаться* Синоду съ резолюціями кіевскаго съѣзда? Въ этомъ отношеніи нельзя не считать характернымъ знаменіемъ времени приглашенія въ Синодъ для обсужденія резолюцій съѣзда миссіонера Айвазова, какъ яркаго представителя реакціонныхъ теченій. Такимъ же знаменіемъ времени является финалъ конфликта между духовной и свѣтской властью, разыгравшагося на почвѣ инцидентовъ, связанныхъ съ дѣятельностью іеромонаха Иліодора и епископа Гермогена. А походъ на автономію духовной школы не о томъ ли же свидѣтельствуетъ?

Свобода совѣсти уплываетъ все дальше и дальше. Мы узнаемъ уже о фактахъ запрещенія смѣшанныхъ браковъ. Встаетъ и оживаетъ мрачный призракъ религіозныхъ стѣсненій и преслѣдованій. Преслѣдованія начинаютъ пріобрѣтать систематическій характеръ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты. Все чаще и чаще мы слышимъ вѣсти о закрытіи молитвенныхъ собраній сектантовъ. Министерство Внутреннихъ дѣлъ завалено, какъ сообщаютъ газеты, жалобами на дѣйствія мѣстной администраціи. Но,—что важнѣе всего,—въ преслѣдованіяхъ сектантовъ вновь выдвигаются старые мотивы, объединяющіе политику съ религіей. Напр., орловскій губернаторъ закрылъ молитвенныя собранія баптистовъ въ виду политической неблагонадежности баптистовъ, а кіевскій губернаторъ—за то, что на этихъ собраніяхъ присутствовало нѣсколько человѣкъ православныхъ. Законъ не предусматриваетъ такой аргументаціи И въ данномъ случаѣ даже министерству пришлось разъяснять, что сектантамъ предоставляется, согласно манифестамъ 17 апрѣля и 17 ок-

тября, право свободнаго и безпрепятственнаго исповѣдания ихъ вѣры, что политическая неблагонадежность не можетъ служить препятствіемъ къ совершенію общественныхъ богомоленій [1]), что законъ предоставляетъ право свободнаго перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, что православіе перестало быть состояніемъ кабальнымъ.

Не звучатъ ли анахронизмомъ такія разъясненія черезъ $3^1/_2$ года послѣ провозглашенія свободы совѣсти? Факты, это—жизнь. Подобные факты за прошлый годъ рисуютъ далеко не радужныя перспективы на будущее, такъ какъ и сама теорія начинаетъ походить на эти факты.

Писать въ защиту совѣсти въ наши дни нельзя,—нельзя потому, что трактаты Локка и Вольтера, умѣстные въ XVIII столѣтіи, были бы, пожалуй, слишкомъ элементарны теперь. Нельзя доказывать аксіомы. По отношенію къ вопросамъ о свободѣ совѣсти можно повторить лишь слова Михайловскаго, написанныя почти 30 лѣтъ назадъ: «Необходимость и благотворность свободы печати есть для меня такая же аксіома, какъ дважды два—четыре. Доказывать ее я не умѣю». Равнымъ образомъ и свобода совѣсти не требуетъ доказательствъ. Тѣ, кто ратуютъ противъ нея, ратуютъ потому, что свобода совѣсти, другими словами—свобода религіозной мысли, для нихъ—революціонный принципъ, какъ заявилъ нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ вдохновителей современной реакціи, и поэтому подъ громкой фразеологіей старыя начала религіозной нетерпимости еще долго будутъ жить.

---

[1]) Но по обыкновенію министерство отбираетъ одной рукой то, что даетъ другой. Послѣдній разъяснительный циркуляръ министерства губернаторамъ (февраль 1909) подчеркиваетъ, что молитвенныя собранія сектантовъ, отдѣлившихся отъ православія, не подлежатъ стѣсненію, поскольку сущность ихъ вѣроученія не противорѣчитъ *государственнымъ интересамъ*. А вѣдь это въ сущности значитъ, что наше „конституціонное“ министерство открываетъ широкое поле для примѣненія пріемовъ административнаго усмотрѣнія

Защита свободы совѣсти.

(Нѣсколько итоговъ).

Къ числу немногихъ побѣдъ, достигнутыхъ освободительнымъ движеніемъ, слѣдуетъ отнести провозглашеніе «незыблемыхъ» основъ свободы совѣсти на знамени отечественнаго законодательства.

Въ сущности уступки, сдѣланныя старымъ порядкомъ въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній, носятъ самый безобидный характеръ Свобода совѣсти не затрогиваетъ чьихъ-либо прерогативъ; по основному своему свойству она далека отъ тѣхъ соціальныхъ отношеній, неприкосновенность коихъ защищаютъ такъ страстно люди, все еще стоящіе на томъ берегу. Тѣ средневѣковыя формы, въ которыя выливалась религіозная нетерпимость, присущая до послѣдняго времени нашему законодательству и нашей административной практикѣ, отзываются нынѣ уже такимъ архаизмомъ, что ихъ не возьметъ подъ свою защиту, пожалуй, любой даже изъ самыхъ отсталыхъ руководителей современной правительственной политики.

Монастырскій казематъ, какъ средство борьбы съ проявленіемъ религіознаго разномыслія, переноситъ насъ въ николаевскую эпоху съ ея девизомъ офиціальной народности. Но эта старая теорія сдана въ архивъ собственными ея защитниками. Неразрывныя узы, связавшія православіе и самодержавіе, разрублены уже давно, и въ моментъ, когда на вѣсы положены силы старой и молодой Россіи, когда по всѣмъ швамъ трещатъ соціальныя основы стараго режима и высящаяся надъ нами политическая надстройка, уже не приходится прибѣгать къ младенческой аргументаціи государственныхъ идеологовъ стараго пошиба.

Послѣ всего пережитаго за послѣдніе годы въ Россіи религія уже не можетъ служить орудіемъ властвованія, чтобы поддержать подгнившія стропила стараго зданія, нужны орудія болѣе сильно дѣйствующія, тѣ самыя орудія, которыя въ такомъ изобиліи находятся въ наши дни въ богатомъ арсеналѣ карательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ правительствомъ. Если съ идеями нельзя бороться пушками, то еще въ большей степени является покушеніемъ съ негодными средствами попытка превратить церковь вновь въ слѣпую и безгласную угодницу правящихъ классовъ.

Правда, нѣкоторымъ доморощеннымъ утопистамъ все еще мерещится возможность возродить во всемъ прежнемъ объемѣ и великолѣпіи дореформенной строй: они мечтаютъ превратить церковный амвонъ въ цѣляхъ политической агитаціи въ каѳедру реакціонной демагогіи; они мечтаютъ замкнуть уста всѣмъ инако мыслящимъ и, твердо опираясь по традиціямъ на полицейскую руку, провозгласить тричастную формулу русской государственной идеи, въ свое время вдохновлявшей ихъ предковъ. Но эра казеннаго православія, «разсвѣта» такъ называемой офиціальной вѣры, отжила и канула въ безвозвратное прошлое. «Истинно-русскіе» реформаторы, воспроизводящіе какъ бы по заученной указкѣ «незабвенныя мысли незабвенныхъ людей», живутъ прошлымъ, а не настоящимъ. Если ослабленіе импульса общественной жизни даетъ этимъ «теоретикамъ» прошлаго возможность рисовать себѣ безплодныя, но заманчивыя перспективы будущаго, то трезвая оцѣнка соотношенія реальныхъ силъ въ странѣ разбиваетъ впрахъ мишурныя иллюзіи «самобытныхъ» политиковъ.

И почти внѣ сомнѣнія, что тѣмъ, кому суждено въ наши дни стоять у кормила правительственнаго корабля, отнюдь не представляется желательной полная ликвидація тѣхъ незначительнхъ уступокъ, которыя были сдѣланы за послѣдніе годы въ сферѣ вѣроисповѣдныхъ отношеній. Самый яркій противникъ освободительныхъ вѣяній, знаменующихъ собой пробужденіе спящаго богатыря народа и начало коренной ломки соціально-экономической структуры современнаго общества, неизбѣжно долженъ былъ бы признать вредъ религіозныхъ утѣсненій.

Къ такому сознанію побуждаютъ прежде всего соображенія практическаго характера.

Врядъ ли правящіе круга пожелаютъ разстаться нынѣ съ добрымъ союзникомъ и вновь производить испытанные эксперименты, уже приводившіе къ тому, что друзья оказывались въ лагерѣ враговъ, какъ то было со старообрядческой буржуазіей. Въ этомъ оппозиціонномъ лагерѣ оказывались представители всѣхъ нашихъ религіозныхъ теченій, ибо всѣхъ угнеталъ старый полицейскій режимъ, пытавшійся охватить безчисленными щупальцами спрута свободную мысль, подвести ее подъ общій ранжиръ и закабалить каждое въ томъ вѣроисповѣдаиіи, которое авторизировано было государственной властью. Люди, презиравшіе суетныя блага міра и думавшіе лишь о небесномъ блаженствѣ, попадали въ число политическо-неблагонадежныхъ элементовъ; непротивленцы злу роковымъ образомъ влеклись на путь активной политической дѣятельности и т. д.

Несмотря на пресловутое «успокоеніе», сдѣлавшееся излюбленной темой нашихъ офиціозовъ и правительственныхъ органовъ, Россія и понынѣ представляетъ изъ себя взбаломученное море, иначе и не можетъ быть при тѣхъ мизерныхъ результатахъ, достигнутыхъ за время героической народной борьбы послѣднихъ лѣтъ. То, что временно успокоилось, устало и притаилось въ грозномъ молчаніи, отнюдь не исчезло. Идиллія успокоенія и блаженства народнаго наступила только на устахъ офиціозныхъ бардовъ и не въ мѣру льстивныхъ составителей правительственныхъ виршей.

Перспектива грозныхъ стихійныхъ движеній, раскаты которыхъ доходили до насъ и не разъ уже, остановитъ, вѣроятно, во-время господствующую бюрократію отъ слишкомъ поспѣшной и рѣзкой ликвидаціи прежнихъ уступокъ, которыя, какъ мы знаемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ея представителей, явились результатомъ «несоразмѣрнаго капитуляціоннаго разбѣга правительства». Въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній эта ликвидація и совсѣмъ мало умѣстна. Она попросту вредна по соображеніямъ, какъ мы видимъ, исключительно даже тактическаго свойства.

Та группа политическихъ маньяковъ, которая въ осуществленіи своихъ реакціонныхъ вожделѣній отнюдь

не желаетъ считаться съ реальными условіями жизни страны и грозитъ даже всенароднымъ гнѣвомъ, подъ коимъ по всей видимости подразумѣваются «истинно-русскія» дубинка и резины, требуетъ немедленнаго пересмотра, урѣзки и даже полной отмѣны вѣроисповѣдныхъ льготъ, предоставленныхъ манифестами 17 апрѣля и 17 октября. Эта группа сумѣла организовать довольно импозантное по внѣшности и во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерное выступленіе реакціи противъ свободы совѣсти на засѣдавшемъ въ Кіевѣ четвертомъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Вожди нашего воинствующаго клира, идеологически и персонально близкіе закулиснымъ дирижерамъ, еще задолго инсценировавшимъ обстановку кіевскаго съѣзда, требовали, чтобы вѣроисповѣдные вопросы изъяты были изъ вѣдѣнія Государственной Думы. Но то полное, мало сказать несочувствіе,—осужденіе, съ которымъ были встрѣчены постановленія съѣзда въ большинствѣ органовъ охранительной печати, показываетъ довольно отчетливо, что въ правящихъ сферахъ отнюдь не склонны осуществлять, по крайней мѣрѣ, въ наши дни, инквизиціонную политику средневѣковья, которая такъ люба союзническимъ организаціямъ. Поэтому въ ближайшее время можно и не ждать какого-либо революціоннаго выступленія противъ государственныхъ актовъ, обезпечившихъ, правда, пока еще только самую элементарную вѣротерпимость и по существу далеко не являвшихся «слишкомъ щедрою данью».

Отсюда, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что проведеніе реформъ, долженствующихъ гарантировать хоть элементарную свободу совѣсти всѣмъ русскимъ гражданамъ, обезпечена у насъ при создавшейся политической коньюнктурѣ.

Руководящія сферы оказываются чрезвычайно податливы подъ натискомъ слѣпой реакціи. Уступка за уступкой сдѣлали уже въ значительной степени мертворожденнымъ то, что въ области свободы совѣсти явилось завоеваніемъ освободительной борьбы. Рядъ временныхъ законоположеній, какъ, напримѣръ, правила, чрезвычайно затруднившія фактическій выходъ изъ насильственнаго полицейскаго прикрѣпленія къ православію или законъ 14 марта 1906 года о совращеніи, вернувшійся, можно сказать, къ дореформеннымъ по-

рядкамъ, существенно урѣзали объемъ отечественной свободы совѣсти.

Послѣдняя сдѣлалась фикціей, и можно лишь говорить о вѣротерпимости, т.-е. объ отсутствіи прежнихъ религіозныхъ гоненій въ точномъ смыслѣ слова, о признаніи нѣкоторыхъ правъ за существующими религіозными организаціями и т. п.

Эти ограниченія на практикѣ нашли себѣ и теоретическую обосновку въ министерскихъ законопроектахъ по вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Нами было уже вскрыто то внутреннее противорѣчіе, которое легло въ основу министерской работы, та своеобразная, но невсегда удачная комбинація теоретическаго признанія свободы совѣсти съ самыми грубыми ея нарушеніями. Министерскіе законопроекты, не затрогивая самыхъ основъ нашего архаическаго законодательства, попытались хитроумно сочетать несоединимое: конституціонныя требованія, требованія правового строя со руководящими идеями полицейскаго строя. Дѣйствительно, получилось нѣчто несообразное, отстаивая точку зрѣнія полицейскаго типа охраны религіи, съ мало умѣстными ссылками на современное западноевропейское законодательство, министерство вводило несущественные коррективы, притомъ часто противорѣчивые другъ другу. Сами составители законопроектовъ не сумѣли, что и вполнѣ естественно, выйти изъ создавшагося такимъ образомъ заколдованнаго круга противорѣчій съ подобающимъ достоинствомъ Противорѣчія министерскихъ законопроектовъ, можно сказать, шиты бѣлыми нитками.

Составители министерскихъ законопроектовъ исходили въ своей работѣ далеко не изъ признанія принциповъ религіозной свободы: эти проекты представляютъ собой старыя теоріи, переработанныя на новый ладъ. Это—неудачная попытка найти компромиссъ. Однако компромиссъ, допущенный министерскими законопроектами, встрѣтилъ, конечно, самое строгое осужденіе тѣхъ реакціонеровъ, которые не допускаютъ никакихъ компромиссовъ и вообще полагаютъ, что пришло время взять всѣ уступки назадъ.

Защитники министерскихъ законопроектовъ оказались чрезвычайно уступчивыми Они шагъ за шагомъ отступали даже отъ своихъ собственныхъ положеній

въ комиссіяхъ третьей Государственной Думы; тамъ они протягивали руку воинствующему клиру и поддерживающимъ его реакціоннымъ кругамъ. Уступка шла за уступкой, и послѣ кіевскаго съѣзда мы слышали уже рѣчи, что, быть-можетъ, положеніе такъ обострится, что придется сдѣлать еще большія уступки. И вновь эти уступки налицо.

Итакъ, всѣ правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени были послѣдовательнымъ отступленіемъ назадъ въ области вѣроисповѣдной политики. Кажется, дальше некуда итти! Всѣ урѣзки сдѣланы. Къ какимъ же результатамъ могутъ привести еще дальнѣйшія урѣзки?

Отвѣтъ дать нетрудно. Свобода совѣсти въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ наши дни и какъ ее понимаютъ въ правительственныхъ кругахъ, отмѣнена, конечно, не будетъ. Такой шагъ былъ бы слишкомъ чреватъ послѣдствіями, а потому на такое рискованное предпріятіе врядъ ли рѣшатся даже наши недальновидные политики. Но они будутъ стремиться къ тому, чтобы свобода совѣсти была сведена къ минимальнымъ размѣрамъ.

Это обстоятельство и должно быть съ особымъ вниманіемъ учтено въ наши дни.

Кто дѣйствительно защищаетъ идеи свободы совѣсти, кто не является ея адептомъ по соображеніямъ тактическаго характера, кто не видитъ въ вѣроисповѣдныхъ льготахъ лишь уступокъ требованіямъ времени и напору общественныхъ силъ, тотъ, казалось бы, всецѣло долженъ протестовать противъ новаго направленія, постепенно одерживающаго верхъ въ правительственныхъ сферахъ.

Въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній реакція проявляется особенно ярко. Въ пользу ея ограниченій нельзя привести никакихъ «политическихъ» соображеній, кромѣ одного, что она не допустима въ полицейскомъ государствѣ, гдѣ граждане должны мыслить и вѣрить по указкѣ. Здѣсь ни при чемъ та «анархія», подъ видомъ борьбы съ которой вводятся современные намъ «конституціонные» порядки. Реакціонная политика въ вопросахъ вѣроисповѣданія наилучшимъ образомъ разбиваетъ тѣ иллюзіи и тотъ миражъ, который пытается создать въ глазахъ умѣренно-либеральной

«оппозиціи» наше первое «конституціонное» министерство

Та политическая партія, которая выставляетъ на своемъ знамени свободу совѣсти не только какъ заманчивую афишу для привлеченія большаго числа голосовъ къ избирательной урнѣ своихъ представителей, должна опредѣленно, безъ экивоковъ въ сторону реакціи, осудить новый министерскій курсъ въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній.

Этой опредѣленности нѣтъ у партіи, которой суждено господствовать въ третьей Государственной Думѣ. Въ партіи послѣдняго министерскаго циркуляра политическое «credo» всегда расходится съ дѣломъ. Мы это видѣли наглядно при обсужденіи въ истекшей сессіи (1908) Государственной Думы смѣты Святѣйшаго Синода. Дума отвергнувъ предложеніе бюджетной комиссіи распространить государственный контроль на церковное имущество, ограничилась лишь пожеланіемъ, чтобы представлялась обстоятельная отчетность о средствахъ и имуществахъ духовнаго вѣдомства Сдѣланная уступка, несмотря на ярко очерченныя въ докладѣ бюджетной комиссіи ненормальности расходовъ синодальной смѣты, чрезвычайно характерна: она показываетъ стойкость октябристовъ въ проведеніи конституціонныхъ началъ въ жизнь. Октябристское большинство легко поддается увѣщаваніямъ со стороны своихъ офиціозныхъ нянекъ и министерскихъ лидеровъ; полагаться на него отнюдь не приходится.

Оцѣнка поведенія господствующей въ Думѣ партіи при обсужденіи вопросовъ, хотя бы и косвенно затрагивающихъ свободу совѣсти, пріобрѣтаетъ особую важность въ виду того, что по всей видимости въ недалекомъ будущемъ Государственной Думѣ весьма возможно придется приступить къ разсмотрѣнію министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти. Разсмотрѣніе этихъ законопроектовъ въ комиссіяхъ заканчивается. Законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ уже вносится въ Думу и, слѣдовательно, въ весеннюю сессію, вѣроятно, будетъ разсмотрѣнъ

И не грозитъ ли опасность, что то, что происходитъ въ наши дни въ жизни, что является до нѣкоторой степени результатомъ административныхъ эксцессовъ (напр., гоненія на сектантовъ, о которыхъ мы слышали такъ

часто за послѣднее время) найдетъ себѣ вновь санкцію въ законодательствѣ? Объ эксцессахъ нечего говорить— ими слишкомъ богата русская жизнь во всѣхъ своихъ областяхъ. Но, если эта практика найдетъ себѣ освященіе въ законодательномъ кодексѣ, то мы съ полнымъ правомъ можемъ ожидать лишь учащенія этихъ эксцессовъ и постепеннаго расширенія ихъ предѣловъ. Вотъ этого и надо бояться. А между тѣмъ это можетъ случиться. Законодательство само дастъ поводъ къ безчисленнымъ ограниченіямъ въ жизненномъ примѣненіи принциповъ свободы совѣсти.

Что дѣлалось въ комиссіяхъ Государственной Думы, которыя занимались разсмотрѣніемъ министерскихъ законопроектовъ по вѣроисповѣднымъ вопросамъ — мы уже знаемъ. «Радикальныя» требованія, неизбѣжно вытекающія изъ признанія дѣйствительной свободы совѣсти, потерпѣли полное фіаско

Въ сущности, конечно, возлагать надежду на третью Думу, что она проведетъ коренную реформу взаимныхъ отношеній церкви и государства въ Россіи и нельзя было.

Министерскіе законопроекты, пройдя черезъ фильтръ вѣроисповѣдной комиссіи, являются передъ нами въ нѣсколько обработанномъ видѣ: въ нихъ внесена большая послѣдовательность, устранены до нѣкоторой степени слишкомъ рѣзко бившія прежде въ глаза противорѣчія. Но все это лишь смягчало, но не измѣняло сущности дѣла. Министерскіе законопроекты были далеки отъ признанія дѣйствительной свободы совѣсти, такими же они и остались.

Есть ли, однако, какая-нибудь увѣренность, что даже министерскіе законопроекты будутъ приняты съ тѣми коррективами, которые внесены въ нихъ вѣроисповѣдной комиссіей. Судьба предложеній бюджетной комиссіи по разсмотрѣнію смѣтъ Синода какъ memento mori стоитъ передъ нами. Еще меньше надеждъ теперь, когда противъ свободы совѣсти даже въ томъ примитивномъ видѣ, какъ готовится она у насъ къ осуществленію, открытъ походъ со стороны реакціонеровъ. Приходится ждать еще большихъ уступокъ. Октябристы,—вѣрные, ученики своихъ учителей. Передъ нами имѣются далеко не скрытыя такого рода ауспиціи.

Характернои чертой публицистики октябристскихъ органовъ за лѣтнее каникулярное время было запугиваніе

возможностью торжества реакціи. Органы «руководящей» думской партіи, партіи «правительственной» не видятъ реакціи во всѣхъ дѣяніяхъ послѣдняго времени, но они узрѣвали призракъ реакціи въ ближайшемъ будущемъ. Офиціозъ октябристовъ *Голосъ Москвы* начиналъ уже говорить о томъ, что «даже законосовѣщательная прогрессивная Дума лучше, чѣмъ законодательная реакціонная»; онъ призывалъ въ виду опасности злой реакціи къ единенію оппозиціи: «о разногласіяхъ можно говорить потомъ — сперва врагъ общій».

Врядъ ли проповѣдь объединенія оппозиціи на почвѣ безконечныхъ компромиссовъ и уступокъ можетъ встрѣтить въ настоящее время сочувствіе въ широкихъ дѣйствительно оппозиціонныхъ кругахъ. Результатъ этихъ ненужныхъ уступокъ, этой политики щедриновскаго либерала, политики эгоистическаго мѣщанства и испуга налицо Призывъ къ объединенію «оппозиціи», раздавшійся въ октябристскихъ рядахъ, можно разсматривать исключительно какъ своего рода тактическій шагъ Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ; не такъ страшна та черная реакція, которой насъ устрашаютъ Для насъ и существующая реакція болѣе, чѣмъ достаточна. Немного меньше, немного больше—не все ли равно? Лишь октябристы, вѣроятно, считаютъ эту «временную» реакцію, это пресловутое «успокоеніе» необходимымъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и упроченія конституціонныхъ порядковъ въ Россіи. Такихъ «оптимистовъ» и въ либеральной оппозиціи числится теперь немного. Конечно, «руководящей» въ Думѣ партіи для сохраненія все еще конституціоннаго миража необходимо подчеркивать, что ея чрезмѣрно уступчивая политика диктуется соображеніями высшаго порядка: вѣдь лучше законосовѣщательная, но прогрессивная Дума, чѣмъ законодательная, но реакціонная. Во имя сохраненія крупицъ «конституціонализма» надо быть уступчивымъ. Здѣсь черпается оправданіе для всей предшествовавшей дѣятельности; въ этой аргументаціи какъ бы заранѣе черпаются основы и для всей будущей законодательной работы.

Нетрудно предугадать поэтому, по какому пути пойдетъ руководящее большинство третьей Думы, столкнувшись при обсужденіи вѣроисповѣданныхъ законопро-

ектовъ съ нынѣ опредѣленно уже фиксированными требованіями реакціи въ этой области. Здѣсь, впрочемъ, и предугадывать нечего: факты уже говорятъ сами за себя.

Между тѣмъ приходится еще разъ повторить, что по своему существу свобода совѣсти не допускаетъ компромиссовъ, свобода совѣсти и вытекающія изъ нея требованія могутъ и должны быть осуществлены во всей своей чистотѣ. Въ дѣйствительности въ этомъ заинтересованы безъ исключенія всѣ вѣроисповѣдныя группы. Несомнѣнно, въ такой же мѣрѣ и само православіе. Для лицъ, мечтающихъ о возрожденіи нравственнаго авторитета господствующаго вѣроисповѣданія, необходима церковная автономія. Но эта автономія не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, пока церковь не освободится отъ нависшей надъ ней полицейской опеки, пока церковь и государство не будутъ раздѣлены. Это такъ ясно вытекаетъ изъ всѣхъ послѣднихъ попытокъ церковнаго реформаторства.

Столь же тяжело отзывается и на представителяхъ нашего многообразнаго религіознаго разномыслія тотъ теократическій характеръ, которой пытаются придать государственной власти. Полное обособленіе государства отъ религіозныхъ интересовъ, когда религія перестанетъ играть роль орудія политики, можетъ обезпечить лишь полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ инако мыслящихъ. Самая радикальная реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства должна встрѣтить горячую поддержку и сочувствіе со стороны представителей всѣхъ сектантскихъ группъ. Такое сочувствіе до нѣкоторой степени мы и видимъ въ дѣйствительности. Наши диссиденты безъ различія политическихъ направленій готовы подписаться подъ реформой, долженствующей провести къ полному разграниченію вѣдѣнія церкви и государства. Это болѣе чѣмъ понятно. Прошлое еще такъ живо; еще такъ недавно оно давало себя чувствовать довольно болѣзненно.

Непримиримость въ области вѣроисповѣдной политики должна быть девизомъ всѣхъ представителей религіознаго разномыслія: только коренная реформа можетъ обезпечить ихъ правовое положеніе; компромиссы же неизбѣжно будутъ влечь за собой въ жизни подчасъ весьма серьезныя осложненія.

Непримиримость должна быть начертана и на знамени демократической оппозиции.

Говорятъ иногда, что коренная реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства преждевременна еще въ Россіи; что ее трудно осуществить въ силу историческихъ условій и что она вызоветъ протестъ со стороны народныхъ массъ. Это глубочайшее заблужденіе равно какъ и попытки приписать русскому народу религіозный фанатизмъ и нетерпимость. Эта аргументація принадлежитъ къ числу тѣхъ мотивовъ, которые еще такъ недавно любили приводить «либеральные» противники всеобщаго избирательнаго права и которые текущая дѣйствительность столь блистательно разбила. Клерикальныя идеи, къ счастью, популярны у насъ только у самаго воинствующаго клира, въ свою очередь, занимающаго нѣсколько исключительное положеніе среди даже духовенства. Непримиримая борьба за свободу совѣсти, что тѣсными и неразрывными узами соединено съ борьбой за коренную реформу существующихъ взаимныхъ отношеній церкви и государства, двухъ самодовлѣющихъ, исключающихъ другъ друга факторовъ, встрѣтитъ глубокую симпатію и найдетъ горячую поддержку въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Это реформа—одна изъ наиболѣе осуществимыхъ. Всякіе компромиссы, неизбѣжно ограничивающіе сферу примѣненія и объемъ свободы совѣсти, принадлежатъ къ средневѣковымъ пережиткамъ, не могущимъ найти себѣ никакого раціональнаго обоснованія для сохраненія въ отечественномъ законодательствѣ.

Самымъ труднымъ и сложнымъ, быть-можетъ, является разрѣшеніе вопроса о имущественномъ положеніи господствующей церкви. Внѣ всякаго сомнѣнія, что при самой даже радикальной реформѣ взаимныхъ отношеній церкви и государства т.-е. при полномъ отдѣленіи церкви отъ государства и при практическомъ осуществленіи всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ этимъ отдѣленіемъ, церковь опирающаяся на свою внутреннюю силу, можетъ процвѣтать и увеличивать число своихъ адептовъ. Объявленіе религіи частнымъ дѣломъ гражданина, лишеніе матеріальной поддержки со стороны государства какому-либо общественному культу, отнюдь конечно, не грозитъ упадкомъ этому культу. Что же касается нынѣ первенствующей церкви, то ея колоссаль-

ныя богатства и при теперешнихъ условіяхъ помимо какихъ-либо ассигнованій изъ государственнаго казначейства на ея нужды обезпечиваютъ ей матеріальное процвѣтаніе. Господствующая церковь, можно сказать, страдаетъ отъ чрезмѣрной матеріальной обезпеченности. Правда, ея богатства распредѣляются неравномѣрно: доходы нѣкоторыхъ «князей церкви» исчисляются десятками и чуть ли не сотнями тысячъ рублей, а сельскіе священники подчасъ бѣдствуютъ. Но стоитъ произвести нѣкоторое перераспредѣленіе суммъ, и эта неравномѣрность исчезнетъ по существу. Такимъ образомъ ежегодная государственная субсидія является лишней.

Однако эта привилегія господствующей церкви затрогиваетъ въ дѣйствительности скорѣе экономическіе, чѣмъ религіозные интересы. Поэтому съ точки зрѣнія свободы совѣсти она не можетъ вызывать такихъ протестовъ, какъ другія монополіи и привилегіи господствующей церкви. Принимая во вниманіе историческое прошлое (въ данномъ случаѣ оно можетъ быть учитываемо), вопросъ о государственной субсидіи при условіи распространенія на нее общественнаго контроля допускаетъ временный компромиссъ въ видѣ сохраненія на нѣкоторое время прежней привилегіи. Но это единственное преимущество, допустимое въ правовомъ государствѣ какъ переходная мѣра для осуществленія идеала. Паритетность религій во всѣхъ другихъ отношеніяхъ должна быть осуществлена немедленно. Сохраненіе какихъ-либо пережитковъ прошлаго равносильно признанію необходимости полицейской охраны и раздѣленія вѣроисповѣданій по рангамъ. Здѣсь же различныхъ мнѣній для людей, признающихъ свободу совѣсти, не можетъ быть.

Правительственная политика нашихъ дней должна найти, слѣдовательно, единодушный отпоръ со стороны всей оппозиціи; со стороны всѣхъ элементовъ, заинтересованныхъ непосредственно въ осуществленіи свободы совѣсти. Каждая уступка, всякій компромиссъ способны лишь затемнить простое разрѣшеніе вопроса. Гордіевъ узелъ долженъ быть разрубленъ, иначе отечественному законодателю долго придется еще вращаться въ томъ заколдованномъ кругѣ противорѣчій, выходъ изъ котораго не сумѣли найти и испытанные въ канцелярскомъ крючкотворствѣ бюрократы.

На почвѣ *непримиримой* борьбы за свободу совѣсти безъ труда можетъ объединиться вся наша оппозиція. Различіе партійныхъ знаменъ не играетъ тутъ роли. На знамени каждой прогрессивной партіи должно быть начертано отдѣленіе церкви отъ государства. Къ этому идеалу идетъ все человѣчество. Его осуществляетъ новѣйшее западно-европейское законодательство, отбрасывая какъ лишній балластъ историческое наслѣдіе въ видѣ сохранившихся еще средневѣковыхъ пережитковъ, давно уже, впрочемъ, лишенныхъ конкретнаго реальнаго содержанія. Это наслѣдіе должно быть безповоротно отброшено и нами. Въ солидарныхъ дѣйствіяхъ—залогъ успѣха. Общественное же сочувствіе болѣе, чѣмъ обезпечено [1]).

„*Вѣстникъ Европы*“. Мартъ 1909 г.

---

[1]) Кстати, *Голосъ Москвы* остался очень недоволенъ нашей статьей „По ложному пути“ (по поводу законопроекта о старообрядческихъ общинахъ). Съ обычными грубыми передержками органъ октябристовъ усматриваетъ въ нашей критикѣ законопроекта лишь оппозиціонное фрондерство съ цѣлью дискредитировать Думу, при чемъ авторъ статьи авторитетно увѣряетъ, что октябристы не замедлятъ проведеніемъ законовъ о свободѣ совѣсти. Поживемъ—увидимъ, во что выльется это законодательство. Кто же виноватъ, если слова и дѣла у октябристовъ постоянно расходятся между собой, если даже эпитетъ „конституціонной партіи“ къ нимъ не примѣнимъ.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ.

Бюджетъ Синода.

(По поводу смѣты 1907 г.).

Передъ нами смѣта доходовъ и расходовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода на 1907 г., подлежащая утвержденію Государственной Думы. Расходы по вѣдомству православнаго исповѣданія исчислены въ суммѣ 29.300.213 руб., доходы же исчисляются въ размѣрѣ 89.609 р.; главнымъ образомъ, они поступаютъ изъ спеціальныхъ средствъ Св. Синода (58.999 р) въ пособіе государственному казначейству.

Расходы эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Общіе расходы по управленію: содержаніе центральныхъ учрежденій 380.847 руб., содержаніе мѣстныхъ учрежденій 1.441.492 р., разные расходы администраціи 187.467 р., разные расходы по управленію 15.492 р. Содержаніе духовенства: архіерейскіе дома и каѳедральные соборы—921.923 р., монастыри—398.283 р., городское и сельское духовенство, миссіи и миссіонеры—12.324.736 р., православныя духовныя учрежденія за границей—276.827 р. Просвѣщеніе, науки и искусства: духовно-учебныя заведенія—2.734.087 руб., церковныя школы—9.433.145 р. Постройка зданій и пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ—646.500 р. Пособія и вознагражденія по разнымъ случаямъ: пособія по разнымъ случаямъ—166.728 руб., вознагражденія за отошедшія въ казну имущества, доходы и пр.—372.686 руб.

Если мы сравнимъ смѣты Синода предшествующихъ годовъ, мы замѣтимъ значительное увеличеніе ихъ: въ 80-хъ годахъ тратилось около 11 мил. руб. изъ государственнаго казначейства на нужды церкви.

Оправдывается ли это увеличеніе?

Съ момента провозглашенія у насъ свободы совѣсти смѣта расходовъ вѣдомства Синода уже въ силу этого

обстоятельства въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ должна быть подвергнута пересмотру.

Могутъ ли быть сохранены безъ измѣненій хотя бы, напримѣръ, ассигнованія на содержаніе миссій 41.749 р., помимо тѣхъ суммъ, которыя отпускаются для этой цѣли изъ спеціальныхъ средствъ Синода (на миссіонерство преимущественно тратятся суммы, оставшіяся послѣ распредѣленія денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе духовенства; въ 1905 году такой остатокъ достигалъ 465.074 р. 12 к.); на содержаніе комитетовъ для цензуры духовныхъ книгъ—9.753 руб. На содержаніе одного церковнаго управленія теперь отпускается 2 025.298 р.; изъ нихъ на содержаніе мѣстныхъ учрежденій, т.-е. духовныхъ консисторій, управленій церковныхъ школъ и пр. идетъ 1.441.492 руб., остальное приходится на центральныя учрежденія и на «разные расходы» администраціи, каковы: изготовленіе и разсылка брильянтовыхъ наградъ за службу по вѣдомству Св. Синода (14.500), содержаніе духовныхъ лицъ заключенныхъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміемъ монастырь, на содержаніе стражи при означенномъ монастырѣ, заготовленіе мура (956), субсидіи различнымъ духовнымъ учрежденіямъ и пр.

Введеніе въ смѣту Синода графы, испрашивающей 1000 р. на содержаніе стражи при арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, возбуждаетъ полное удивленіе.

Послѣ законовъ, объявившихъ свободу совѣсти, должны были, конечно, исчезнуть позорные остатки инквизиціонной эпохи въ Россіи; должны были исчезнуть монастырскія тюрьмы. И онѣ, видимо, исчезли. *Правительственный Вѣстникъ* повѣдалъ русскому обществу, что «въ монастыряхъ заключенныхъ за религіозныя преступленія болѣе не имѣется».

Для чего нужна стража въ учрежденіи, которое не представляетъ уже монастыри-крѣпости?

Изъ статьи А. С. Пругавина, напечатанной въ январской книгѣ *Русской Мысли* 1908 г., мы узнаемъ, что знаменитая суздальская тюрьма не только благополучно еще существуетъ, но даже увеличена въ истекшемъ году численность тюремной стражи. По сообщеніямъ, полученнымъ авторомъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ, «повидимому», нѣтъ. Есть архимандритъ, управляющій тюрь-

мой въ качествѣ ея коменданта; есть и соотвѣтствующій штатъ солдатъ. Быть-можетъ, и теперь, какъ во времена Герцена, унтеръ-офицеръ ежедневно рапортуетъ архимандриту: «Вашему преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно». Наше время полно удивительныхъ иногда противорѣчій Въ періодъ реакціи шагъ за шагомъ воскрешается то, что казалось уже сданнымъ въ архивъ. Кто знаетъ, скоро, пожалуй, мы вновь узнаемъ, что недостающій нынѣ контингентъ арестантовъ вновь пополнится и монастырь-обитель вновь превратится въ тюремный замокъ для виновныхъ въ «религіозныхъ преступленіяхъ».

Во всякомъ случаѣ эта графа въ официальную смѣту Синода могла попасть только по «недоразумѣнію». Посмотримъ на другія статьи смѣты.

Въ сложномъ управленіи вѣдомства православнаго исповѣданія чрезвычайно трудно ориентироваться, но, несомнѣнно, и въ этой области по однимъ лишь практическимъ соображеніямъ могутъ быть произведены ограниченія въ ассигновкахъ,—напримѣръ, обязанности духовныхъ консисторій значительно убавились съ момента изданія закона 17 октября о диссидентскихъ общинахъ.

Наиболѣе крупный, почти половинный расходъ въ смѣтѣ представляетъ содержаніе городского и сельскаго духовенства—12.282.987 р. Главнымъ источникомъ содержанія у насъ духовенства, какъ извѣстно, служатъ: церковная земля и вознагражденія натурой и деньгами, поступающія отъ прихожанъ за требоисполненія. За послѣдніе годы мы видимъ опредѣленную тенденцію обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ съ цѣлью, какъ говорится въ отчетахъ оберъ-прокурора, освободить пастыря отъ зависимости со стороны прихода. Число причтовъ, получающихъ жалованье, съ каждымъ годомъ возрастаетъ и соотвѣтственно этому увеличивается отпускъ казенныхъ суммъ на содержаніе духовенства. Въ 1901 г. число причтовъ, получающихъ казенное жалованье, достигало 25.282 (болѣе противъ предшествующаго года на 657); на содержаніе ихъ было отпущено 10.285.242 р. 89 к.

Въ текущемъ году число такихъ причтовъ достигаетъ уже 27.925 и на нужды ихъ ассигновано

12.343.839 р. 97 к. Казеннымъ жалованьемъ обезпечиваются всѣ причты холмско-варшавской, рижской и сѣверо-западныхъ епархій; затѣмъ причты тѣхъ приходовъ, которые «заражены» сектантствомъ и расколомъ. И число такихъ причтовъ, какъ мы видимъ, возросло за 6 лѣтъ на 2.643.

Надо замѣтить, что кромѣ ассигновокъ изъ общегосударственныхъ источниковъ церковь на свои нужды располагаетъ еще доходами съ тѣхъ капиталовъ, которые находятся въ ея распоряженіи.

Подсчитать эти капиталы и доходы чрезвычайно трудно. При отсутствіи данныхъ сдѣлать это даже невозможно, тѣмъ болѣе, что въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія въ сущности почти нѣтъ подотчетности, какъ констатируютъ и офиціальные даже акты. Въ системѣ «умолчанія» виновны всѣ церковныя учрежденія, начиная съ низшихъ причтовъ и кончая высшими духовными властями. Однако кое-какія данныя, часто уже значительно устарѣвшія, даютъ нѣкоторое представленіе объ имущественномъ положеніи господствующей церкви.

Возьмемъ прежде всего земельныя имущества.

Въ 1902 г. бѣлаго духовенства числилось 105.339; на содержаніе этого духовенства въ 1907 г., какъ было уже отмѣчено, изъ государственнаго казначейства отпускалось 10.285.242 р. 89 к.; по даннымъ 1890 г., земельные надѣлы (по закону отъ 33 до 99 десятинъ, помимо усадьбы), служащіе къ обезпеченію состоящихъ при церквахъ причтовъ, достигали 1 671 198 десятинъ на 28.769 церквей въ Европейской Россіи (въ Сибири въ распоряженіе церковнаго причта поступаетъ 120 десятинъ). Въ дѣйствительности размѣры земельныхъ владѣній многихъ церквей значительно превышали законную норму. Напр., церковь Рождества въ Бутыркахъ въ Москвѣ имѣетъ въ непосредственномъ своемъ пользованіи 330 дес. слишкомъ земли, значительная часть которой сдается въ аренду отъ 1—2 р. съ сажени. Общая цѣнность церковной земельной собственности (безъ строеній и пр.) по даннымъ 1899 г. равнялась 116.198.118 р., доходъ съ имѣній духовенства въ 1902 г. достигалъ 8.631.735 р., при чемъ церковная земля, какъ видно изъ отчетовъ оберъ-прокурора за 1901 г., большинствомъ причтовъ сдавалась къ аренду.

По офиціальнымъ даннымъ, сумма общей доходности церквей въ 1903 г. по 62 епархіямъ опредѣлялась въ размѣрѣ 34.615.628 р; сюда входятъ различные доходы въ видѣ всевозможныхъ свѣчныхъ, кошельковыхъ, кружечныхъ, молебныхъ, проскомидныхъ, просфорныхъ и т. д. сборовъ. Сюда не входятъ спеціальные кружечные и тарелочные сборы, обязательные или для всѣхъ церквей въ имперіи или для нѣкоторыхъ епархій, по предписанію центральныхъ учрежденій для покрытія расходовъ по миссіямъ, по постройкамъ всевозможныхъ храмовъ и т. д.; эти сборы, по свѣдѣніямъ, собраннымъ учрежденіями Синода, въ 1902 г. дали около 2.000.000 р.

Исчислить «порученные» доходы, т.-е. платы за требы, конечно, уже совершенно невозможно даже приблизительно. Приведемъ, однако, одинъ фактъ, который все-таки можетъ дать нѣкоторое представленіе объ этихъ доходахъ духовенства. Въ вятской епархіи, какъ свидѣтельствуетъ въ Церк. Вѣстн.» видный дѣятель бывшаго предсоборнаго присутствія г. Папковъ, взимается *незаконный* сборъ въ пользу консисторіи по 15 к. съ каждаго брачнаго обыска. Этотъ сборъ въ 1902 г. далъ цѣлыхъ 4 098 р. Авторъ интереснѣйшей работы «Богатства и доходы духовенства», откуда мы и заимствуемъ значительное число приводимыхъ цифръ, г. Кильчевскій весьма приблизительно высчитываетъ, что одно денежное вознагражденіе за заключенія браковъ, за выполненіе похоронныхъ обрядовъ и обрядовъ крещенія въ 1902 г. давали духовенству слишкомъ 16.000.000 р. Однихъ налоговъ съ этихъ не фиксированныхъ доходовъ церквей въ 1902 г было взыскано свыше 8.227.634 р Правда, по вычисленію нѣкоторыхъ изслѣдователей, налоги эти для многихъ приходскихъ церквей составляютъ будто бы 40—50% всей суммы дохода. Но и при такихъ условіяхъ все же доходы не малые: по подсчету «Спб. Вѣд.» при готовой квартирѣ, причтъ бѣднаго сельскаго прихода получаетъ ежегодно дохода 1.728 р. (священникъ 1.296 р. и псаломщикъ 439 р.).

Кромѣ того, церквамъ принадлежатъ различныя недвижимости въ городахъ: доходныя помѣщенія, лавки, постоялые дворы и т. д. Въ Москвѣ, напр., церквамъ принадлежитъ 908 домовъ; въ 80-хъ годахъ только у «нѣкоторыхъ» церквей было вкладовъ на 8.200.000 р.

Общая сумма капиталовъ духовнаго вѣдомства въ Москвѣ опредѣляется, по приблизительнымъ, конечно, даннымъ, проникшимъ въ печать, въ $8^1/_2$ мил. (3 мил церковнаго капитала, 4 слишкомъ причтоваго, 1 мил. благ. учрежд.).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ ярославской духовной консисторіей по опроснымъ листамъ въ 1905 г. («краткія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ въ ярославской епархіи»), мѣстныя церкви располагаютъ капиталомъ въ 7.474.840 р.

Капиталъ церкви Рождества на Бутыркахъ, въ Москвѣ, какъ можно заключить изъ данныхъ, приводимыхъ ниже въ статьѣ «Податныя льготы церкви», долженъ исчисляться сотнями тысячъ, а быть-можетъ, даже милліонами.

Какого рода доходъ даетъ церквамъ «торгово-промышленная» дѣятельность синодскихъ и епархіальныхъ учрежденій, показываютъ слѣдующіе факты: обороты петербургскаго епархіальнаго свѣчного завода достигаютъ 1 мил. руб.; такую же сумму получаетъ московскій свѣчной заводъ; на другихъ заводахъ обороты выражаютоя цифрами 300—500 т. руб., наименьшая сумма 100 т. р. Торговля богослужебными книгами, вѣнчиками и т. д. даетъ Синоду 10 мил. руб.; ежегодный доходъ издательской комиссіи при Синодѣ — 2 мил. руб. Казанскій соборъ въ Петербургѣ продаетъ ежегодно свѣчей на 800 т. р. (*«Сов. Сл.»* 19 дек. 1908 г.). Валаамскій монастырь отъ продажи свѣчей получаетъ 22.000 руб.

Ко всѣмъ перечисленнымъ доходамъ слѣдуетъ присоединить доходы съ основныхъ капиталовъ, находящихся въ вѣдѣніи господствующей церкви. Помимо милліоновъ, находящихся въ вѣчныхъ вкладахъ у монастырей, въ завѣдываніи Святѣйшаго Синода находится капиталъ хозяйственнаго управленія, равнявшійся въ 1891 г., 11.650.211 р.; капиталъ духовно-учебныхъ заведеній—25.956.485 р.; спеціальныхъ средствъ въ 1902 г.—8.870.188 р Мѣстныя епархіальныя средства въ 1902 г. составляли 41.988.058 р. и т. д. Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, часто случайныя и далеко не полныя о средствахъ вѣдомства православнаго исповѣданія.

Можно ли найти какое-либо раціональное основаніе при такихъ условіяхъ для ассигнованія, напримѣръ, на содержаніе монастырей, какъ это дѣлаетъ смѣта 1907 г., 398.549 р. [1])? Монастыри у насъ растутъ съ непомѣрной скоростью: за девять лѣтъ (1881—1890) возникло 160 монастырей. И, конечно, будутъ расти разъ имъ оказываются такія привилегіи.

Равнымъ образомъ, обременительнымъ является и ассигнованіе 921.923 р. на содержаніе архіерейскихъ домовъ и каѳедральныхъ соборовъ. На «просвѣщеніе, науки и искусства» смѣта исчисляется въ размѣрѣ 2.734.087 р., на духовно-учебныя заведенія и на церковныя школы 9.433.145 р. Въ 1891 г. Синодъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ капиталъ для духовно-учебныхъ заведеній въ 25.956.485 р. Въ 1904 г. на церковно-школьное дѣло изъ мѣстныхъ источниковъ и изъ губернскаго земскаго сбора поступило 7.333.102 руб. Заслуживаетъ ли «церковное просвѣщеніе» такого вниманія?

Къ такимъ выводамъ приводитъ даже бѣглый просмотръ смѣты доходовъ и расходовъ духовнаго вѣдомства: мы видимъ въ этой смѣтѣ множество произвольныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ расходовъ.

При нормальномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній церкви и государства, т.-е. при осуществленіи принципа раздѣльности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ, конечно, расходы по отправленію культа ложатся всецѣло на церковную организацію. Господствующая церковь при правильномъ распредѣленіи суммъ, находящихся въ ея вѣдѣніи, конечно, могла бы обезпечить всѣмъ своимъ представителямъ болѣе чѣмъ безбѣдное существованіе. Мы не беремся, правда, исчислить доходы церкви.

Съ этой точки зрѣнія подходить къ разсмотрѣнію бюджета Синода при теперешней политической коньюнктурѣ, конечно, не имѣетъ никакого практическаго смысла.

---

[1]) Яркимъ примѣромъ ненормальности теперешнихъ государственныхъ ассигновокъ являетъ собой ярославская епархія, о которой мы имѣемъ точныя *официальныя* данныя. По подсчету ярославской консисторіи въ ярославской епархіи насчитывается церковной и монастырской земли 50.000 д. Епархія обладаетъ капиталомъ въ размѣрѣ 10.000.000 руб. Казеннаго содержанія ей отпускается 145.000 руб.

При существующихъ условіяхъ государство еще съ своей стороны субсидируетъ ежегодно вѣдомство православнаго исповѣданія въ размѣрѣ 29.300.213 руб. Субсидія эта въ томъ или другомъ размѣрѣ, конечно, будетъ сохранена еще на долгое время, пока мы не достигнемъ отдѣленія церкви отъ государства. Изъ этой суммы 12.324.736 р. идетъ на содержаніе духовенства.

Очевидно, что существованіе 105.339 представителей бѣлаго духовенства (по даннымъ 1902 г.) можетъ быть вполнѣ обезпечено средствами самой церкви. Слѣдуетъ произвести лишь извѣстное перемѣщеніе въ оборотѣ денежныхъ церковныхъ суммъ Говорятъ, что низшее духовенство бѣдствуетъ, а высшее, какъ мы видѣли, получаетъ колоссальные доходы.

По подсчету г. Дурново (*«С.-Пет. Вѣд.»*), если новгородскій архіепископъ, получающій съ Московскаго подворья до 300.000 р. ежегодно, откладывалъ бы 100.000 р., то черезъ 25 лѣтъ образовался бы капиталъ въ 3 мил. руб., и все сельское духовенство епархіи было бы навсегда имъ опезпечено.

Слѣдовательно, оставаясь на почвѣ существующихъ взаимныхъ отношеній церкви и государства, мы должны признать необходимость извѣстной нормировки въ доходахъ и расходахъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Прежде всего должна уменьшаться, а не увеличиваться изъ года въ годъ ассигновка вѣдомству изъ суммъ государственнаго казначейства.

Наши монастыри.

(Къ вопросу о секуляризаціи монастырскихъ земель).

Въ теченіе, можно сказать, пяти столѣтій почти непрерывно передъ русскимъ государствомъ стоитъ вопросъ о секуляризаціи монастырскаго имущества. Поднятый рѣшительно и опредѣленно въ XV вѣкѣ среди нестяжателей школы Нила Сорскаго вопросъ этотъ пережилъ много стадій, приведшихъ въ концѣ-концовъ къ реформѣ, осуществленной Екатериной II. И вновь по прошествіи почти полутораста лѣтъ, послѣ секуляризаціи монастырскаго имущества, мы слышимъ о колоссальныхъ богатствахъ, скопившихся за стѣнами духовныхъ обителей.

Текущій моментъ не даетъ повода поднимать вопроса о необходимости повторенія екатерининской реформы (при извѣстной комбинаціи политическихъ условій вопросъ этотъ, конечно, неизбѣжно встанетъ передъ отечественнымъ законодателемъ), но, быть-можетъ, своевременно поднятъ вопросъ о томъ, насколько отвѣчаютъ потребностямъ времени ассигновки, идущія изъ государственнаго казначейства на содержаніе монастырей. Не пора ли здѣсь остановиться и пойти по другому пути, намѣченному достаточно ярко всѣмъ нашимъ прошлымъ?

Въ теченіе всего этого вѣкового прошлаго теоретическимъ обоснованіемъ для секуляризаціи являлось несоотвѣтствіе накопленія капиталовъ монашескому идеалу и развращающее вліяніе богатства на жизнь и нравы людей, отрекшихся отъ суетного міра. Практическими мотивами, конечно, бывали побужденія иного характера.

Вопросъ о секуляризаціи былъ поднятъ въ тотъ моментъ, когда у московскихъ книжниковъ уже въ

отчетливыя формы стала выливаться теорія, выставлявшая государство въ роли лишь свѣтскаго руководителя православно-церковнаго организма. Эта теорія приводила въ результатѣ къ тому, выражаясь языкомъ современника, что Божье достояніе переписывалось на царское имя. И вопросъ о секуляризаціи былъ поднятъ не случайно. Московскій самодержецъ, скидывая платье удѣльнаго вотчинника и надѣвая шапку Мономаха, на первыхъ же порахъ пытался урѣзывать права и привилегіи феодальныхъ владѣльцевъ, къ числу которыхъ, и наиболѣе крупныхъ, принадлежала церковь (ей принадлежала въ концѣ XV в. до $^1/_3$ всей земли).

Однако московскій князь еще не былъ достаточно силенъ, чтобы рѣзко разрывать со старыми традиціями. И какъ ни выгодны были для фиска теоріи заволжскихъ старцевъ, осторожные политики XV в. предпочитали дѣйствовать исподволь, почему на соборѣ 1503 г., видимо, одержали полную побѣду іосифлянскія идеи, противныя секуляризаціи монастырскаго богатства.

Отказъ о передачѣ царю монастырскихъ земель по мотиву, что нельзя «отдавать или передавать стяжанія Божіи, нареченныя и данныя Богу», тѣмъ не менѣе, не останавливаетъ развитіе уже намѣтившейся тенденціи. Къ вопросу о секуляризаціи государство подходитъ отдѣльными мѣропріятіями: разрѣшая монастырямъ принимать завѣщанныя вотчины, государство уже оставляетъ за собой судебно-гражданскія права надъ этими вотчинами; ограничивая, такимъ образомъ, церковно-судебную юрисдикцію, оно ограничиваетъ и податныя льготы, а временами и вовсе пріостанавливаетъ дѣйствіе «тархановъ» на время государственныхъ нуждъ «пока земля не устроится».

Уже въ 1535 г. право монастырей пріобрѣтать вотчины посредствомъ покупки и черезъ закладъ ограничивается требованіемъ испрашивать разрѣшенія государя, что вновь подтверждается въ цѣломъ рядѣ указовъ во второй половинѣ XVI вѣка. Въ 1580—81 гг. монастырямъ вовсе запрещается принимать вотчины за поминовеніе душъ, они могутъ лишь принимать деньги. Въ 1584 г. мы видимъ попытку совершенно уничтожить льготные тараханы на монастырскихъ земляхъ и уровнять духовенство относительно податей и повинностей съ остальными землевладѣльцами.

Стоглавый соборъ въ виду жалобъ пытается пересмотрѣть наличныя владѣнія церкви и возвратить въ казну или жертвователямъ тѣ владѣнія, которыя взяты насильственно и противозаконно.

Въ такихъ реальныхъ формахъ проявляется въ XVI столѣтіи тенденція ограничить дальнѣйшій ростъ церковныхъ вотчинъ. Тенденція эта диктуется не только интересами фиска, но, равнымъ образомъ, и экономическими интересами господствующихъ классовъ: государство уже чувствуетъ недостатокъ въ земляхъ для «испомѣщенія» служилыхъ людей.

Въ XVII в. вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи принимаетъ болѣе острую форму въ силу нѣкоторыхъ измѣненій, происшедшихъ въ соціальномъ и политическомъ укладѣ русской жизни.

Бури смутнаго времени на своемъ гребнѣ вынесли средніе общественные слои населенія, которые получаютъ въ государствѣ преобладающее положеніе. Московское самодержавіе облекается въ тогу сословной монархіи. Дворянинъ-помѣщикъ и купецъ являются хозяевами положенія. На первыхъ порахъ ихъ голосъ авторитетно звучитъ на земскихъ соборахъ, и слабое правительство вынуждено слѣдовать указаніямъ этихъ авторитетныхъ голосовъ. Служилый и торгово-промышленный классъ, получивъ официальный доступъ къ законодательству, прежде всего естественно стремится упрочить за собой матеріальныя привилегіи и преимущества: землевладѣніе дѣлается сословной привилегіей военно-служилаго класса; право городского торга и промысла—сословной привилегіей посадскаго населенія. Эти руководящіе классы съ неудовольствомъ смотрѣли на церковныя и монастырскія земли и на привилегіи, съ ними связанныя; тѣмъ болѣе, что, несмотря на всѣ мѣропріятія XVI в., ограничивающія ростъ монастырскаго землевладѣнія, количество земель мало уменьшается, и, по свидѣтельству иностранцевъ, въ половинѣ XVII в. до $^2/_3$ всего населенія живетъ на территоріи, принадлежащей церкви.

Недовольство руководящихъ классовъ влечетъ за собой принятіе цѣлаго ряда мѣропріятій, завершающихъ правительственную политику предшествующаго столѣтія. Уложеніе царя Алексѣя уже въ категоричной формѣ запрещаетъ дальнѣйшее увеличеніе цер-

ковныхъ вотчинъ, и часть ихъ отписываетъ въ казну. Этимъ удовлетворяются требованія помѣщика XVII в. По жалобамъ горожанъ духовенству запрещается заводить посады и живущимъ въ посадахъ записываться въ закладчики за духовенство (слободчики церковные прежде не платили никакихъ податей по своимъ промысламъ).

Всѣ «слободы», принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ и властямъ, по Уложенію переданы «безлѣтно и безповоротно» государю. Увеличивая церковные сборы, идущіе въ казну, обращая часть церковныхъ доходовъ временно на государственныя нужды, государство принимаетъ на себя высшее завѣдываніе и контроль надъ церковнымъ имуществомъ. Вотъ почему Никонъ, теоретикъ папизма, называлъ „уложенную книгу“, опредѣлившую функціи монастырскаго приказа, проклятой.

Въ 70-хъ годахъ по распоряженію центральной власти для опредѣленія размѣра сборовъ съ церковнаго вѣдомства и для установленія контроля государственные чиновники производятъ перепись всѣмъ церковнымъ богатствамъ. Опись даетъ возможность выяснить состояніе монастырей. Законъ гласитъ, что если «монахи преступятъ чинъ и обычай монашескаго обѣта, то патріаршая власть и царская держава велятъ таковая монашеская стязанія взяти и раздати нищимъ»; въ видахъ ограниченія дурного вліянія богатства законъ разрѣшаетъ отбирать на государя торговые промыслы священниковъ и т. д.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII в. уже правительство не колебалось при разрѣшеніи вопроса о монастырскомъ имуществѣ. Петръ, типичный представитель полицейскаго государства съ оттѣнкомъ просвѣщеннаго абсолютизма, поставилъ вопросъ еще рѣзче... Монахи, по его мнѣнію, люди для государства безполезные. Одно время онъ издаетъ указъ, запрещающій постригаться въ монахи. Въ 1700 г. уничтожаются всѣ льготы Уложенія, а затѣмъ монастыри и архіереи, съ возстановленіемъ монастырскаго приказа, устраняются и вовсе отъ управленія своимъ хозяйствомъ; завѣдываніе церковными вотчинами и доходами передается государственнымъ учрежденіямъ. Является попытка установить штаты содержанія и

оклады монастырей. Напримѣръ, въ 1701 г., когда были установлены первые штаты для монастырей и архіерейскихъ домовъ, повелѣно давать монастырямъ по 10 руб и 10 чет. хлѣба въ годъ изъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ монастырямъ. Всѣ остальные доходы должны итти на вспомоществованіе государственному казначейству, на просвѣщеніе и общественную благотворительность. По табели 1710 г. въ патріаршей области количество монаховъ не можетъ превышать 1.940 чел., на содержаніе которыхъ отпускается 12.232 р. $25^1/_2$ к.; хлѣба $4656^3/_8$ ч. ржи и $4574^7/_8$ ч. овса. Въ 1723 г. устанавливаются такіе же штаты на основаніи исчисленія доходовъ и для епархіальнаго управленія.

Однако, законодательство при Петрѣ въ данной области было недостаточно устойчиво. Его преемники отчасти затормозили дѣло: въ 1744 г. церковныя имѣнія вновь были переданы духовнымъ властямъ.

Гордіевъ узелъ окончательно былъ разрубленъ при Екатеринѣ II. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма была особенно неблагопріятна для монастырей. Въ Австріи Іосифъ II закрылъ 1.300 монастырей изъ 2.000, Екатерина II въ первые же годы своего воцаренія провела давно подготовляемую реформу секуляризаціи монастырскихъ богатствъ.

1762 г. была учреждена спеціальная комиссія о церковныхъ имѣніяхъ. По данной инструкціи комиссія должна была выработать планъ управленія церковными вотчинами и распредѣленія дохода отъ нихъ. Часть доходовъ удѣлялась на содержаніе «не роскошное» духовенства; остальная сумма должна была итти на народное просвѣщеніе и общественную благотворительность. Въ этихъ цѣляхъ комиссія должна была выяснить доходность земли, переписать доходныя статьи и всѣ угодья, количество крестьянскихъ душъ и т. д. Опись комиссіи 1762 г. была самая полная: описывалась даже церковная утварь. Были приняты мѣры къ тому, чтобы опись эта отвѣчала дѣйствительности—все описывалось по личному осмотру агентовъ. Комиссія раздѣлила монастыри на три класса. Изъ 954 монастырей упразднило 569; за штатомъ оставила 161. Остальнымъ монастырямъ за отбираемыя земли выдавалась изъ коллегіи экономіи извѣстная сумма на содержаніе, со-

гласно опредѣленнымъ штатомъ. Всего на церковныя учрежденія шло 404.000 р.[1]) Архіерейскіе дома и монастыри въ расходованіи получаемыхъ суммъ должны были давать отчетъ.

Манифестомъ 26 февраля 1764 г. церковныя имѣнія были упразднены.

Какъ видно изъ сказаннаго, реформа Екатерины не была новшествомъ. Общественное мнѣніе уже издавна стояло на сторонѣ этой реформы. Тѣмъ не менѣе, Екатерина считала необходимымъ подготовить массу къ воспріятію идеи отобранія у монастырей недвижимыхъ имѣній. Реформа, понятно, вызвала противодѣйствіе со стороны клира, наиболѣе ярко выраженное въ протестѣ знаменитаго митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣевича. «Враль Арсеній», какъ именовала митрополита Екатерина, въ докладной запискѣ, поданной въ Синодъ, доказывалъ, что установленіе штатовъ является нарушеніемъ завѣщаній вкладчиковъ благотворителей.

Идеологическія основы просвѣтительной литературы, ненавистныя клерикализму, которая Екатерина выставляла какъ руководство для своей реформы въ письмахъ къ Вольтеру, были, конечно, чужды народной массѣ. Для популяризаціи идеи отобранія монастырскихъ имуществъ Екатерина прибѣгала къ другимъ средствамъ, которыми широко пользовались ея пред-

---

[1]) Не надо думать, что штаты 1764 г., пытавшіе установить для монаховъ „нероскошное“ житіе, сильно ограничили потребности монаховъ, привыкшихъ жить широко. Нѣтъ, „съ трогательной заботливостью“, какъ говоритъ бюджетная комиссія 3 Думы, правительство „сообразило всѣ мельчайшія нужды начальника епархіи, позаботилось о городскомъ его помѣщеніи и лѣтнемъ мѣстопребываніи, о личныхъ расходахъ владыки (назначивъ на нихъ очень крупную по тому времени сумму въ 1500 руб.), о снабженіи его провизіей, дровами, матеріалами, овсомъ и сѣномъ для лошадей, выгономъ для скота, *медомъ и виномъ*, окружило соотвѣтствующей его достоинству свитой... и опредѣленнымъ разнообразнымъ составомъ слугъ и дворовыхъ, знающихъ разныя ремесла“. Дѣйствительно, заботливость была изумительна. Въ свитѣ мы встрѣчаемъ квартирмейстеровъ, чашниковъ, гребцовъ на лодку, истопниковъ, хлѣбниковъ, *пивоваровъ*, поваровъ, приспѣшниковъ, пивоваренныхъ работниковъ, садовниковъ, портныхъ, бочаровъ, кучеровъ, форейторовъ, конюховъ, водовозовъ, уксусника, скатерника, часовщиковъ и т. д. и т. д. Однимъ славомъ, дворъ у архіерея самый знатный. На содержаніе архіерейскаго дома (въ данномъ случаѣ новгородскаго) отпускается 11 тысячъ рублей.

шественники, мечтавшіе о секуляризаціи. Это высмѣиваніе несоотвѣтствія монашеской жизни идеалу.

Въ свое время остроумный Грозный ѣдко посмѣялся надъ монахомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, пожаловавъ имъ золотую братину съ изображеніемъ нагихъ женщинъ. При Петрѣ правительственная сатира пріобрѣтаетъ особенно рѣзкую форму съ момента учрежденія «веселаго бахусоподражительнаго братства»— всепьянѣйшаго, всешумнѣйшаго и сумасброднѣйшаго собора. Но если народная сатира на иноческій чинъ— «погань», по выраженію церковниковъ, пользовалась широкой популярностью, этого нельзя сказать про сатиру правительственную, принявшую слишкомъ уже непристойный характеръ при Петрѣ. Дѣянія всепьянѣйшаго собора достигали иныхъ результатовъ, чѣмъ того желалъ его учредитель Правительственная сатира возродилась при Екатеринѣ. Съ Высочайшаго соизволенія издана была, между прочимъ, лубочная картина о калязинскихъ монахахъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Справедливость требуетъ, однако, сказать одно: какъ ни расходилась по временамъ за обозрѣнный періодъ монастырская жизнь съ монашескимъ идеаломъ, все же монастыри являлись центрами благотворительности. Когда іосифляне въ началѣ XVI столѣтія защищали неприкосновенность монастырскаго имущества, когда старецъ Вассіанъ Косой, съ другой стороны, рисовалъ злоупотребленія монастырскими имѣніями, когда Нилъ Сорскій требовалъ, чтобы «чернеци жили бы по пустынямъ и кормились своимъ рукодѣліемъ» (селъ бы не имѣли), монастыри (напр., Волоколамскій) въ голодные годы продовольствовали цѣлые округа съ десятками тысячъ населенія; монастыри въ XVII в. содержали увѣчныхъ и престарѣлыхъ служилыхъ людей съ ихъ семьями и т. д.

Въ современныхъ монастыряхъ благотворительность не играетъ уже никакой роли. Богатство ихъ послѣ реформъ 1764 г. выросли до внушительныхъ размѣровъ, но мы не слыхали о какихъ-либо пожертвованіяхъ со стороны «нестяжателей» въ годины общественныхъ бѣдствій, которыя такъ часто переживаетъ наша родина.

II.

Прошло почти 150 лѣтъ послѣ секуляризации монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ.

Монастыри съ момента осуществленія реформы могли пріобрѣтать недвижимыя имущества лишь съ Высочайшаго разрѣшенія. Это право привело къ тому, что на рубежѣ XX вѣка монастырское землевладѣніе значительно превысило норму, установленную закономъ. По даннымъ 1905 г (таблицы Зака) за монастырями въ Европейской Россіи числилось около 740 тыс. десятинъ земли; по случайнымъ и, слѣдовательно, далеко неполнымъ даннымъ въ Азіатской Россіи нами насчитано около 100 т. дес. Слѣдовательно, въ среднемъ на каждый монастырь (ихъ насчитывается по даннымъ «Ежегодника Россіи 1907 г.» изданія центрально-статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ дѣлъ 890) приходится около 1000 десятинъ. Между тѣмъ по закону норма для штатныхъ монастырей опредѣляется въ 100—150 десятинъ; для архіерейскихъ домовъ 60. Надо имѣть въ виду къ тому же, что монастырямъ отводятся «лучшія угодія» съ мельницами, рыбными ловлями и т. д. Монастыри и архіерейскіе дома, не получавшіе земли или угодій въ видѣ компенсаціи за эти земли, получаютъ изъ казны особое вознагражденіе, которое по смѣтѣ 1909 г. составляетъ 30.435 р., кромѣ того, взамѣнъ переданныхъ въ казну имѣній—160 687 р.

Земля, находящаяся въ распоряженіи монастырей, по отдѣльнымъ монастырямъ, правда, распредѣляется въ высшей степени неравномѣрно. Изъ статистической таблицы, составленной г. Кильчевскимъ, явствуетъ, что отъ 200—500 десятинъ имѣютъ 235 монастырей; отъ 500—1.000 десятинъ 90 монастырей; отъ 1.000—5.000 десятинъ 71 монастырей; отъ 5.000—10.000 дес. 7 монастырей; болѣе 10.000 десятинъ—6 монастырей. Изъ этихъ шести· Соловецкій—66.000 дес.; Кожеозерскій—24.836 дес; Троицко-Зеленецкій—19.272 дес.; Саровская пустынь—26.239 д.; Успенская Могилевская пустынь—19.872 дес.; Григорьево-Бирюковъ—25.963 дес. и г. д. Ново-Аѳонскій монастырь, по словамъ «Церк. Вѣд.» (№ 20, 1908 г.), имѣетъ 30.000 оливковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, 500 апельсинныхъ и лимонныхъ,

вполнѣ оклиматизировавшихся и дающихъ прекрасный урожай, т.-е. прекрасный доходъ. Невская лавра имѣетъ сѣнокоса 7 000 дес., пахотной земли 8.000 дес.

Въ общей сложности монастырская земля, по минимальной оцѣнкѣ, стоитъ 50 мил. руб. Наименьшая сумма доходовъ опредѣляется въ 2 мил. руб.

Общее количество монашествующихъ достигаетъ 60.000, т.-е. на каждаго монаха приходится болѣе 15 д.

Яркое сопоставленіе можетъ дать распредѣленіе земли между отдѣльными монахами въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Напр., по даннымъ г. Денисова [1]), Вологодскій Свято-Духовъ монастырь, насчитывающій 18 монаховъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 3.830 дес. земли, т.-е. 213 десятинъ на брата.; Яблочинскій-Онуфріевскій—26 монаховъ и 1.627 десятинъ, т.-е. около 63 дес.; Херсонинскій у Севастополя—50 монаховъ и 2.473 дес., т.-е. около 50 дес., Николаевская Надѣевская пустынь въ Костромской губ.—12 монаховъ, 6.297 дес., т.-е. 527 дес. на человѣка, и т. д.

Высчитать доходность земли за отсутствіемъ отчетности нельзя: доходъ въ отдѣльныхъ монастыряхъ слишкомъ различенъ—Заиконоспасскій монастырь, владѣющій 26, или Новодѣвичій 46 десятинами огородной земли близъ Москвы, получаетъ тысячи; вологодскіе монастыри получаютъ, конечно, меньше. Но во всякомъ случаѣ хозяйство это таково, что своими силами монастыри управиться не могутъ, и въ 90 годахъ до 30.000 наемниковъ работали въ монастырскомъ хозяйствѣ.

Какое уже значеніе имѣютъ субсидіи, отпускаемыя изъ казны тѣмъ монастырямъ, въ распоряженіи которыхъ находятся извѣстные участки земли?

Служатъ ли эти субсидіи дѣйствительно важнымъ и необходимымъ матеріальнымъ источникомъ для поддержанія монастырей? Если мы приведемъ нѣсколько иллюстрацій, то они дадутъ намъ лучшій отвѣтъ.

Валаамскій монастырь получаетъ отъ казны 1.878 р.; по даннымъ, приводимымъ г. Новорусскимъ («Душеспасительное хозяйство», сентябрь «Соврем. Міръ» 1907 г.) и почерпнутымъ изъ монастырскихъ книгъ за 1904, денежный доходъ монастыря опредѣляется въ

---

[1]) „Православные монастыри Россійской Имперіи".

220.000 р. Правда, въ монастырѣ много монаховъ и и послушниковъ, болѣе 700. Но, очевидно, казенная субсидія здѣсь является совершенно лишней.

Заиконоспасскій монастырь въ Москвѣ владѣетъ, какъ было указано, 26 дес. огородной земли, мельницей, получаетъ доходы отъ помѣщеній на Никольской, отдаваемыхъ подъ лавки (т.-е. доходы, исчисляемые тысячами); отъ часовни и Владимирской церкви—доходы, также исчисляемые тысячами. Монаховъ въ монастырѣ 25. Изъ казны монастырь получаетъ 1 183 р.

Высоко-Петровскій монастырь въ Москвѣ владѣетъ доходнѣйшими торговыми помѣщеніями, 45 десятинами земли, отъ казны получаетъ 1 249 р. Монаховъ 17 человѣкъ.

Богоявленскій имѣетъ 60 десятинъ, изъ казны получаетъ 1.249 р. Монаховъ 32.

Даниловскій имѣетъ 51 десятину, получаетъ изъ казны 711 р. Монаховъ 18.

Яблочинскій-Онуфріевскій въ Сѣдлецкой губ. изъ казны получаетъ 4 385 р., владѣетъ 1.627 дес. земли. Монаховъ 26.

Херсонинскій у Севастополя отъ казны получаетъ 4.085 р.; 135 десятинъ земли заняты строеніями монастыря; 2.338 дес. владѣетъ въ Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздѣ, домъ въ Севастополѣ. Монаховъ 50.

Соловецкій монастырь изъ казны получаетъ 1.360 р., монаховъ въ монастырѣ 224. Монастырь владѣетъ 3 гостиницами, 2 домами для годовыхъ богомольцевъ, 4 мастерскими, лѣсопильной водяной мельницей, 6 заводами, докомъ для постройки парусныхъ судовъ и винтовыхъ пароходовъ,

Вологодскій Свято-Духовъ монастырь, числящій 18 монаховъ, имѣетъ 3.830 десятинъ, рыбную ловлю, водяную мельницу, капитала 61.860 руб. Изъ казны получаетъ 712 руб.

Вологодскій Спасо-Прилуцкій Дмитріевъ монастырь, 190 десятинъ земли, рыбная ловля (24 д. въ арендѣ), дающая 600 р., капиталъ 50.634 р, изъ казны 1.250 р.

Устюжскій Михаило-Архангельскій (тамъ же) — 19 монаховъ, 317 десятинъ земли, 2 рыбныя ловли, капиталъ 96.814 р., изъ казны 1.249 р.

Владимиро-Волынскій Христорождественскій—12 монаховъ, Синодъ 1.587 р., казна 2.489 р.

Милецкій Свято-Николаевскій (Волынской губ.)—21 мон., 408 дес., отъ казны 4.085 р.

Черниговскій-Успенскій — 13 мон., 223 дес., 1.871 р. изъ казны.

Батуринскій Николаевскій (Черниг. губ.) — 15 мон. 348 дес., казна 711 р.

Климовскій Покровскій (тамъ же) — 12 мон., зем. 262 дес., казна 2.375 р

Мартвильскій Успенскій (Кутаисской губ.)— 8 мон., 286 дес., казна 1.430 р.

Хутынскій (Новгор. губ.) — 23 монаха, 532 дес., изъ казны 1.861 р.

Мало-Кирилловъ Покровскій (Новгород. губ.)—6 мон., 391 дес., 798 р. казна.

Въ ярославской епархіи изъ 26 монастырей, обладающихъ капиталомъ въ 2.514 125 р. и владѣющихъ 7.059 десятинъ, 11 монастырей получаютъ казенную субсидію въ размѣрѣ 10.068 р. Другими словами: каждый монастырь имѣетъ 270 десятинъ земли. 100.000 р. капитала и 387 р. получаетъ отъ казны. На каждаго монаха приходится $3^1/_2$ дес. и 1.300 р. Все это, конечно, помимо наручныхъ доходовъ.

Приведенныя данныя говорятъ, что значительная часть монастырей при своихъ земельныхъ имуществахъ могли бы свободно существовать и безъ казенной субсидіи. Но вѣдь и въ указанныхъ монастыряхъ земля вовсе не является единственнымъ источникомъ существованія, она не является даже главной статьей дохода. Для правильнаго разрѣшенія вопроса слѣдовало бы учесть и многочисленные другіе доходы. Сдѣлать это за отсутствіемъ данныхъ трудно.

Высчитать доходность монастырей нѣтъ никакой возможности. Для нѣкотораго подсчета можно воспользоваться лишь «слухами», проникавшими въ печать. Они, конечно, не точны. Но надо имѣть въ виду, что данныя эти, неоднократно фигурировавшія въ печати, ни разу не были опровергнуты ни въ одномъ изъ нашихъ многочисленныхъ духовныхъ органовъ, кромѣ голословнаго заявленія въ Государственной Думѣ при обсужденіи дополнительнаго ассигнованія на содержаніе духовенства въ 1908 г., что данныя эти не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Чѣмъ объяснить подобное молчаніе? Не тѣмъ ли, что при раскрытіи истины мо-

жетъ обнаружиться, что дѣйствительная сумма доходовъ значительно превышаетъ даже указанную, что обнаружатся вопіющіе факты безконтрольнаго хозяйства!?

Такъ, по сообщенію газеты «Рѣчь», перепечатанному и въ другихъ газетахъ, слѣдующія цифры даютъ представленіе о доходахъ нашихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, которые, помимо казеннаго жалованья, получаютъ еще $^1/_3$ доходовъ тѣхъ монастырей, которыми управляютъ. Оказывается, что «московскій митрополитъ получаетъ жалованья 6.000 руб., столовыхъ 4 000 руб., доходовъ отъ архіерейскаго дома 8 000 руб., отъ Чудова монастыря 6.000 руб, отъ Сергіевской лавры 12 000 руб. и отъ Иверской часовни 45.000 руб., а всего 81.000 руб., Петербургскій митрополитъ получаетъ жалованья 5.000 руб., столовыхъ 4.000 руб., доходовъ отъ Невской лавры 250.000 руб., (по другимъ свѣдѣніямъ съ лавры 36 000 руб., изъ синодскихъ суммъ 15.000 руб. и на содержаніе митрополичьяго дома 18.000 руб.). а всего 259.000 руб.; Кіевскій митрополитъ получаетъ жалованья 5.000 р., столовыхъ 4 000 р, доходовъ отъ архіерейскаго дома 10 000 руб. и отъ Печерской лавры 65 000 руб., а всего 84 000 руб.; Новгородскій архіепископъ получаетъ жалованья 1.500 р., столовыхъ 4.000 руб, доходовъ отъ архіерейскаго дома 2 000 руб., съ Новгородскаго подворья 300.000 руб., а всего 307.500 р.; Владимирскій и Казанскій получаютъ каждый 50.000 руб. и т. д. Одесскій архіепископъ получаетъ 75.000 руб. (Владыка управляетъ Бизюковымъ монастыремъ, владѣющимъ 25.000 дес. земли, кромѣ того, отъ архіерейскаго дома получаетъ 200.000 руб. (Дурново); Тверской—до 40.000 руб. и т. д. въ томъ же родѣ.

Извѣстный знатокъ закулисной стороны жизни нашего высшаго духовенства г. Дурново въ «С.-Пет. Вѣд.» указываетъ, что архіереи, управляющіе монастырями, въ общей сложности получаютъ за это $1^1/_2$ мил. руб.

Три архипастыря управляютъ лаврами, одинъ лаврою, монастыремъ и Иверскою часовнею; 6 имѣютъ богатыя въ Москвѣ подворья (отъ 20—300 тыс. рублей дохода отъ нихъ), изъ нихъ 4 имѣютъ, кромѣ того, по одному монастырю въ управленіи. Изъ прочихъ 54 епархіальныхъ владыкъ: 4 имѣютъ въ управленіи

по два монастыря: ярославскій, полтавскій (въ Лубнахъ и Переяславлѣ), могилевскій (преображенскій и охорскій), орловскій (въ Орлѣ и площанскую пуст.), одинъ симбирскій—3 (въ Симбирскѣ, Сызрани и жадовская пуст.) и 25 по одному монастырю: 24 архіерея въ управленіи монастырей не имѣютъ. Что касается до викарныхъ епископовъ, то изъ 56 викаріевъ 45 имѣютъ въ своемъ управленіи по одному монастырю Замѣчательно, что наиболѣе богатыми епархіями управляютъ архіереи-вдовцы, имѣющіе дѣтей, благодаря чему, бываютъ случаи, что монастыри обкладываются на приданое архіерейскихъ дочерей, какъ это случилось въ одной епархіи. Отказавшійся внести назначенную сумму архимандритъ, уважаемый всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, былъ уволенъ на покой [1]).

Какъ мы уже видѣли, Иверская часовня въ 90 годахъ давала 300.000 руб Настоятель Сергіевской пустыни получаетъ 30 000 руб.

Не малую толику въ монастырскую кассу даютъ всевозможные поручные доходы. Авторъ брошюры «Богатства и доходы духовенства» г. Кильчевскій, чрезвычайно тщательно собравши всѣ имѣвшіяся данныя о имущественномъ положеніи господствующей церкви, подраздѣляетъ монастырскіе доходы на 18 статей.

Высчитать [2]) различные кошельковые, молебные, кружечные и пр. доходы, конечно, совершенно невозможно. Однако статьи эти, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, черезвычайно велики. это — десятки, сотни тысячъ рублей Въ новомъ Іерусалимѣ они составляютъ 13.000 руб ежегодно. Кстати, мы нѣкоторыя свѣдѣнія имѣемъ относительно Александро - Невской лавры. Кружечный сборъ, составляющійся изъ суммъ, полученныхъ за требы, дѣлится ежемѣсячно между мона-

---

[1]) Сколь доходными должностями являются архіерейскія каѳедры, показываетъ тотъ фактъ, что при оберъ-прокурорѣ гр. Д. А Толстомъ „сплошь и рядомъ продавались каѳедры“ (*Церк. Вопросы въ Россіи* Браила 1896 г , стр. 54) Такъ архіеп. Іоанафанъ черезъ посредство правителя синадской канцеляріи Павловскаго купилъ Ростовско-Ярославскую каѳедру за 10 000 руб. и Долскій монастырь тоже за 10 т. руб.

[2]) Доходы эти тщательно скрываются и подчасъ вовсе даже не записываются, объ этомъ свидѣтельствовалъ еще въ 1832 г. митрополитъ Филаретъ: свѣчные и кошельковые доходы берутся „приватно“. (См его переписку съ Нечаевымъ стр 72).

хами, сообразно ихъ монастырскому положенію Такъ, официально іеродіаконы получаютъ въ годъ 1.800 руб., іеромонахи 2.500 руб., архимандритъ 3 000 руб., намѣстникъ лавры 5.500 р. Въ дѣйствительности получаемыя суммы значительно больше. Извѣстно, что заказная обѣдня въ Александро-Невской лаврѣ, отслуженная іеромонахомъ, стоитъ 25 р., архимандритомъ—100 руб. и епископомъ—300 руб. Въ расчетъ принять лишь кружечный сборъ. Подарки и праздничные доходы отдѣльныхъ лицъ нельзя, конечно, исчислить. Теперь можно себѣ представить, какъ живутъ монахи Александро-Невской лавры.

На содержаніе братіи, которой насчитывается около 200 человѣкъ, отпускается 75.000 руб. въ годъ, при чемъ въ эту сумму входитъ лишь столъ, на освѣщеніе и отопленіе существуютъ особые кредиты (*Пет. Газ.*).

За послѣдніе годы монастыри особенно охотно стали помѣщать свои капиталы въ дома и городскую недвижимую собственность.

Доходовъ отъ домовъ, лавокъ, проценты съ капиталовъ не малы, но какъ о нихъ узнать, когда монастырскіе отчеты не печатаются? Сколь велика эта сумма, можно себѣ представить, если принять во вниманіе, что одной Александро-Невской лаврѣ принадлежитъ въ Петербургѣ 30 домовъ и 40 хлѣбныхъ лабазовъ: эти лабазы уже въ 70 годахъ давали лаврѣ 130 т. р. Монастырямъ въ Москвѣ принадлежатъ 146 домовъ и 32 подворья, въ Кіевѣ церковныхъ и монастырскихъ домовъ 114.

Въ общемъ монастырскіе доходы исчисляются милліонами. Единственный опытъ изслѣдованія монастырскихъ доходовъ былъ произведенъ въ 70-годахъ. И тогда годовые доходы монастырей весьма только приблизительно опредѣлялись въ размѣрѣ 9.000.000 р. (сюда, конечно, не входили «поручные» доходы и многіе другіе, которые нельзя было учесть никакими способами). Въ общемъ, по исчисленіямъ изслѣдователей, правительственная субсидія въ размѣрѣ 400.000 руб. составляла лишь $^1/_{200}$ доходовъ и имуществъ монастырей. Вѣчныхъ кладовъ въ 167 монастыряхъ въ 70-годахъ было на 7.000.000 р. Такимъ образомъ, по самому минимальному подсчету, каждый монастырь, принадлежавшій не къ числу самыхъ богатыхъ, имѣлъ болѣе

40.000 руб. Въ наши уже дни всѣхъ монастырей вмѣстѣ съ архіерейскими домами числилось 890, а слѣдовательно, надо думать, что *денежный капиталъ монастырей простирается по такому исчисленію свыше 40 мил. руб.* По свѣдѣніямъ ярославской консисторіи монастыри одной ярославской епархіи, какъ мы видѣли, имѣютъ капиталъ 2.517.125 руб. Принимая во вниманіе, что всей монастырской братіи числилось въ 70-ыхъ годахъ около 24.000 человѣкъ, то даже *по выше приведеннымъ даннымъ* на каждаго монаха приходилось 400 руб. дохода. Въ то же время монастырей числилось 485. Въ среднемъ на каждый монастырь приходилось около 18.000 р.

Доходъ Троицко-Сергіевой лавры, по официальнымъ даннымъ 70 гг., показанъ въ 202.293 р., изъ нихъ одни молебны дали 12.144 р. Насколько этотъ доходъ въ дѣйствительности больше, можно видѣть изъ примѣра, приведеннаго выше, по отношенію къ Валаамскому монастырю: его ежегодный доходъ достигаетъ 220.000 р. (22.000 р. даютъ однѣ свѣчи). Внѣ всякаго сомнѣнія, Троицкая лавра отъ богомольцевъ получаетъ больше. Даже иркутскій вознесенскій Иннокентіевскій монастырь отъ продажи свѣчей и молебновъ получаетъ 50.000 р Въ 70 годахъ Кіевская лавра отъ типографіи получала 20.000 р., сколько же получаетъ лавра теперь? Сколько же получаетъ дохода отъ типографіи Троицкая лавра? Вѣдь если сложить всѣ эти доходы, то получаются дѣйствительно сотни тысячъ рублей.

Можно и не удивляться, что нѣкоторые монастырскіе старцы по смерти оставляютъ огромные капиталы, исчисляемые сотнями тысячъ.

Отсюда выводъ одинъ: наши монастыри слишкомъ богаты

Монастырское же богатство содѣйствуетъ паденію монастырскихъ нравовъ. Такъ было изстари. «Въ монастыри постригаются не ради спасенія души, а покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать», — сказалъ еще Грозный на Стоглавомъ соборѣ. XVI и XVII вѣка полны жалобами и обличеніями на иноческую жизнь. О бражничествѣ монаховъ говорятъ намъ безчисленные царскіе указы.

Проходили столѣтія, росли монастырскія богатства, веселѣй становилась и монастырская жизнь.

Эту жизнь наканунѣ XIX столѣтія отлично охарактеризовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1866 г., П. М. Снегиревъ. Разсказываетъ онъ о Троицкой лаврѣ, изобиловавшей «всѣми благами». Лавра «славилась своими медами, пивами и квасами; виноградныя вина выписывались бочками... Передъ всенощной, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія клиросныхъ, такъ «что правый клиросъ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ». За всенощной въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величаніе, что называлось «на хвалитѣхъ»... Торжественно-забавнымъ бывалъ поѣздъ архимандрита въ баню. Онъ ѣхалъ шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ дьяконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телѣга съ разными припасами; полъ въ банѣ устилали благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали венгерскимъ виномъ, которымъ окачивался высокопреподобный. Въ лаврѣ каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кувшину меду, пива и квасу»... «По принятому обычаю соборные старцы и настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ плафными пряжками изъ серебра и золота, обувались въ шелковые чулки». У архимандрита была «пряжка на башмакахъ брильянтовая, какъ гласило преданіе, въ 10.000 р Объ архіепископѣ этомъ тогда носилась въ народѣ поговорка: «Гедеонъ нажилъ миллионъ»...

Да, привольно и весело жилось монахамъ Троицко-Сергіевой лавры 150 лѣтъ назадъ! Не хуже, впрочемъ, живется имъ и теперь.

Лѣтъ тридцать назадъ одинъ изъ церковныхъ журналовъ такъ описывалъ внѣшнюю сторону монастырской жизни: «Въ хоромахъ лицъ ангельскаго чина обиліе и довольство били полнымъ живымъ ключомъ. Мягкая, великолѣпная мебель, персидскіе ковры, роскошныя подушки на диванахъ, шитыя шелками и шерстями, съ изображеніемъ на нихъ изъ царства животнаго и растительнаго, на окнахъ цвѣтущая флора; за столомъ сладкія и сдобныя яства, лучшія вина и послѣ стола отличный десертъ. Захотѣлось настоятелю прогуляться,—пара вороныхъ коней въ фаэтонѣ мчитъ

инока въ «непроглядную даль». Другой настоятель «живетъ въ 8 комнатахъ, имѣетъ особую кухню, повара» и т. д.

И въ наши дни монастырская жизнь такова же. Одна маленькая подробность, сообщенная въ сентябрѣ 1908 г. *Сѣвероиъ*, даетъ наглядное представленіе о жизни въ Соловецкомъ монастырѣ... Въ числѣ различныхъ запасовъ, заготовляемыхъ на зиму, когда пароходное сообщеніе съ міромъ прекращается, видное мѣсто,— разсказываетъ газета,— занимаетъ водка. «Непосредственно съ архангельскаго казеннаго виннаго склада отправлено пока (въ предыдущую навигацію монастырь на зиму заготовилъ 600 ведеръ водки) 350 ведеръ «адамовыхъ слезъ» (такъ величаютъ здѣсь водку). Но это лишь официальный расходъ администраціи на водку, проводимый должнымъ порядкомъ по канцелярскимъ книгамъ. Порядокъ потребленія этой водки установленъ отцами! Она раздается какъ «утѣшеніе братіи» въ опредѣленные дни по типикону въ положенномъ количествѣ. Но помимо «официальной водки» существуютъ въ монастырѣ немалые запасы, такъ сказать, потайного характера...

Если собрать разбросанныя въ печати свѣдѣнія о монашескои жизни, получится довольно яркая картина. Невольно припомнится знаменитая фраза изъ рѣчи Плевако по дѣлу игуменьи Митрофаніи: «выше, выше стройте монастырскія стѣны, чтобы нравы монастырей оставались скрытыми отъ мірскихъ глазъ, чтобы мы, міряне, не знали и не видали, что творится за этими высокими стѣнами».

Здѣсь дѣло идетъ уже не о «комфортабельной» жизни монаховъ. Подчасъ мы слышимъ о дѣяніяхъ иного характера. Нѣкто «архіерейскій пасынокъ» собралъ въ *Пріуральѣ* свѣдѣнія, проникшія за послѣднее время о различныхъ монастырскихъ «событіяхъ». Картина получилась поучительная. Здѣсь идетъ рѣчь о присвоеніи монастырскихъ и церковныхъ денегъ, о похищеніи цѣнныхъ вещей изъ ризницъ и церковно-археологическихъ музеевъ, о поджогахъ церкви въ цѣляхъ получить побольше денегъ изъ Синода для постройки новой; здѣсь разсказывается о «гуляньяхъ съ непристойными пѣснями» и орлянкѣ, о картежной игрѣ, о прекрасныхъ «покровительницахъ», о сценахъ ревно-

сти, о побояхъ на той же почвѣ, о расплѣняхъ (знаменитый архимандритъ Засима, присужденный за свои подвиги въ Красноуфимскомъ женскомъ монастырѣ, къ 12-лѣтней каторгѣ) о многочисленныхъ сценахъ разврата и т. д. и т. д.

Скажутъ, что факты подобраны тенденціозно. Но у насъ есть свидѣтельство одного изъ видныхъ представителей монашествующей братіи, говорящее о томъ, что современная жизнь монаховъ очень далека отъ идеала.

Епископъ новгородскій Гурій почти до точности воспроизводитъ уже въ XX вѣкѣ слова, сказанныя нѣкогда Грознымъ на Стоглавомъ соборѣ: «Въ монастырь,—сказалъ онъ на собраніи братства св. Софіи,—идутъ теперь не для духовнаго хлѣба, а для тѣлеснаго». На богатство монастырей, какъ на причину паденія монашеской жизни, указываютъ также изданныя въ орловской епархіи «правила для монастырей» Здѣсь есть курьезные пункты, предписывающіе монахамъ «бѣлье для стирки сдавать прачкамъ не самимъ, а черезъ особаго монаха, молоко получать въ трапезной, а не ходить за нимъ къ скотницамъ». Такое же подтвержденіе мы находимъ въ циркулярѣ Синода за 1892 г.

Такимъ образомъ фактъ упадка монашеской жизни въ связи съ ростомъ монастырскихъ богатствъ признаютъ сами дѣятели церкви. Да иначе и не можетъ быть, разъ, по справедливому замѣчанію «архіерейскаго пасынка», монастыри обратились въ «коммерческія предпріятія съ лавками, торговлей, промыслами и приказчиками или въ барскія помѣстья съ пашнями, лугами, лѣсами и наемными батраками».

Монастыри получаютъ огромные доходы, и этими доходами братія распоряжается сообразно «своимъ личнымъ вкусамъ и потребностямъ». Эти потребности и вкусы были очерчены выше. Къ благотворительности же не склонна душа современнаго монаха. Эта благотворительность носитъ добровольный характеръ (поднимался было въ Синодѣ вопросъ объ обязательномъ отчисленіи, да и какъ всѣ подобные вопросы замеръ) По свѣдѣніямъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1902 г. на средства монастырей содержались 164 больницы и 93 богадѣльни, всего на 3.100 человѣкъ. Вѣдь это не

слишкомъ много, если мы къ тому же обратимъ еще вниманіе на то, что и изъ средствъ казны извѣстная толика идетъ на содержаніе указанныхъ благотворительныхъ учрежденій, напримѣръ, 80.000 р. ежегодно на содержаніе больницы при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ.

Монастыри не любятъ благотворительствовать — за истекшія годины различныхъ народныхъ бѣдствій лишь въ видѣ рѣдкихъ очень исключеній приходилось слушать о какихъ-либо пожертвованіяхъ. Не любятъ они и просвѣщеніе: напримѣръ, въ 1907 г. цѣлый съѣздъ епархіальный обсуждаетъ и выноситъ резолюціи по поводу «повально-забастовочнаго отношенія монаховъ уфимской епархіи въ матеріальной поддержкѣ духовныхъ заведеній». То же говорятъ намъ епархіальные съѣзды: екатеринбургскій въ 1903 г., владимирскій — въ 1905 г., уфимскій—въ 1906 г., таврическій, калужскій, тверской, пермскій, смоленскій, владикавказскій и т. д.

Можно горевать, можно радоваться упадку монастырской жизни. Церковные дѣятели могутъ вынести весьма поучительные для себя выводы. Насъ же интересуетъ не область морали, а другая сторона дѣла, затрогивающая непосредственно народные интересы.

Становится достаточно очевидно, что вопросъ о секуляризаціи монастырскихъ земель является однимъ изъ очередныхъ вопросовъ, разрѣшеніе котораго можетъ быть осуществлено даже безъ отношенія къ разрѣшенію общаго земельнаго вопроса. Земельный вопросъ — коренной вопросъ русской жизни. Земельный фондъ въ размѣрѣ почти 1 мил. десятинъ можетъ сыграть существенную роль.

Но независимо отъ этого вопроса возникаетъ и другой вопросъ: неужели наше государство такъ богато, неужели оно можетъ удовлетворить всѣ насущнѣйшія потребности въ такихъ размѣрахъ, что безъ труда изъ своихъ скудныхъ средствъ можетъ отпускать ежегодно 400.000 руб. на содержаніе монастырей, къ тому же въ значительной степени монастырей богатыхъ? Быть-можетъ, даже на брильянтовыя пряжки на архіерейскія туфли!

15 марта 1909 г.

Гдѣ правда? [1])

Въ печати давно уже приводятся цифры, свидѣтельствующія о колоссальныхъ доходахъ, которые получаютъ наши монастыри. Дѣло идетъ о десяткахъ, даже сотняхъ тысячъ, получаемыхъ нѣкоторыми архіереями, въ пользу которыхъ идетъ отчисленіе въ размѣрѣ 33% съ доходовъ монастырей, находящихся въ ихъ вѣдѣніи. Цифры эти ни разу не были печатнымъ путемъ опровергнуты, хотя онѣ неоднократно фигурировали въ газетныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Разъ только съ думской трибуны глухо и голословно было заявлено, что циркулирующіе «слухи» не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Мы знаемъ, что монастыри не подлежатъ контролю, даже синодскому. Монастыри не печатаютъ никакихъ отчетовъ о своихъ доходахъ и расходахъ. Все ихъ хозяйство, такимъ образомъ, покрыто мракомъ неизвѣстности. И поэтому приходится пользоваться «слухами», случайно проникающими въ печать, чтобы приподнять хотя одинъ уголокъ глухой завѣсы, укрывающей отъ глазъ непосвященныхъ монастырскіе секреты. Эти случайныя данныя нерѣдко вызываютъ недоумѣнія, разъяснить которыя могутъ лишь тѣ компетентныя учрежденія, которыя, имѣя въ своемъ распоряженіи фактическій матеріалъ, болѣе точно освѣдомлены о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. По поводу одного такого недоумѣнія мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

---

[1]) Настоящая статья была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ видѣ письма въ редакцію: она была процитирована въ рядѣ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, и, конечно, какъ и можно было въ значительной степени предвидѣть заранѣе, никакого опроверженія и разъясненія ни съ чьей стороны не послѣдовало

Въ нынѣшнемъ году поступила въ продажу объемистая книга, составленная г. Денисовымъ, подъ заглавіемъ «Православные монастыри Россійской имперіи». Здѣсь дается полный списокъ всѣхъ существующихъ монастырей; списокъ сопровождается краткимъ топографическимъ, историко-статистическимъ и археологическимъ описаніемъ монастырей, между прочимъ, сообщаются и нѣкоторыя данныя, касающіяся ихъ матеріальнаго благосостоянія. Условія, которыми обставлено знакомство съ этой стороной жизни монастырей, не даютъ возможности отвѣтить, насколько приводимыя данныя соотвѣтствуютъ дѣйствительности Однако пріемы, которые употреблялъ авторъ, собирая свѣдѣнія, косвенно показываютъ, что его даннымъ въ значительной степени можно довѣрить. Его данныя отчасти данныя офиціознаго характера. Авторъ книги— дѣйствительный членъ московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи. Перечисленныя званія показываютъ, что авторъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ „тенденціозности“. Приступивъ къ своей работѣ, авторъ опубликовалъ 21 января 1901 г. въ *Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, т.-е. органѣ офиціальномъ, программу, заключающую 14 вопросныхъ пунктовъ. Программа эта была разослана по всѣмъ монастырямъ для соотвѣтствующихъ отвѣтовъ. Въ 1904 г. въ той же газетѣ было сдѣлано напоминаніе настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей Въ результатѣ авторъ получилъ до 280 отвѣтовъ. Собранный такимъ путемъ матеріалъ, пополненный имѣющимися печатными свѣдѣніями, и легъ въ основу указанной работы.

Опытъ прошлаго особенно по отношенію къ богатымъ монастырямъ показываетъ, что монастыри частенько любятъ значительно уменьшать свои доходы; въ этомъ прошломъ имѣются факты, свидѣтельствующіе, что монастыри при подобныхъ опросахъ нерѣдко скрывали даже тѣ суммы, которыя они офиціально получали на содержаніе изъ суммъ государственнаго казначейства. Слѣдовательно, много шансовъ за то, что данныя, приводимыя г. Денисовымъ, отнюдь не увеличены, а скорѣе уменьшены. Ознакомленіе съ этими данными и вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія.

По текущей смѣтѣ Синода, мало отличающейся отъ смѣты предшествующихъ лѣтъ, изъ казны на содержаніе мужскихъ и женскихъ монастырей отпускается 397.522 р. Сумма эта существенно расходится съ данными, которыя можно почерпнуть изъ статистической работы г. Денисова, расходится она не въ своемъ окончательномъ итогѣ, а въ отдѣльныхъ частяхъ. Общаго итога въ работѣ автора нѣтъ, такъ какъ онъ приводитъ цифры, свидѣтельствующія объ имущественномъ положеніи монастырей, только по отношенію къ тѣмъ монастырямъ, которые дали ему отвѣтъ на разосланные запросы. Сопоставляя данныя, полученные г. Денисовымъ, съ данными синодской смѣты, мы видимъ странное противорѣчіе: многіе монастыри, не указанные въ смѣтѣ, получаютъ, какъ оказывается, тѣмъ не менѣе, субсидію изъ казны! Яркій примѣръ представляютъ, между прочимъ, монастыри московской епархіи. Въ смѣтѣ указаны 9 мужскихъ монастырей и 3 женскихъ, получающихъ субсидіи изъ казны, и вовсе не отмѣчены монастыри Донской, получающій субсидію въ размѣрѣ 2 212 р., Новоспасскій—1.851 р., Симоновскій—1 851 р. Заиконоспасскій—1.183 р., Даниловскій—711 р., Борисоглѣбскій дмитровскій—711 р., Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) — 1 994 р., Екатерининская пустынь—200 р., Зачатіевскій—380 р. Имѣется разница и въ ассигнованіи суммъ: напримѣръ, Златоустинскій по смѣтѣ получаетъ 668 р. по даннымъ г. Денисова—1.460 р. и т. д.

То же наблюдается и по отношенію къ другимъ епархіямъ, напр., въ петербургской не указана Александра-Невская лавра, получающая изъ казны 8.970 р.

Чѣмъ надо объяснить отмѣченное противорѣчіе? Если не указанные въ смѣтѣ монастыри дѣйствительно получаютъ казенную субсидію, то изъ какихъ суммъ они ее получаютъ?

Государственная Дума при разсмотрѣніи смѣты 1909 г. должна учесть эти таинственныя суммы. Если данныя, заключающіяся въ книгѣ г Денисова, не отвѣчаютъ дѣйствительности, то было бы въ высшей степени желательно получить компетентное разъясненіе Напомнимъ, что въ докладѣ бюджетной комиссіи, разсмотрѣвшей бюджетъ Синода за истекшій годъ въ прошлую сессію Государственной Думы, отмѣчалась

также необходимость разъясненія нѣкоторыхъ сторонъ хозяйственной дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія, дабы «избѣгнуть нареканій на духовное вѣдомство и указаній на получаемые имъ чрезмѣрные доходы». До тѣхъ поръ, пока таинственное не сдѣлается гласнымъ, эти нареканія и указанія будутъ всегда. Они будутъ имѣть за собой полное основаніе, и имъ будутъ вѣрить.

26 ноября 1908 г

Податныя льготы церкви.

(По поводу обложенія земскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ духовнаго вѣдомства.)

Церковь наша богата, богата даже чрезмѣрно. А между тѣмъ она пользуется по закону еще податными льготами, существованіе которыхъ не можетъ себѣ найти никакого уже оправданія при современныхъ условіяхъ

Таковы, напримѣръ, привилегіи по уплатѣ земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ вѣдомству православнаго исповѣданія. Существующія въ этомъ отношеніи льготы для духовныхъ учрежденій опредѣляются стт. 50 и 51 уст. о земск повин. Согласно указаннымъ статьямъ, отъ сбора освобождаются всѣ «угодья, данныя правительствомъ на содержаніе церквамъ и церковнымъ причтамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ»; равнымъ образомъ не подлежатъ обложенію со стороны земскихъ учрежденій «всякаго рода недвижимыя имущества, которыя не приносятъ и по своему свойству не могутъ приносить никакого дохода, безъ различія, отданы ли сіи имущества правительствомъ на содержаніе упомянутыхъ духовныхъ учрежденій или пріобрѣтены инымъ способомъ».

Ясно, что, устанавливая эти нормы, законодатель могъ руководиться тѣмъ соображеніемъ, что земельныя угодія, удѣленныя правительствомъ по штату тѣмъ или инымъ духовнымъ учрежденіямъ, будутъ служить имъ *главнымъ* матеріальнымъ обезпеченіемъ.

Такія теоретическія соображенія въ дѣйствительности въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣзко разошлись съ установившейся практикой. Получилось совершенно ненормальное положеніе. напримѣръ, мо-

настырь, обладающій доходными земельными угодіями, помимо тѣхъ, которыя полагаются ему по штату, освобождается отъ уплаты земскихъ повинностей по участку, отведенному правительствомъ на содержаніе монастыря, хотя этотъ участокъ отнюдь не служитъ уже теперь *главнымъ* источникомъ матеріальнаго его обезпеченія.

Но даже помимо этого едва ли могутъ быть проведены какія-либо раціональныя основанія для сохраненія прежнихъ податныхъ льготъ независимо отъ оцѣнки доходности земельныхъ имуществъ, предоставленныхъ духовнымъ учрежденіямъ когда-то въ качествѣ продовольственной нормы: какъ часто бываетъ теперь, земли, малодоходныя пять - десять лѣтъ назадъ, при новыхъ способахъ эксплуатаціи сдѣлались источникомъ крупнаго дохода

Яркій примѣръ для подтвержденія сказаннаго можно найти въ положеніи Богородице-Рождественской церкви на Бутыркахъ, въ Москвѣ. Церковь эта извѣстна, между прочимъ, по тѣмъ перипетіямъ, которыя связаны съ вопросомъ о наложеніи земскаго сбора на принадлежащія церкви земельныя угодья.

Бутырскій причтъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ не только въ Москвѣ, но и по всей Россіи. Кромѣ доходовъ отъ земли, причтъ имѣетъ громадный доходъ отъ прихода, считающагося по территоріи самымъ обширнымъ въ Москвѣ. Земельныя владѣнія церкви исчисляются въ 684 дес. 1.131 саж. Изъ нихъ въ 1824 г. были отмежеваны 262 десятины для Общества сельскаго хозяйства за ежегодную уплату въ пользу церкви 257 р.; 18 десят. 1.670 кв. саж. захвачены подъ постройки частными лицами. 8 десятинъ отчуждено подъ Ярославскую и Николаевскую жел. дор. Сумма, уплаченная за отчужденіе, неизвѣстна. 35 десятинъ въ 1872 г. куплено г. Бунсомъ подъ фабрику; сумма вырученныхъ денегъ тоже неизвѣстна. Въ 1898 г. подъ Савеловскую жел. дорогу отчуждено 29 десятинъ 1.752 саж. земли, при чемъ уплачено въ общей сложности 925.109 руб. Въ настоящее время во владѣніи причта бутырской церкви имѣется 330 дес. 647 саж. земли, которая сдается въ аренду подъ постройку домовъ по оцѣнкѣ отъ 1—2 р. за сажень въ годъ. За отсутствіемъ контроля учесть доходность сдаваемой въ аренду земли нельзя. У причта бутырской церкви имѣется еще свой собственный ка-

питалъ, суммой болѣе ста тысячъ рублей. Причтъ уплачиваетъ 114 руб. причту Міусскаго кладбища за пользованіе 20-ю десятинами его земли и за эту землю выручаетъ около 40.000 руб.

Почерпнутыя данныя объ имущественномъ положеніи бутырской церкви сообщались въ журналѣ *Церковь*. Ясно, что при такомъ богатствѣ не можетъ существовать никакихъ основаній для освобожденія ея недвижимыхъ имуществъ отъ земскаго сбора.

Если такъ обстоитъ дѣло съ недвижимыми имуществами учрежденій духовнаго вѣдомства, не подлежащими обложенію земскимъ сборомъ по ст. 50-й уст. о земск. повин., т.-е. отведенными правительствомъ на содержаніе этихъ учрежденій, то еще большія недоразумѣнія вызываются ст. 51-й, освобождающей отъ уплаты земскихъ повинностей всякаго рода недвижимыя имущества духовныхъ учрежденій, разъ только они не приносятъ и по своему свойству не могутъ приносить никакого дохода.

Мы видимъ въ этой области постоянныя уклоненія со стороны духовныхъ учрежденій отъ уплаты причитающихся съ нихъ земскихъ повинностей; и далѣе — конфликты, возникающіе на почвѣ такого уклоненія, между земскими учрежденіями и духовнымъ вѣдомствомъ. Сенатская практика до послѣдняго времени разрѣшала эти конфликты скорѣе не въ пользу земскихъ учрежденій, и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени санкціонировала законность уклоненія отъ уплаты земскаго сбора со стороны подлежащихъ учрежденій духовнаго вѣдомства. Прежде всего сенатскія разъясненія чрезвычайно расширили сферу примѣненія ст. 51-й уст. о земск. пов.: указомъ Правительствующаго Сената 28 октября 1905 г устанавливается, что церковныя недвижимыя имущества могутъ считаться приносящими доходъ лишь въ томъ случаѣ, если они эксплуатируются посредствомъ сдачи въ аренду; въ противномъ случаѣ, какъ это ни странно, они относятся къ той категоріи имуществъ, которыя «не приносятъ и по своему свойству не могутъ приносить никакого дохода». На основаніи такого толкованія объема примѣненія ст. 51 Сенатъ отмѣнилъ, напримѣръ, постановленіе московскаго уѣзднаго земскаго собранія по поводу обложенія земскимъ сборомъ

участка земли въ 12 десятинъ, на которомъ выстроенъ епархіальный церковно-свѣчной заводъ.

Докладъ московской уѣздной земской управы по вопросу о привлеченіи къ обложенію земскимъ сборомъ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ духовнаго вѣдомства на общепринятыхъ для всего населенія основаніяхъ, представленный земскому собранію сессіи 1907 г., достаточно ярко рисуетъ на основаніи фактическихъ данныхъ ненормальность, которую порождаютъ исключительныя льготы, предоставленныя въ этомъ отношеніи духовному вѣдомству.

Въ Московскомъ уѣздѣ насчитывается свыше 6.300 десятинъ земли, принадлежащей разнымъ духовнымъ учрежденіямъ; болѣе 52% этой земли расположены въ пригородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ «цѣнность и доходность земель наиболѣе высокая». Между тѣмъ, какъ оказывается, около 6.000 десятинъ церковныхъ и монастырскихъ земель свободны отъ обложенія. Какова же доходность этихъ земель? По свѣдѣніямъ управы, видно, между прочимъ, что 10% церковной земли въ Выхонской, напримѣръ, волости сдается подъ постройку дачъ, при чемъ такой способъ пользованія землей даетъ въ среднемъ около 140 руб. дохода съ десятины. Но особенно ярка исторія съ обложеніемъ земли, принадлежащей Богородице-Рождественской церкви въ Бутыркахъ: здѣсь $51_{,6}$ десятинъ давали въ 1899 г. доходъ въ 49.500 руб., т.-е. 960 руб. съ десятины... Московскій уѣздъ вовсе не представляетъ собой какого-либо исключенія.

Какъ видно, между прочимъ, изъ указовъ Правительствующаго Сената послѣдняго времени (указъ 8 ноября 1907 г. по жалобѣ причта упомянутой церкви на Бутыркахъ на постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія по предмету обложенія принадлежащихъ церкви земель земскимъ сборомъ и аналогичный указъ 15 мая того же года по жалобѣ черниговской духовной консисторіи), Сенатъ въ своихъ разъясненіяхъ руководствуется соображеніями формальнаго характера, — приходится ссылаться даже на писцовыя книги. Но самый законъ, какъ мы видимъ, совершенно не отвѣчаетъ современному положенію вещей.

Нашими земскими учрежденіями давно уже поднятъ вопросъ о привлеченіи къ обложенію земскимъ сборомъ *всѣхъ* недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ учрежденіямъ духовнаго вѣдомства. Мы упоминали уже о московскомъ земствѣ. Опредѣленно разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ въ солигалическомъ уѣздномъ земскомъ собраніи очередной сессіей 1907 г. Несмотря на протестъ реакціонеровъ, земское собраніе постановило: стремясь по возможности справедливо распредѣлить налоговое бремя на всѣ имущества уѣзда и находя, что существующее до сего времени, въ видѣ исключенія, изъятіе отъ обложеній земскимъ сборомъ земель, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ, нарушаетъ принципъ справедливости, полагаемый въ основу земскаго хозяйства, земское собраніе постановило возбудить черезъ губернское земское собраніе ходатайство о предоставленіи земству права облагать всѣ земли, принадлежащія церквамъ и монастырямъ, на равныхъ со всѣми другими землями основаніяхъ.

И, конечно, вышеуказанныя статьи закона должны быть устранены въ соотвѣтствіи съ требованіями времени [1]).

---

[1]) То же пришлось бы повторить и по поводу торгово-промышленной дѣятельности синодско-епархіальныхъ учрежденій. Ихъ „бойкая торговля“ свѣчами, книжками и т. д., какъ мы видѣли, даетъ громадный доходъ; и, тѣмъ не менѣе, за свои торговыя операціи они никакого налога не платятъ государству. Мало того, какъ показываютъ факты, эти торговыя операціи производятся подчасъ съ явнымъ нарушеніемъ закона. Любителямъ „русской старины“ въ данномъ случаѣ не мѣшало бы вспомнить завѣты своихъ предковъ еще XVI столѣтія, которые, какъ мы видѣли, являлись противниками податныхъ льготъ, предоставляемыхъ духовному вѣдомству.

Церковныя земли.

Вопросъ о церковныхъ земляхъ усиленно дебатировался за послѣднее время на страницахъ нашей духовной печати. Занятъ имъ былъ и Синодъ, разославшій весною 1907 г. по всѣмъ консисторіямъ циркуляръ, предписывающій епархіальнымъ архіереямъ образовать въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ функціонируютъ землеустроительныя комиссіи, особыя временныя комиссіи для выясненія вопроса о количествѣ земли, необходимой для обезпеченія церковныхъ причтовъ.

По предположеніямъ Синода, отъ землеустроительныхъ комиссій будетъ зависѣть надѣленіе церковныхъ причтовъ землей изъ состава предназначенной для продажи крестьянамъ, согласно представленіямъ епархіальнаго вѣдомства.

Такимъ образомъ вопросъ о церковныхъ земляхъ выдвинутъ на очередь и при тенденціи, явно обнаруживающейся въ упомянутомъ только что циркулярѣ Синода, къ увеличенію существующихъ церковныхъ надѣловъ можетъ получить совершенно нежелательное разрѣшеніе, несоотвѣтствующее требованіямъ жизни и, пожалуй, даже, какъ увидимъ, желанію большинства духовенства. Духовенство кіевской епархіи, среди котораго имѣется компактная буржуазная группа, ведущая обширное земельное хозяйство отчасти на церковной землѣ, отчасти и на собственной, составило даже проектъ увеличенія площади церковнаго землевладѣнія минимумъ вдвое сравнительно съ настоящимъ, до 72 десятинъ при каждой церкви.

Не въ увеличеніи земельнаго надѣла, долженствующаго служить обезпеченіемъ сельскаго причта, лежитъ нормальное разрѣшеніе вопроса о церковныхъ земляхъ.

По официальнымъ даннымъ 1890 г., церковныхъ земель (т.-е. земельныхъ надѣловъ, служащихъ къ обезпеченію церковнаго причта въ 28.769 церквахъ Европейской Россіи, монастырскія земли здѣсь, конечно, не идутъ въ счетъ) насчитывается 1.670.194 десятины, изъ которыхъ болѣе полутора милліона обслуживаютъ интересы сельскаго причта. Происхожденіе этихъ земель таково: прихожане должны нарѣзать причту узаконенное количество усадебной, пахотной и сѣнокосной земли. «Казенной» пропорціей считается 33 десятины. Количество общественной земли, предоставляемой въ пользованіе причту, иногда превосходитъ, однако, указанную норму, полагающуюся по штату (еще въ эпоху Николая I въ цѣляхъ улучшенія быта сельскаго духовенства постановлено было нарѣзать до 90 десятинъ).

Въ виду отсутствія какихъ-либо точныхъ фактическихъ данныхъ (статистика и отчетность въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ поразительно слабы), чрезвычайно трудно въ сущности опредѣлить, насколько церковные земельные надѣлы въ дѣйствительности служатъ средствомъ обезпеченія сельскаго духовенства. Если одни факты, взятые въ отдѣльности и разрозненные, свидѣтельствуютъ, что церковныя земли «служатъ самымъ главнымъ и самымъ надежнымъ источникомъ содержанія сельскаго духовенства», то другіе, напротивъ, говорятъ о томъ, что земельные надѣлы не играютъ первенствующей роли въ ряду средствъ матеріальнаго обезпеченія духовенства и служатъ лишь «нѣкоторымъ подспорьемъ въ его скудномъ хозяйствѣ».

Изъ отчетовъ синодальнаго оберъ-прокурора 1902 г. явствуетъ, что доходность съ имѣній духовенства достигаетъ 6.631.735 руб., т.-е. въ среднемъ на каждый причтъ приходится около 230 р. 52 к., при чемъ это среднее получено при помощи простого ариѳметическаго дѣленія безъ отношенія къ распредѣленію церковныхъ земель по отдѣльнымъ приходамъ. Между тѣмъ это распредѣленіе крайне неравномѣрно, и земельныя владѣнія многихъ церквей значительно превышаютъ обычную норму. Отсюда можно вывести само-по-себѣ заключеніе, что церковныя земли играютъ скорѣе роль лишь «подспорья» въ жизни сельскаго духовенства. Чтобы точно опредѣлить эту роль, нужно было бы высчитать «поручные» доходы духо-

венства, т.-е. доходы съ требъ и пр., чего сдѣлать невозможно, и присчитать къ нимъ ассигнованія на жалованье духовенства изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 12.324.736 руб. (нѣкоторыя данныя по этимъ вопросамъ приведены въ статьѣ «Бюджетъ Синода»). Правда, казеннымъ жалованьемъ обезпечивается преимущественно причтъ холмско-варшавской, рижской и сѣверо-западныхъ епархій, но кое-что перепадаетъ и причтамъ тѣхъ приходовъ, которые «заражены» сектантствомъ, расколомъ и пр.

Врядъ ли справедливо, однако, вообще ставить разрѣшеніе вопроса о церковныхъ земляхъ въ связь съ матеріальнымъ обезпеченіемъ сельскаго духовенства. Во всякомъ случаѣ земледѣліе не является основнымъ занятіемъ духовенства и единственнымъ источникомъ для добыванія хлѣба насущнаго. Въ силу уже задачъ, преслѣдуемыхъ церковью, занятіе это, конечно, является посторонннимъ. Допустимъ даже, что сельское духовенство при переходѣ церковныхъ надѣловъ въ земельный фондъ, долженствующій послужить къ удовлетворенію нуждъ крестьянскаго населенія, лишится главнаго своего матеріальнаго подспорья,— тогда придется изыскать другія средства, обезпечивающія существованіе сельскаго духовенства.

И найти эти необходимыя средства нетрудно, они даже намѣчены, какъ увидимъ мы ниже, въ средѣ самого духовенства. Надо имѣть въ виду и то, что сельское духовенство въ огромномъ, быть-можетъ, большинствѣ не эксплуатируетъ непосредственно находящіеся въ его распоряженіи земельные участки Лица, близкія къ сельскому духовенству, а иногда и представители послѣдняго на страницахъ духовныхъ журналовъ (рядъ статей по этому поводу былъ помѣщенъ, между прочимъ, въ послѣднее время въ петербургскомъ академическомъ органѣ *Церковный Вѣстникъ* и въ *Церк. Общ. Жизни*), констатируютъ, что идиллии единенія пастыря съ пасомыми на почвѣ совмѣстныхъ сельскохозяйственныхъ работъ не существуетъ въ дѣйствительности: «въ наше время трудно встрѣтить даже и псаломщика, который собственными руками обрабатывалъ бы свой участокъ». «Испольная» работа, «помочи», наемный трудъ, аренда, — таковы формы эксплуатаціи земельныхъ надѣловъ сельскимъ духовен-

ствомъ. Земля, полученная отъ сельскаго общества, передается тому же обществу въ аренду за договорную плату, соотвѣтственно существующимъ повышеннымъ цѣнамъ. По отчету оберъ-прокура Синода въ 1901 г. большинство причтовъ отдало свои земли въ аренду. Въ поволжскихъ губерніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ *Церк. Общ. Жизнь*, церковная земля по большей части «только фиктивно числится за причтомъ, а на самомъ дѣлѣ она состоитъ въ мірскомъ пользованіи и дѣлится между крестьянами вмѣстѣ съ общественнымъ надѣломъ». Взамѣнъ земли въ этомъ случаѣ причтъ получаетъ опредѣленную «ругу» или хлѣбомъ или деньгами; въ другихъ мѣстахъ вмѣсто руги отъ цѣлаго общества платится за пользованіе причтовою землею опредѣленная сумма, которая представляется духовенству или по полугодіямъ или въ концѣ года.

Очевидно, роль сельскаго духовенства въ качествѣ «культуртрегеровъ»,—аргументъ, который любятъ приводить въ пользу неотчуждаемости церковныхъ земель, а теперь и въ пользу расширенія церковнаго землевладѣнія,—сводится къ нулю. И какъ свидѣтельствуютъ тѣ же органы, духовенство это не имѣетъ никакого вліянія въ смыслѣ распространенія среди населенія сельскохозяйственныхъ знаній: не можетъ быть и рѣчи даже объ улучшеніи хозяйства на церковныхъ земляхъ согласно указаніямъ агрономической науки.

Наиболѣе прогрессивные элементы въ духовенствѣ сами высказываются противъ пользованія церковнымъ надѣломъ, которое лишь «деморализуетъ» духовенство. Земельные надѣлы на ряду съ платами за требоисполненія, различными сборами по приходу, праздничными хожденіями съ крестомъ и молебнами и т. д. создаютъ ненормальныя отношенія между церковнымъ причтомъ и прихожанами. На сельскій причтъ, владѣющій надѣломъ, крестьяне смотрятъ какъ на помѣщичій элементъ, а это даетъ поводъ къ цѣлому ряду недоразумѣній. Въ самое послѣднее время аграрныя отношенія между причтомъ и прихожанами значительно обострились: забастовки, потравы, своевольные захваты становятся уже нерѣдкими явленіями на церковныхъ земляхъ. Наиболѣе острую форму раздоръ, конечно, принимаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церковная земля превосходитъ традиціонную норму въ размѣрѣ 33 десятинъ.

По указаннымъ соображеніямъ прогрессивное духовенство и высказывается за замѣну церковнаго надѣла опредѣленнымъ жалованьемъ. Послѣднее является pium desiderium уже многихъ лѣтъ лучшихъ слоевъ духовенства, признающаго существующую систему оплаты труда слишкомъ унизительной, при чемъ вызывающей еще почти неизбѣжное сопутствующее явленіе въ видѣ торгашества и поборовъ. Врядъ ли можно даже въ данномъ случаѣ говорить о корыстолюбіи духовенства, по крайней мѣрѣ, сельское духовенство, необезпеченное въ достаточной мѣрѣ, само изнываетъ отъ ложащихся часто непосильной тяготой поборовъ высшаго духовенства.

Такимъ образомъ по признанію значительной части самого духовенства нормальное разрѣшеніе церковноземельнаго вопроса лежитъ въ ликвидаціи церковнаго землевладѣнія. Этотъ вопросъ разрѣшается внѣ зависимости о постановкѣ общеземельнаго вопроса.

Требы и жалованье духовенству.

При разрѣшеніи вопроса о церковныхъ земляхъ духовенство, сочувствующее отобранію земельныхъ владѣній, какъ мы видѣли, ставило другой вопросъ—о назначеніи опредѣленнаго жалованья, о назначеніи извѣстной денежной нормы, которая могла бы обезпечить духовенству достаточное содержаніе.

Существующая система оплаты труда духовенства дѣйствительно не можетъ быть признана нормальной. О томъ свидѣтельствуютъ уже многочисленные конфликты, возникающіе постоянно между причтомъ и паствой. Еще московскій митрополитъ Филаретъ долженъ былъ признать, что русское духовенство служеніе Богу обратило «въ выгодное ремесло, а алтари въ оброчную статью».

Высочайше утвержденными правилами 24 марта 1873 г. мѣстными средствами содержанія приходскаго духовенства признаны: 1) *доброхотныя даянія прихожанъ за* исполненіе для нихъ церковныхъ и приходскихъ требъ: 2) церковная земля, каковой полагается не менѣе 33 десятинъ на причтъ; 3) проценты съ предназначенныхъ въ пользу причтовъ вѣчныхъ вкладовъ и 4) доходовъ съ оброчныхъ церковныхъ статей, также предназначенныхъ въ пользу причтовъ. Кромѣ этихъ мѣстныхъ средствъ содержанія, духовенство, какъ извѣстно, получаетъ еще жалованье отъ казны.

Въ старое время требы регулировались контрактами, заключенными между прихожанами и священниками. Съ уничтоженіемъ выборнаго начала въ приходахъ стала вводиться такса, такъ была введена такса въ 1720 г. затѣмъ подтверждена въ 1765 г. Въ 1801 г. она была удвоена (крещеніе—6 к., свадьба 20 к., отпѣваніе—20 к. и т. д.). Духовенство никогда не придерживалось этой

таксы, а въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ она уже не упоминается, и вознагражденія за требы являются «доброхотнымъ даяніемъ» со стороны прихожанъ, которыя распредѣляются между причтомъ по правиламъ, изданнымъ Синодомъ въ 1873 г., (при чемъ, существовало правило, что главнѣйшія требы должны совершаться безплатно: указомъ Синода 20 февраля 1887 г. запрещено было не только взимать плату за исповѣдь и причастіе, но даже выставлять тарелки и кружки для доброхотныхъ даяній. Конечно, указы эти не имѣли примѣненія на практикѣ. При назначеніи впервые жалованья духовенству указомъ 10 августа 1720 г. запрещено было безъ особаго зова священникамъ и монахамъ ходить въ дома прихожанъ со св. водой и для славленія. По дѣйствующему уставу духов кон. священнослужители, уличенные въ вымогательствѣ платы за требы, огрѣшаются отъ мѣста и производятся въ причетники до раскаянія и поправленія). Законъ не опредѣляетъ, такимъ образомъ, размѣры вознагражденій причту за требоисполненія. Требы таксируются на основаніи обычнаго права, и эта такса чрезвычайно разнообразна. Нерѣдко у мѣстнаго духовенства проявляется стремленіе повысить установившуюся плату за требы,—другими словами, превратить доброхотное даяніе въ обязательный платежъ съ извѣстнымъ minimum'омъ. Вопреки закону Покровскій женскій монастырь, Оренбургской губерніи, выпустилъ даже спеціальный прейсъ-курантъ въ видѣ листка съ цѣнами за поминовеніе усопшихъ. Если прихожане не уплачиваютъ опредѣленнаго размѣра вознагражденія, духовенство подчасъ отказывается отъ исправленія требъ,—это, какъ извѣстно, обычное явленіе въ деревнѣ, особенно при вѣнчаніи.

Большую роль играютъ и всевозможныя натуральныя повинности, налагаемыя произвольно на населеніе.

Вотъ нѣсколько иллюстрацій, взятыхъ изъ жизни за послѣдніе два года Въ с. Шонгуты, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ , по словамъ «Волжскаго Листка», брачная пара, по обычаю послѣдняго десятилѣтія, облагается налогомъ «въ два ведра хорошаго пива священнику, независимо отъ цѣны брака—отъ 4 до 10 р.; 20 к. особо дьякону за обыскъ и подножье въ видѣ холста, платка или столешника да, кромѣ того, со

стороны невѣсты полотенце или скатерть поповнѣ съ уговоромъ послѣдней, чтобы была хорошая». Кромѣ того, бываютъ еще особые «жениховскіе наряды» на безплатную работу къ священнику. Въ данной мѣстности, какъ сообщаетъ газета, по поводу «брачнаго пива», которое, накопленное сверхъ мѣры, портится и выливается затѣмъ «буренкѣ», сложилась даже особая здравица:

Пиво несемъ батюшкѣ,
А скатерть его матушкѣ.
Пейте съ буренушкой во славушку.

Изъ с. Александровки, Пензенскаго уѣзда, *Сура* сообщаетъ другой фактъ той же категоріи. Мѣстный священникъ увеличилъ обложеніе съ подаваемыхъ въ церковь прихожанами просфоръ вмѣсто 1 к. на 2 и совершалъ надлежащій обрядъ надъ просфорами, лишь правильно оплаченными по новой таксѣ. Въ цѣляхъ увеличенія дохода былъ объявленъ штрафъ въ 10 к. съ каждаго, кто не будетъ говѣть. За похороны установлена такса въ 7 р. и т. д. Въ с. Николо-Кремянос, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губ., плата за похороны съ 3—4 р. поднялась на 7—8 р., за вѣнчаніе—съ 6 р. на 8—10 р; раньше за исповѣдь платилась свѣча, копейка,—однимъ словомъ, кто сколько могъ; теперь за исповѣдь берется до 5 к. со взрослыхъ; молебны также служатся по таксѣ· можно на рубль, можно на два... У здѣшняго причта имѣются свои хорошіе луга и пахотная земля; кромѣ того, причтъ получаетъ жалованье. Затѣмъ существуетъ обычай колядовать рожь, овесъ, коноплю, сѣно и даже солому, при этомъ обходятся всѣ прихожане. Духовенство болгарскихъ селеній въ Бердянскомъ уѣздѣ въ прошломъ году, какъ сообщалъ *Таврическъ*, примѣнило такой способъ увеличенія своихъ доходовъ: вступающій въ бракъ долженъ былъ чуть ли не наизусть выучить священную исторію по учебнику епископа Агаѳодора; не желающій тратить на это время долженъ былъ уплачивать 15 р., и тогда его вѣнчали. Былъ, однако, случай, когда болгаринъ почти дословно зазубрилъ исторію, и какъ священникъ не сбивалъ его, онъ вышелъ побѣдителемъ... Пришлось вѣнчать его безъ контрибуціи... Въ Сибири, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ *Голоса*

Москвы, 100 р. за свадьбу—явленіе обычное. Въ кредитъ вѣнчаніе стоитъ дороже. Въ Кіевской и другихъ богатыхъ епархіяхъ вѣнчаніе стоитъ 15—25 р.; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ священники требуютъ, чтобы женихъ и невѣста двѣ недѣли до брака прожили у нихъ въ работникахъ, а въ другихъ, кромѣ денегъ, требуютъ еще овецъ, телятъ и прочихъ домашнихъ животныхъ и птицъ въ придачу (*Церк. Вопр.* стр. 70—71).

Крупнымъ источникомъ дохода для мѣстнаго духовенства является плата за метрическія свидѣтельства. Какъ отмѣчаетъ *Смоленскій Вѣстникъ*, минимальный размѣръ ея считается 4—5 руб. Въ Кіевской епархіи за метрическое свидѣтельство берутъ 10—15 руб. Между тѣмъ по смыслу закона духовенство не имѣетъ права требовать платы за метрику. Кромѣ того, спеціальнымъ указомъ Синода отъ 22 мая 1848 г. было предписано епархіальнымъ архіереямъ, чтобы «метрическія свидѣтельства» выдавались просителямъ «безъ малѣйшихъ затрудненій».

Естественно, что при такихъ условіяхъ прихожане прежде всего стремятся нормировать плату [1]) за требоисполненія (мы встрѣчаемъ рядъ приговоровъ сельскихъ обществъ по этому поводу), съ другой стороны, предпочитаютъ замѣнить доброхотныя даянія за требы опредѣленнымъ жалованьемъ.

Мы уже видѣли такой примѣръ на церковныхъ земляхъ въ поволжскихъ губерніяхъ. Казанскій священникъ А. въ *Церк. Об. Жизни* на примѣрѣ Ядринскаго уѣзда, населеннаго инородцами, еще недавно числящимися язычниками, показываетъ всю предпочтительность такого способа содержанія приходскаго духовенства. Въ уѣздѣ во многихъ приходскихъ общинахъ назначается причту опредѣленное жалованье, и уже никакой торговли съ причтомъ не существуетъ. Причтъ, обезпеченный отъ прихода, уже безплатно совершаетъ не только требы, но и всѣ обычныя хожденія. Размѣръ вознагражденія, по словамъ автора, опредѣляется численностью прихожанъ и тѣмъ, получаетъ ли причтъ жалованье отъ правительства, а равно при-

---

[1]) Тотъ же вопросъ въ 90-хъ годахъ поднимали нѣсколько земствъ сѣверо-восточной полосы Россіи.

нимается въ расчетъ и оплата земствомъ или министерствомъ законоучительства.

Не всегда, конечно, подобная нормировка достигается путемъ мирнаго соглашенія. Очень часто на этой почвѣ возникаютъ между духовенствомъ и прихожанами конфликты. Сельскій сходъ с. Закроничья, Заславскаго уѣзда, Волынской губ, постановилъ приговоръ объ уменьшеніи расцѣнка мѣстнаго причта за требы. Приговоръ не былъ утвержденъ архіепископомъ волынскимъ Антоніемъ, положившимъ, по словамъ *Бир. Вѣд.*, такую резолюцію: «Волынскіе прихожане и такъ нищенски благодарятъ за требы. Кацапы живутъ бѣднѣе, а платятъ лучше. Добрый христіанинъ не торгуется за благодать и набавляетъ сверхъ обычая» [1]).

---

[1]) Для характеристики отношенія высшихъ духовныхъ властей къ вопросу о требахъ можно привести въ высшей степени любопытный циркуляръ самаго послѣдняго времени, разосланный рязанскимъ епископомъ Никодимомъ по церквамъ своей епархіи. Заимствуемъ этотъ документъ изъ *Рязанскаго Вѣстника*. Епископъ Никодимъ груститъ „о неумѣніи іереевъ приспособляться къ условіямъ даннаго времени и уразумѣвать „знаменія временъ“. Это „неумѣніе“ проявляется въ томъ, что рязанскіе іереи при сборѣ недоимокъ съ крестьянъ за требы прибѣгаютъ къ старымъ пріемамъ, практиковавшимся съ большимъ успѣхомъ во времена еще дѣтства архіерея, но опаснымъ и „недопустимымъ“ въ наши дни Какъ же было въ старину, разскажемъ со словъ самого архіерея.

„Я изъ дѣтства еще помню, что духовенство не обнаруживало особой заботы своевременно увѣщевать и умолять своихъ прихожанъ исправно уплачивать ему установленную плату и хлѣбныя и другія вещевыя даянія за требы, отлагая это до того времени, когда крестьянинъ придетъ со свадьбою, въ увѣренности, что ничто не можетъ тогда спасти, ни избавить его отъ этой уплаты всего сполна, до послѣдней копейки.

„Крестьянинъ дѣйствительно уплачивалъ все, что было за нимъ записано, и не заплатить не могъ, такъ какъ свадьба будетъ невѣнчана, а чтобы съѣздить пожаловаться архіерею, это могло стоить по тогдашнимъ путямъ сообщенія и по тогдашней волокитѣ въ доступѣ къ архіерею втрое дороже того, сколько онъ былъ долженъ“.

Почему же эти пріемы недопустимы въ наши дни? Можно было думать, что преосвященный укажетъ на высокое званіе „пастыря“, нравственный авторитетъ котораго падаетъ отъ примѣненія пріемовъ торгашества при сборѣ „недоимокъ“. Нѣтъ, преосвященный выдвинулъ совсѣмъ иные мотивы. Такіе пріемы „недопустимы“ „по причинѣ развитія въ настоящее время сектантства, индиферентизма и даже безвѣрія среди паствы“, а главное — они опасны „при полной гласности и полней свободѣ печати“. Къ тому же епископъ долженъ, къ своему великому прискорбію, признать, что старые методы выколачиванія недоимокъ за требы непрактичны.

Въ Уфимской губерніи въ апрѣлѣ 1908 г. возникло даже цѣлое «движеніе» на этой почвѣ. Въ округѣ Кыштымскихъ и Уфалейскихъ заводовъ, по словамъ *Уральск. Края*, населеніе отказывается платить церковные налоги, жалованье духовенству и постановляетъ формальные приговоры о нормировкѣ платы за требы.

Въ отвѣтъ на требованія прихожанъ причтъ отвѣчаетъ зачастую забастовкой, какъ было въ 1907 г. въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи Движеніе въ Бердянскомъ уѣздѣ чрезвычайно характерно, между прочимъ, по роли, которую играла въ немъ мѣстная духовная консисторія, т.-е. учрежденіе, которое казалось бы должно быть освѣдомлено о существующихъ законахъ.

Конфликтъ возникъ, какъ видно изъ сообщенія *Южныхъ Вѣдомостей*, по слѣдующему поводу: «Церковный причтъ въ селѣ Малая-Такмачка, Бердянскаго уѣзда, состоитъ изъ двухъ священниковъ, діакона и двухъ псаломщиковъ Въ ихъ распоряженіи находилось 148 дес. земли, называемой «церковной», и, кромѣ того, они получаютъ жалованье отъ двухъ обществъ въ размѣрѣ 1.600 р. Въ декабрѣ 1907 года 2-е общество постановило уменьшить причитающуюся съ него долю жалованья на 300 р. (вмѣсто 800—500 руб.). Это дало поводъ собраться и 1-му обществу, которое порѣ-

---

„Нынѣ не время уже дѣлать предъ свадьбами подсчеты долгамъ и надѣяться, что крестьянинъ непремѣнно уплатитъ ихъ подъ страхомъ невѣнчанія священникомъ свадьбы. Онъ хорошо знаетъ, что съѣздить къ архіерею по желѣзной дорогѣ очень недорого, что доступъ къ архіерею—свободнѣйшій и что архіерей *даже не можетъ не приказать священнику повѣнчать свадьбу*, и даже безплатно, если онъ, крестьянинъ, упорно заявитъ, что у него заплатить нечѣмъ".

„Учитывая „знаменія" времени, пастыри должны выдвинуть новые пріемы „полученія долговъ": „Совѣсть, доброе чувство и неустанныя, при всякомъ случаѣ неуплаты и недоплаты, наставленія прихожанину, выражая ихъ, смотря по характеру каждаго, по достатку и другимъ условіямъ, до психическаго настроенія даннаго момента включительно, и мирно, и любовно, и просвѣтительно, и укорительно, и сурово, и мягко, и отъ закона совѣсти, и отъ закона божественнаго, и отъ закона разума, и отъ закона житейскихъ условій, настойчиво выясняя въ то же время священнѣйшую обязанность каждаго христіанина питать и покоить своихъ пастырей, какъ посланниковъ Христовыхъ и какъ строителей и созидателей спасенія ихъ прихожанъ".

Не правда ли, такіе совѣты въ устахъ архипастыря дѣйствительно являются „знаменіемъ" времени?

шило поступить по примѣру 2-го Въ то же время одинъ изъ крестьянъ 1-го общества предложилъ оставить жалованье причту въ прежнемъ размѣрѣ, а землю отобрать въ общество. Крестьяне ухватились за эту мысль; былъ созванъ сходъ, на которомъ, разобравъ предложеніе объ отобраніи земли, они составили соотвѣтствующій приговоръ. Изъ этой затѣи ничего не получилось: причтъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, и приговоръ не вступилъ въ силу. Тогда 1-е общество утвердило приговоръ объ уменьшеніи жалованья. Священникъ сообщилъ о происшедшемъ въ консисторію. Вскорѣ общества получаютъ изъ консисторіи категорическое требованіе о назначеніи прежняго жалованья, съ угрозой, въ противномъ случаѣ, отобрать священниковъ. Это предписаніе никакого дѣйствія на крестьянъ не произвело. Тогда консисторіей дѣло было передано земскому начальнику. Земскій начальникъ рѣшилъ, что 1-е и 2-е общества должны возвратить причту 400 р. (изъ отнятыхъ 600 р.), но взамѣнъ этого отрѣзать у причта 60 десятинъ земли. Крестьяне согласились.

Причтъ не шелъ ни на какія уступки и передалъ дѣло опять въ консисторію. Консисторія вторично присылаетъ категорическое требованіе о назначеніи прежняго жалованья. И это требованіе не имѣло успѣха. 13 іюля пріѣхалъ настоятель орѣховскаго собора и благочинный, священникъ О., которые взяли изъ церкви чашу и крестъ, а остальныя вещи сложили, заперли церковь и уѣхали, заявивъ, что крестьяне села Малой-Токмачки причисляются къ орѣховскому приходу. 13 іюля умеръ у бѣдняка-крестьянина мальчикъ. Является крестьянинъ къ священнику и проситъ его совершить погребальный обрядъ. Но тотъ отказался. Пришлось отправиться въ Орѣхово. Орѣховскій священникъ согласился хоронить, но за эту требу запросилъ 5 руб. и за подводу 3 руб. Денегъ этихъ у крестьянина не нашлось, и пришлось ему похоронить своего сына безъ христіанскаго обряда. 15 іюля сельскій сходъ выбралъ двухъ крестьянъ и послалъ ихъ къ архіерею съ прошеніемъ о разрѣшеніи открыть церковь и объ оставленіи священниковъ. Пришли эти крестьяне къ архіерею и послѣ долгихъ упрашиваній добились резолюціи, по которой разрѣшалось священ-

никамъ остаться въ селѣ для совершенія требъ, при чемъ церковь до особаго распоряженія все-таки остается закрытой».

Описанное происшествіе, не представляющее собои какого-нибудь исключительнаго явленія и оно показываетъ къ какимъ ненормальнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить существующая система—оплата труда духовенства [1]). Мы видѣли, что въ самомъ духовенствѣ

---

[1]) Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ Сибири, гдѣ, по словамъ газетныхъ сообщеній, съ 1905 г. отношенія между духовенствомъ и прихожанами „рѣзко измѣнились къ худшему". Руга послужила первымъ поводомъ къ возникновенію столкновеній. Интересные факты сообщаетъ корреспондентъ *Голоса Москвы*: на содержаніе причтовъ въ Сибири полагается 110 десятинъ земли, напсловину пахотной и наполовину сѣнокосной. Болѣе 50 лѣтъ тому назадъ духовенство отказалось отъ возможности воздѣлывать землю, въ 1857 году состоялся съѣздъ духовенства и прихожанъ, и на совѣщаніи было одобрено желаніе священнослужителей отказаться отъ пользованія пахотной землей и взамѣнъ того получать „ругу", т.-е. хлѣбъ натурой отъ своихъ прихожанъ. Размѣръ руги былъ опредѣленъ въ 30 фунт. съ каждой души.

Гражданскій губернаторъ не нашелъ препятствій къ осуществленію постановленій съѣзда, и съ тѣхъ поръ въ Сибири „руга" получила права гражданства. Хлѣбъ обирался самими прихожанами и доставлялся священнику. 55 десятинъ сѣнокоса оставались попрежнему въ пользованіи духовенства.

Кромѣ „руги", въ Сибири существовалъ обычай давать священнику „трапезниковъ". Прямое назначеніе послѣднихъ — слѣдить въ храмѣ за свѣчами и прислуживать въ алтарѣ. „Трапезники" избираются прихожанами по очереди изъ своей среды на каждые 6 мѣсяцевъ. Число трапезниковъ зависитъ отъ величины прихода и въ большинствѣ случаевъ составляетъ четыре человѣка. Но такъ какъ фактически такого штата прислужниковъ храмъ не требуетъ, то „трапезники" откупались отъ священника. Обыкновенно два изъ нихъ оставались при священникѣ, а два уплачивали по 100 рублей (якобы нанма за себя другого) и возвращались къ себѣ домой.

На самомъ же дѣлѣ трапезники составляли для духовенства даровыхъ работниковъ и исполняли рѣшительно всѣ работы по хозяйству священника.

Въ общемъ населеніе Сибири зажиточное. Этимъ пользовалось духовенство и требовало за исполненіе духовныхъ требъ значительныя суммы.

Такое отношеніе духовенства къ прихожанамъ сначала породило натянутыя отношенія между пастыремъ и паствой, а затѣмъ перешло въ открытую вражду. Прихожане воспользовались первымъ проявленіемъ освободительнаго движенія, чтобы сбросить съ себя налоги духовенства, перестали платить „ругу" и уменьшили наполовину количество трапезниковъ. Такимъ образомъ священники лишились сразу и хлѣба натурой (въ среднемъ 1.000 душъ въ приходѣ, по 30 фун.=750 пудамъ) и 400 руб. откупныхъ съ трапезниковъ.

все болѣе и болѣе зрѣетъ сознаніе необходимости замѣнить доходы, получаемые съ церковной земли и за требоисполненія опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Горячо дебатировалъ, по словамъ *Смоленскаго Вѣстника*, между прочимъ, вопросъ о жалованьи духовенству, смоленскій епархіальный съѣздъ въ 1907 г.

«У насъ священники превратились не въ учителей народа,—говоритъ одинъ изъ сторонниковъ назначенія жалованья,—они не стараются просвѣтить темныхъ и неразумныхъ, а наоборотъ, какъ бы пользуются этой темнотой для своей матеріальной выгоды. Еще и теперь зачастую, въ особенности въ деревнѣ, можно наблюдать, какъ къ батюшкѣ приходитъ какой-нибудь невѣжественный и несчастный въ своей темнотѣ крестьянинъ и жалуется батюшкѣ, что его «безпокоитъ нечистая (!) сила». Батюшка вмѣсто того, чтобы разсѣять этотъ предразсудокъ, сейчасъ взглядываетъ въ требникъ и ищетъ молитву «отъ нечистой силы». А все для того, какъ бы сорвать лишній двугривенный, полтинникъ. Когда же духовенству будетъ положено жалованье, то имъ самимъ будетъ неохота возиться съ «нечистой силой», а станутъ стараться учить народъ и бороться съ невѣжествомъ и темнотой»

«Наше крестьянство,—говоритъ другой,—смотритъ на духовенство отрицательно, какъ на какихъ-то дармоѣдовъ, оно имѣетъ противъ него нескрываемую злобу, а все потому, что духовные *вынуждены волей-неволей тянуть съ него послѣднюю копейку*. Когда же духовенству назначатъ опредѣленное содержаніе, то его унизительное положеніе сразу исчезнетъ».

Обсуждался вопросъ о жалованьи и другихъ епархіальныхъ съѣздахъ.

Чаще всего съѣзды выносили, по итогамъ, подводимымъ *Русскимъ Словомъ*, простыя резолюціи — бить челомъ о содержаніи: предъ соборомъ (забайкальскій съѣздъ 1907 г.), предъ Синодомъ (костромской—1907 г.) или просто предъ «казной»—владимирскій, волынскій и псковскій съѣзды 1905 г.; полтавскій и забайкальскій 1906 г признали желательнымъ назначеніе содержанія духовенству «изъ земскихъ средствъ», но мѣстный архіепископъ не утвердилъ этого постановленія. Якутскій съѣздъ 1906 г. постановилъ избрать особую комиссію для разработки вопроса. Были даже попытки

опредѣлять «оклады» содержанія, но и въ нихъ духовенство, какъ говорилось въ старину, «побрело розно»: псковичи опредѣляли годовой окладъ священника въ 900 руб., полтавцы—въ 1.500 руб., а забайкальцы—въ 2 500 руб. [1]).

[1]) Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ подсчетъ, произведенный нѣкимъ „черноземцемъ“ въ № 159 *С.-Пет. Вѣд.* за 1908 г. Авторъ протестуетъ противъ обычныхъ утвержденій о необезпеченности духовенства. По его подсчету на каждый сельскій приходъ въ среднемъ приходится около 57 десятинъ земли, занятыя усадьбами и огородами, въ счетъ не входятъ.

При трехпольномъ хозяйствѣ, которое ведется большинствомъ, $^2/_3$ земли, т.-е. 38 десятинъ, сдаются въ аренду крестьянамъ. При средней арендной платѣ, въ 20 р. десятина, причтъ ежегодно получаетъ 760 р. При одноштатномъ приходѣ на долю священника причитается 434 р. 36 к., дьякону 217 р. 18 к., псаломщику 108 р. 59 к. съ одной земли.

Въ приходахъ $1^1/_2$—2 тысячи душъ при двухштатномъ приходѣ кружечнаго сбора ежемѣсячно бываетъ отъ 120 р. до 240 р., т.-е. на долю священника 60—120 р., дьякона 40—80 р. и псаломщика 20—40 р.

Натурою берется въ большинствѣ случаевъ такъ: по мѣрѣ ржи со двора и по печеному хлѣбу ежегодно, при крещеніи младенца, кромѣ 50 к., еще печеный хлѣбъ 25—30 фунтовъ вѣсомъ, при вѣнчаніи взимается, кромѣ денежной платы 10—15 р., бутылка водки, мяса 5—10 фунтовъ и печеный хлѣбъ; на престольные праздники взимается по печеному хлѣбу и по курицѣ, и на Пасху, кромѣ денегъ и хлѣба, берется еще 5—10 куриныхъ яицъ (въ зависимости отъ количества душъ въ семьѣ). Средній одноштатный приходъ считается въ 300 домовъ, слѣдовательно, за годъ причтъ получитъ 300 мѣръ ржи, 300 печеныхъ хлѣбовъ, 300 куръ, $1^1/_2$—3 тысячи яицъ. Переведя все это на деньги, получится: $37^1/_2$ четвертей ржи (считая по 7 р. за четверть) стоятъ 262 р. 50 коп., 900 печеныхъ хлѣбовъ по 25 фунтовъ (2 коп. за фунтъ) стоятъ 450 руб., 300 куръ (по 40 к. штука)—120 руб., 2 тыс. яицъ (18 р. тысяча) дадутъ 36 руб. Весь же годовой доходъ натурою стоитъ 866 р. 50 к.

Въ каждомъ приходѣ есть извѣстный процентъ прихожанъ, не платящихъ натуральныхъ повинностей, и поэтому цифра дохода натурою должна быть понижена. Принимая это во вниманіе, я не сдѣлалъ подсчета случайнымъ поступленіямъ натурою, напр., при крещеніи, вѣнчаніи, молебнахъ, похоронахъ и другихъ требахъ, относя этотъ доходъ на погашеніе недоборовъ съ неплатящихъ.

Весь годовой доходъ средняго одноштатнаго прихода исчисляется такъ: доходъ отъ земли 760 руб., кружечнаго сбора $2^1/_2$ тыс. руб. и доходъ натурою 866 руб. 50 к., *т.-е. 4.126 руб. 50 коп*; изъ нихъ священнику—2.063 руб. 25 к., дьякону—1.375 руб. 50 коп., псаломщику—687 р. 75 к.

Для примѣра возьмемъ самый бѣдный приходъ въ 100 домовъ, въ которомъ штатъ причта состоитъ изъ священника и псаломщика, при самомъ минимальномъ количествѣ земли (34 десятины). Ежегодная арендная плата за землю 440 руб. (22 дес. по 20 руб.), поступленій натурою—288 р., кружечнаго сбора 500 р. *Итого 1.328 р.*

При такомъ положеніи дѣла невозможно разсчитывать, чтобы соборъ и вообще какое бы то ни было учрежденіе могло правильно рѣшить этотъ запутанный вопросъ разомъ, безъ предварительной разработки. Лишь одинъ вятскій епархіальный съѣздъ 1905 г. пошелъ по иному пути.

По мнѣнію вятскаго съѣзда, дѣло должно начаться ознакомленіемъ прихожанъ съ неудобствомъ существующаго порядка вознагражденія духовенства «доброхотными даяніями». Затѣмъ, въ каждомъ приходѣ должно быть созвано собраніе прихожанъ, на которомъ предстоитъ составить списокъ всѣхъ существующихъ въ данной мѣстности сборовъ на содержаніе церковниковъ, установившихся требоисправленій и размѣровъ вознагражденія за нихъ, а также вычислить стоимость продуктовъ, ежегодно собираемыхъ клириками съ прихожанъ. Собранныя такимъ образомъ статистическія данныя должны быть обработаны и обсуждены на епархіальномъ съѣздѣ депутатовъ изъ мірянъ отъ всѣхъ приходовъ при участіи духовенства. Этотъ съѣздъ опредѣлилъ бы, на основаніи собранныхъ данныхъ, размѣры содержанія для духовенства епархіи. Затѣмъ онъ могъ бы и рѣшить вопросъ о желательности назначенія жалованья духовенству вмѣсто платы за признаваемыя обязательными требы и о способахъ обложенія мірянъ для оплаты этого жалованья. Вятскій съѣздъ высказалъ при этомъ пожеланія, чтобы обложеніе было установлено на началахъ подоходнаго налога и взималось государствомъ, а также чтобы было сохранено въ силѣ добровольное вознагражденіе духовенства за совершаемыя имъ, по желанію мірянъ, необязательныя требы.

Кромѣ того, что въ такихъ приходахъ дома для духовенства общественные, ежегодно Синодъ отпускаетъ пособія по 400 руб. на причтъ. *Слѣдовательно, при готовой квартирѣ причтъ бѣднаго прихода получитъ ежегоднаго дохода 1.728 руб.. священникъ—1.296 руб. и псаломщикъ—432 руб*

Жить въ деревнѣ, гдѣ содержаніе стоитъ очень дешево, и при готовой квартирѣ получать жалованье 1.296 руб. въ годъ, едва ли это похоже на нищенское вознагражденіе, какъ привыкли его считать.

Кромѣ всѣхъ личныхъ доходовъ, духовенство, какъ сословіе, владѣетъ громадными капиталами Ихъ сословная организація имѣетъ свои учебныя заведенія, содержимыя на средства церквей епархіи, пріюты, богадѣльни и даже торгово-промышленныя предпріятія.

Но откуда же должно итти то жалованье, которое должно составить ренту, обезпечивающую содержаніе духовенства? Цитированныя постановленія епархіальныхъ съѣздовъ разно разрѣшаютъ этотъ вопросъ: изъ казны, изъ земства, путемъ обложенія мірянъ.

Прогрессивное духовенство почти всегда высказывалось противъ получки жалованья изъ казны. Въ этомъ отношеніи особенно характерна резолюція смоленскаго епархіальнаго съѣзда, отклонившаго вапросъ о возбужденіи ходатайства о назначеніи жалованья отъ правительства и передавшаго его на предварительное разсмотрѣніе пастырскихъ собраній. Мотивы отклоненія означеннаго ходатайства однимъ изъ ораторовъ были формулированы такимъ образомъ

«Только мы, русскіе пастыри,—говоритъ этотъ ораторъ,—потерявшіе всякое расположеніе паствы, должны взывать о помощи къ правительству и отъ него ждать спасенія Нѣтъ, не оно насъ выведетъ изъ затруднительнаго положенія и не къ нему мы должны апеллировать о своихъ нуждахъ. Вы приглядитесь, прислушайтесь, какъ народъ смотритъ на духовенство. Всякая идейная и религіозная связь съ нимъ почти порвана; народъ смотритъ на духовенство съ презрѣніемъ, онъ плюетъ на него. Такъ обстоитъ дѣло у насъ, но не лучше и въ западныхъ, культурныхъ странахъ, гдѣ духовенство также находится у народа въ презрѣніи. Нѣтъ, мы должны вернуться къ народу, намъ нужно оживить приходъ, намъ нужны для живой дѣятельности живые элементы, не спать, а работать и не ждать спасенія сверху! [1])..»

И, конечно, единственный правильный путь при разрѣшеніи вопроса—перенести всѣ расходы на приходъ. Такая реформа при возрожденіи прихода, который долженъ былъ явиться основой предстоявшихъ церковныхъ преобразованій, была бы достигнута безъ труда. Приходы охотно пошли бы на замѣну тяжелой натуральной повинности опредѣленнымъ денежнымъ взносомъ. Однако, здѣсь встрѣчается одно большое затрудненіе: населеніе нерѣдко отказывается платить

[1]) Характеристикой отношенія народа къ пастырямъ могутъ служить „Сѣверныя сказки“, собранныя г. Ончуковымъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. (Спб. 1909 г.).

духовенству жалованье, считая, что оно безбѣдно можетъ существовать на церковные доходы. Изъ предшествующихъ очерковъ мы видѣли, что подобное разсужденіе является совершенно обоснованнымъ. Церковь наша болѣе чѣмъ богата. При ея средствахъ она можетъ обезпечить все духовенство опредѣленнымъ жалованьемъ, не обременяя еще лишними поборами прихожанъ.

Такимъ образомъ передъ нами стоитъ дилемма: или секуляризація всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ или предоставленіе церкви жить на собственныя средства. Но послѣднее можетъ осуществиться только въ случаѣ проведенія широкихъ церковныхъ реформъ, могущихъ обезпечить церкви автономію и непосредственное участіе въ ея дѣлахъ заинтересованныхъ мірянъ. Надеждъ на такую реформу, повидимому, мало и надолго.

Государственный контроль и духовное вѣдомство.

(По поводу смѣты 1908 г.)

Государственная Дума приняла безъ измѣненій смѣту Святѣйшаго Синода. Эти результаты въ сущности были предрѣшены ранѣе. Синодскій бюджетъ забронированъ. Законъ устанавливаетъ весьма узкіе предѣлы для вмѣшательства Думы,—лишь 680 451 руб. допускаютъ измѣненія въ смѣтномъ порядкѣ. Конечно, обсужденіе смѣты вѣдомства православнаго исповѣданія могло бы дать поводъ вскрыть всю ненормальность существующаго порядка, которой регулируетъ у насъ взаимныя отношенія церкви и государства; оно могло дать поводъ начертать программу необходимыхъ реформъ. Главенствующая партія въ Думѣ мало была склонна къ такой критикѣ; обсужденіе смѣты прошло формально.

Лидеры союза 17 октября сумѣли даже обезцвѣтить скромныя, главнымъ образомъ, техническаго свойства пожеланія своихъ сочленовъ, работавшихъ въ бюджетной комиссіи. Октябристы вопреки собственному докладчику, вопреки принятой бюджетной комиссіи формулы, ограничились лишь общими пожеланіями. И эти пожеланія, формулированныя въ слишкомъ общихъ положеніяхъ, въ концѣ-концовъ оказались почти лишенными содержанія.

Среди пожеланій принципіальнаго характера, выраженныхъ бюджетной комиссіей, одно вызвало наиболѣе горячіе дебаты и въ сущности явилось гвоздемъ думскаго засѣданія: всѣ ли денежные обороты вѣдомства православнаго исповѣданія должны подлежать отчетности передъ государственнымъ контролемъ или

только тѣ расходы, которые падаютъ на суммы, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства?

Въ работахъ думскихъ комиссій представители Синода, отстаивая пріоритетъ государственной церкви, обычно являлись до сихъ поръ защитниками тѣхъ статей закона, которыми устанавливается спаянность церкви и государства. Въ думскомъ засѣданіи 22 марта оберъ-прокуроръ Синода г. Извольскій занялъ противоположную позицію; во имя самостоятельности церкви, ея независимости отъ государственной власти онъ высказывался противъ распространенія правилъ государственнаго контроля на спеціальныя средства и имущества духовнаго вѣдомства. Историческая связь, требующая отъ свѣтской власти покровительства господствующей церкви, замѣнилась уже здѣсь «историческимъ правомъ», каноническими принципами церковной автономіи. Позиція для представителя синодальнаго управленія нѣсколько зыбкая. Она была бы понятна лишь при разграниченіи вѣдомствъ церкви и государства, при раздѣльности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ и, слѣдовательно, при устраненіи ассигнованій изъ государственнаго казначейства на церковныя нужды. Разъ этого нѣтъ, то и аргументація, направленная къ доказательству, что распространеніе государственнаго контроля на спеціальныя средства вѣдомства православнаго исповѣданія является «посягательствомъ на церковную самостоятельность», лишена основаній.

Государственная Дума, утверждающая ассигновки изъ средствъ казны на нужды духовнаго вѣдомства, неизбѣжно должна быть освѣдомлена о расходованіи тѣхъ спеціальныхъ и мѣстныхъ средствъ духовнаго вѣдомства, въ дополненіе къ которымъ идутъ ассигнованія изъ государственнаго казначейства Необходимость этого можно иллюстрировать нѣсколькими примѣрами.

По смѣтѣ текущаго года испрашивается ассигновка въ 397.522 р. на содержаніе мужскихъ и женскихъ монастырей. Законодательное учрежденіе, конечно, обязано провѣрить дѣйствительную степень нужды въ этой ассигновкѣ. Что же оказывается на дѣлѣ? Ассигновки испрашиваются не для бѣдныхъ обителей, а для богатѣйшихъ монастырей, обладающихъ огромными естественными богатствами, роскошными домами и да-

чами, доходными торговыми помѣщеніями и т. д. Лѣснинскій монастырь, Сѣдлецкой губерніи, получаетъ ежегодно 22.340 руб., Вировскій той же губ.—18.765 р. Красностокскій, Гродн. г.—9.007 р., Радочницкій (Люблинской губ.), — 7.865 р. Виленскій Свято-Духовъ—5703 р. и друг.—все это далеко не бѣдные монастыри; это—монастыри, обладающіе «громадными естественными богатствами». По Московской епархіи казенныя субсидіи испрашиваются монастырямъ Николаевско-Греческому—1.192 руб. 26 коп., Богоявленскому—9429 руб. 27 коп., Высоко-Петровскому, Спасо-Виѳанскому при Троицкой лаврѣ по 1.259 руб. 37 коп., Златоустову — 668 руб. 88 коп., Серпуховскому-Высоцкому — 71 руб. 72 коп., Страстному — 338 руб. 11 к. Между тѣмъ Николаевско-Греческій обладаетъ роскошными домами на Никольской улицѣ, Высоко-Петровскій имѣетъ въ своемъ распоряженіи доходныя помѣщенія на Петровкѣ, подмосковныя дачи и т. д. (см. статью Мильскаго «По поводу смѣты Св Синода» *Моск. Еженед.* № 11, 1908 г.). Оказывается, что одинъ «изъ самыхъ бѣднѣйшихъ монастырей въ Россіи», Яблочинскій-Онуфріевскій въ Холмской епархіи, на который испрашивается вспомоществованіе въ размѣрѣ 5.585 руб., обладаетъ помимо дохода, приносимаго богомольцами, нѣсколькими сотнями великолѣпнаго строительнаго лѣса, нѣсколькими дачами, великолѣпнымъ озеромъ (*Моск. Еженед.*, № 11), между тѣмъ братіи въ этомъ «бѣдномъ» монастырѣ не болѣе тридцати.

Неужели при такихъ условіяхъ можно признать требуемыя ассигновки безспорными? Но какъ можетъ рѣшить этотъ вопросъ Государственная Дума, не будучи освѣдомлена о движеніи монастырскихъ суммъ?

По смѣтѣ на содержаніе архіереевъ испрашивается 200.768 р., на архіерейскіе дома—264.760 р., на каѳедральные соборы — 456.395 руб. Помимо казеннаго содержанія, архіереи, по исчисленію бюджетной комиссіи, получаютъ 33% изъ доходовъ подворій и монастырей. Точные размѣры этихъ отчисленій опредѣлить невозможно, такъ какъ монастыри находятся внѣ финансоваго контроля. Между тѣмъ доходы эти чрезвычайно велики. По свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать и не разу не опровергнутымъ, доходы нѣкоторыхъ архіереевъ считаются даже не десятками тысячъ.

Если бы мы просмотрѣли такимъ образомъ всю смѣту, то въ обзорѣ значительнаго числа статей пришли бы къ одинаковымъ выводамъ· законодательное собраніе при исчисленіи ассигновокъ духовному вѣдомству не можетъ игнорировать его спеціальныхъ и мѣстныхъ средствъ, подчасъ весьма значительныхъ. Законодательныя учрежденія, ассигнуя казенныя средства, должны, какъ говорила въ своемъ докладѣ бюджетная комиссія, имѣть въ виду всю совокупность средствъ даннаго вѣдомства. Напримѣръ, на миссіи испрашивается 41.749 руб., но миссіонеры также получаютъ содержаніе изъ мѣстныхъ средствъ, причемъ и въ этой сферѣ мы наблюдаемъ отмѣченное выше явленіе неравномѣрности распредѣленія денежныхъ суммъ.

Эти данныя свидѣтельствуетъ, что распространеніе общихъ правилъ отчетности передъ государственнымъ контролемъ на всѣ денежные обороты духовнаго вѣдомства не допускаетъ никакихъ изъятій,—нѣтъ никакихъ логическихъ основаній дѣлать исключеній для отчетности по доходамъ и расходамъ церквей и монастырей, какъ проектировала бюджетная комиссія Уничтоженіе синодскихъ привилегій въ области контроля знаменовало бы собой не подчиненіе церкви государству, а лишь установленіе нѣкотораго порядка въ веденіи дѣла.

Однако въ Думѣ лишь оппозиція баллотировала за предложеніе бюджетной комиссіи, т.-е. за распространеніе Государственнаго контроля на церковное имущество. Дума ограничилась лишь общимъ пожеланіемъ, чтобы представлялась обстоятельная отчетность о средствахъ и имуществахъ духовнаго вѣдомства и «чтобы для денежныхъ оборотовъ вѣдомства православнаго исповѣданія была установлена отчетность». Конечно, подобная формулировка страдаетъ слишкомъ большой общностью. Быть-можетъ, однако, и такое пожеланіе, какъ извѣстный коррективъ въ видѣ преданія гласности, принесетъ нѣкоторую пользу.

По смѣтнымъ правиламъ 1861 г. Синодъ былъ освобожденъ отъ представленія свѣдѣній о спеціальныхъ средствахъ духовнаго вѣдомства, между тѣмъ какъ всѣ другія вѣдомства представляютъ въ законодательныя учрежденія какъ свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ своихъ спеціальныхъ средствъ, такъ и данныя объ имѣющихся

у нихъ капиталахъ Эта льгота, вѣроятно, явилась результатомъ отвѣта митрополита Филарета на запросъ правительства въ 1859 г. Синоду о возможности подчиненія всѣхъ капиталовъ духовнаго вѣдомства общегосударственному контролю. «Тѣмъ, кому ввѣрены думы человѣческія, тѣмъ болѣе можно ввѣрить и имущество церковное»,—отвѣтилъ Филаретъ. Правительство, «однако, скоро должно убѣдиться въ неудобствѣ порядка», установленнаго въ 1862 году. Появились нѣкоторые коррективы. Согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта 1884 г., оберъ-прокуроръ обязанъ былъ къ представляемымъ ежегодно въ Государственный Совѣтъ финансовымъ смѣтамъ по духовному вѣдомству прилагать «особыя вѣдомости о состояніи и расходованіи причисляемыхъ нынѣ къ спеціальнымъ средствамъ Синода какъ остатковъ отъ содержанія духовенства, такъ и строительнаго капитала за послѣдній отчетный годъ». Согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта 1899 года оберъ-прокуроръ долженъ былъ представлять ежегодно и «свѣдѣнія о суммахъ, израсходованныхъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школьной инспекціи, какъ изъ ассигнованныхъ по смѣтѣ кредитовъ, такъ и изъ спеціальныхъ на эти надобности средствъ».

Докладъ бюджетной комиссіи, между прочимъ, констатируетъ, что требуемыя закономъ приложенія имѣются при смѣтѣ 1908 г., но они «являются неполными и могутъ служить только какъ вспомогательный матеріалъ». Напримѣръ, въ приложеніи 10 сообщается о суммахъ, поступившихъ на церковно-школьное дѣло изъ мѣстныхъ источниковъ въ 1905 г. въ размѣрѣ 6.956.276 р., но нѣтъ свѣдѣній о томъ, сколько было израсходовано въ 1905 году, какой получился остатокъ, а равно какія ожидаются поступленія въ 1908 году, въ приложеніи 7 приведены только расходы по духовно-учебной части вѣдомства въ 1907 г., но не приведены свѣдѣнія о поступившихъ доходахъ по спеціальнымъ средствамъ изъ мѣстныхъ источниковъ и какіе доходы ожидаются въ 1908 г. и т. д.

Такимъ образомъ *неполнота* главная отличительная черта синодальныхъ свѣдѣній.

Далѣе комиссія не нашла въ приложеніяхъ къ смѣтѣ свѣдѣній о капиталахъ и оброчныхъ статьяхъ,

состоящихъ при центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ вѣдомства православнаго вѣдомства.

Когда думская бюджетная комиссія заинтересовалась этими средствами, представитель Синода изъ «любезности», какъ сообщали газеты, доставилъ комиссіи «краткое расписаніе спеціальныхъ средствъ, состоящихъ въ вѣдѣніи хозяйственнаго управленія Святѣйшаго Синода». Оказалось, что въ Синодѣ такой списокъ имѣется лишь въ рукописномъ видѣ и онъ доставляется въ Государственный Совѣтъ «по собственному почину» вѣдомства, «не будучи къ тому обязаннымъ».

За крайней лаконичностью наименованія статей трудно уяснить себѣ, какъ расходуются эти деньги Въ самомъ дѣлѣ, въ расписаніи типографскій доходъ опредѣляется въ 1.021.406 руб., расходъ—762.981 руб. Остатокъ расходуется на предметы, «до дѣйствій типографій не относящіеся». Неясенъ и туманный терминъ «прочіе расходы»; среди расходовъ, не относящихся до типографіи, имѣется расходъ на содержаніе духовной миссіи въ Іерусалимѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ расхода только частью указывается, куда расходуются деньги: напримѣръ, изъ 258.425 р. указано лишь 5.000 р. и т. д.

Бюджетная комиссія отмѣтила и большіе пропуски въ краткомъ расписаніи спеціальныхъ средствъ: тамъ, нѣтъ, напримѣръ, суммъ, поступающихъ въ Синодъ, въ качествѣ дохода отъ имѣній, принадлежавшихъ иностраннымъ духовнымъ установленіямъ въ Бессарабской губерніи. Имущество это даетъ въ годъ 1.500.000; $^2/_5$ этой суммы, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта 1903 г., предоставляется въ распоряженіе вѣдомства Министерства Внутреннихъ дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и православнаго исповѣданія.

Мы видимъ путаницу и въ опредѣленіи самаго состава спеціальныхъ средствъ· напримѣръ, въ составъ спеціальныхъ средствъ входятъ, между прочимъ, и пособія по отдѣльнымъ статьямъ изъ государственнаго казначейства.

Понятно, что комиссія неизбѣжно должна была признать необходимость обязательнаго представленія въ Государственную Думу расписанія спеціальныхъ средствъ, состоящихъ въ вѣдѣніи хозяйственнаго управленія Синода, «и притомъ въ полномъ и разработанномъ видѣ»; комиссія признала желательнымъ,

чтобы оберъ-прокуроръ при представленіи смѣты 1909 г. далъ бы въ объяснительной запискѣ общую картину всего прихода и расхода по вѣдомству православнаго исповѣданія.

Пожеланіе, высказанное Думой по поводу доставленія свѣдѣній о спеціальныхъ средствахъ Синода и подробныхъ данныхъ о состоящихъ въ духовномъ вѣдомствѣ капиталахъ, надо надѣяться, дастъ, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ отчетномъ году возможность уже не à l'aveugle разсуждать о рессурсахъ того учрежденія, которому дѣлается выдача изъ казеннаго сундука! И тогда очевидно будетъ, что почти 30-милліонная смѣта Синода требуетъ существенныхъ сокращеній даже при теперешней политической коньюнктурѣ, опредѣляющей взаимныя отношенія церкви и государства

Изъ объясненій представителей вѣдомства православнаго исповѣданія по смѣтѣ Синода въ засѣданіи бюджетной комиссіи выяснилось, между прочимъ, опредѣленно одна характерная черта хозяйственнаго управленія во всемъ духовномъ вѣдомствѣ. Оберъ-прокуроръ указалъ, что выяснить мѣстныя средства представляется «почти невыполнимой задачей, вслѣдствіе дробности и многочисленности этихъ разсѣянныхъ капиталовъ». Представитель вѣдомства объясняетъ это явленіе «особой природой церковныхъ суммъ и капиталовъ». «Вѣдь эти средства составляются изъ такихъ копеекъ, которыя я не взялся бы учесть. Это прежде всего—кошельковый и свѣчной сборъ; но эти также каждые сто рублей, которые внесетъ благочестивый жертвователь за поминовеніе души, это доходъ, который монастырь получаетъ съ поля, обработываемаго самими монахами (?). Вѣдь у насъ свыше 50 тысячъ церквей и до 700 монастырей, которые привлекаютъ и расходуютъ средства на мѣстѣ. Чтобы доставить полныя свѣдѣнія, мы должны собирать ихъ по рублямъ и копеечкамъ во всѣхъ углахъ русской земли, я думаю,—закончилъ представитель вѣдомства православнаго исповѣданія,—что это невозможно».

Особая природа церковныхъ доходовъ, равно какъ и, дѣйствительно, особые пріемы расходованія церковныхъ капиталовъ, г. оберъ-прокуроромъ были подтверждены еще и канонами. Ими всегда пользуются, когда

нужно. Каноническія правила требуютъ, чтобы надъ мѣстными средствами не устанавливался общегосударственный контроль, чтобы эти средства расходовались по постановленіямъ съѣздовъ духовенства и не доходили до Синода. «Синодъ только распредѣляетъ казенное пособіе и слѣдитъ за правильнымъ (?) соотношеніемъ казенныхъ и мѣстныхъ суммъ». Какъ мы видѣли, и эта функція, точно опредѣленная самимъ главой вѣдомства православнаго исповѣданія, весьма проблематична: вѣдомство отличается поражающимъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ казенныхъ субсидій. Вѣроятно, дѣло не въ особой природѣ церковныхъ доходовъ (эта природа, конечно, отнюдь не можетъ препятствовать правильной отчетности), а въ полномъ отсутствіи контроля.

Оберъ-прокуроръ очень боится «бюрократическаго однообразія, забвенія историческихъ условій и традицій». Изъ данныхъ, приводимыхъ въ слѣдующей статьѣ, читатель познакомится нѣсколько ближе съ «отчетностью», существующей почти повсемѣстно въ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства. Надо скорѣе забыть господствующія въ вѣдомствѣ традиціи. Въ самомъ Синодѣ не все обстоитъ благополучно: существуетъ, напримѣръ, загадочная издательская комиссія, которая почему-то изъята изъ контроля вѣдомства; оберъ-прокурору также отпускаются весьма значительныя суммы въ безконтрольное расходованіе. Монастыри находятся совсѣмъ внѣ финансоваго контроля. Можетъ ли быть признаннымъ нормальнымъ тотъ порядокъ, при которомъ, какъ отмѣтилъ депутатъ октябристской фракціи Львовъ 2 «вмѣсто Синода есть одинъ его оберъ-прокуроръ; онъ альфа и омега вѣдомства—онъ и назначаетъ, и увольняетъ, и расходуетъ, и самъ контролируетъ свои расходы?»

Лучшую характеристику хозяйства Синода даютъ двѣ замѣтки, обошедшія въ свое время всѣ газеты. Одна изъ нихъ повѣствуетъ о томъ «какъ Левъ Николаевичъ Толстой помогъ синодскому миссіонеру Скворцову выдать дочь замужъ». За три недѣли до празднованія восмидесятилѣтія Л. Н. Толстого издатель «Колокола» миссіонеръ Скворцовъ возбудилъ ходатайство о выдачѣ ему изъ Синода субсидіи въ размѣрѣ 10.000 р. на изданіе общедоступныхъ брошюръ по поводу предстоявшаго юбилея. Въ этихъ брошюрахъ

предполагалось выяснить «громадный вредъ, который причинилъ вѣроотступникъ Толстой православной Россіи своими богохульными сочиненіями». Субсидія была дана, какъ сообщала *Новая Русь*, якобы подъ залогъ имущества Скворцова. Прошелъ юбилей, а великая идея г. Скворцова не была приведена въ исполненіе. Инцидентъ въ концѣ-концовъ получилъ водевильный характеръ: выяснилось, во-первыхъ, что у г Скворцова собственнаго имущества не было; принадлежавшее ему недвижимое имущество переведено на имя жены, отъ которой онъ въ видѣ компенсаціи получилъ право на изданіе «Колокола» и книжную лавку съ товаромъ не болѣе какъ на 200 р.; во-вторыхъ, оказалось, что почтенный миссіонеръ за это время готовился къ выдачѣ своей дочери замужъ [1]).

Другое сообщеніе относится къ болѣе ранней эпохѣ, а именно къ 1906 г. Синодъ предоставилъ Побѣдоносцеву въ пожизненное владѣніе казенный домъ, ассигновалъ на его содержаніе изъ спеціальныхъ средствъ около 25.000 руб. въ годъ. По счету, представленному въ синодальный контроль, оказалось, что въ январѣ 1906 г. на освѣщеніе дома израсходовано было 400 р. за электричество и 15 пуд. керосина; на уплату за выводъ насѣкомыхъ 800 руб. (?!).

Такъ расходуются синодскія деньги. Дальнѣйшіе комментаріи излишни.

Съ вопросомъ объ уменьшеніи смѣты или болѣе равномѣрномъ распредѣленіи ассигновокъ по отдѣльнымъ статьямъ связано еще одно пожеланіе, принятое Думой. Синодъ пользуется своеобразной привилегіей перечислять остатки по смѣтѣ въ свои спеціальныя средства. Остатки эти достигаютъ сотенъ тысячъ. Дума, признавая такой порядокъ ненормальнымъ, полагала, что указанные остатки отъ государственныхъ кредитовъ должны возвращаться въ общіе рессурсы государства.

«Остатки» являются чрезвычайно характерной иллюстраціей порядковъ, господствующихъ въ хозяйствен-

---

[1]) Любопытная подробность: послѣ десяти тысячъ, данныхъ г. Скворцову якобы на изданіе противутолстовскихъ брошюръ, въ газетахъ стали фигурировать новыя 10.000 руб., полученныя г. Скворцовымъ изъ синодальныхъ суммъ въ заемъ на льготныхъ условіяхъ для изданія *Колокола*. Что же это въ дѣйствительности новая сумма или препарированіе старой суммы въ новомъ видѣ?

номъ управленіи Синода. Оберъ-прокуроръ указываетъ, что остатки (довольно большіе) получаются отъ того, что духовное вѣдомство «не успѣваетъ» разассигновывать отпускаемыхъ ему денегъ. Конечно, бюджетная комиссія имѣла полное право заявить, что приведенное возраженіе «является лишь подтвержденіемъ извѣстной неправильности въ веденіи финансоваго хозяйства» вѣдомства православнаго исповѣданія. Синодъ каждый почти годъ увеличиваетъ смѣту на содержаніе городского и сельскаго духовенства. Въ текущемъ году это увеличеніе опредѣляется въ размѣрѣ 200 000 руб. Быть-можетъ, содержаніе сельскаго духовенства, матеріально далеко не обезпеченнаго, является одной изъ насущныхъ статей синодской смѣты. Между тѣмъ изъ свѣдѣній о поступающихъ остаткахъ и ихъ распредѣленіи мы узнаемъ, что изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе сельскаго и городского духовенства, въ 1906 г. до 400.000 р. было перечислено въ спеціальныя средства Синода; изъ этихъ средствъ значительныя суммы идутъ уже на удовлетвореніе совсѣмъ иныхъ потребностей: на изготовленіе знаковъ отличія, на содержаніе миссіонеровъ и т. д. Такое положеніе, естественно, нельзя признать нормальнымъ.

Благодаря остаткамъ, переходящимъ въ спеціальныя средства Синода, ни одна статья расхода въ сущности не является устойчивой. Изъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе духовенства, хозяйственное управленіе произвольно дѣлаетъ заемъ на покрытіе другихъ расходовъ; покрывая заемъ, хозяйственное управленіе перечисляетъ полученные такимъ образомъ остатки въ спеціальныя средства Синода. Для чего въ такомъ случаѣ ассигновывать лишнія 200 000 руб. на содержаніе духовенства? На миссіи Синодъ испрашиваетъ 41.749 р. Въ дѣйствительности на ту же цѣль ассигнуются и значительныя суммы изъ остатковъ (въ 1906 г. болѣе 60.000 р.) На тотъ же предметъ ассигнуется еще 14.536 р. согласно ст. I. § 4 смѣты, гдѣ глухо сказано, что указанная сумма идетъ «въ распоряженіи Синода на поддержку разныхъ духовныхъ учрежденій»; по справкѣ оказалось, что эти деньги предназначаются по закону «на нужды бѣднѣйшихъ обителей, имѣющихъ миссіонерское значеніе».

Такимъ образомъ, мы имѣемъ случаи замаскированныхъ полученій ассигновокъ на предметы, которые законодательное учрежденіе не имѣло въ виду, утверждая кредитъ. Это случаи административнаго видоизмѣненія кредита, утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ. Нормально ли это? На миссіи государственное казначейство въ дѣйствительности отпускаетъ не 40.000 р., какъ официально это значится, а болѣе ста. Не можетъ быть разногласій въ томъ, что такіе пріемы недопустимы.

Произволъ въ хозяйственномъ управленіи Синода даетъ полное основаніе сомнѣваться въ цѣлесообразности существованія особаго контроля, на который по смѣтѣ испрашивается ассигновка въ 42.373 р., контроль этотъ ревизуетъ только спеціальныя средства. Другія вѣдомства, имѣющія большія спеціальныя средства, напримѣръ, Министерство Народнаго Просвѣщенія, особаго контроля не имѣютъ, подчиняясь ревизіи государственнаго контроля на общемъ основаніи Въ надобности этого особаго контроля усомнилась и бюджетная комиссія.

Въ думскомъ засѣданіи оберъ-прокуроръ Синода говорилъ, что церковное имущество представляетъ собои «добровольную жертву вѣрующаго человѣка Богу» и поэтому на него не можетъ распространяться государственный контроль. Посягательство на церковную самостоятельность, по мнѣнію епископа Евлогія, вызоветъ протестъ въ народѣ. Когда автономія церкви даже не фикція, когда вѣрующіе не имѣютъ никакой возможности провѣрить, куда идутъ жертвуемыя ими средства, мы думаемъ, что общественное мнѣніе въ огромномъ большинствѣ будетъ лишь привѣтствовать подчиненіе денежныхъ оборотовъ духовнаго вѣдомства извѣстному контролю, которое повлечетъ устраненіе тѣхъ ненормальныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ въ настоящее время. Врядъ ли прихожанинъ, приносящій «доброхотное даяніе» сочувствуетъ тому, что болѣе 30% его приношеній отсылается въ Синодъ и тратится по статьямъ, не имѣющимъ рѣшительно никакого отношенія къ его приходу, напримѣръ, на содержаніе богословскаго училища на островѣ Халки, на училище въ Сиріи и т. д.

Своеобразность сочетанія мѣстныхъ и государственныхъ средствъ также является особенностью бюджета Синода, на которую обратила вниманіе комиссія. Она констатировала, что «мѣстныя средства собираются на мѣстахъ для того, чтобы притекать въ центральное управленіе, а суммы, ассигнуемыя казною, черезъ центральное управленіе, распредѣляются по мѣстамъ». Рѣчь идетъ о средствахъ, получаемыхъ въ видѣ процентнаго сбора изъ доходовъ церквей—кружечныхъ, кошельковыхъ и свѣчныхъ. Такихъ суммъ въ хозяйственное управленіе Синода по «краткому расписанію» спеціальныхъ средствъ поступило въ 1907 г. около 2.000.000 руб. Прихожанинъ даетъ на церкви, а въ дѣйствительности на собираемыя такимъ путемъ деньги содержится учебный комитетъ Синода, строятся школы въ Прибалтійскомъ краѣ, изготовляются бланки синодальной конторы, усиляются средства канцеляріи консисторіи, наконецъ, строятся, какъ мы упоминали, училища въ Сиріи и т. д.

Въ 1870 г. этотъ церковный сборъ былъ установленъ въ размѣрѣ 21%, затѣмъ былъ увеличенъ до 25%. Въ 1901 г. процентный сборъ былъ увеличенъ на общую сумму въ 320.609 руб. Эти суммы взимаются на основаніи закона, но, кромѣ того, собирается дань внѣ такъ сказать законнаго порядка—таковы дополнительные сборы, устанавливаемые мѣстной епархіальной властью на основаніи постановленій епархіальныхъ съѣздовъ. Надо въ сущности было бы добавить къ указаніямъ, сдѣланнымъ бюджетной комиссіей, еще практикуемые нерѣдко въ епархіяхъ незаконные сборы уже по личному постановленію епархіальныхъ властей безъ справокъ съ резолюціями съѣздовъ. Такіе сборы, какъ свидѣтельствуютъ факты, производятся довольно часто. Это уже злоупотребленія въ точномъ смыслѣ слова; облекаются они иногда въ весьма оригинальную форму. О такихъ «вынужденныхъ расходахъ» для церквей рязанской епархіи сообщалъ любопытныя свѣдѣнія «Рязанскій Вѣстникъ» (апрѣль 1908 г.). Такъ епископъ Іустинъ разослалъ какъ-то во всѣ церкви полное собраніе своихъ ученыхъ сочиненій съ *приказаніемъ* взыскать съ каждой церкви по 8—9 руб. Такимъ образомъ Іустинъ получилъ почти десятитысячный гонораръ (въ епархіи имѣются свыше 1000 церквей) за сочиненія, которыя

были признаны московской духовной академией неудовлетворительными для присуждения автору ученой степени — доктора богословия Теперешний епископъ, Евдокимъ,—сообщаетъ газета,—также пожелалъ получить авторскій гонораръ. Онъ сдѣлалъ краткое переложеніе исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, издалъ ее отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «исторія нашего спасенія во Іисусѣ Христѣ»; эту брошюру указомъ рязанской духовной консисторіи отъ 13 марта 1908 г. за № 3568 приказано было пріобрѣсти въ каждую церковь со взиманіемъ за каждый экземпляръ по 5 коп.

Пополненіе архіерейскихъ доходовъ производится самыми разнообразными пріемами. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ., существуетъ, напримѣръ, оригинальный сборъ въ видѣ уплаты нарочнымъ, развозящимъ консисторскіе указы. Указы эти отнюдь не являются спѣшными, напримѣръ, рекомендуется выписать за 2 р. издаваемую ст. сов. Григорьевскимъ книгу подъ заглавіемъ «Сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ». Уплачиваемыя суммы за нарочныхъ ежемѣсячно достигаютъ «довольно порядочныхъ» размѣровъ.

Изъятія этихъ суммъ изъ кассы сельской церкви на нужды центральныхъ органовъ (здѣсь каноническія правила, запрещающія такое изъятіе, какъ видѣли мы ихъ выше процитированныхъ словъ оберъ-прокурора Синода, очевидно забываются), по мнѣнію бюджетной комиссіи, отзываются чрезвычайно тяжело на приходѣ церкви. Дѣйствительное отчисленіе достигаетъ иногда 75% и вызываетъ протестъ со стороны населенія (напр., забастовка церковныхъ старостъ въ Саратовской губерніи, протестъ противъ консисторскихъ поборовъ въ Пермской губ. и т д.).

Въ виду крайней неравномѣрности и обременительности сборовъ, взимаемыхъ съ церквей, бюджетная комиссія считала справедливымъ, «чтобы мѣстные церковные сборы расходовались преимущественно на мѣстныя нужды приходскаго характера».

Бюджетная комиссія обратила вниманіе и на неравномѣрность содержанія, получаемаго епархіальными и викарными архіереями. Казенное содержаніе архіерея колеблется между 1.500 и 7.828 руб. Дѣйствительный размѣръ этого содержанія находится въ зависимости

отъ мѣстныхъ средствъ, которыя образуются изъ отчисленія въ пользу архіереевъ 30% съ чистаго дохода отъ подворій и монастырей. Такъ какъ доходы эти составляются не изъ приношеній богомольцевъ, а отъ «оброчныхъ статей», комиссія считала необходимымъ сообщать свѣдѣнія о нихъ при смѣтѣ Синода: этимъ, по мнѣнію комиссіи, можно было бы избѣгнуть нареканій на духовное вѣдомство и указаній на получаемые имъ чрезмѣрные доходы. Существующая система создаетъ рядъ привилегированныхъ мѣстъ службы. Отчисленія отъ доходовъ съ оброчныхъ статей съ подворій могли бы быть объединены и распредѣлены частью на содержаніе архіереевъ (въ дополненіе къ получаемому ими казенному окладу), частью же на общія нужды духовенства и церквей.

Надо имѣть въ виду, что архіереи пользуются не только 30% съ доходовъ отъ оброчныхъ статей; часто производятся позаимствованія изъ епархіальныхъ средствъ и въ другихъ формахъ; напр., въ вятской епархіи въ зданіи (а именно въ конюшняхъ при архіерейскомъ домѣ), устроенномъ на средства епархіи, помѣщается училищный совѣтъ и книжный складъ съ уплатою архіерею ежегодно 1.500 руб.; отдаются въ аренду находящіеся при конюшняхъ архіерейскаго дома каменные склады. И тщетно ходатайствуетъ духовенство вятской епархіи о томъ, чтобы часть этихъ арендныхъ денегъ поступала бы въ пользу епархіи, хотя бы училищный совѣтъ и книжный складъ помѣщались безплатно. Въ вологодской епархіи существуетъ налогъ въ размѣрѣ 3 000 руб., идущій отъ свѣчного завода въ пользу архіерейскаго дома. Налогъ этотъ совершенно незаконенъ, такъ и въ законѣ и въ различныхъ инструкціяхъ опредѣленно говорится, что вырученные отъ выдѣлки и продажи свѣчей доходы обращаются на усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній.

Вологодскій епархіальный съѣздъ въ 1907 г. при обсужденіи вопроса о содержаніи мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, ходатайствовавшихъ о субсидіи, поднялъ было вопросъ объ ассигнованіи просимой субсидіи за счетъ указаннаго налога, но архіерей своей резолюціей запретилъ касаться средствъ свѣчного завода (*Сѣверъ*).

Отмѣтила бюджетная комиссія и еще нѣкоторыя ассигновки по смѣтѣ Синода, не находящія себѣ оправданія. Напримѣръ, при разсматриваніи кредитовъ, испрашиваемыхъ на содержаніе православныхъ церквей за границей, комиссія отмѣтила, что нѣкоторыя изъ этихъ церквей утратили свое политическое значеніе (въ Сеулѣ) или находятся въ такихъ курортахъ, которые перестали привлекать русскихъ больныхъ (напр., въ г. Но). Послѣдняя ассигновка особенно любопытна, такъ какъ священникъ этой церкви перешелъ въ католичество.

Любопытная деталь: подъ понятіе заграничныхъ духовныхъ учрежденій смѣта Синода подводитъ, между прочимъ, «милостынныя дачи» разнымъ учрежденіямъ и лицамъ безъ точнаго указанія этихъ учрежденій и лицъ, на что испрашивается 4.111 р. Такого рода общія и неопредѣленныя указанія вообще являются отличительной чертой синодальной смѣты.

Мы видѣли, что работы бюджетной комиссіи, несмотря на то, что онѣ почти не затрогивали вопросовъ принципіальнаго характера, дали интересный матеріалъ для характеристики хаотическаго состоянія дѣлъ въ хозяйственномъ управленіи Правительствующаго Синода. Пожеланія комиссіи Государственной Думой были приняты въ общей формѣ. Будутъ ли способствовать эти пожеланія введенію нѣкотораго порядка въ синодальное хозяйство?—мы увидимъ это при обсужденіи ближайшей слѣдующей смѣты духовнаго вѣдомства.

Въ дѣйствительности же не только финансовое хозяйство духовнаго вѣдомства подлежитъ реформѣ, но и значительная часть ассигнованій по смѣтѣ Синода принципіально не можетъ встрѣтить то сочувственное отношеніе, которое оно встрѣтило въ бюджетной комиссіи.

Отчетность въ духовномъ вѣдомствѣ.

Трудно учесть доходы и расходы вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія по причинѣ господствующей въ немъ системы «умолчанія» и тенденціи къ уменьшенію даже въ офиціальныхъ отчетахъ дѣйствительнаго бюджета церкви. Къ этому присоединяется еще и полная безконтрольность денежныхъ суммъ церковнаго хозяйства, вслѣдствіе чего и центральные органы церкви не всегда достаточно освѣдомлены о дѣйствительныхъ размѣрахъ церковныхъ имуществъ и ихъ доходности.

Эта хаотичность въ веденіи церковнаго хозяйства не въ смыслѣ умѣнія эксплуатировать всѣ могущія представиться доходныя статьи, а въ смыслѣ предоставленія точной отчетности искони являлась отличительной чертой хозяйственной дѣятельности господствующей церкви. Прислушаемся къ старинным актамъ, и мы тамъ уже найдемъ опредѣленныя указанія на это свойство нашего церковнаго хозяйства.

Въ 1696 году издается указъ, повелѣвающій всѣмъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ представлять приказу Большого Дворца ежегодно отчетность въ расходованіи церковными суммами. Петръ и его преемники, какъ видно изъ дѣлъ синодальнаго архива, неоднократно должны подтверждать свои указы о доставленіи возможно полныхъ свѣдѣній о имуществѣ и доходахъ монастырей, епархіальныхъ архіереевъ и т. д. Церковное и монастырское хозяйство связано было съ такими злоупотребленіями, что въ цѣляхъ контроля во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіи приходилось запрещать монастырямъ и церквамъ производить какія-либо постройки безъ особаго на то царскаго указа (указы 1696, 1698, 1701 гг.). Сокрытіе монастыр-

скихъ доходовъ въ то время было обычнымъ явленіемъ. При каждомъ удобномъ случаѣ монастыри пытались выхлопотать отъ правительства ту или иную привилегію, освобождающую ихъ отъ уплатъ податей, выхлопотать «милостыню» въ виду «бѣдности, разоренія и великихъ долговъ» Такъ поступаютъ богатѣйшіе монастыри, обладавшіе милліонными состояніями. Напримѣръ, Троицко-Сергіевская лавра, владѣвшая болѣе чѣмъ 100.000 крестьянскихъ душъ, въ 1738 г. ходатайствуетъ о сложеніи числящихся за монастыремъ недоимокъ: «взять оныхъ не съ кого и нечего». Между тѣмъ «башмачныя пряжки» архимандрита этого бѣднаго монастыря оцѣнивались въ 10.000 руб. Правда, церковныя вотчины во время управленія Бирона, собиравшаго съ нихъ доходъ для содержанія своихъ конюшенъ, были дѣйствительно разорены, но въ данномъ случаѣ противорѣчіе между данными, указанными ходатайствомъ монастыря и дѣйствительностью, было столь явное, что кабинетъ министровъ Анны Іоанновны не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу монастыря. «По сему донесенію вышеозначенную недоимку надлежитъ взыскать безъ всякаго послабленія—гласитъ принятая резолюція—*понеже всякому извѣстно, что неимущихъ въ такомъ великомъ монастырѣ служителей нѣтъ*»

Правительство въ XVIII столѣтіи довольно тщательно озабочивалось выясненіемъ размѣровъ церковнаго и монастырскаго имущества, такъ какъ на очереди стоялъ вопросъ о секуляризаціи этихъ имуществъ. Въ данномъ случаѣ правительство слѣдовало завѣтамъ своихъ предшественниковъ, и въ XVI и въ XVII еще столѣтіяхъ помышлявшихъ о проведеніи означенной реформы. Описи церковнаго и монастырскаго имущества производились не разъ, напр., опись церковныхъ имѣній и ихъ доходовъ въ 1676—82 гг. въ цѣляхъ контроля и опредѣленія соотвѣтствующаго сбора. Въ 1764 году вопросъ о секуляризаціи былъ окончательно рѣшенъ. Въ это время и была произведена наиболѣе тщательная опись церковнаго имущества: описывающіе должны были произвести опись исключительно по «личному осмотру», имъ строго запрещалось полагаться на показанія управителей монастырскихъ вотчинъ и проч. Составленная въ 1764 г. комиссіей о духовныхъ имѣ-

ніяхъ на основаніи этой описи вѣдомость монастырскихъ и проч. доходовъ и легла въ основу при установленіи штатовъ монастырей и архіерейскихъ домовъ.

Отпуская опредѣленныя суммы на содержаніе монастырей и архіерейскихъ домовъ, оставляя за ними извѣстное число земли, угодій, подворьевъ и т. д., на первыхъ порахъ коллегія экономіи требовала представленія самой мелочной отчетности въ расходованіи денегъ Мы слышимъ постоянныя жалобы со стороны духовенства, просьбы освободить отъ такой отчетности. Но требованіе такой строгой отчетности существовало лишь на первыхъ порахъ. Обычные порядки снова входили въ обиходъ при веденіи церковнаго хозяйства. По мѣрѣ того, какъ имущество церкви возрастало, вновь достигало неестественныхъ размѣровъ, шла crescendo и хаотичность въ отчетности вѣдомства православнаго исповѣданія.

Въ 1834 г. съ учрежденія спеціальнаго «контроля духовныхъ дѣлъ Греко-Россійскаго исповѣданія» была сдѣлана попытка установить въ духовномъ вѣдомствѣ болѣе строгую отчетность, но попытка эта потерпѣла фіаско, встрѣтивъ протестъ, между прочимъ, со стороны Филарета московскаго. «Какая нужда касаться привилегій, дарованныхъ Высочайшимъ довѣріемъ мѣстному начальству?—писалъ Филаретъ Нечаеву. «Что сбережетъ вашъ контроль отъ 24 рублей іеромонашескаго жалованія? Что за охота контролю привлекать къ себѣ работу безполезную? Признаюсь, по моему мнѣнію, не обѣщаетъ добра и то, что вы добиваетесь до свѣдѣній о всѣхъ кружечныхъ копейкахъ по монастырямъ».

Указаніе Филарета, очевидно, были восприняты. Въ результатѣ въ 1891—92 г. изъ Синода попросту «пропало» 800 тыс. рублей (*Церк. Вѣд.* 65).

Низшія инстанціи неизбѣжно вдохновляютъ примѣры свыше. Если оберъ-прокуроръ Св. Синода, какъ обнаружилось въ сессіи второй Государственной Думы, получаетъ на расходы вопреки закону изрядныя суммы въ безотчетное распоряженіе, то болѣе чѣмъ естественно, что форма безотчетнаго пользованія денежными суммами становится излюбленной въ церковномъ обиходѣ...

Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія анонимный авторъ (Ростиславовъ), выпустивши солидный трудъ «Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей» (единственная попытка и до настоящаго времени учесть монастырскія имущества), приводилъ довольно любопытные факты для характеристики подотчетности монастырскаго и церковнаго хозяйства того времени.

Система умолчанія и уменьшенія доходовъ практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Монастыри, обязанные ежегодно рапортовать епархіальному начальству о состояніи ввѣренныхъ ихъ управленію обителей, или вовсе не представляли никакихъ вѣдомостей о доходныхъ монастырскихъ статьяхъ или часто ограничивались въ отчетахъ консисторіямъ приведеніемъ голаго послужного списка братій, ни слова не упоминая о своихъ доходахъ. Въ официальныхъ сообщеніяхъ благочинныхъ мы встрѣчаемъ такого рода характерныя замѣчанія о монастырскихъ доходахъ: «Нынѣ это дѣло держится въ большомъ секретѣ; монастыри не открываютъ своихъ доходовъ консисторіямъ». Точно такимъ же образомъ поступали въ своихъ отчетахъ по епархіямъ и экономы архіерейскихъ домовъ Статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ, какъ свидѣтельствуетъ авторъ отмѣченнаго изслѣдованія, считались важнѣе «государственныхъ тайнъ»; по распоряженію нѣкоторыхъ епархіальныхъ властей сообщать кому-либо эти свѣдѣнія строжайше воспрещалось.

На ряду съ этимъ систематически раздавались жалобы на обѣднѣніе и на уменьшеніе доходности монастырей. Въ подтвержденіе этого монастыри въ официальныхъ отчетахъ постоянно уменьшали дѣйствительную сумму получаемыхъ доходовъ; не приходится уже говорить о состояніи такъ называемыхъ «поручныхъ» доходовъ, сумма которыхъ при полной невозможности какого-нибудь контроля надъ ними ложится исключительно на совѣсть получателей, но монастыри явно уменьшали доходы свѣчные, кошельковые и проч. вплоть до сокрытія казенной субсидіи. Какъ ни странно послѣднее, но это такъ. Напримѣръ, московская лавра въ отчетѣ всѣхъ приходныхъ и расходныхъ статей показывала правительственную субсидію въ размѣрѣ 4.000 руб., въ то время какъ сумма эта въ дѣйстви-

тельности составляла 9.259 руб 8 коп ; имѣя въ распоряженіи лѣсную дачу въ размѣрѣ 1.249 десятинъ, лавра показываетъ, что она получаетъ отъ нея убытокъ Такіе факты не были единичными. Настоятель Симонова монастыря въ 1872 году показываетъ размѣръ казенной субсиди въ 1.406 руб.— дѣйствительная же цифра ея 2.151 р. 79 к.; Угрѣшскій монастырь вмѣсто 811 р. 72 коп., получаемыхъ отъ казны, показываетъ лишь 460 руб.; калязинскій Троицкій монастырь въ своей вѣдомости пишетъ, что онъ за подворье въ Москвѣ получилъ въ 1873 г. 4.406 р , между тѣмъ по оцѣночнымъ листамъ Московской городской управы выходитъ, что подворье приносило чистаго дохода 7.937 руб. 90 к.; боровскій Пафнутіевъ монастырь по вѣдомостямъ, подаваемымъ въ консисторію, отъ московскаго своего дома получаетъ доходъ въ 5.333 р. 30 к., по оцѣнкѣ же управы—8.464 р., и т. д.

Такихъ иллюстрацій можно было бы привести еще достаточное количество. Но и указаннаго, думается, довольно для характеристики подотчетности монастырскаго хозяйства. Совершенно въ аналогичномъ состояніи находилась подотчетность и церковно-приходскаго хозяйства. Улучшилась ли она за истекшія тридцать лѣтъ? Нѣкоторые факты самаго послѣдняго времени могутъ служить наглядными показаніемъ

Прежде всего рядъ постановленій епархіальныхъ съѣздовъ констатируютъ хаотическое веденіе церковнаго хозяйства. Комиссія харьковскаго епархіальнаго съѣзда 1906 г., отмѣчая дефицитъ въ 32.000 въ епархіальномъ училищѣ, указываетъ, что «книги велись примитивнымъ способомъ, что представлявшіеся ранѣе отчеты не соотвѣтствуютъ дѣйствительности». Іюньскій саратовскій епархіальный съѣздъ также прошлаго года сдѣлалъ постановленіе «объ избраніи окружныхъ комиссій для періодическаго контролированія денежной отчетности и ревизіи суммъ, поступающихъ черезъ благочинныхъ въ разныя учрежденія». Суммы эти, какъ свидѣтельствовалъ съѣздъ, громадны, между тѣмъ «никакого фактическаго контролированія ихъ прихода и расхода не бываетъ». Пермскій епархіальный съѣздъ духовенства постановляетъ не расходовать прибылей свѣчного завода на посторонніе цѣли «безъ предварительнаго разрѣшенія самого духовенства на

благочинныхъ съѣздахъ». Съѣздъ депутатовъ казанскаго духовно-училищнаго округа въ мартѣ текущаго года констатируетъ, что «денежное хозяйство домовыхъ церквей не вездѣ контролируется духовнымъ начальствомъ и взносы отъ нихъ на содержаніе духовныхъ училищъ не всегда поступаютъ правильно» Происходившій 21 мая 1907 года въ Новочеркасскѣ епархіальный съѣздъ «тщетно старался узнать правду о существующемъ въ донской епархіи духовно-учебномъ капиталѣ, находящемся въ вѣдѣніи духовной консисторіи». Капиталъ этотъ достигъ въ настоящее время $1^1/_2$ милл. руб., и какъ, наконецъ, выяснилось, значительная часть процентовъ съ него (34.000 руб.) расходуется на нужды, не имѣющія ничего общаго со спеціальнымъ назначеніемъ капитала (добавочное содержаніе епархіальному архіерею, чиновникамъ консисторіи, миссіонерамъ) и т. д.

Число этихъ случайно взятыхъ выписокъ изъ постановленій епархіальныхъ съѣздовъ могло бы быть увеличено во много разъ.

Но въ сущности рѣшенія епархіальныхъ съѣздовъ только отчасти могутъ дать представленіе объ отчетности и веденіи церковнаго хозяйства. Епархіальнымъ съѣздамъ вообще не приходится входить въ детальное ознакомленіе съ хозяйственнымъ порядкомъ въ епархіи Пензенскій епархіальный съѣздъ въ концѣ 1906 г. объяснялъ это явленіе тѣмъ, что обычно епархіальные съѣзды собираются, не имѣя ни опредѣленной программы для занятій, ни документовъ подъ руками. Подвѣдомственныя учрежденія не представляютъ къ сроку книгъ и отчетовъ; навести же нужную справку иногда оказывается невозможнымъ при противодѣйствіи контролю съѣздовъ со стороны высшихъ епархіальныхъ властей. Вотъ яркій примѣръ. Вятскій епархіальный съѣздъ въ 1906 г. постановилъ: «для приведенія въ извѣстность суммъ, какими располагаетъ нынѣшній съѣздъ, поручить комиссіи обратиться за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній во всѣ учрежденія, каковы: свѣчной заводъ, суммы въ распоряженіи консисторіи, остатки отъ ассигновокъ, каменные склады при конюшняхъ архіерейскаго дома». Когда отъ экономa архіерейскаго дома отвѣта не послѣдовало, съѣздъ рѣшаетъ «ждать отвѣта». Мѣстный епископъ ставитъ

характерную резолюцію по этому поводу: «И не будетъ отвѣта, такъ какъ нѣтъ нужды, и, кромѣ того, архіерейскій домъ не подчиненъ епархіальному съѣзду и не обязанъ послѣднему давать какія-либо свѣдѣнія, а тѣмъ болѣе отчетъ».

Въ рѣдкихъ попыткахъ контролировать правильный расходъ денежныхъ суммъ церковнаго хозяйства епархіальные съѣзды постоянно наталкиваются на непредвидѣнныя обстоятельства въ видѣ соотвѣтствующихъ внушеній «съ верховъ». Такъ, епархіальный съѣздъ Донской области, о которомъ мы говорили выше, попытался было получить «точныя свѣдѣнія» о духовно-учебномъ капиталѣ и его расходовании на нужды, не отвѣчающія его назначенію, но отцамъ съѣзда весьма скоро «дали понять», что «касаться этого капитала не ихъ дѣло и входить въ разсмотрѣніе существующихъ уже ассигнованій изъ этого капитала они не призваны». Такъ дѣло и осталось невыясненнымъ.

Смоленскій епархіальный съѣздъ въ 1904 г. постановилъ учредить должность контролера для надзора за движеніемъ епархіальныхъ суммъ, но архіерей не утвердилъ этого постановленія. Вотъ тотъ «бдительный надзоръ» по уставу духовной консисторіи, тотъ хваленый мѣстный контроль, на дѣятельность котораго такъ любятъ ссылаться для большей авторитетности представители центральныхъ органовъ вѣдомства православнаго исповѣданія.

Если такія затрудненія встрѣчаются контролемъ въ области епархіальнаго хозяйства, то нечего говорить, что полнѣйшему «запрету» въ смыслѣ контроля подвергаются сборы, устанавливаемые отъ времени до времени по епархіямъ по особому назначенію.

Что же удивительнаго, если при такомъ характерѣ веденія церковнаго хозяйства во всемъ духовномъ вѣдомствѣ отъ низшихъ до высшихъ инстанцій мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что нельзя иначе назвать, какъ злоупотребленіемъ. *Церковный Вѣстникъ* утверждаетъ, что «во многихъ мѣстахъ причты и старосты для поддержанія хозяйственнаго баланса принуждены прибѣгать къ утайкѣ церковныхъ суммъ и къ неправильному веденію вслѣдствіе сего приходо-расходныхъ книгъ». Журналъ такого рода пріемы для «сведенія хозяйственнаго баланса» объясняетъ «крайней обременительностью нало-

говъ и сборовъ» съ церквей [1]). Но не все ли равно. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ не причины, а послѣдствія. Послѣдствія эти налицо. Деньги идутъ не по назначенію.

При господствующей безотчетности въ результатѣ получается, что Синодъ, который долженъ былъ при нормальномъ веденіи дѣлъ получать, напримѣръ, съ московской синодальной типографіи, пользующейся монополіей печатанья церковныхъ бланковъ и богослужебныхъ книгъ, 200.000 руб ежегоднаго дохода, изъ года въ годъ получаетъ всего лишь 30 000 р.

За послѣднее время въ газетахъ значительно стали учащаться извѣстія о растратахъ въ церковномъ вѣдомствѣ. Быть-можетъ, растраты эти и не учащаются, но прежде онѣ оставались въ тѣни, — проходили незамѣтно, чего не всегда удается сдѣлать при большей гласности въ наши дни. Растраты легки только вслѣдствіе безотчетности въ хозяйственномъ управленіи духовнаго вѣдомства. Здѣсь часто безбоязненно можно производить позаимствованія изъ казначейскихъ сундуковъ. Иски предъявляются рѣдко: дѣло о экономѣ Александровской лавры, изъявшаго изъ монастырскихъ суммъ 13.000 руб. для покрытія проигрыша въ карты, и теперь представляется исключеніемъ (дѣло это возникло въ 1907 г.; о судьбѣ его намъ не приходилось встрѣчать извѣстій. Въ той же Александро-Невской лаврѣ къ числу ежегодныхъ расходовъ относится содержаніе митрополичьяго хора, на которое отпускается 75.000 руб. Дѣйствительная стоимость содержанія опредѣляется въ 25.000 руб. (*Пет. Газ.*). На какую цѣль идутъ остальныя деньги, въ смѣтѣ лавры не указывается). У насъ обычно спохватятся лишь тогда, когда дѣло принимаетъ слишкомъ скандальный характеръ. Такъ именно было въ смоленской епархіи

---

[1]) Въ казанской епархіи на почвѣ стремленія „упорядочить крайне запутанное церковное хозяйство“ за послѣднее время произошелъ даже цѣлый „бунтъ“ церковныхъ старостъ (*Церк. Вѣстн.* № 8 1909 г.). Старосты приняли рѣшенія „не платить денегъ на епархіальныя учрежденія“. Начальство взглянуло на такой призывъ, какъ „на новое выборгское воззваніе, и приняло свои мѣры“. Какія?—объ этомъ можно и не говорить: иниціаторъ призыва отстраненъ отъ должности и привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.

въ періодъ 1907 — 1908 г. Неожиданно обнаружилось здѣсь расхищеніе соборной и архіерейской ризницы; изъ этихъ сокровищницъ пропали разныя драгоцѣнныя и древнія вещи изъ архіерейскихъ облаченій, изъ утвари и т. д. Назначенная вслѣдъ за тѣмъ синодская ревизія обнаружила въ одномъ изъ старѣйшихъ монастырей епархіи (Авраміевскомъ) подлогъ и растрату на сумму 5.000 руб. (*Рѣчь* сент. 1908 г.). Послѣ ревизіи настоятель монастыря былъ временно отрѣшенъ отъ службы, но затѣмъ ему вновь разрѣшили служить въ виду того, что онъ «весьма дѣятельный членъ союза русскаго народа» (въ его монастырѣ хранится и союзническое знамя). При такой системѣ врядъ ли можетъ принести реальные результаты обревизованіе, по распоряженію Синода, всѣхъ монастырей епархіи въ цѣляхъ «досконально осмотрѣть въ ризницахъ всѣ драгоцѣнныя облаченія, сосуды, книги; разузнать о состояніи капиталовъ монастырскихъ, въ цѣлости ли они, не было ли растраты» и т. д.

Вѣроятно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ для огласки, получатся обычныя успокоительныя свѣдѣнія: все обстоитъ благополучно [1]).

Интересную иллюстрацію къ вопросу о веденіи церковнаго хозяйства могли бы дать довольно многочисленные приговоры сельскихъ крестьянскихъ обществъ по этому поводу, постановленные въ періодъ освободительнаго движенія послѣднихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, собрать эти приговоры представляетъ слишкомъ большое затрудненіе, значительное число ихъ, конечно, не попадало въ печать, а тѣ, которые подверглись огласкѣ, разбросаны по газетамъ. Исторія происхожденія этихъ приговоровъ такова: въ началѣ 1906 г., когда пошли слухи о близкомъ созывѣ церковнаго собора, нѣкоторыми изъ епархіальныхъ начальствъ въ цѣляхъ большого единенія клира и прихожанъ было предложено сельскимъ священникамъ приглашать депута-

---

[1]) Въ печать, къ сожалѣнію, почти не проникаетъ свѣдѣній о результатахъ этихъ „ревизій“. Да и были ли онѣ произведены въ дѣйствительности? Напр., очень много говорилось о ревизіи Соловецкаго монастыря, въ которомъ „настоятель архимандритъ Іаникій является безконтрольнымъ хозяиномъ богатствъ, оцѣниваемыхъ въ *нѣсколько милліоновъ*“ Но пока мы знаемъ только, что о необходимости этой ревизіи *говорилось* въ сферахъ.

товъ отъ сельскаго общества для производства ревизій церковныхъ суммъ и выясненія различныхъ вопросовъ церковнаго хозяйства. Результаты этихъ ревизій оказались не слишкомъ благопріятные для духовенства, и, само собой разумѣется, очень скоро институтъ совѣщательныхъ ревизоровъ былъ, по разъясненіи епархіальнаго начальства, упраздненъ. Какъ только ревизоры приступили къ ознакомленію съ церковнымъ хозяйствомъ, тотчасъ же во многихъ случаяхъ были обнаружены «злоупотребленія». Слѣдствіемъ этого явилось желаніе взять въ свои руки управленіе церковными суммами и имуществами. Характернымъ представляется приговоръ крестьянъ с. Закрипичья, Заславскаго уѣзда о передачѣ завѣдыванія церковной лѣсной дачи уполномоченнымъ общества и установленіи надзора за расходованіемъ церковныхъ суммъ. Приговоръ мотивированъ былъ тѣмъ, что причтъ расходуетъ церковныя суммы исключительно на свои надобности. Мѣстный архіепископъ Антоній волынскій, найдя притязанія крестьянъ незаконными, не нашелъ ничего лучшаго, какъ отвѣтить разъясненіемъ, «что евреи и революціонеры, узнавъ, что главной причиной неудачи ихъ заговора противъ Россіи является православная вѣра и священники, рѣшили вооружить народъ на своихъ пастырей и посему внушаютъ имъ нелѣпыя затѣи черезъ бывшихъ солдатъ и матросовъ». Такое «разъясненіе» для лицъ, познакомившихся уже непосредственно съ веденіемъ церковнаго хозяйства, не могло, конечно, быть убѣдительнымъ. Какъ бы въ отвѣтъ на аналогичныя разъясненія послѣдовали приговоры съ требованіемъ, чтобы священники не взимали платы за требы. Мотивъ вездѣ одинъ: причтъ и такъ уже получаетъ достаточно, пользуясь доходами церковнаго хозяйства.

Такимъ образомъ общественный надзоръ за церковнымъ хозяйствомъ является одной изъ очередныхъ задачъ. Какъ видѣли мы изъ предшествующихъ фактовъ, реформа эта въ прямыхъ интересахъ самой церкви.

Казалось бы, что дѣйствительно давно пора обратить должное вниманіе на улучшеніе контрольной части въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, о чемъ говорятъ у насъ уже нѣсколько десятилѣтій.

Возражая членамъ бюджетной комиссіи, обсуждавшей смѣту Синода на 1908 г., на пожеланія комиссіи

о распространеніи государственнаго контроля на церковное имущество, представители вѣдомства православнаго исповѣданія указывали, что на мѣстахъ существуетъ контроль. Контроль этотъ свое дѣло дѣлаетъ: «ревизуетъ и провѣряетъ, не требуя затратъ отъ казны». «Если все это подчинить вѣдѣнію Государственнаго контроля, то потребуется такое увеличеніе штатовъ, которое даже трудно предвидѣть». Потребуются громадныя дополнительныя ассигнованія въ размѣрахъ не десятковъ, а сотенъ тысячъ рублей. Какъ ревизуетъ въ дѣйствительности существующій якобы «даровой контроль», мы отчасти могли видѣть изъ тѣхъ случайныхъ фактовъ, которые удалось почерпнуть. Польза отъ него проблематичная, убытки же отъ безконтрольнаго хозяйства налицо. Самъ оберъ-прокуроръ Синода долженъ былъ признать, что Синодъ не можетъ составить даже краткаго расписанія мѣстныхъ средствъ, встрѣчая здѣсь «непреодолимыя препятствія» [1]).

---

[1]) Какъ дѣйствительно освѣдомлены подчасъ центральные органы о мѣстныхъ средствахъ, показываетъ характерный отвѣтъ, данный хозяйственнымъ управленіемъ Синода (1909 г.) на запросъ бюджетной комиссіи не получаютъ ли секретари духовныхъ консисторій добавочныхъ вознагражденій изъ спеціальныхъ средствъ Синода. Изъ сообщенныхъ свѣдѣній, относящихся еще къ 1905 г., выяснилось, что секретари, помимо 1.500 р., получаемыхъ изъ казны, имѣютъ въ 52 консисторіяхъ прибавки ежегодныя, отъ 1.200—1.792 р; относительно 11 консисторій свѣдѣній не было доставлено. Изъ какихъ именно средствъ эти добавки выдаются, центральное управленіе не могло объяснить также за отсутствіемъ свѣдѣній.

Нѣкоторыя черты Синодской смѣты

(на 1909 г.)

I.

Смѣта синодальная составлена безъ всякихъ измѣненій сколько-нибудь принципіальнаго характера. Всѣ дефекты прежнихъ смѣтъ, такимъ образомъ, налицо. По-старому нѣкоторыя данныя смѣты отличаются большой неопредѣленностью и лаконичностью (напр., поддержка *разныхъ* духовныхъ учрежденій—безъ соотвѣтствующихъ поясненій; въ распоряженіе оберъ-прокурора на выдачу мелочныхъ пособій и т. д.); такимъ же характеромъ отличается и роспись спеціальныхъ средствъ Синода, напр., экстраординарные расходы на предметы, до дѣйствій типографіи не относящіеся; эту группу расходовъ составляетъ крупная сумма въ 42.370 руб., а между тѣмъ точныхъ ассигнованій имѣется всего на 4 600 руб.

Одна статья въ смѣтѣ можетъ возбудить полное недоумѣніе. Требуется по-старому (на основаніи ассигновокъ въ 1882 г.) открытіе кредита, между прочимъ, «на содержаніе духовныхъ лицъ, посылаемыхъ въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь». Монастырскія тюрьмы, какъ извѣстно, упразднены. Если въ Суздальскій монастырь посылаются духовной властью какіе-либо порочные члены духовнаго званія для исправленія, врядъ ли представляется логичнымъ требовать отъ государства денегъ на ихъ содержаніе...

Характерной чертой синодальной смѣты, какъ можно было уже видѣть, является и то, что деньги, ассигнуемыя по смѣтѣ на однѣ надобности, въ дѣйствительности расходуются на другія. Такъ, остатки отъ ассигнованій на содержаніе духовенства тратятся на миссію,

напримѣръ, на спеціальнаго миссіонера по обращенію евреевъ въ православіе въ Полтавской губерніи; изъ тѣхъ же суммъ заимообразно берутся суммы для заготовленія знаковъ отличія для духовенства, на строительныя надобности и т. п.

То же мы видимъ и въ отношеніи распредѣленія спеціальныхъ средствъ вѣдомства. Изъ типографскаго капитала производятся расходы на миссію, на нужды чиновникамъ центральныхъ учрежденій Синода, на содержаніе братіи бывшаго Спасо-Преображенскаго монастыря и «нѣкоторыя» учрежденія астраханской и оренбургской епархій. Изъ расходовъ, относимыхъ на счетъ капитала духовенства Западнаго края, ассигнуются суммы въ пособіе государственному казначейству на содержаніе спеціальнаго контроля при Синодѣ; въ число экстраординарныхъ расходовъ этой группы въ 14.514 р. занесено содержаніе кандидатовъ на должности секретарей духовныхъ консисторій. На содержаніе контроля при Синодѣ идутъ значительныя суммы изъ запасно-строительнаго капитала духовенства западныхъ епархій и т. д.

Отмѣченная тенденція синодской смѣты перемѣщать расходы изъ одной группы въ другую, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ нежелательнымъ и для самой церкви послѣдствіямъ. При своеобразномъ сочетаніи мѣстныхъ и государственныхъ средствъ въ бюджетѣ Синода (мѣстныя средства, какъ отмѣчалось въ докладѣ бюджетной комиссіи, собираются на мѣстахъ для того, чтобы притекать въ центральное управленіе, а суммы, ассигнуемыя казной, черезъ центральное управленіе распредѣляются по мѣстамъ) получается слѣдующее: изъ средствъ, составляемыхъ изъ процентнаго сбора съ доходовъ церквей, даются оклады по ученымъ степенямъ, содержится богословское училище въ Сиріи и т. д. Такимъ образомъ, жертвователь и не предполагаетъ, на удовлетвореніе какихъ въ сущности чуждыхъ ему цѣлей подчасъ идутъ его деньги. Ненормальность эту отмѣчала бюджетная комиссія и выражала пожеланіе, чтобы мѣстные церковные сборы расходовались преимущественно на мѣстныя нужды приходскаго характера.

Мы взяли лишь небольшое число примѣровъ, характеризующихъ смѣту Синода. Для полнаго освѣще-

нія вопроса слѣдуетъ смѣту разсматривать, какъ мы видѣли, въ связи не только съ тѣми спеціальными средствами Синода, свѣдѣнія о которыхъ офиціально опубликованы, но учесть и всѣ мѣстныя средства, что, по признанію самого оберъ-прокурора Синода, представляется «почти немыслимымъ». А монастыри, какъ мы знаемъ, и вовсе не подлежатъ синодской отчетности.

Смѣта 1909 г. могла бы вызвать много принципіальныхъ возраженій. . Но, впрочемъ, стоитъ ли говорить при теперешней политической конъюнктурѣ о какихъ-либо принципіальныхъ соображеніяхъ, когда даже скромныя пожеланія бюджетной комиссіи, какъ, напримѣръ, объ установленіи равномѣрности въ окладахъ содержанія архіереевъ, о доставленіи въ Государственную Думу свѣдѣній по мѣстнымъ учрежденіямъ, не нашли никакого почти отраженія при составленіи новой смѣты. Да, пожалуй, и не могли найти, вслѣдствіе тактики думскаго большинства, отвернувшагося при голосованіи отъ своихъ же единомышленниковъ въ бюджетной комиссіи и въ сущности провалившаго такимъ образомъ скромныя и далеко даже не принципіальныя предложенія комиссіи.

Смѣта текущаго года возросла, какъ было указано, на 1.942.759 руб. по сравненію съ предшествующей. Одинъ милліонъ изъ этой суммы приходится на устройство и содержаніе начальныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и 242.000 на увеличеніе содержанія личнаго состава служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. О пользѣ «церковнаго» просвѣщенія за послѣднее время говорилось достаточно. Можно и не повторять эти аргументы.

Среди указанныхъ «новыхъ условныхъ кредитовъ» мы встрѣчаемъ ассигнованіе 10.060 р. на дополнительное содержаніе каѳедральныхъ соборовъ, между прочимъ, Исаакіевскаго (8.810 р.). Не касаясь вовсе принципіальной стороны дѣла, приходится, однако, и здѣсь обратить вниманіе на необходимость при ассигнованіи испрашиваемой суммы учесть и другіе источники средствъ Исаакіевскаго собора. Послѣдній, по мнѣнію директора хозяйственнаго управленія при Синодѣ, долженъ быть отнесенъ къ числу бѣдныхъ соборовъ. Изъ казны на содержаніе Исаакіевскаго собора до нынѣшняго года отпускалось 55.628 р. Кромѣ того, по

синодской смѣтѣ на технический надзоръ, производство работъ и исполненіе мазаикою образовъ отпускается 51.559 р. Возникновеніе этого кредита относится къ 1858 г. По поводу этого ассигнованія даже въ докладѣ о смѣтѣ на 1909 г. бюджетная комиссія спрашиваетъ: «Не является ли послѣ израсходованія на ремонтъ этого собора изъ средствъ государственнаго казначейства 500.000 р. таковой настолько законченнымъ, чтобы размѣръ этого кредита былъ пересмотрѣнъ и уменьшенъ соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ». Свѣчного и кошельковаго сбора, по официальнымъ свѣдѣніямъ, соборъ получаетъ около 60—70 тыс. руб. Представителемъ Синода въ свое время не было указано, что нѣкоторая сумма на содержаніе и ремонтъ собора отпускается и по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Быть-можетъ, Исаакіевскій соборъ получаетъ вспомоществованіе еще изъ спеціальныхъ средствъ Синода? Въ бюджетной комиссіи представитель Синода указывалъ, что «по многимъ каѳедральнымъ соборамъ къ штатнымъ окладамъ содержанія изъ спеціальныхъ средствъ Св. Синода прибавлено до 50%». Этой группы расходовъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ росписи спеціальныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ и официально перечисленное врядъ ли даетъ возможность говорить о «бѣдности» собора. Дѣло объясняется проще: какъ видно изъ словъ того же представителя Синода въ засѣданіи бюджетной комиссіи, причтъ Исаакіевскаго собора возбуждалъ ходатайство о сравненіи его по окладамъ содержанія съ причтомъ новаго храма Воскресенія Христова, которому Государственная Дума въ 1905 г. ассигновала весьма изрядную сумму. Парчикъ, такимъ образомъ, открывается просто. Отсюда видно, какъ опасны иногда бываютъ прецеденты...

II.

«По вѣдомству Св. Синода отданъ строгій приказъ не давать членамъ Государственной Думы никакихъ справокъ, а тѣмъ болѣе не показывать дѣлъ безъ особаго разрѣшенія оберъ-прокурора Синода. Это распоряженіе вызвано, какъ говорятъ, намѣреніемъ нѣкоторыхъ депутатовъ возбудить рядъ вопросовъ по поводу синодской смѣты», — такъ гласило одно телефонное

сообщеніе изъ Петербурга. Оно какъ нельзя ярче охарактеризовало невозможность при существующихъ условіяхъ дать полную оцѣнку порядковъ, господствующихъ въ синодской хозяйственной дѣятельности. Критическому оку трудно проникнуть въ тайники, забронированные семью печатями. Къ тому же и октябристская тактика, принятая при вотировании смѣты Синода 1908 года, лишила Государственную Думу возможности заглянуть въ эти интересные тайники.

Новая смѣта доходовъ и расходовъ на 1909 годъ составлена безъ всякихъ измѣненій, кромѣ одного, впрочемъ, весьма существеннаго, смѣта расходовъ, т.-е. ассигнованій изъ государственнаго казначейства, увеличилась на 1.942.759 р. Не подходя къ разсмотрѣнію новой смѣты съ принципіальной стороны, намъ бы хотѣлось въ данномъ случаѣ сдѣлать нѣсколько указаній практическаго характера въ связи съ практическими замѣчаніями бюджетной комиссіи по поводу смѣты 1907 и 1908 гг. Дѣло въ томъ, что къ смѣтѣ на 1909 г. приложены нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи спеціальныхъ средствъ вѣдомства Св. Синода. Это даетъ возможность, основываясь на опубликованныхъ цифровыхъ данныхъ, наглядно показать думскому большинству необходимость при вотировании смѣты учитывать спеціальныя средства Синода и ихъ распредѣленіе. Для большей точности мы не будемъ выходить изъ рамокъ, устанавливаемыхъ офиціально опубликованными данными.

Возьмемъ для примѣра прежде всего ассигнованіе на миссіи, исчисляемое по смѣтѣ въ размѣрѣ 41.749 р. На этой статьѣ особенно отчетливо вырисовываются характерныя черты синодскаго бюджета. Въ дѣйствительности по текущей смѣтѣ на миссіонерство ассигнуется значительно больше, чѣмъ на то указываетъ приведенная цифра; ассигнованіе это только нѣсколько замаскировано. Вслѣдствіе существующей для Синода привилегіи перечислять въ свои спеціальныя средства неизрасходованные остатки по различнымъ статьямъ смѣты на миссіонерство поступаютъ значительные остатки отъ ассигнованія на содержаніе городского и сельскаго духовенства: какъ видно изъ смѣты 1909 г., изъ этихъ остатковъ въ 1907 г. на миссіи пошло около 73.459 р., т.-е. почти вдвое болѣе суммы, ежегодно

ассигнуемой на миссію. Въ сущности на тотъ же предметъ ассигнуется еще 14.536 р. по статьѣ, озаглавленной въ смѣтѣ «на поддержку разныхъ духовныхъ учрежденій». Эти деньги по справкѣ съ закономъ предназначаются «на нужды бѣднѣйшихъ обитателей, имѣющихъ миссіонерское значеніе» Такимъ образомъ изъ суммъ государственнаго казначейства на поддержку современной миссіи поступаетъ не 41.749 р., а около 129.745 р., т.-е. въ три раза болѣе. Почему же, спрашивается, не показать этой суммы открыто?

Государственное пособіе лишь восполняетъ собой сумму, которая поступаетъ на миссіонерскія нужды изъ спеціальныхъ средствъ, находящихся въ вѣдѣніи Синода.

Какъ видно изъ смѣты доходовъ спеціальныхъ средствъ вѣдомства Синода на 1908 г., на миссіи изъ этихъ средствъ (т.-е. изъ доходовъ по капиталамъ, пожертвованнымъ на миссіонерскія надобности) ассигнуется 42.661 р. И въ смѣтѣ по спеціальнымъ средствамъ мы наблюдаемъ явленіе, аналогичное только что отмѣченному. Въ дѣйствительности изъ спеціальныхъ средствъ ассигнуется на миссіонерство 113.822 р.: за исключеніемъ выше упомянутой суммы въ 42 000 р на миссію идетъ 62.302 р. изъ средствъ, ассигнуемыхъ на содержаніе городского и сельскаго духовенства; затѣмъ на удовлетвореніе тѣхъ же надобностей изъ остатковъ отъ доходовъ, поступающихъ въ Синодъ съ имѣній, принадлежащихъ иностраннымъ духовнымъ установленіямъ въ Бессарабской губерніи, идетъ 6.520 р. (на миссіи въ кишиневской епархіи). Впрочемъ, это еще не все. Въ рубрикѣ расходовъ, отнесенныхъ на типографскій капиталъ, имѣется группа, озаглавленная «экстраординарные расходы на предметы, до дѣйствій типографій не относящіеся». Изъ этой суммы, между прочимъ, ассигнуется на миссіонерскія нужды 2.000 р

Итакъ, ассигнованія на миссію, разсѣянныя по всей синодской смѣтѣ, вкраплены небольшими суммами въ самые разнообразные по наименованію отдѣлы. Слѣдуетъ оговориться еще разъ, что мы цитируемъ лишь данныя, опубликованныя въ смѣтѣ расходовъ спеціальныхъ средствъ Синода и государственной субсидіи, ежегодно отпускаемой церкви. Расходы на миссію не

ограничиваются, конечно, этими, такъ сказать, официальными затратами. Мы оставляемъ въ сторонѣ другія траты. Но и опубликованныя данныя опредѣленно указываютъ на необходимость при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей смѣты распредѣленія государственной субсидіи учитывать и суммы, поступающія изъ спеціальныхъ средствъ Синода на тѣ же нужды. Одно тѣсно и неразрывно связано съ другимъ.

Далѣе, на содержаніе духовныхъ учрежденій за границей ассигнуется по смѣтѣ 277.047 р.; на тѣ же надобности изъ остатковъ на содержаніе духовенства идетъ 2 900 р. Въ сущности значительная часть этихъ суммъ вѣдь тоже ассигнуется на миссію — только на миссію внѣшнюю. И здѣсь равнымъ образомъ приходится сопоставлять суммы, отпускаемыя казной съ тѣмъ, что поступаетъ по этой статьѣ изъ спеціальныхъ средствъ; напримѣръ, на содержаніе духовной миссіи въ Урміи отпускается 10.000 р. изъ государственнаго казначейства; но это—не все, что получаетъ урмійская миссія. изъ спеціальныхъ средствъ Синода на нее отпускается 25.300 руб. На содержаніе миссіи въ Іерусалимѣ по смѣтѣ ассигнуется 10.987 р. 50 к., въ пособіе этой же миссіи изъ спеціальныхъ средствъ Синода (изъ доходовъ съ упомянутыхъ имѣній въ Бессарабіи) поступаетъ 11 000 р. Такая же сумма поступаетъ на содержаніе іерусалимской миссіи изъ доходовъ съ типографскаго капитала.

Въ ассигнованіяхъ на содержаніе духовныхъ учрежденій за границей обращаетъ вниманіе то, что «основанія назначеній часто вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ нуждамъ. Нѣкоторыя ассигнованія производятся по постановленіямъ, относящимся еще къ XVIII столѣтію; за сто лѣтъ, конечно, обстоятельства могли значительно измѣниться. Они измѣняются и за меньшій промежутокъ времени; такъ, напримѣръ, съ 1893 г. ежегодно ассигнуется по смѣтѣ на содержаніе церкви въ г. По (въ Южной Франціи) 1.800 руб. Бюджетная комиссія при разсмотрѣніи смѣты прошлаго года указала на необходимость пересмотрѣть расходы на содержаніе православныхъ церквей за границей и сократить нѣкоторые: комиссія какъ разъ указала на ассигновку на содержаніе церкви въ г. По, — въ курортѣ, который уже пересталъ привлекать русскихъ

больныхъ (оказалось, между прочимъ, что священникъ этой церкви перешелъ въ католичество), отмѣчена была также и церковь въ Сеулѣ, утратившая свое «политическое значеніе». Оберъ-прокуроръ Синода согласился на приведеніе въ исполненіе указанныхъ пожеланій, но, тѣмъ не менѣе, тѣ же ассигновки фигурируютъ въ новой смѣтѣ.

«Традиціи» вообще крѣпко держатся въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Бюджетная комиссія отмѣчаетъ, между прочимъ, что «не мѣшало бы пересмотрѣть суммы, поступающія на такъ называемыя милостивыя дачи, учрежденіямъ и лицамъ на ближнемъ Востокѣ, назначенныя въ царствованіе Екатерины II и въ первый годъ царствованія Николая I. Есть много *вѣроятій* (!!), что лица эти уже скончались, а учрежденія потеряли то значеніе для Россіи, которое могло имѣть въ XVIII и началѣ XIX столѣтія». Въ самомъ дѣлѣ какъ-то курьезно звучитъ ассигнованіе на «Гробъ Господень» 50 р. «Если «Гробъ Господень», — вполнѣ справедливо замѣчаетъ бюджетная комиссія,—нуждается въ поддержкѣ, то врядъ ли приличествуетъ ему получать ее отъ Императорскаго правительства въ формѣ такой небольшой суммы». Конечно, это ассигнованіе лишь одна изъ «традицій», которыми изобилуетъ синодская смѣта. Такой же традиціей является и содержаніе московской Синодальной конторы, которое обходится въ 12.000 р. (10.000 изъ государственнаго казначейства). Эта контора является лишь «пережиткомъ петровской эпохи»: бюджетная комиссія напоминаетъ, что между обѣими столицами есть желѣзнодорожное, телеграфное и телефонное сообщеніе, такъ что нынѣ нѣтъ уже надобности въ «отвѣтвленіи» отъ центральнаго вѣдомства.

Еще большимъ анахронизмомъ является выдача пособій (200 р.) новокрещеннымъ евреямъ, почему-то именно въ Полтавской губерніи: на крещенаго еврея приходится по 5 р. 50 к. на человѣка.

Среди пособій, ассигнуемыхъ по смѣтѣ, имѣется пособіе Императорскому палестинскому обществу въ размѣрѣ 30.000 р.; но и отъ спеціальныхъ средствъ Синода урѣзывается, кромѣ того, значительный кушъ на пособіе этому обществу, а именно изъ доходовъ съ бессарабскихъ имѣній поступаетъ 25.000 р. (Общая

сумма доходовъ этого Общества опредѣлялась въ 1894—95 г. въ 322.324 руб.) [1]).

Какъ видно изъ приведенныхъ уже фактовъ, конечно, далеко не исчерпывающихъ, важность учета спеціальныхъ средствъ Синода (по опубликованнымъ свѣдѣніямъ, они даютъ доходъ въ 9.872.635 р.) при разрѣшеніи вопроса объ ассигнованіяхъ изъ государственнаго казначейства не подлежитъ сомнѣнію. Приходится учитывать и тѣ суммы, которыя поступаютъ на нужды церковнаго управленія по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ; суммы эти достигаютъ крупныхъ размѣровъ; напримѣръ, по смѣтѣ 1909 г. на содержаніе и ремонтъ каѳедральныхъ соборовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ отпускается 225.276 р. Необходимо, чтобы Государственная Дума обратила вниманіе на указанное обстоятельство при разсмотрѣніи смѣты Синода и облекла въ болѣе реальныя формы свои пожеланія, чѣмъ это было сдѣлано въ предшествующую сессію.

---

[1]) Кстати о Палестинскомъ обществѣ: прежде чѣмъ отпускать 30 000 р. изъ суммъ государственнаго казначейства, слѣдовало бы ближе познакомиться съ его дѣятельностью. Члены бюджетной комиссіи кое-что небезполезное для себя могли бы найти въ извѣстной книгѣ, нами не разъ уже цитированной: „Церковные вопросы въ Россіи или русское духовное вѣдомство подъ управленіемъ синодскимъ оберъ-прокуроромъ“ Брайла 1896 г. Здѣсь идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ будто бы даже „присваиваніяхъ“.

„Новая" политика.

(Вмѣсто заключенія)

До послѣдняго времени церковная бюрократія не отличалась большой самостоятельностью: ея всегдашнимъ девизомъ являлось приспособленіе къ видамъ правительственнымъ. Потому и смѣны на оберъ-прокурорскомъ посту обычно служили показателемъ перемѣны настроеній въ «сферахъ», а слѣдовательно, и въ направленіи дѣятельности синодальнаго вѣдомства.

Архіереи въ Синодѣ «только для приличія»,—заявилъ однажды архіепископъ казанскій Аѳанасій. «Архіереи,—заявлялъ другой архіепископъ Агафангелъ Волынскій,—вполнѣ безмолвные исполнители или *рабы* оберъ-прокурора». «Мы члены Синода,—заявлялъ третій,—не знаемъ даже какія дѣла намъ предложатъ на разсмотрѣніе, такъ какъ намъ не дозволяется съ ними заранѣе ознакомиться, какъ это вездѣ принято»... Такъ было во времена Побѣдоносцева, державшаго въ ежовыхъ рукавицахъ «князей церкви». И послѣдніе послушно исполняли оберъ-прокурорскія повелѣнія.

Въ наши дни положеніе, видимо, нѣсколько измѣнилось. Церковная бюрократія окрылилась и пытается даже задавать тонъ: дѣйствуя рука объ руку съ такъ называемыми «патріотическими» организаціями, она является одной изъ главныхъ вдохновительницъ современной реакціи. Бывшій оберъ-прокуроръ Синода г. Извольскій долженъ былъ уйти, ибо онъ не подошелъ къ новой политикѣ: уже его рѣчь при открытіи кіевскаго миссіонерскаго съѣзда со скромнымъ упоминаніемъ о манифестахъ, касающихся вѣротерпимости, вызвала цѣлую бурю въ союзническихъ органахъ. Его замѣститель, нѣсколько неожиданно выдвинутый въ число руководителей церковной жизнью, оказался человѣкомъ, видимо, раздѣляю-

щимъ политику синодскаго большинства. По крайней, мѣрѣ первые шаги новаго оберъ-прокурора были солидарны съ тѣми мѣропріятіями, осуществленіемъ которыхъ въ жизни занимался Синодъ послѣ кіевскаго съѣзда.

И вотъ при дружномъ взаимодѣйствіи «ока государева» и «духовныхъ персонъ» Синодъ за послѣднее время проявляетъ, поистинѣ, удивительную «работоспособность». какъ сообщаютъ газеты, онъ засѣдаетъ «два раза въ день,—утромъ и вечеромъ».

Чѣмъ же занимается такъ усиленно Синодъ? Быть-можетъ, въ палатахъ митрополита Владимира и др. обсуждаются вопросы о созывѣ помѣстнаго церковнаго собора, о чемъ вновь заговорили въ синодальныхъ сферахъ, поскольку можно судить изъ сообщеній газетныхъ интервьюеровъ? Быть-можетъ, тамъ идетъ рѣчь о необходимости привести въ нѣкоторый порядокъ хозяйственную дѣятельность Синода, такъ какъ вновь бюджетная комиссія нашла существенные пробѣлы въ синодскихъ отчетахъ? О нѣтъ! не объ этомъ идетъ рѣчь въ архіерейскихъ палатахъ...

Тамъ идетъ усиленная разработка мѣропріятій, долженствующихъ провести въ жизнь пожеланія съѣзда миссіонеровъ въ Кіевѣ. Стоитъ провести лишь перечень вопросовъ, поднимаемыхъ на синодскихъ совѣщаніяхъ, чтобы получить достаточно яркую картину. За отмѣной автономіи духовныхъ академій и «чисткой» богословской науки отъ разныхъ «крамолъ» Синодъ занялся очищеніемъ атмосферы и въ современной русской литературѣ. Вырабатывается, какъ мы знаемъ, особый проектъ правилъ для наблюденія за произведеніями литературы, который Синодъ намѣревается представить въ Совѣтъ Министровъ Въ комиссію, вырабатывающую проектъ, попали самые реакціонные представители нашего епископата. Къ сожалѣнію, въ печать еще не проникло свѣдѣній о тезисахъ этого проекта, пытающагося въ жизни «конституціоннаго» государства воспроизвести мертвящіе устои дореформенной Россіи

Очевидно, Синодъ вмѣшивается въ область, не подлежащую его вѣдомству. Неужели и въ данномъ случаѣ эти тенденціи не встрѣтятъ оппозиціи со стороны руководителей правительственной политики и думскаго большинства? Вѣдь тогда гораздо лучше попросту

расписаться въ полной солидарности съ вожделѣніями реакціи, чѣмъ безъ пользы прикрываться фиговымъ листкомъ!

Конечно, Синодъ, столь широко трактующій свою компетенцію, въ области, непосредственно затрогивающей вѣроисповѣдные вопросы, занялъ непримиримое положеніе соотвѣтственно духу кіевскихъ резолюцій. Мы узнаемъ, что Синодъ согласился съ докладной запиской миссіонера Айвазова, предлагающей запретить заграничнымъ проповѣдникамъ всякія религіозныя публичныя лекціи. Здѣсь особенно любопытенъ мотивъ: законъ о вѣротерпимости, по мнѣнію Синода, распространяется только на русскихъ подданныхъ.

Нельзя отказать въ своеобразности и оригинальности подобныхъ толкованій. Но если Синодъ въ данномъ случаѣ проявилъ нѣкоторую оригинальность и новаторство, то по отношенію къ постановкѣ отечественной миссіи онъ пошелъ по шаблонному пути. Политика «льготъ» и денежныхъ вспомоществованій, какъ и на кіевскомъ съѣздѣ, заняла первенствующее мѣсто. Чрезвычайно характерна та откровенность, съ которой дѣятели внутренней и внѣшней миссіи при Синодѣ указываютъ, что миссія при настоящихъ условіяхъ можетъ разсчитывать на успѣхъ только среди евреевъ, которые «подвержены всякимъ ограниченіямъ въ правахъ». Эти ограниченія и могутъ оказать помощь миссіи, если привлеченіе на лоно господствующей церкви обставить извѣстными льготами. Въ виду такихъ соображеній Синодъ постановилъ ходатайствовать «объ улучшеніи условій прохожденія евреями, перешедшими въ православную вѣру, гражданской и военной службы»; вмѣстѣ съ тѣмъ Синодъ постановилъ «выдавать бѣднымъ евреямъ, переходящимъ въ православіе, денежное вспомоществованіе».

Вотъ какимъ путемъ въ XX столѣтіи Синодъ надѣется пріобрѣтать адептовъ господствующей церкви! Такъ было въ Россіи двѣсти лѣтъ назадъ. И, какъ показываютъ факты, такая политика не приводила къ реальнымъ разультатамъ. Приходилось обращаться и къ болѣе сильно дѣйствующимъ средствамъ, дабы задержать новыхъ купленныхъ адептовъ въ вѣроисповѣданіи, къ которому они были присоединены. Этими болѣе сильно дѣйствующими средствами всегда явля-

лась полицейская рука. Послѣдніе годы, видимо, ничему не научили.

Все время мы ждали, какъ отвѣтитъ Синодъ на резолюціи кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. И отвѣтъ нынѣ получили. Нѣтъ сомнѣній теперь въ томъ, какое направленіе приметъ отнынѣ синодская дѣятельность. Это — политика старыхъ традицій. Программа кіевскаго съѣзда,—программа, проникнутая нетерпимостью и враждою къ свободѣ совѣсти, принята. Реакція торжествуетъ окончательно: «необходимо немедленно провести въ жизнь постановленія кіевскаго миссіонерскаго съѣзда»—заявилъ на одномъ изъ послѣднихъ синодскихъ «частныхъ совѣщаній» новый оберъ-прокуроръ Синода Лукьяновъ.

Итакъ, карты раскрыты окончательно. Въ періодѣ реакціонныхъ вакханалій приходится держаться девиза: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче пробужденіе; тѣмъ скорѣе вновь поднимется волна общественнаго протеста и окончательно уже смоетъ наросты, образовавшіеся въ переходное время.

15 марта 1909 г.

Библиотека СОН

Оглавленіе.

Стр.

Отъ автора . . . . . .

Свободная церковь въ свободномъ государствѣ (вмѣсто введенія). 7

Правительственный законопроектъ о свободѣ совѣсти (въ періодъ второй Гос. Думы) 12

Правительственная декларація о свободѣ совѣсти (прочитанная въ третьей Думѣ) 15

Западная Европа и министерскіе законопроекты о свободѣ совѣсти 19

Кругъ противорѣчій 23

Отношеніе государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ по министерскимъ законопроектамъ 27

Охрана религіозной свободы 31

Старыя теоріи на новый ладъ 36

Не отомстиши дважды за едино 43

Вѣроисповѣдные вопросы въ Думѣ 47

Защита старыхъ позицій 53

На полдорогѣ 59

Старообрядческій вопросъ въ третьей Думѣ 62

Изъ недавняго прошлаго 82

По ложному пути (по поводу законопроекта о старообрядческихъ общинахъ) 86

Религіозныя общества 90

Черезъ три года (17 апрѣля 1908 г.) 95

Законопроектъ о свободѣ совѣсти въ оцѣнкѣ Синода 98

Стр.

Свобода совѣсти военнослужащихъ 103
Возрожденіе религіозныхъ преслѣдованій 107
О „предѣлѣ“ свободы совѣсти 113
Къ церковному собору 119
Двѣ записки (Витте и Побѣдоносцева) 129
Вмѣсто церковныхъ реформъ
I. Къ миссіонерскому съѣзду . 133
II. Историческая справка 135
III. Открытіе съѣзда 137
IV. Около съѣзда 141
V. Къ итогамъ съѣзда 144
„Религіозный фанатизмъ“ и миссія 150
Пенязи — орудіе миссіи 157
Изъ исторіи отечественнаго миссіонерства 161
Грозитъ ли опасность свободѣ совѣсти? 165
Церковь и политика 171
Знаменіе времени 179
Упраздненная автономія 184
Шлагбаумы мысли 191
Новая угроза свободѣ совѣсти 203
Свобода совѣсти (1 января 1909 г.) 207
Защита свободы совѣсти (нѣсколько итоговъ) 211

Имущественное положеніе церкви.

Бюджетъ Синода (по поводу смѣты 1907 г.) 227
Наши монастыри (къ вопросу о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ) 235
Гдѣ правда? 254
Податныя льготы церкви (по поводу обложенія земскимъ сборомъ церковныхъ недвижимыхъ имуществъ) 258

Стр.

Церковныя земли 263
Требы и жалованье духовенству 268
Государственный контроль и духовное вѣдомство (по поводу смѣты 1908 г.) 281
Отчетность въ духовномъ вѣдомствѣ 296
Нѣкоторыя черты синодской смѣты (по поводу смѣты 1909 г.) . 307
„Новая“ политика (вмѣсто заключенія) 316